

ISSN:1818-4049

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

№1 (94) 2021

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2021 г. № 1 (94)**

ISSN 1818-4049

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 08.00.05 Экономика и управление народным хозяйством; 08.00.10 Финансы, денежное обращение и кредит; 08.00.14 Мировая экономика; 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы; 22.00.05 Политическая социология; 22.00.08 Социология управления.

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2021 г. № 1 (94)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: О. Г. Поливаева

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор (Россия)

В. К. Заусаев, д.э.н., профессор (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор (Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр. (Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор (Россия)

Ан Е, д.э.н., профессор (Китай)

А. Кнорр, доктор, профессор (Германия)

З. Сутиура, профессор (Япония)

Ма Ю., доктор, главн. науч. сотр. (Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

The Journal is included in the list of Peer-reviewed scientific publications, approved by Higher Attestation Commission of the Russian Federation (VAK), in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of doctor of sciences, in scientific specialties should be published: 08.00.05 Economy and management of national economy; 08.00.10 Finance, cash circulation and credit; 08.00.14 World economy; 22.00.04 Social structure, social institutions and processes; 22.00.05 Political Sociology; 22.00.08 Sociology of management.

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

**scientific journal
2021, no. 1 (94)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: O. G. Polivaeva

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio@dviu.ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy,
professor (Russia)

V. K. Zausaev, Doctor of Economy,
professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, professor
(Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

E. S. Osipova Doctor of Economy, professor
(Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy
(Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief
scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology
(Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology,
professor (Russia)

An E, Doctor of Economy, professor
(China)

A. Knorr, Doctor, professor (Germany)

Z. Sugiura, professor (Japan)

Ma U., Doctor, Chief Researcher (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Социально-экономическое сотрудничество стран Азиатско-Тихоокеанского региона

Рензин О. М. Суслов Д. В.	Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией	8
Симоненко О. А.	Основные аспекты международного сотрудничества Малайзии в сфере науки и исследований	16
Лю Бо	Стратегия и анализ управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений Китая	26

Дальний Восток: новые стратегии и модели развития

Веприкова Е. Б. Кисленок А. А.	Оценка территориальной депрессивности в управлении региональным развитием (на примере регионов Дальнего Востока России)	33
Строева Г. Н.	Развитие сферы культуры в документах стратегического планирования регионов Дальневосточного федерального округа	45

Теория и практика экономики и управления

Соломко М. Н.	Бюджетная устойчивость и динамика экономического развития регионов	57
Сюпова М. С.	Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона	70
Мазанкова Т. В.	Оценка занятости в сфере услуг	80
Цветова Г. В. Полонникова Е. К.	Рынок медицинских услуг в региональном измерении	93

Социология

Салогуб А. М. Арсельгова М. А.	Внешняя социальная ответственность: ключевые тренды, инструменты управления и партнерства	101
Маркина Ю. М. Пестова Я. Н.	Профессиональное PR-сообщество на Дальнем Востоке: идентификация и самоорганизация	108

Зерчанинова Т. Е. Мудрецова Н. П. Никитина А. С.	Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении	119
Байков Н. М. Березутский Ю. В. Юревич Е. Ю.	Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация	128
Клеймёнов Е. А.	Полиция в общественном мнении молодежи	139
Халикова С. С.	Формирование положительного образа предпринимателя в Российской Федерации	148
Буланова М. А.	Оценка уровня бедности в России: зависимость от методологии измерения	157
Хридина Н. А.	Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в социологическом измерении	170

Обсуждаем проблему: этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности

Винокурова Д. М. Томаска А. Г.	Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи	177
Авдашкин А. А.	Внутренние и международные миграции: мнение южноуральцев	188
Клюева В. П. Фарахутдинов Ш. Ф.	Миграционные установки населения Тюменской области	198
Тюхтенева С. П.	Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г.	209

Представляю к защите

Панкратьева С. Г.	Оценка экономической эффективности возобновляемых источников энергии Хабаровского края	219
Колокольцева А. В.	Современные подходы к оценке эффективности добычи полезных ископаемых	228

CONTENTS

Social and economic cooperation of the countries of the Pacific Rim

- Renzin O. M.
Suslov D. V. Economic growth strategies modernization in PRC and the Russian Federation and prospects for enhancing partnership between PRC and RF 8
- Simonenko O. A. Main aspects of the Malaysia's international cooperation in the field of science and research 16
- Liu Bo Strategy and analysis of personnel management in the libraries of higher education institutions of China 26

The Far East: new strategies and development models

- Veprikova E. B.
Kislenok A. A. Implementation of the state policy in the Far East 33
- Stroeveva G. N. Development of the cultural sphere in strategic planning documents for the regions of the Far-Eastern federal district 45

Theory and practice of economics and management

- Solomko M. N. Budget sustainability and dynamic of the regional economic development 57
- Syupova M. S. Differentiation of socio-economic development of municipal entities as a threat to the economic security 70
- Mazankova T. V. Service employment assessment 80
- Tsvetova G. V.
Polonnikova E. K. The market of medical services in the regional dimension 93

Sociology

- Salogub A. M.
Arselgova M. A. External social responsibility: key trends, governance and partnership tools 101
- Markina Y. M.
Pestova Y. N. Professional PR-community in the Russian Far East: identification and self-organization 108

Zerchaninova T. E. Mudretsova N.P. Nikitina A. S.	Public organizations as factors of the youth civic participation in the local self-government	119
Baykov N. M. Berezutskiy Yu. V. Yurevich E. Yu.	Social activity of urban district residents: Political and civil self-organization	128
Kleymyonov E. A.	Police in the public opinion of youth	139
Khalikova S. S.	Formation of positive image of an entrepreneur in the Russian Federation	148
Bulanova M. A.	Poverty assessment in Russia: dependence on the measurement methodology	157
Khridina N. A.	Traditional way of life of small indigenous peoples in sociological dimension	170

We discuss a problem: ethnocultural diversity of the Russian society and strengthening of the all-Russian identity

Vinokurova D. M. Tomaska A. G.	Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): the attitude of student youth	177
Avdashkin A. A.	Internal and international migrations: opinion of the South Urals)	188
Klyueva V. P. Farakhutdinov Sh. F.	Migration moods of population of the Tyumen region	198
Tyukhteneva S. P.	Labor migration from the Altai Republic on the eve of the 2021st population census	209

Post-Graduate Research

Pankratyeva S. G.	Assessment of the economic efficiency of renewable energy sources in the Khabarovsk territory	219
Kolokoltseva A. V.	Modern approaches to evaluating the efficiency of mining	228

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-8-15
УДК 338.2(510)

О. М. Рензин
Д. В. Суслов

Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией

В статье рассматриваются основные направления сдвигов в программах развития национальных экономик Китая и России, произошедшие в период глобального кризиса 2020–2021 гг. Оцениваются новые институциональные тенденции, определяющие направленность развития на среднесрочную перспективу, их влияние на потенциальные возможности для активизации перспективного взаимодействия стран. На основе анализа новой архитектуры макроэкономических институтов определяются сегменты для усиления стратегического партнерства России и Китая, а также возможные трудности и риски рассогласования в процессе реализации перспективных программ совместного развития, сопровождающие процессы внутренних институциональных реформ.

Ключевые слова: экономика КНР, планы КНР на 14-ю пятилетку, национальные цели РФ до 2030 года, институциональные сдвиги, перспективы сотрудничества КНР и РФ на среднесрочную перспективу.

Введение. Произошедшие в XX столетии процессы глобализации мировой экономики показали, что одним из важных элементов ее развития является определение перспективных трендов функционирования крупнейших участников международных рынков. В последние десятилетия в этот круг, безусловно, включают Китай, который наряду с исторически доминирующими игроками, такими как США, Япония и ЕС, определяет не только перспективы, но и потенциальные риски мирового экономического развития. При этом необходимо учитывать, что эта страна в течение длительного времени не только наращивает свой вес в мировой экономике, но

и осуществляет целенаправленные институциональные преобразования, связанные с поиском модели развития, которая даст ей возможность осуществлять эффективное решение не только стратегических задач, но и минимизировать возникающие в функционировании экономики риски.

Сложившаяся в КНР общественная система, которая в настоящее время определяется как «социализм с китайской спецификой новой эпохи», в 2020 г. прошла (также как и вся мировая экономика) жесточайший стресс-тест на устойчивость к кризисным процессам, вызванным пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. В этот период практически во всех

Олег Маркович Рензин – канд. экон. наук, советник научного руководителя, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail:* renzin@ecrin.ru

Денис Владимирович Суслов – канд. экон. наук, ст. научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Россия, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153). *E-mail:* suslov@ecrin.ru

национальных экономиках, а также в системе сложившихся региональных и глобальных рынков возникли чрезвычайные сложности в организации функционирования хозяйственных агентов, обеспечении антикризисной поддержки социально-экономических процессов, преодолении негативных последствий значительного снижения характеристик развития [Dear-dorff, Kim, Chung, 2020, pp. 305–312].

Китайская экономика не только первой испытала на себе разрушительные действия пандемии, но и первой нашла способы мобилизации ресурсов, которые обеспечили не только преодоление кризисных потерь, но и выход через короткое время на непрогнозируемый многими специалистами положительный результат развития. Ею было достигнуто увеличение показателей развития национальной экономики в условиях спада для мировой хозяйственной системы в целом. Анализу формирования и реализации антикризисной политики в КНР посвящено уже значительное количество работ.¹ Однако, для более точной оценки успешности форс-мажорных реакций экономической системы КНР, по нашему мнению, следует учесть предшествующие этапы становления её институциональной архитектуры, заложившие основу устойчивости к флуктуациям.

Модернизация стратегии экономического роста в КНР. За последние три десятилетия Китай пережил множество структурных изменений в процессе экономического развития, которые позволили стране добиться беспрецедентно высоких темпов экономического роста и стать в настоящее время второй по величине экономикой в мире.

Хорошо известно, что именно улучшение институциональных механизмов сыграло важную роль в процессе экономического роста в Китае [Kim, 2021, pp. 73–97]. До 80-х гг. прошлого века в Китае использовалась централизованная плановая экономика. Экономические ресурсы в основном распределялись центральным правительством, а не рыночными механизмами. В 1980-х гг. Китай начал проводить радикальные изменения в основных

институтах и запустил серию программ экономических реформ для обеспечения и поддержания хозяйственного роста.

Одна из важнейших частей экономической реформы заключалась в таком изменении институциональных механизмов, чтобы они больше походили на механизмы рыночной экономики. Для экономики КНР определение институциональных перспектив развития было связано с использованием потенциала системы «двухколейности» как эффективного гибрида социалистической и капиталистической форм хозяйствования. Сформированная еще в 1990-е гг. в рамках выбора пути общественного развития, она за последующие десятилетия стала показательным примером последовательной реализации эффективного институционального решения.

Сторонники этой модели, учитывая долговременность осуществления изменений в экономическом поведении хозяйствующих субъектов, а также ограниченность возможностей в формировании новых рыночно-ориентированных структур, выдвинули ряд идей, в которых разрабатывались варианты «неразрушительной» трансформации плановой экономики. В этом случае процессы выбытия «морально устаревших» элементов хозяйственной системы и становление новообразований должны были происходить не стихийно, а под постоянным оперативным контролем государственных органов. Последние, согласно этому алгоритму, имели возможность осуществлять координацию действий всех участвующих в процессе хозяйствующих субъектов. Целевая функция состояла в максимизации совместной эффективности всех институциональных секторов общественного производства.

Для реализации такого подхода к проблеме было необходимо обеспечить создание на этот период специализированной системы управления, корректирующей динамику и направленность изменений, происходящих в народном хозяйстве. При этом было очевидно, что нестабильное состояние каждого из секторов экономики – деградирующего и развивающегося – вызовет необходимость гибкой адаптации механизма

¹ См. напр., *Обзор международной практики поддержки экономики и населения в условиях борьбы с пандемией коронавируса в Армении, Великобритании, Германии, Дании, Испании, Италии, Казахстане, Китае, Нидерландах, США, Финляндии, Франции, Швеции, Южной Корее, Японии.* НИУ ВШЭ. 2020. С. 57–59

регулирующие к характеру происходящих процессов (не только разнокачественных, но и разнонаправленных). Вполне естественно, что такая задача организации управления может быть интерпретирована как формирование двух регулирующих систем, каждая из которых имеет свою область компетенции. Одна - контроль над процессом вырождения (в Китае, скорее, перерождения) планово-организованных экономических структур и обеспечение минимальных потерь для общества в его ходе, другая - регулирование роста и развития эффективных агентов рынка, формирующих позитивные тенденции в хозяйственной системе.

Такая идеология стала основой для большого числа теоретических моделей, разрабатываемых в разных странах. Их авторы доказывали, что проблемы перехода от плана к рынку не могут быть рационально решены при полном уничтожении системы планирования, поскольку при этом неизбежно появление «регуляторного вакуума». В качестве альтернативы радикальным действиям, исследователями предлагалась схема «мягкого перехода», которая, по формулировке американского экономиста П. Мюрелла, выглядела следующим образом: «Лучшим средством разрешения этого противоречия (между планом и рынком – О.Р.) является создание параллельных экономических структур на период перехода к смешанной экономике» [Мюрелл, 1991. С. 67].

Содержательная часть этой концепции состоит в том, что в переходном периоде хозяйственная система дробится на две самостоятельно функционирующие части. Одна из них – государственный сектор – должна по-прежнему управляться традиционными плановыми методами в течение всего периода перехода к новым регуляторам, другая – частный сектор – сразу начинает действовать свободно, без директивного вмешательства, и именно в ней будет происходить эффективный процесс рыночной самоорганизации хозяйствующих субъектов. При этом устойчивое функционирование каждой из частей сможет быть обеспечено индивидуальной системой управления, что, в конечном итоге, позволит избежать общего кризиса экономической системы.

В китайской реформе одним из основополагающих принципов стало обеспечение перехода к рынку, при котором «развитие новой системы идет параллельно с

функционированием старой», которая не разрушается принудительно, а «в целом фиксируется на начальном этапе реформ и постепенно сокращается в дальнейшем» [Фань Ган, 1995. С. 67].

«Двухсегментная» модель предполагала минимизацию трансформационных издержек, но при этом требовала сохранения на неопределенный срок плановой системы. В целом стратегия совместного развития экономики с ориентацией как на плановую социалистическую организацию, так и на рыночную потребовала создания и одновременного использования нескольких типов регуляторов. Это, несомненно, одна из наиболее сложных моделей организации экономической системы.

По прошествии нескольких десятилетий можно доказательно утверждать, что эта схема оказалась наиболее эффективной для введения рыночных механизмов в плановую систему организации построения новой экономической модели социализма с китайской спецификой.

Задуманная как один из вариантов достаточно простого «мягкого рыночного преобразования» китайская модель затем трансформировалась и усложнялась, не разрушая той идеологической оболочки, которая служила, с одной стороны, защитным механизмом от экстремальных по рискам преобразований, а с другой стороны, надежной платформой для обоснования отступлений от рациональных рыночных решений.

При этом современное развитие одной из самых успешных в истории моделей реформирования экономики представляется как выстраивание все более сложной конфигурации из элементов социалистического и капиталистического путей развития, государственного и частного секторов хозяйственной системы, решения внешнеэкономических и внутриэкономических задач. На новом этапе ее использование рассматривается как важное условие дальнейших успехов страны. Именно так официально было определено место этой системы в развитии экономики Китая. В докладе лидера КНР Си Цзиньпина на 19 съезде КПК позиция руководства страны на новом этапе реформирования системы хозяйствования формулировалась следующим образом: «Нужно сохранять и совершенствовать основную экономическую систему и распределительную систему нашего социализма, без всяких колебаний

укреплять и развивать общественный сектор экономики, без малейших колебаний поощрять, поддерживать и ориентировать развитие необщественного сектора, чтобы таким образом выявлять решающую роль рынка в распределении ресурсов и полнее раскрыть роль правительства» [Си Цзиньпин, 2017].

Таким образом, «двухколейность» позиционируется как построенная и эффективно действующая экономическая система, сформированная на основе согласованного развития общественного сектора в производстве и рыночных механизмов в распределении. Она является базовой для реализации долгосрочной «трехшаговой» стратегической цели. Задачами первых двух шагов были сначала обеспечение населения одеждой и питанием, затем – подъем уровня жизни до среднего достатка. Следующий шаг – построение среднезажиточного общества. Для этого был разработан двухэтапный план, рассчитанный на период с 2020 года до середины нынешнего века.

Первый этап – с 2020 г. по 2035 г. На основе полного построения общества среднего достатка за 15 лет предстоит в основном осуществить социалистическую модернизацию, поднять экономические и научно-технические характеристики страны до уровня государств-лидеров инновационного типа. В соответствии с планами заметно должна вырасти доля населения со средним уровнем доходов, резко сократится разрыв в уровне развития города, села и регионов, будет обеспечен равный доступ к основным общественным услугам.

Второй этап намечен к реализации с 2035 г. до середины нынешнего века. После осуществления в основном модернизации страны, пройдя еще один пятнадцатилетний этап, Китай превратится в богатую и могущественную социалистическую державу. Планируется, что по совокупной национальной мощи и международному влиянию страна войдет в число государств-лидеров, в ней в основном будет достигнута всеобщая зажиточность.

Следует особо отметить, что такая институциональная модель оказалась эффективной не только при решении долгосрочных стратегических задач. Она позволила сохранить устойчивость экономики в форс-мажорных обстоятельствах и сформировать защитные механизмы в условиях пандемии. Правительство КНР,

отчитываясь о результатах развития страны в 2020 г., справедливо отметило: «Китаю удалось достичь огромных стратегических успехов в предотвращении и сдерживании эпидемии, стать единственной в мире ведущей экономикой с положительной динамикой экономического роста, одержать полную победу в интенсивной борьбе с бедностью, достигнуть решающих успехов в полном построении среднезажиточного общества, получить результаты, которые были одобрены народом, приковали внимание всего мира и достойны войти в историю» [Ли Кэцян, 2021].

Достигнутые результаты использования гибридной институциональной модели позволили рекомендовать ее применение на дальнейших этапах решения в КНР задач экономического развития. В уже цитированном отчетном докладе правительства о деятельности в 2020 г. была подчеркнута важность сохранения «двухколейного» институционального механизма, стимулирования совместного развития разных секторов экономики. «Все субъекты рынка являются создателями модернизированного Китая, поэтому необходимо относиться к ним одинаково». Руководителем правительства указывалось на необходимость, с одной стороны, «непоколебимо поощрять, поддерживать и направлять развитие необщественного сектора, совершенствовать рыночную систему и механизмы распределения факторов производства, наращивать усилия для стимулирования соответствующих реформ, чтобы содействовать формированию более активных субъектов рынка с еще большим инновационным потенциалом». Одновременно, «необходимо сохранять и совершенствовать основную экономическую систему социализма. Без малейших колебаний укреплять и развивать общественный сектор экономики» [Ли Кэцян, 2021].

Очевидно, что именно эта модель будет базовой при реализации сформулированных на перспективу планов 14-й пятилетки. В социалистическом Китае пятилетние планы – важный механизм, который провёл страну через экономические взлеты и падения, а также изменения во внешней среде. В рамках реализации выбранной модели, многие экономисты считают, что перспективы китайской экономики остаются позитивными, несмотря на прессинг и факторы неопределенности, обуслов-

ленные нисходящей тенденцией экономического роста. Признавая изменение динамики развития, эксперты полагают, что Китай заложил прочную основу для достижения своей экономической цели. По сложившемуся мнению, стабилизация экономики является «необратимой» тенденцией, и страна способна поддерживать средневысокие темпы роста экономики в течение длительного времени.

В марте 2021 г. правительством Китая был представлен проект плана экономического и социального развития, который определил основные параметры хозяйственной системы страны на следующие пять лет и одновременно разъяснил долгосрочные цели до 2035 г.

Основной линией в этой части преобразований считается проведение структурной реформы в сфере предложения. В контексте экономического развития предлагается стимулировать ряд мероприятий, нацеленных на повышение качества, рост эффективности и трансформацию движущих сил, повышение общей факторной производительности. Признается необходимым сосредоточение усилий на ускоренном создании новой производственной системы, обеспечивающей скоординированное развитие реального сектора экономики, научно-технических инноваций, современного финансового сектора и людских ресурсов.

Период 14-й пятилетки – это этап развития, на котором Китай начнет реализацию нового похода к строительству модернизированного социалистического государства, использование новой идеологии развития при сохранении освоенного институционального инструментария.

Важнейшей задачей объявлено формирование мощного внутреннего рынка, создание новой архитектоники развития. В качестве рабочей макроэкономической модели рассматривается идея о «двойной циркуляции экономики – внутренней и внешней». При этом в качестве приоритета на перспективу определено создание внутренней циркуляции национальной экономики, формирование мощного внутреннего рынка. Сформулированы задачи по созданию эффективного режима расширения внутреннего спроса, стимулиро-

вания потребления.

Одновременно признается необходимость согласованно стимулировать внешнеторговые процессы. Именно это позволит сформировать мощную притягивающую силу, чтобы привлечь глобальные ресурсы для содействия эффективному развитию двойной циркуляции экономики – внутренней и международной.

Перспективы активизации межгосударственного партнерства с Россией. Идеология «двойной циркуляции» представляет интерес не только как инструментарий решения проблем национальной экономики, но и как содержательно новый интеграционный инструмент.

Проблема институциональной организации Китая как стратегического экономического партнера является чрезвычайно важной для всех стран. Но с учетом складывающейся вокруг России санкционной процедуры, в которую вовлечены многие развитые экономики мира, потенциальные возможности и эффективность «внешней циркуляции» является важным элементом реализации экономических целей Российской Федерацией.

На наш взгляд, понимание серьезности этой проблематики на перспективное развитие страны в России существует. Поскольку в современных условиях роль и значение двухсторонних взаимосвязей России с Китаем быстро растет, а с остальным миром ослабевает, необходим поиск наиболее рациональных решений в этой области.

Для этого периода подготовлено большое количество работ, отражающих разные сценарии развития событий в двухстороннем сотрудничестве России и Китая. В частности, этим проблемам посвящен ряд исследований, проведенных под эгидой Всемирного банка.² Данные работы представляют несомненный интерес с точки зрения прогнозирования совместного будущего развития России и наиболее динамичных и масштабных экономик Востока. В частности, в работе 2017 г. авторы рассмотрели несколько сценариев российско-китайского взаимодействия, которые могут реализоваться в период до 2030 г.

Один из них предполагает замедление темпов роста в Китае. Основание для та-

² Ianchovichina Elena; Ivanic Maros; Martin Will (2009) *Implications of the Growth of China and India for the Other Asian Giant: Russia* The World Bank Policy Research Working Paper 5075; Sanghi, Apurva; Burns, Andrew; Djiofack, Calvin; Prihardini, Dinar; Dissanayake, Jagath; Hollweg, Claire. (2017). *A Rebalancing China and Resurging India : How Will the Pendulum Swing for Russia?* Alex Publishers. World Bank

кого предположения имеются. Если в период 1990–2010 гг. они составляли 10,5% ежегодно, то затем тренд изменился.

Согласно данным Статистической службы КНР, с 2010 г. в стране происходит постепенное замедление темпов роста национальной экономики. Так, в 2010 г. этот показатель составлял 10,4%, в 2011 г. – 9,2%. Начиная с 2012 г. темпы упали ниже 8%, составив 7,8%. В дальнейшем темпы роста экономики Китая продолжали замедляться – до 7,7% в 2013 г., до 7,3% – в 2014 г.

В 2015 г. был пройден следующий рубеж снижения – семипроцентный. В 2015 г. этот показатель составил 6,9%. В 2016 г. он упал еще ниже до 6,7%. На период реализации 14-го пятилетнего плана КНР динамика годового роста ориентируется на показатель в 6%.

Согласно прогнозу специалистов Всемирного банка, процесс снижения темпов будет продолжаться и в перспективе: в 2030 г. (при сохранении структуры ВВП Китая) этот показатель составит не более 4,6%.

Поскольку Китай является важным источником мирового спроса на нефть и минеральное сырьё, в этом случае произойдет падение экспортных цен на природные ресурсы – основную статью экспорта России. В наиболее «жестком» прогнозе снижение темпов развития Китая приведёт к сокращению объёмов российского экспорта в эту страну на 17%.

При этом последствия для российской экономики будут ощущаться во всех секторах. Масштабы негативных изменений оцениваются в пределах от 8% для сектора услуг до 24% для сырьевых отраслей (главным образом продукции горнодобывающей промышленности). Это вызовет цепную реакцию в условиях развития. Сокращение поступлений в бюджет, связанное с падением выручки от экспорта природных ресурсов, потребует увеличения прямых налогов, что, в свою очередь, станет причиной «резкого падения благосостояния и сбережений домохозяйств».

В более оптимистичном варианте низкий спрос на российский экспорт со стороны Китая приведёт к курсовому удешевлению рубля, что повысит интерес к рос-

сийским товарам со стороны других стран. Это позволит ограничить масштаб сокращения совокупных показателей российского экспорта на уровне 2,5% к 2030 г., а также обеспечит больше стимулов к росту в ненефтяных торгуемых секторах. Таким образом, если нефтегазовый сектор России испытает на себе негативные последствия замедления темпов роста экономики Китая, то положение ненефтяного торгуемого сектора улучшится. В результате экспорт продукции обрабатывающей промышленности, полученной с применением высококвалифицированного труда, вырастет почти на 8%.

Благоприятные сдвиги для России («умеренно положительные» по терминологии авторов доклада) могут быть связаны с реализацией другого прогнозируемого сценария – перебалансировкой спроса, которая будет связана с увеличением в ВВП на 10 процентных пунктов доли потребления домохозяйств и одновременным сокращением доли инвестиций. В этом случае российский экспорт в Китай вырастет к 2030 г. вследствие того, что в Китае вырастет спрос на нефть и сельскохозяйственную продукцию.

Авторы доклада считают, что нынешние объёмы российского экспорта в Китай находятся на уровне ниже естественного потенциала. Оценки, полученные ими с помощью гравитационной модели, т. е. с учетом размеров стран-партнеров, уровня доходов, географического расстояния и других характеристик, стимулирующих взаимодействие, показали, что в России существует нереализованный потенциал увеличения экспорта товаров для Китая примерно на 24%.³

Однако реальное получение положительных эффектов для российской экономики авторы исследования связывают с повышением производительности труда, структурными реформами и увеличением инфраструктурной обеспеченности.

В современных условиях такие изменения можно связывать с реализацией программы по достижению национальных целей, сформулированных в РФ на среднесрочную перспективу. Приоритетами во внешнеэкономической сфере является развитие производства несырьевых торгу-

³ Sanghi, Apurva; Burns, Andrew; Djiofack, Calvin; Prihardini, Dinar; Dissanayake, Jagath; Hollweg, Claire. (2017). *A Rebalancing China and Resurging India : How Will the Pendulum Swing for Russia?* Alex Publishers. World Bank, p.6

емых товаров (т. е. продукции обрабатывающих отраслей), а также активизация торговли услугами, особенно требующими высокой квалификации (в сферах транспорта, связи, финансов, образования и здравоохранения).

На основе анализа новой архитектуры макроэкономических институтов, совпадения позиций, включенных в национальные программы среднесрочного развития, возможно определить сегменты, в которых появляются дополнительные возможности для усиления стратегического партнерства России и Китая.

Так, при рассмотрении плана развития КНР на 14-ю пятилетку и аналогичного по срокам реализации проекта достижения национальных целей РФ можно выделить следующие позиции.

В качестве одного из наиболее перспективных следует рассматривать инновационный блок. Он является важным звеном в функционировании внешнего контура циркуляции перспективной китайской модели экономики, а также рассматривается в качестве одного из значимых элементов целевого развития экономики РФ.

В 14-м пятилетнем плане выделяется задача «поддерживать создание международных или региональных научно-технических инновационных центров в районах, имеющих для этого условия, укреплять стимулирующую роль государственных образцово-показательных зон самостоятельных инноваций». В условиях расширения санкционных ограничений по отношению к России и Китаю на мировых технологических рынках такие проекты могут стать важным инструментом наращивания в странах инновационного потенциала.

Другой очевидной сферой активизации межгосударственного сотрудничества в экономике является организация совместных инфраструктурных проектов. В Китае одним из важных элементов создания системы экономики открытого типа является реализация проектов в рамках инициативы «Один пояс и один путь». Одновременно для РФ предстоящий период развития связан с реализацией проектов в естественных транспортных коридорах между Азией и Европой. В российских

планах – расширение провозной способности крупнейших в мире железнодорожных магистралей – Байкало-Амурской и Транссибирской, активизация использования Северного морского пути.

Широкие перспективы сотрудничества рассматриваются в области создания «зеленой экономики». В плане развития на 14-пятилетку особо оговаривается реализация экологической концепции «изумрудные воды и зеленые горы – это бесценное сокровище», системное упорядочение защиты окружающей среды, в т. ч. за счет международного сотрудничества. Такая позиция по отношению к совместным проектам с Китаем отражена и в разработках российских специалистов.⁴

Заключение. Разумеется, оценки взаимосвязанного развития стран, включая российско-китайские взаимосвязи, значительно сложнее, чем поиски функции отклика на происходящие изменения в национальных экономиках партнеров. Они включают не только варианты рационализации непосредственных контактов, но и ряд производных, косвенных трансформаций, в т. ч. через отношения с третьими странами. Однако, предусматривая согласование совместных действий в экономической, структурной, внешнеторговой политике, можно надеяться на получение позитивных результатов в перспективе за счет адаптивных действий и решений.

Список литературы:

1. Ли Кэцян. Доклад о работе правительства в 2020 г. на 3-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 13-го созыва/http://www.xinhuanet.com/2021-03/05/c_139773847.htm
2. Мюрелл П. Эволюционные реформы в экономике восточноевропейских стран // МЭиМО. 1991. № 6.
3. Си Цзиньпин. Доклад на 19-м съезде КПК. Полный текст // ИА Синьхуа 3 ноября 2017 URL: http://russian.news.cn/china/c_136726299.htm?from=singlemessage&isappinstalled=0
4. Фань Ган. Реформы по нарастающей и «двухколейный» переход: осмысление опыта Китая // Проблемы Дальнего Востока, 1995. № 3.

⁴ Поворот к природе: новая экологическая политика России в условиях «зеленой» трансформации мировой экономики и политики. М.: Международные отношения, 2021. С. 71–72.

5. Alan Deardorff, Soyoung Kim, Chul Chung. The Global Economy after COVID-19: Challenges and Policy // Resolutions East Asian Economic Review. Vol. 24. No. 4, 2020. Pp. 305–312.

6. Seewon Kim. Evolution of China's Economy and Monetary Policy: An Empirical Evaluation Using a TVP-VAR Model // East Asian Economic Review. Vol. 25. No. 1. 2021. Pp. 73–97.

Библиографическое описание статьи

Рензин О. М., Суслов Д. В. Модернизация стратегии экономического роста в Китайской Народной Республике и перспективы активизации межгосударственного партнерства с Российской Федерацией // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-8-15

Oleg M. Renzin – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, the economic research Institute of FEB RAS (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: renzin@ecrin.ru*

Denis V. Suslov – senior research associate, the Economic Research Institute of FED of RAS (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). *E-mail: suslov@ecrin.ru*

Economic growth strategies modernization in PRC and the Russian Federation and prospects for enhancing partnership between PRC and RF

The article examines the main directions of shifts in the development programs of the national economies of China and Russia that occurred during the global crisis of 2020-2021. The authors evaluate the new institutional trends that determine the direction of development in the medium term, their impact on the potential for enhancing promising interaction between the countries. Based on the analysis of the new architecture of macroeconomic institutions, the segments for strengthening the strategic partnership between Russia and China are identified, as well as possible difficulties and risks of mismatch in the process of implementing the promising joint development programs that accompany the processes of internal institutional reforms.

Keywords: PRC economy; the Chinese 14th five-year plan; national development goals of the Russian Federation until 2030; institutional shifts; cooperation prospects between PRC and the Russian Federation in the medium term.

References:

1. Li Keqiang. Report on the work of the government in 2020 at the 3rd session of the 13th National People's Congress / http://www.xinhuanet.com/2021-03/05/c_139773847.htm

2. Murell P. Evolutionary reforms in the economy of Eastern European countries *World economy and international relations* [MEiMO], 1991, no. 6. (In Russian).

3. Xi Jinping. Report at the 19th Congress of the CPC *Agentstvo Sin'khua* [Xinhua News Agency] November 3, 2017 URL: http://russian.news.cn/china/c_136726299.htm?from=singlemessage&isappinstalled=0

4. Fan Gang. Cumulative reforms and

“two-track” transition: understanding the experience of China *Problemy Dal'nego Vostoka* Problems of the Far East, 1995, no. 3. (In Russian).

5. Alan Deardorff, Soyoung Kim, Chul Chung. The Global Economy after COVID-19: Challenges and Policy *Rezolyutsii Vostochnoaziatskiy ekonomicheskii obzor*. [Resolutions East Asian Economic Review], vol. 24, no. 4, 2020, pp. 305–312.

6. Seewon Kim. Evolution of China's Economy and Monetary Policy: An Empirical Evaluation Using a TVP-VAR Model *Vostochnoaziatskiy ekonomicheskii obzor* [East Asian Economic Review], vol. 25, no. 1, 2021, pp. 73–97.

Reference to the article

Renzin O. M., Suslov D. V. Economic growth strategies modernization in PRC and the Russian Federation and prospects for enhancing partnership between PRC and RF // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 8–15. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-8-15

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-16-25
УДК 001.83(100)(595)

О. А. Симоненко

Основные аспекты международного сотрудничества Малайзии в сфере науки и исследований

Политические и экономические акторы Малайзии осознают необходимость повышения роли страны в международных научных сетях. На создание политических условий для роста доли научных достижений и высокотехнологичных производств направлены национальные стратегии и программы. Основную ответственность за разработку и координацию политики в области научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) в Малайзии несет Министерство науки, технологий и инноваций. Государство стимулирует национальный и иностранный бизнес к инвестированию в НИОКР. Участие корпораций в передовых областях НИОКР в Малайзии все еще носит ограниченный характер, поэтому для развития данного направления требуются активные меры. Правительством Малайзии разработана система поддержки международной кооперации в сфере НИОКР, подписано около 200 двусторонних соглашений высокого уровня, в которых предполагается развитие научно-исследовательского взаимодействия. В последние десятилетия из получателя международной научно-технической поддержки Малайзия перешла в группу стран-партнеров, а в ряде аспектов – и доноров. Учитывая ориентир Малайзии на трансформацию в страну с высоким уровнем дохода, можно ожидать увеличение ее роли в разработке биотехнологий, информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), промышленных и космических технологий. По этим позициям Россия и Малайзия имеют пересекающиеся интересы и могли бы нарастить сотрудничество. Необходимо использовать этот потенциал и укрепить позиции России в НИОКР Малайзии и Юго-Восточной Азии в целом.

Ключевые слова: государственное управление, стратегические планы развития НИОКР, двусторонние соглашения, сотрудничество Малайзии с Россией.

Введение. Международное сотрудничество в научной сфере стало объективной реальностью. Ему способствует рост научных сетей, пересекающих границы, от цифрового обмена данными, информацией и знаниями до совместного создания лабораторий и исследовательской инфраструктуры [Мизинцева, 2017]. Можно выделить две фундаментальные группы причин интенсификации этого процесса. Во-первых, это группа факторов, способствующих формированию внутри отдельного государства представления о логической взаимосвязи усиления международного научного сотрудничества для повышения качества науки в стране. Вто-

рая группа факторов определяет внешние аспекты международного научного сотрудничества. Этого требуют глобальные проблемы, вызовы и возможности в науке, обществе и экономике. Сложность многих из этих условий предполагает междисциплинарный международный научный подход. Иначе говоря, международное научное сотрудничество улучшает не только качество самих исследований, но и качество их использования и результатов.

Оба обстоятельства исключительно важны для стран, относительно недавно вступивших на путь ускоренного социально-экономического развития [Wu, 2020]. К ним относится Малайзия,

Ольга Анатольевна Симоненко – канд. полит. наук, доцент; доцент кафедры социологии, политологии и регионоведения, Тихоокеанский государственный университет (680035, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). E-mail: 001873@pnu.edu.ru

входящая по основным экономическим показателям в число новых индустриальных стран [Красильщиков, 2020]. В настоящее время Малайзия из страны-получателя международной научно-технической помощи постепенно превращается в государство-донора, используя свой опыт в качестве инструмента внешней политики [Barros Leal Farias, 2020].

Структура малайзийского государственного управления и поддержки развития международного сотрудничества в сфере науки. Основную ответственность за разработку и координацию политики в области науки и технологий в Малайзии несет Министерство науки, технологий и инноваций (Ministry of Science, Technology and Innovation, MOSTI). Оно курирует более 20 департаментов и агентств, которые играют важную роль в определении научного ландшафта Малайзии, особенно в пяти ключевых областях: биотехнологии, ИКТ, промышленные технологии, море / космос и основные услуги в области науки и техники¹.

MOSTI разрабатывает программу продвижения Малайзии к статусу более конкурентоспособной и компетентной страны, построенной на прочном фундаменте науки, технологий и инноваций. Политика формулируется на основе достижений страны, проблем и извлеченных уроков. В ней намечены новые направления внедрения науки и технологии в создание продвинутой нации для социально-экономических преобразований и всестороннего роста².

Управление инвестиционного развития Малайзии (Malaysian Investment Development Authority, MIDA) является основным государственным агентством по развитию обрабатывающей промышленности и сектора услуг в Малайзии. Создание MIDA в 1967 г. было признано Всемирным банком «необходимым импульсом для целенаправленных, позитивных и скоординированных действий по продвижению промышленного разви-

тия Малайзии». MIDA содействует иностранным инвесторам в осуществлении инновационной деятельности на территории Малайзии, в его штаб-квартире в Куала-Лумпуре размещены высокопоставленные представители ключевых правительственных агентств, которые консультируют инвесторов по вопросам политики и процедур правительства. В число этих представителей входят должностные лица Министерства труда, Департамента иммиграции, Королевской таможни Малайзии, Департамента окружающей среды³.

Малайзийское инновационное агентство (Agensi Inovasi Malaysia, AIM) – это установленный законом орган, созданный в 2011 г. для стимулирования и развития инновационной экосистемы в Малайзии, воспитания нового поколения предпринимателей-новаторов. Агентство призвано способствовать сотрудничеству между правительством, наукой и промышленностью в продвижении, консолидации и реализации новых идей в области инноваций⁴.

Ряд отраслевых министерств и государственных ведомств, подотчетных им, играют определенную роль в развитии международного сотрудничества в сфере науки и технологий. К ним относятся Министерство образования, Малайзийский институт сельскохозяйственных исследований и разработок (MARDI) и Малайзийский совет по пальмовому маслу (MPOB), которые подчиняются Министерству сельского хозяйства и Министерству плантационной промышленности соответственно. Кроме того, передача технологий находится в ведении Министерства международной торговли и промышленности, а налоговые и финансовые стимулы для НИОКР находятся в ведении Министерства финансов⁵.

Не являются структурами правительства, но играют заметную роль в развитии международного научно-исследовательского сотрудничества Академия наук Малайзии (Academy of Sciences

¹ SEA-EU-Net. Partners in Science. Malaysia. URL: <http://sea-eu.archiv.zsi.at/facts/sea/malaysia.html>

² Official Portal Ministry of Science, Technology and Innovation of Malaysia – MOSTI. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/en/>

³ Malaysian Investment Development Authority. URL: <https://www.mida.gov.my/home/about-mida/posts/>

⁴ Agensi Inovasi Malaysia. URL: <https://innovation.my/>

⁵ SEA-EU-Net. Partners in Science. Malaysia. URL: <http://sea-eu.archiv.zsi.at/facts/sea/malaysia.html>

Malaysia, ASM) и Малазийская промышленная группа высоких технологий (Malaysia-Industry High Technology Group, MIGHT). В функции ASM входит консультирование правительства по вопросам, связанным с наукой, национальным и международного значения; поощрение культуры передового опыта в наукоемких областях в Малайзии; расширение международных сетей и сотрудничества⁶. MIGHT, в свою очередь, ориентирована на создание и продвижении партнерских отношений в области технологий посредством платформы для достижения консенсуса между частным и государственным секторами и предоставления стратегических рекомендаций и альянсов для формирования исследований в области высоких технологий, наращивания потенциала посредством политических вмешательств, а также программ и стратегий для страны. MIGHT уделяет особое внимание инициативам по анализу рынка с использованием практики и методологии прогнозирования для определения технологий и деловых возможностей; управляется Советом директоров, возглавляемым совместным председательством видных деятелей частного сектора и советником премьер-министра по науке⁷.

Программные документы, нацеленные на развитие Малайзии в сфере науки и исследований. Руководство Малайзии уделяет заметное внимание разработке стратегических планов и национальных программ развития [Костюнина, 2017]. Фундаментом для них является программа «Национальная трансформация 2050» (TN50), сформированная в 2015 г. путём сбора и обработки более 60000 уникальных предложений учёных, предпринимателей и государственных служащих⁸. До 2020 г. были

рассчитаны программы Национальной политики в области науки, технологий и инноваций 2013–2020 (National Policy on Science, Technology and Innovation, NPSTI)⁹ и Национальной политики в области биотехнологии 2005–2020 (National Biotechnology Policy, NBP)¹⁰, ориентированной на развитие биотехнологий в здравоохранении, сельском хозяйстве и промышленности. Продолжает свое действие Политика коммерциализации интеллектуальной собственности проектов НИОКР, финансируемых Правительством Малайзии (Intellectual Property Commercialisation Policy for Research & Development (R&D) Projects Funded by the Government of Malaysia)¹¹, утвержденная в 2009 г., а также Национальная космическая политика (National Space Policy), утвержденная в 2017 г. и рассчитанная на период до 2030 г. Космическая политика призвана стимулировать развитие национального космического сектора¹² в кооперации с другими государствами.

Состояние развития международного сотрудничества Малайзии в сфере НИОКР. Большинство крупных научно-исследовательских проектов реализуются либо госкомпаниями, либо государственно-частными партнерствами. При этом роль государства – определяющая, иначе подобные проекты малопривлекательны для бизнеса. Несмотря на то, что с 2005 г. участие делового сектора в НИОКР существенно выросло, его доля все еще остается достаточно низкой по сравнению с другими азиатскими экономиками. Например, с 2006 по 2011 гг. корейскими компаниями были зарегистрированы в США в общей сложности 25423 патента в сфере информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) по сравнению с незначитель-

⁶ Academy of Sciences Malaysia. URL: <https://www.akademisains.gov.my/about-asm/>

⁷ Malaysia-Industry High Technology Group. URL: <https://www.might.org.my/overview/>

⁸ National Transformation 2050 (TN50) – MITI. URL: https://www.miti.gov.my/miti/resources/Malaysia_2050_-_Smart_Communities.pdf

⁹ National Policy on Science, Technology and Innovation – MOSTI. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2019/04/1.-NPSTI-2013-2020-English-1.pdf>

¹⁰ National Biotechnology Policy. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2020/01/2.-National-Biotechnology-Policy-NBP-english-only.pdf>

¹¹ Intellectual Property Commercialisation Policy for Research & Development (R&D) Projects Funded by the Government of Malaysia. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2019/04/3.-Intellectual-Property-Commercialisation-Policy-for-RD-English.pdf>

¹² National Space Policy. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2019/04/2.-Dasar-Angkasa-Negara-2030-malay-interactive.pdf>

ным результатом в 273 патента, которые были зарегистрированы малайзийскими компаниями. Участие корпораций в передовых областях НИОКР в Малайзии все еще носит ограниченный характер, поэтому для развития данного направления потребуются активные меры. Исследования и разработки, проводимые как национальными, так и зарубежными компаниями, во многом ограничены целью расширения товарного ассортимента и решением текущих проблем¹³.

Правительством Малайзии разработана система поддержки международной кооперации в сфере НИОКР:

А. Для привлечения иностранных инвестиций действует гибкая система предоставления льгот для инвесторов. В рамках этой системы инвесторам предоставляется особый статус, который позволяет компаниям пользоваться налоговыми льготами, специальными условиями на закупки оборудования и материалов, получать поддержку в вопросах коммерциализации технологий, разработанных на территории Малайзии, гарантирует права на интеллектуальную собственность. Также статус гарантирует бесплатное подключение к инфраструктуре, и в особых случаях инвестору разрешается обладать 100% пакетом акций компаний;

Б. Компаниям, обладающим статусом резидента ОЭЗ «Мультимедийный Суперкоридор» (MSC), предоставляются следующие льготы и преимущества: беспошлинный ввоз мультимедийного оборудования; гарантии охраны интеллектуальной собственности; отсутствие интернет-ценза; предоставление передовой ИКТ-инфраструктуры; бесплатная консультативная поддержка со стороны Государственной Корпорации по Развитию ИКТ Малайзии (MDC); наличие развитой городской инфраструктуры, доступ к передовому научно-исследовательскому комплексу; преференции на ввозные пошлины, акцизы и налоги с продаж на оборудование и материалы;

В. Малайзия поощряет инвестиции в

информационные технологии, туризм, экспортоориентированные, капиталоемкие и высокотехнологичные отрасли промышленности. В частности, в целях стимулирования экспортной активности широко применяется практика предоставления компаниям финансовых и налоговых льгот, таких как статус пионера, освобождение от налогов на сумму инвестиций, кредитование экспорта, предоставление грантов на научно-исследовательские разработки и обучение персонала, освобождение от уплаты импортных пошлин на определенные виды сырья и оборудования¹⁴.

Согласно отчету Всемирного банка о показателях развития, экспорт высоких технологий (% от экспорта промышленных товаров) в Малайзии составил 52,77% в 2018 г.¹⁵ В структуре импорта доля электроники и электрооборудования – 27%, машинного оборудования, ядерных реакторов, бойлеров – 10%, транспортных средств кроме ж/д и трамваев – 3,2%, оптической, технической, фото-, медицинской аппаратуры – 2,8%, самолетов, космических кораблей – 1,5%¹⁶.

Национальные программы, нацеленные на поддержку зарубежных ученых и предпринимателей в развитии НИОКР. Поддержка предполагает предоставление грантов, визовых услуг и помощи в решении многих текущих вопросов.

Фонд международного сотрудничества (International Collaboration Fund, ICF) – это грант, предоставляемый Правительством Малайзии для международных совместных научно-исследовательских проектов ученых из Малайзии и других стран. Цель фонда – предоставить платформу для инвестиций в расширение и усиление исследовательского потенциала и расширение сотрудничества в области НИОКР для конкурентоспособных проектов НИОКР, которые являются инновационными, дают высокую отдачу и могут впоследствии способствовать развитию знаний и технологий, ведущих к коммерциализации. Максимальный объем финансирования

¹³ UNESCO science report: towards 2030; 2015. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/usr15_malaysia_ru.pdf [24]

¹⁴ Malaysian Investment Development Authority. URL: <https://www.mida.gov.my/home/>

¹⁵ Malaysia – High-technology Exports (% Of Manufactured Exports). URL: <https://tradingeconomics.com/malaysia/high-technology-exports-percent-of-manufactured-exports-wb-data.html>

¹⁶ Malaysia Imports by Category – Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/malaysia/imports-by-category>

составляет 500 000 ринггитов. Максимальный срок проекта – 24 мес.¹⁷

Малайзийская программа для предпринимателей в сфере технологий (Malaysia Tech Entrepreneur Programme, МТЕР) предназначена для основателей технологий, которые хотят осваивать рынок АСЕАН из Малайзии посредством пребывания в стране от одного года до пяти лет. Комплексные визовые программы Малайзии для технических предпринимателей, основателей или технических специалистов позволяют не только начать здесь свой стартап, но и найти нужные таланты¹⁸.

Сервисный центр eXpats – это подразделение Малайзийской корпорации цифровой экономики (MDEC), в котором оказывается постоянная поддержка прибывающим работникам, а также их нанимателям. Здесь обеспечивается получение всех необходимых пропусков для работы иностранных работников умственного труда и пребывания их семей в Малайзии¹⁹.

Чтобы подойти к решению проблем малайзийской инновационной экосистемы, группа международных корпораций создала свою собственную Платформу для совместных исследований в области машиностроения, науки и технологий (СИМНТ). Она была основана в 2012 г. и представляет собой трехстороннее партнерство с участием промышленности, университетов и правительства, направленное на удовлетворение исследовательских потребностей в таких промышленных отраслях как электроника и электротехника. В этой работе задействовано около 5 000 научных сотрудников и инженеров. Создание такой платформы было инициировано десятью ведущими компаниями-производителями электроники и электротехники: «Advanced Micro Devices», «Agilent Technologies», «Altera», «Avago Technologies», «Clarion», «Intel», «Motorola Solutions», «National Instruments», «OSRAM» и «Silterra». Эти компании приносят около 25 млрд ринггитов (около 6,9 млрд долл. США) годового дохо-

да и расходуют около 1,4 млрд ринггитов на НИОКР. С 2005 г. эти международные компании в значительной степени пользуются грантами правительства. Уполномоченный орган по строительству «Северного коридора», компания «Khazanah Nasional», Малайзийский университет и Научный университет Малайзии тесно сотрудничают в СИМНТ. Кроме НИОКР, внимание сконцентрировано на практике выявления талантливых сотрудников, а конечная цель – помочь промышленности в добавлении стоимости к производимым изделиям²⁰.

Нормативные правовые документы, определяющие развитие партнерства Малайзии с зарубежными странами в сфере НИОКР. Международные соглашения о сотрудничестве в области научных исследований и разработок могут быть двусторонними или многосторонними, в масштабах всего правительства или на уровне отдельных технических агентств (например, Ядерное агентство Малайзии или Национальные институты здравоохранения/Центры клинических исследований). Эти зонтичные соглашения имеют обязательную юридическую силу и заключаются от имени правительства Малайзии с целью создания структуры для развития международного научного сотрудничества. Они включают защиту интеллектуальной собственности, установление совместного использования выгод, типы совместной деятельности и способы поощрения доступа к объектам и персоналу, а также разъяснения по соответствующим вопросам управления.

Двусторонние соглашения определяются как межправительственные соглашения с целью содействия обмену товарами и услугами, и им отдается предпочтение, когда есть конкретные требования или потребности, которые могут быть выполнены путем переговоров между двумя странами.

Двусторонние соглашения Малайзии делятся на три категории:

1) меморандум о взаимопонимании (ориентирован на помощь Малайзии в укрепле-

¹⁷ International Collaboration Fund (ICF). URL: <https://edana.mosti.gov.my/edana/frontend/web/guide-lines/internationalfund042020.pdf>

¹⁸ Malaysia Tech Entrepreneur Programme. URL: <https://mdec.my/digital-economy-initiatives/for-the-industry/entrepreneurs/mtep/>

¹⁹ MSC Malaysia eXpats Centre. URL: <https://expats.com.my/about/>

²⁰ UNESCO science report: towards 2030; 2015. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/usr15_malaysia_ru.pdf

нии потенциала в области НИОКР);

2) договор об экономическом, научном, культурном и техническом сотрудничестве;

3) соглашения о сотрудничестве.

Характер двусторонних соглашений, связанных с НИОКР, подписанных Малайзией, изменился за 50-летний период. После 2006 г. в числе меморандумов о взаимопонимании по оказанию помощи наблюдалась стабилизация, вероятно, потому, что Малайзия из страны с низким уровнем дохода превратилась в страну со средним уровнем дохода. Количество соглашений о сотрудничестве резко возросло в 2001 г., ознаменовав период более тесного двустороннего сотрудничества между странами, находящимися почти на равных, что примечательно, поскольку Малайзия сильно пострадала от азиатского финансового кризиса 1997 г. К концу 2017 г. Малайзия подписала в общей сложности 964 двусторонних соглашения, 187 из которых связаны с развитием науки, технологии и инноваций (они подписаны с 83 странами).

Международный научный альянс сложен и многогранен, требуя от всех заинтересованных сторон совместной работы по таким вопросам как управление, национальная внешняя политика, торговля и международные отношения и многие другие. Его можно использовать для продвижения интересов Малайзии путем повышения роли страны на международной арене, увеличения воздействия на глобальные экономические процессы и обеспечения участия в глобальных усилиях в области НИОКР. Малайзия активно практикует научную дипломатию для дальнейшего развития потенциала и возможностей своей науки посредством сотрудничества с более развитыми странами.

Участие в деятельности международных научных организаций. Малайзия является активным участником Всемирной метеорологической организации (World Meteorological Organization, WMO), ориентируясь на применение науки и технологий в оперативной метеорологии и гидрологии в авиации, транспорте (воздушном, наземном и морском), управлении водными ресурсами, сельском хо-

зяйстве и других областях²¹.

Академия наук Малайзии представляет страну в Международном научном совете (International Science Council, ISC), созданном в 2018 г. в результате слияния Международного совета по науке (ICSU) и Международного совета социальных наук (ISSC). Это позволяет поддерживать связи с влиятельными научными сетями во всем мире (ISC объединяет 40 международных научных союзов и ассоциаций и более 140 национальных и региональных научных организаций, включая академии и исследовательские комитеты)²².

Помимо примеров, приведенных выше, необходимо отметить членство Малайзии в организациях по развитию научного сотрудничества в рамках АСЕАН, АТЭС, ООН и ЮНЕСКО.

Сотрудничество Малайзии и России в сфере науки и исследований.

Специальных программных документов, нацеленных на развитие международного сотрудничества Малайзии и России в сфере НИОКР, принято не было. Однако, в 2003 г. Правительство РФ и Правительство Малайзии подписали соглашение о сотрудничестве в области информационных и коммуникационных технологий. Анализ существующих стратегий Малайзии (Национальная политика в области науки, технологий и инноваций 2013–2020, Национальная космическая политика на период до 2030 г.) и России (государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», утверждена постановлением Правительства РФ от 29 марта 2019 г. № 377) позволяет предположить, что в качестве возможных направлений сотрудничества с российской стороны могут быть предложены:

решения по формированию инфраструктуры ИКТ, в том числе расширение сетей широкополосного доступа, развёртывание сетей 4G LTE и 5G;

ИТ-приложения и решения в сфере электронной торговли;

решения в сфере хранения и обработки больших данных, облачные вычисления;

решения, направленные на развитие электронного правительства, информационной безопасности и защиты данных.

²¹ World Meteorological Organization. URL: https://contacts.wmo.int/all_members/details_all_members/?id=8cafc9ce-816a-e811-a95b-000d3a38c0b3

²² International Science Council. URL: <https://council.science/about-us/>

Таблица 1

**Двусторонние соглашения по НИОКР, подписанные Малайзией
(по континентам и сферам)**

Континент	Африка	Азия	Европа	Северная Америка	Океания	Южная Америка
Число соглашений и меморандумов о взаимопонимании	27	112	26	7	3	12
Область соглашения						
Экономическое, научное, культурное и техническое сотрудничество	22	47	11	1	2	7
Связь	3	15	4	0	0	1
Плантации и плантационные товары	2	5	2	1	1	1
Аэрокосмическая промышленность	0	2	1	0	0	0
Образование и обучение	0	18	1	0	0	0
Энергетическая безопасность и окружающая среда	0	7	3	3	0	0
Изменение климата	0	2	1	0	0	0
Продовольственная безопасность	0	4	0	0	0	1
Промышленность	0	1	1	0	0	0
Законодательство	0	1	1	2	0	1
Медицина и здравоохранение	0	3	0	0	0	1
Транспорт и урбанизация	0	4	1	0	0	0
Водная безопасность	0	3	0	0	0	0

Источник: Akademi Sains Malaysia. Science Outlook Report 2017. URL: <https://www.akademisains.gov.my/studies/flagship/science-outlook/>

Потенциально малайзийские компании могут быть заинтересованы в реализации совместных проектов, направленных на развитие технологий «умного города», электронного здравоохранения и отдельных решений в области сельского хозяйства и Индустрии 4.0, а также в вопросах освоения космоса²³.

В ноябре 2020 г. подписано соглашение о создании Российско-Малайзийского центра высоких технологий между Ассоциацией экспорта технологического суверенитета, АО «Троник»

и малайзийской компанией Itramas Sdn. Bhd. «на полях» Форума «Сильные идеи для нового времени» при организационной поддержке и присутствии Торгового представительства России в Малайзии. Предполагается создание постоянной рекламно-выставочной площадки по продвижению российских высокотехнологичных товаров и совместных разработок на рынки Малайзии и стран Юго-Восточной Азии (ЮВА); места притяжения для различных научных и образовательных проектов²⁴.

²³ National Policy on Science, Technology and Innovation – MOSTY. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2019/04/1.-NPSTI-2013-2020-English-1.pdf>; Dasar Angkasa Negara 2030. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2019/04/2.-Dasar-Angkasa-Negara-2030-malay-interactive.pdf>; Государственная программа «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». URL: <http://government.ru/docs/36310/>; Аналитический обзор по развитию информационно-коммуникационных технологий в Малайзии. URL: <http://rosinfocominvest.ru/upload/iblock/8fa/8fa60c1b8874aa4431b639f3709afc97.pdf>

²⁴ Соглашение о создании Российско-Малайзийского центра высоких технологий. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!podpisano_soglashenie_o_sozdanii_rossiysko_malayziyskogo_centra_vysokih_tehnologiy

В ходе первого заседания Совместной Российско-Малайзийской комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству (МПК) 2 октября 2019 г. в Москве сопредседатель МПК с российской стороны Министр промышленности и торговли России Д. В. Мантуров назвал показатели официальной статистики взаимодействия наших стран «символическими». Однако им отмечен позитивный вектор на расширение сотрудничества в высокотехнологичных отраслях. В первую очередь, речь идет о продукции гражданского авиастроения (среднемагистральный пассажирский самолет МС-21, самолет-амфибия БЕ-200, вертолетная техника) [Никитенко, 2018]. Высоко оценивается интерес Малайзии к комплексному сотрудничеству в аэрокосмической отрасли, готовится создание в Малайзии центра подготовки пилотов и инженеров (корпорация «Ростех», Московский авиационный институт), идет речь о поставках в Малайзию современного аэронавигационного оборудования, средств управления воздушным и морским движением, цифровых решений в области информационной и физической безопасности объектов транспортной инфраструктуры. Д. В. Мантуров высказал уверенность в том, что российские инновационные решения в области кибербезопасности, интернета вещей, технологий «умного города» будут востребованы в Малайзии²⁵.

В июле 2020 г. Торговое представительство России в Малайзии провело демонстрацию российских решений в сфере «умного» сельского хозяйства в Мини-

стерстве сельского хозяйства Малайзии, в которой особое внимание было уделено перспективам наращивания двустороннего взаимодействия в сфере использования беспилотной техники для мониторинга состояния сельхозугодий, технологиям 3D моделирования и анализа больших данных в сельском хозяйстве²⁶.

Заслуживает внимания проект «Плазмохимических технологий» («ПХТ», входят в группу OCSiAl – крупнейшего производителя графена)²⁷, чьи производственные мощности находятся в Новосибирске. Региональное представительство OCSiAl работает, в частности, в Малайзии, для которой данное направление сотрудничества представляется приоритетным (в Малайзии есть Национальный план действий по графену 2020²⁸).

В последние годы успешно реализуются проекты в сфере биотехнологической (создание на территории Малайзии совместного предприятия для производства вакцины против лихорадки Денге), аэрокосмической («Главкосмос» – дочернее предприятие госкорпорации «Роскосмос и MEASAT Satellite Systems Sdn. Bhd)²⁹ и кибербезопасности (ГК InfoWatch, «Лаборатория Касперского»)³⁰ [Золотухин, 2014].

Проблемы и предложения по развитию сотрудничества в сфере НИОКР Малайзии с Россией. Основные проблемы двустороннего сотрудничества наших стран можно увидеть в длительном характере согласований, затрудняющем активность в рамках двусторонних комиссий; кроме того, несмотря на успехи Малайзии в улучшении защиты

²⁵ Выступление Д. В. Мантурова на первом заседании Совместной Российско-Малайзийской комиссии по экономическому, научно-техническому и культурному сотрудничеству. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Qvux2qOQWO8>

²⁶ Пресс-релиз Минпромторга РФ о сближении позиций России и Малайзии в сфере высоких технологий в сельском хозяйстве. URL: https://news.rambler.ru/other/44525303/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

²⁷ Пресс-релиз Минпромторга РФ о запуске крупнейшего в мире производства графеновых нанотрубок. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!v_novosibirsk_zapushheno_krupneyshee_v_mire_proizvodstvo_grafenovyh_nanotrubok

²⁸ National Graphene Action Plan. URL: <https://www.mosti.gov.my/web/wp-content/uploads/2019/04/6.-National-Graphene-Action-Plan-2020-Book-English.pdf>

²⁹ Информационная справка Делового совета по сотрудничеству с Малайзией. URL: <https://www.rmcouncil.com/malaysia/relations/>

³⁰ Аналитический обзор по развитию информационно-коммуникационных технологий в Малайзии. URL: <http://rosinfocominvest.ru/upload/iblock/8fa/8fa60c1b8874aa4431b639f3709afc97.pdf>

прав интеллектуальной собственности, остаются ключевые вопросы относительно широкой доступности пиратской и контрафактной продукции в Малайзии, высокого уровня пиратства в интернете [Желтоножка, 2020; Ключанская, 2011; Кочеткова, 2020].

Предложения могут касаться активизации деятельности Делового совета по сотрудничеству с Малайзией в направлении поиска российских предприятий и предпринимателей, занимающихся разработкой и производством высокотехнологичной продукции, усиления их информационной поддержки в отношении контактов с малайзийской стороной; привлечение к взаимодействию малых и средних предприятий, начинающих предпринимателей; разработка и подписание двусторонних соглашений в различных направлениях НИОКР (в дополнение к имеющемуся соглашению по ИКТ-отрасли).

Заключение. Несмотря на изменения, происходящие в политическом руководстве Малайзии вследствие выборов и ротации, курс на повышение роли науки и исследований в экономическом развитии страны остается неизменным. Государственные структуры разрабатывают стратегические планы и следят за практической реализацией, осознавая необходимость усиления взаимодействия с частными инвестиционными партнерами, а также со структурами иных государств, вовлеченными в НИОКР.

При широкой плоскости пересекающихся интересов для России взаимодействие с Малайзией имеет наилучшие перспективы в сферах биотехнологий, ИКТ, промышленных и космических технологий. Однако пока наша страна не может претендовать не только на лидерство в данном пространстве, но даже и на заметную долю в ряду международных партнерств Малайзии в НИОКР. Сотрудничество с Малайзией, планомерно и результативно наращивающей свой научно-технический потенциал, могло бы укрепить позиции России в НИОКР всей Юго-Восточной Азии.

Библиографическое описание статьи

Симоненко О. А. Основные аспекты международного сотрудничества Малайзии в сфере науки и исследований // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 1 (94). С. 16–25. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-16-25

Список литературы:

1. Желтоножка Т. А., Пчелкин В. А. Россия в Азиатско-Тихоокеанском экономическом сотрудничестве: перспективы формирования рынков высоких технологий // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 9. С. 42–65.
2. Золотухин И. Н. Россия и Юго-Восточная Азия: к партнерству в ядерной сфере // *Индекс безопасности*. 2014. Т. 20. № 3 (110). С. 49–62.
3. Ключанская С. А. Перспективы сотрудничества России и стран Юго-Восточной Азии в стратегических областях // *Индекс безопасности*. 2011. Т. 17. № 2 (97). С. 55–85.
4. Костюнина Г. М. Государственная поддержка инвестиционных проектов в странах АСЕАН // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2017. № 36. С. 24–34.
5. Кочеткова Е. В. Российско-малайзийские отношения: перспективы развития // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020. № 1 (46). С. 164–182.
6. Красильщиков В. А. Можно ли повторить опыт Восточной Азии? Внешние факторы восточноазиатского «чуда» // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2020. Т. 13. № 3. С. 7–26.
7. Мизинцева М. Ф., Королева А. М. Мировые тенденции в области генерации знаний // *Информация и инновации*. 2017. № 5. С. 119–125.
8. Никитенко А. А., Бельчук А. И., Медведев В. П. Участие стран Юго-Восточной Азии в международной торговле частями и узлами для авиатехники // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2018. №12. С. 76–84.
9. Barros Leal Farias D. Aid and Technical Cooperation as a Foreign Policy Tool for Emerging Donors. London: Routledge. 2020. 200 p.
10. Wu S. China: How Science Made a Superpower // *Nature*. 2019. Vol. 574. Issue 7776. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-019-02937-2>

Olga A. Simonenko – Candidate of Political Science, Associate Professor, the chair of sociology, political science and regional studies, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russia). *E-mail: 001873@pnu.edu.ru*

Main aspects of the Malaysia's international cooperation in the field of science and research

Political and economic factors in Malaysia are aware of the need to increase the country's role in international scientific networks. National strategies and programs are working to create political conditions for the growth of the share of scientific achievements and high-tech industries. The Ministry of Science, Technology and Innovation has primary responsibility for the development and coordination of research and development (R&D) policies in Malaysia. The state encourages national and foreign businesses to invest in R&D, although the share of state-owned companies in large projects remains decisive. Corporate participation in advanced R&D areas in Malaysia is still limited, so proactive efforts will be required to develop this area. The Government of Malaysia has developed a system for supporting international cooperation in the field of R&D, signed about 200 high-level bilateral agreements, which envisage the development of research cooperation. In recent decades, Malaysia has moved from a recipient of international scientific and technical support to a group of partner countries, and in a number of aspects – donors. Given Malaysia's commitment to transforming into a high-income country, we can expect an increase in its role in the development of biotechnology, information and communication technologies (ICT), industrial and space technologies. On these positions, Russia and Malaysia have overlapping interests and could increase cooperation. Malaysia, which does not have a deep scientific and technical tradition, respects the experience of Russian scientists. It is necessary to use this potential and strengthen the Russia's position in R&D in Malaysia and the Southeast Asia as a whole.

Keywords: public administration, strategic plans for R&D development, bilateral agreements, cooperation between Malaysia and Russia.

References:

1. Zheltonozhko T. A., Pchelkin V. A. Russia in the Asia-Pacific Economic Cooperation: Prospects for the Formation of High-Tech Markets *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian foreign economic bulletin], 2020, no. 9, pp. 42–65. (In Russian).
2. Zolotukhin I. N. Russia and South-East Asia: Towards Partnership in the Nuclear Sphere *Indeks bezopasnosti* [Security Index], 2014, vol. 20, no. 3 (110), pp. 49–62. (In Russian).
3. Klyuchanskaya S. A. Prospects for Cooperation Between Russia and the Countries of South-East Asia in Strategic Areas *Indeks bezopasnosti* [Security Index], 2011, vol. 17, no. 2 (97), pp. 55–85. (In Russian).
4. Kostyunina G. M. State Support of Investment Projects in ASEAN Countries *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South-East Asia: Topical Development Problems], 2017, no. 36, pp. 24–34. (In Russian).
5. Kochetkova E. V. Russian-Malaysian Relations: Development Prospects *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya* [South-East Asia: Topical Development Problems], 2020, no. 1 (46), pp. 164–182. (In Russian).
6. Krasilshchikov V. A. Is It Possible to Repeat the Experience of East Asia? External Factors of the East Asian «Miracle» *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo* [Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2020, vol. 13, no. 3, pp. 7–26. (In Russian).
7. Mizintseva M. F., Koroleva L. M. World Trends in the Generation of Knowledge *Informaciya i innovacii* [Information and Innovations], 2017, no. 5, pp. 119–125. (In Russian).
8. Nikitenko A. A., Belchuk A. I., Medvedev V. P. Participation of South-East Asia Countries in International Trade in Parts and Assemblies for Aircraft Equipment *Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik* [Russian foreign economic bulletin], 2018, no. 12, pp. 76–84. (In Russian).
9. Barros Leal Farias D. Aid and Technical Cooperation as a Foreign Policy Tool for Emerging Donors. London: Routledge, 2020, 200 p. (In English).
10. Wu S. China: How Science Made a Superpower *Nature*, 2019, vol. 574, issue 7776. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-019-02937-2> (In English).

Reference to the article

Simonenko O. A. Main aspects of the Malaysia's international cooperation in the field of science and research // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 16–25. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-16-25

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-26-32
УДК 331.108.26(510)

Лю Бо

Стратегия и анализ управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений Китая

В высших учебных заведениях всего мира библиотеки являются важными институтами распространения знаний и стимулирования исследований. В связи с постоянным развитием и продвижением достижений современной науки и техники содержание и качество предоставляемых библиотеками услуг также должно постоянно оптимизироваться, чтобы лучше удовлетворять растущие потребности в развитии высшего образования и вузовской науки. Это выдвигает все более высокие требования к качеству подготовки библиотекарей. В статье анализируется текущая ситуация с управлением персоналом в библиотеках вузов Китайской Народной Республики, рассматривается стратегия оптимизации библиотечной деятельности, оценивается эффективность проводимой работы.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, высшее учебное заведение, библиотека, управление персоналом, стратегия совершенствования библиотечного дела.

Введение. По состоянию на декабрь 2020 года в Китае насчитывалась 1361 библиотека в высших учебных заведениях (далее – вуз). Библиотеки вузов занимаются обеспечением учебного и научного процессов: от предоставления информации до оказания широкого спектра образовательных услуг. Эта работа занимает важное место в образовательной и исследовательской деятельности стремящихся к знаниям и инновациям преподавателей и студентов. [У Ханьхуа, Чжан Фан, 2019. С. 43–50]

Общая численность работающих в вузовских библиотеках КНР сотрудников составляет около 42 тысяч человек. Безусловно, эти кадры являются основным фактором успешной деятельности библиотек высших учебных заведений. Только с командой высококвалифицированных и качественно подготовленных библиотекарей можно обеспечить эффективный общий уровень работы всей библиотеки и лучше помогать в преподавании, научных исследованиях и выполнении другой работы в вузах. Однако из-за ограничений, вызванных различными причинами, в библиотеках высших учеб-

ных заведений КНР существует критическая ситуация с текучестью кадров, которая создает серьезные препятствия для устойчивого развития библиотек вузов. [Цинь Дунфан, Лу Сяоси, 2019]

Улучшение системы управления человеческими ресурсами в библиотеках вузов, стимулирование творческого потенциала и активности библиотекарей для повышения общего уровня преподавательской и научно-исследовательской работы в высших учебных заведениях стало насущной проблемой в системе высшего образования КНР.

1. Важность управления человеческими ресурсами в библиотеках вузов. В библиотеках высших учебных заведений управление персоналом является ключевым фактором, способствующим повышению эффективности работы библиотек. Рабочие стандарты и соответствующие им правила в библиотеках формулируются и выполняются людьми. Демонстрация жизнеспособности библиотеки также достигается благодаря положительному направлению мотивированности персонала. Кроме того, с наступлением новой эпохи в развитии науки и техники быстрое раз-

Лю Бо – младший научный сотрудник, Институт России Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян (г. Харбин, КНР). Тел.: 0451-58670434

витие и популяризация информационных технологий создали, с одной стороны, серьезные вызовы и, с другой стороны, благоприятные возможности для функционирования и повышения компетенций вузов. Это привело к огромным изменениям спроса на библиотечные услуги: традиционные средства и методы работы необходимо оптимизировать, модернизировать и реформировать, а также необходимо постоянно обновлять и совершенствовать обучение работников библиотек. Реальная ситуация такова, что, если необходимо совершенствовать качество подготовки сотрудников библиотек вузов, то, соответственно, методы управления этим процессом также должны быть улучшены. Поэтому для обеспечения нормальной эффективной работы библиотек следует осуществлять управление человеческими ресурсами в них, что очень важно для устойчивого развития библиотек в будущем.

2. Современное состояние управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений КНР. В новую информационную эру библиотеки крупных китайских вузов достигли значительных достижений в развитии, существенно повысили уровень обслуживания как студентов, так и преподавателей, исследователей. Однако в управлении человеческими ресурсами библиотек вузов все еще присутствуют некоторые проблемы.

Отсутствие совершенного механизма управления. Эффективный механизм управления является базовым условием для управления библиотеками высших учебных заведений и обеспечения их кадровыми ресурсами, однако, с точки зрения традиционного механизма управления, в механизме управления персоналом большинства вузов в Китае все еще существуют некоторые недостатки.

Во-первых, отсутствие совершенного механизма поддержки способностей и талантов персонала. [Чжан Лин, Лю Ваньчжэнь, 2018. С. 57–59] В некоторых библиотеках вузов мало внимания уделяется созданию среды для развития человеческих ресурсов. Это приводит к неоптимальной структуре в распределении персонала в библиотеках вузов, а также к различным проблемам (например, невозможность в полной мере использовать

имеющиеся способности и таланты).

Во-вторых, несовершенный механизм оценки руководством сотрудников библиотеки. В некоторых высших учебных заведениях по-прежнему используется традиционная система распределения поровну, не существует адекватного механизма для стимулирования конкуренции или относительно совершенного механизма оценки и поощрения, что позволяет работникам библиотек быть инертными и пренебрегать энтузиазмом саморазвития и самосовершенствования, оказывая серьезное влияние на продвижение и развитие библиотеки.

В-третьих, сложился несовершенный механизм обучения персонала. Из-за отсутствия инновационного сознания в некоторых библиотеках вузов режимы работы консервативны. Это приводит к лишенной вкуса, однообразной и скучной атмосфере библиотечной работы, серьезно препятствуя постоянному прогрессу библиотекарей и желанию продолжать обучение. [Ван Вэньбин, Дуань Вэй, 2020. С. 132–133] Более того, в этой ситуации вузы не уделяют должного внимания повышению квалификации сотрудников библиотеки, что препятствует повышению общего качества персонала. Хотя в некоторых библиотеках вузов для библиотекарей проводятся мероприятия по повышению квалификации, но содержание данных мероприятий не является всеобъемлющим, в частности, не хватает подготовки по всем аспектам личной грамотности и профессиональных навыков.

В целом несовершенство механизма управления человеческими ресурсами в библиотеках высших учебных заведений приводит к неадекватной реакции персонала на новые требования, соответствующие современности.

Серьезные недостатки в культурной среде. Культурная среда является важным базовым условием для обеспечения в достаточном количестве человеческих ресурсов в библиотеках вузов, а также одним из важных элементов формирования интеллектуального потенциала в самих вузах. Однако некоторые высшие учебные заведения не придают значения созданию культурной среды или даже напрямую игнорируют развитие своих би-

блиотек. Они не разъясняют духовность и ценность библиотек. Поскольку культура библиотеки высшего учебного заведения в основном концентрирует дух и волю библиотекарей, она также является эффективным средством управления человеческими ресурсами.

Некоторым высшим учебным заведениям не хватает понимания функции культурной среды. Они просто считают, что хорошая работа инфраструктуры программного обеспечения может удовлетворить потребности библиотек. Поэтому вполне естественным является тот факт, что студенты не будут интегрированы с библиотеками, в связи с чем они не будут способствовать правильной направленности действиям библиотекарей.

Немногим известно, что культурная среда библиотек может полностью объединить общественность, максимизировать центристремительную силу библиотекарей, а также является одним из важных способов сохранения выдающихся талантов. [Фу Юнхуэй, 2018. С. 79–83] Культура – это своего рода воля, отражающая духовный уровень людей. Он играет решающую роль в поведенческих нормах и моральных принципах библиотекарей. Дальнейшее совершенствование культурной системы высших учебных заведений может эффективно культивировать эмоции библиотекарей по отношению к библиотекам вузов, в условиях ненавязчивого влияния формировать у них чувство причастности, помогая им со всей энергией полностью отдаваться своей работе. Таким образом, управление культурой также является одним из важных средств улучшения управления человеческими ресурсами в библиотеках. Мы должны придавать большое значение культуре библиотек вузов и должным образом укреплять её создание и инвестирование в культурную среду, чтобы способствовать более высокому развитию библиотечного дела в высших учебных заведениях.

3. Стратегия управления человеческими ресурсами библиотеки высшего учебного заведения

Оптимизация подбора кадров и инновации в структуре человеческих ресурсов. Создание научной и рациональной

структуры человеческих ресурсов является важным краеугольным камнем инновационного управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений. В управлении человеческими ресурсами управляющий персонал должен овладеть пониманием структуры человеческих ресурсов, что обусловлено сочетанием структур формы и интеллекта. Структура интеллекта в основном отражает интеллектуальный уровень работы библиотекарей. Следует обратить внимание на звание библиотекаря, профессиональные знания, качество и интеллект. Структура формы в основном относится к взаимосвязи между способностями персонала библиотеки и производственными инструментами. При формировании кадрового состава в библиотеках высших учебных заведений сотрудники по подбору персонала должны детально представлять структуру персонала библиотек и проводить углубленный анализ достоинств и недостатков персонала. В качестве главной основы они должны сформулировать научные и обоснованные планы и цели набора персонала. В процессе подбора персонала необходимо уделять пристальное внимание совокупным условиям кандидатов, таким как идеология, моральные качества, уровень знаний, профессиональные способности и т. д., и осуществлять выбор наиболее способного, талантливого персонала в соответствии с ранее разработанными планами и целями. Среди всего прочего общественная практическая деятельность может осуществляться эффективно только при сильной поддержке внешней среды. Поэтому создание среды отбора талантов играет очень важную роль в инновациях человеческих ресурсов в высших учебных заведениях. Таким образом, крупные высшие учебные заведения должны должным образом укреплять создание и инвестирование человеческих ресурсов в библиотеки, оптимизировать среду управления библиотеками, внедрять инновационные системы управления и предоставлять библиотекарям больше возможностей для развития и расширения пространства, чтобы привлекать больше качественных талантов для инвестирования в управ-

ление персоналом в библиотеках. [Тянь Цзядун, Ли Ли, 2019. С. 44–45]

Совершенствование системы оценки и внедрение механизма конкуренции. В условиях развития рыночной экономики активное внедрение механизма конкуренции является важным способом оптимизации и развития человеческих ресурсов, которые могут максимизировать возможности и неограниченный потенциал сотрудников. Основная цель стимулирования конкуренции библиотек вузов состоит в том, чтобы повысить осознание кризиса, дух новаторства у библиотекарей, побудить их работать интенсивнее, активно внедрять инновации и повышать свою квалификацию. Внедряя механизм конкуренции, вузы должны также улучшить систему оценки эффективности, чтобы продвигать и гарантировать осуществимость механизма конкуренции. Оценка эффективности в основном включает два аспекта: аттестация и измерение, которые должны проводиться в соответствии с принципами открытости, справедливости и беспристрастности. В случае совершенствования системы оценки производительности необходимо исходить из реальной ситуации с человеческими ресурсами в библиотеке и принять ее за основу. Только эффективно сочетая формулировку содержания и целей управления в библиотеке и связывая их с личным развитием управленческого персонала, можно проводить анализ качеств аттестуемых (мораль, способности, трудолюбие и эффективность). Под моралью аттестуемого в большей степени подразумевается идеология и моральные качества, под способностями – комплексные способности, под трудолюбием – отношение к работе, под эффективностью – реальный результат. В этих четырех пунктах аттестации пропорция каждого пункта различна (согласно общепринятому соотношению 2:3:1:4). Для управления человеческими ресурсами библиотек недостаточно мотивировать библиотекарей только с помощью системы служебной аттестации, следует также разработать соответствующую систему поощрений и наказаний для обеспечения реализации управления. Следовательно, высшие учебные заведения должны провести всесторонний анализ деятельности

библиотекарей, ввести четкие нормативы определения положительных и отрицательных критериев оценки, а также сформулировать соответствующие поощрения и наказания для стандартизации управления библиотекой. [Го Шуцзин, У Ханьхуа, 2020. С. 58–66]

Усиление обучения и определение стратегии планирования и развития. Управление библиотекой в высших учебных заведениях нуждается в сильной поддержке со стороны персонала, поэтому необходимо осуществлять научное и обоснованное планирование карьеры для своих сотрудников, а также предоставлять независимую платформу для библиотечных работников, чтобы они могли проявить себя и развиваться, чтобы продвигать сотрудников библиотеки активно и постоянно принимать участие в работе библиотеки. Во-первых, вузы должны планировать работу библиотек, четко формулировать должностную иерархию, а также обязанности и оклады для соответствующих должностей, четко определять стандарты продвижения по службе, чтобы каждый сотрудник мог иметь возможности для карьерного роста. Во-вторых, необходимо придавать большое значение развитию человеческих ресурсов в библиотеках, формированию хорошей руководящей идеологии, укреплению обменов и коммуникации между соответствующими сотрудниками, оказанию им помощи в формулировании эффективных целей развития карьеры и реализации планов развития, а также в содействии устойчивому развитию всей библиотеки, которое обусловлено индивидуальным развитием. Поскольку личные интересы и профессиональное развитие тесно связаны для достижения цели необходимо опираться на отдельных людей. В то же время поддержка внешней среды одинаково важна для развития каждого отдельного человека. Поэтому высшие учебные заведения должны усилить подготовку сотрудников библиотеки для содействия их профессиональному развитию. В соответствии с реальными потребностями вуза и личного развития могут быть сформулированы эффективные программы обучения, в которые целесообразно включать

обучение теоретическим знаниям и профессиональной этике, управлению эксплуатацией информационных технологий, навыкам обслуживания и др., или могут быть разработаны планы обучения для определенного аспекта деятельности. Приглашение известных специалистов для руководства, своевременное исправление и обновление системы знаний сотрудников библиотеки, структуры концепции и т. д. также могут эффективно содействовать сотрудникам библиотеки в применении знаний на практике. Чтобы лучше содействовать развитию всех аспектов деятельности сотрудников, соответствующие руководители также могут использовать систему ротации, что позволит каждому сотруднику полностью понять и ознакомиться с процессом и сферами функционирования библиотеки, получить возможности для реализации своих способностей и талантов.

Формирование духа человеческой культуры и создание культурной среды. В некоторой степени культуру можно рассматривать как «мягкий» режим управления человеческими ресурсами. Поскольку сама культура имеет определенные функции сплоченности, руководства и стимулирования, культура кампуса имеет большое значение для дальнейшего совершенствования управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений. Таким образом, формирование гуманистической атмосферы может не только способствовать созданию культурной среды библиотеки, но и оптимизировать управление персоналом, способствовать достижению конечной цели управления человеческими ресурсами в библиотеках вузов.

На современном этапе подготовка кадров включает в себя не только соответствующие знания науки и техники, но и культуру кампуса в высших учебных заведениях. [У Ханьхуа, Ван Бо, Чжу Цян, 2020. С. 37–43] Поэтому высшие учебные заведения должны укреплять культурное строительство библиотек с целью лучшего формирования духа человеческой культуры. Основным содержанием построения библиотечной культуры является установление библиотечных ценностей и духа. Под ценностями

в основном понимаются руководящая идеология и связанные с ней критерии поведения в социальной практике, которые полностью отражают коллективное сознание сотрудников библиотеки вуза и могут способствовать максимизации улучшения качества обслуживания в библиотеке. Исходя из позитивных ценностей, высшие учебные заведения должны эффективно в сочетании с духом времени создавать всеобъемлющие, научные, корректные и современные библиотечные ценности, учитывающие не только объективные факторы, но и субъективные (уровень и навыки, которые соответствуют духу сотрудников библиотеки). Кроме того, дух библиотеки является основным ядром и душой культуры, которая может эффективно интегрировать в одно целое человеческие ресурсы библиотеки. Таким образом, библиотеке в новую эру можно придать больше смысла, включая участие персонала, его самоотдачу, совместные инновации, конкуренцию и т. д.

Наконец, чтобы лучше содействовать оптимальному развитию управления человеческими ресурсами в библиотеках высших учебных заведений, необходимо полностью понять тенденцию развития библиотек вузов, рекомендовать внедрение в практику всех аспектов развития библиотечных талантов и построить новый механизм, который объединяет обучение, мобильность, использование, стимулирование и обслуживание персонала. Таким образом, мы можем систематически, научно и динамично распределять человеческие ресурсы, оптимизировать и корректировать структуру человеческих ресурсов и способствовать дальнейшему развитию индивидуальных способностей библиотек высших учебных заведений. Создание диверсифицированной и эффективной структуры обучения талантов, нового и справедливого механизма их стимулирования и использования, который помогает сотрудникам библиотеки максимизировать их полезность и эффективность – только таким образом деятельность библиотек высших учебных заведений может быстро развиваться и отвечать растущим требованиям препо-

давателей и студентов к качеству оказываемых библиотекой услуг.

Список литературы:

1. У Ханьхуа, Чжан Фан Анализ текущего положения кадровой ситуации в библиотеках высших учебных заведений // Библиотеки высших учебных заведений. 2019. № 3. С. 43–50.

2. Цинь Дунфан, Лу Сяоси Обзор исследований управления человеческими ресурсами библиотек высших учебных заведений в Китае в XXI веке // Библиотеки высших учебных заведений. 2019. № 35 (05). С. 24–30.

3. Чжан Лин, Лю Ваньчжэнь Анализ оптимума по Парето стратегии управления персоналом в библиотеках частных колледжей и университетов на базе // Научно-технологическое информационное развитие и экономика. 2018. №24 (10). С. 57–59.

4. Ван Вэньбин, Дуань Вэй Исследование инновационного механизма управления персоналом в библиотеке высшего учебного заведения на основе перспектив

комплексного инновационного управления // Управление человеческими ресурсами. 2020. С. 132–133.

5. Фу Юнхуэй Частные колледжи и университеты: некоторые проблемы и меры противодействия управлению человеческими ресурсами в библиотеке университета // Научно-технологическое информационное развитие и экономика. 2018. № 21 (14). С. 79–83.

6. Тянь Цзядун, Ли Ли Разговор о стратегии «гуманистического подхода» в управлении персоналом библиотеки высшего учебного заведения // Научно-технологическое информационное развитие и экономика. 2019. 19 (23). С. 44–45.

7. Го Шуцзин, У Ханьхуа Анализ текущего положения кадровой ситуации в библиотеках первых высших учебных заведений “Проекта 211” // Работа библиотек высших учебных заведений, 2020. №6 (40). С. 58–66.

8. У Ханьхуа, Ван Бо, Чжу Цян Анализ основных статистических данных китайских библиотек высших учебных заведений за 2019 год // Библиотеки высших учебных заведений. 2020. С. 37–43.

Библиографическое описание статьи

Лю Бо Стратегия и анализ управления персоналом в библиотеках высших учебных заведений Китая // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 26–32. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-26-32

Liu Bo – Candidate of Economics, advisor of the scientific head, the Heilongjiang Provincial Academy of social sciences (Harbin, China). *Tel.:* 0451-58670434

Strategy and analysis of personnel management in the libraries of higher education institutions of China

In the institutions of higher education around the world, libraries are important institutions for dissemination of knowledge and promotion of the researches. Due to the continuous development and advancement of modern science and technology, the content and quality of services provided by the libraries should also be constantly optimized in order to better meet the growing needs for the development of higher education and university science. This places increasing demands on the quality of librarian training. The article analyzes the current situation with personnel management in the libraries of universities of the PRC, discusses the strategy for optimizing library activities, and assesses the effectiveness of work.

Keywords: PRC, higher education institution, library, personnel management, library improvement strategy.

References:

1. Wu Hanhua, Zhang Fang Analysis of the current state of the staffing situation in the libraries of higher educational institutions *Biblioteki vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Libraries of higher educational institutions], 2019, no. 3, pp. 43–50. In Chinese.

2. Qin Dongfang, Lu Xiaoxi Review of Human Resource Management Studies in Libraries of Higher Education Institutions in China in the 21st Century *Biblioteki vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Libraries of higher educational institutions], 2019, no. 35 (05), pp. 24–30. In Chinese.

3. Zhang Ling, Liu Wanzhen Analysis of the Pareto optimum of the personnel management strategy in the libraries of private colleges and universities on the basis of *Nauchno-tekhnologicheskoye informatsionnoye razvitiye i ekonomika* [Scientific and technological information development and economics], 2018, no. 24 (10), pp. 57–59. In Chinese.

4. Wang Wenbing, Duan Wei Research of the innovative mechanism of personnel management in the library of a higher educational institution based on the perspectives of integrated innovative management *Upravleniye chelovecheskimi resursami* [Human Resource Management], 2020, pp. 132–133.

In Chinese.

5. Fu Yonghui Private colleges and universities: some problems and countermeasures to human resource management in the university library *Nauchno-tekhnologicheskoye informatsionnoye razvitiye i ekonomika* [Scientific and technological information development and economics], 2018, no. 21 (14), pp. 79–83. In Chinese.

6. Tian Jiadong, Li Li Conversation on the strategy of the “humanistic approach” in the management of the staff of the library of a higher educational institution *Nauchno-tekhnologicheskoye informatsionnoye razvitiye i ekonomika* [Scientific and technological information development and economics], 2019, no. 19 (23), pp. 44–45. In Chinese.

7. Guo Shujing, Wu Hanhua Analysis of the current state of the staffing situation in the libraries of the first higher educational institutions of “Project 211” *Rabota bibliotek vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Work of libraries of higher educational institutions], 2020, no. 6 (40), pp. 58–66. In Chinese.

8. Wu Hanhua, Wang Bo, Zhu Qiang Analysis of the main statistical data of Chinese higher education libraries for 2019 *Biblioteki vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Libraries of higher educational institutions], 2020, pp. 37–43. In Chinese.

Reference to the article

Liu Bo Strategy and analysis of personnel management in the libraries of higher educational institutions of China // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 26–32. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-26-32

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: НОВЫЕ СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-33-44

УДК 332.13(571.6)

Е. Б. Веприкова

А. А. Кисленок

Оценка территориальной депрессивности в управлении региональным развитием (на примере регионов Дальнего Востока России)

Проблемы межрегиональной дифференциации и территориальной депрессивности препятствуют экономическому росту и приводят к диспропорциям пространственного развития страны, которые увеличивают риски формирования депрессивных территорий. Наличие депрессивных территорий в рамках одной территориальной системы снижает общую результативность государственной политики, так как позитивные изменения в развитии одних территорий нивелируются негативными процессами в других. В связи с этим диагностика состояния и выявление признаков нарастания депрессивности является важной задачей государственного управления. Выявлять риски формирования региональной депрессивности целесообразно на ранней стадии, когда проведение корректирующих управленческих воздействий максимально результативно и требует меньшего объема ресурсов. Для этого необходим мониторинг социально-экономического развития, построенный на информативной системе показателей, фиксирующих не только текущее состояние территории, но и его динамику с позиции выявления признаков депрессивности. В статье предложен авторский подход к оценке территориальной депрессивности, особенностью которого является учет условий сохранения и воспроизводства качественного человеческого капитала как основного ресурса развития. Учитывая ориентиры национальной политики Российской Федерации, направленные на опережающее социально-экономическое развитие дальневосточного макрорегиона, апробация предлагаемого подхода проведена на примере регионов Дальнего Востока России.

Ключевые слова: управление региональным развитием, депрессивные территории, признаки депрессивности, территориальное развитие, факторы социального неблагополучия.

Признаки территориальной депрессивности. Мониторинг регионального развития, с целью выявления признаков территориальной депрессивности, должен базироваться на информативной системе показателей, способной не только выявлять

уже сформировавшиеся депрессивные территории, но и фиксировать проявления признаков региональной депрессивности на ранней стадии, когда проведение корректирующих управленческих воздействий максимально результативно.

Елена Борисовна Веприкова – канд. экон. наук, начальник научно-исследовательского отдела, Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Льва Толстого, д. 8). *E-mail:* e.veprikova@vostokgosplan.ru

Александра Анатольевна Кисленок – канд. экон. наук, руководитель научных проектов, Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования» (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Льва Толстого, д. 8). *E-mail:* a.kislenok@vostokgosplan.ru

Авторами изучен практический опыт и теоретические подходы к выявлению депрессивных территорий в зарубежной и отечественной науке и практике как к понятию «территориальной депрессивности», так и к системе показателей для ее выявления [Веприкова, Кисленок, 2020].

Территория может оцениваться как депрессивная или проблемная, если для нее характерна совокупность признаков:

- отставание в развитии от средних значений по стране или средних значений по группе схожих территорий;
- устойчивая стагнация/деградация динамики значений показателей социально-экономического развития;
- ограниченность ресурсов для самостоятельного разрешения проблемной ситуации.

Наличие только части признаков говорит о риске депрессивности и необходимости проведения корректирующей управленческой политики для предотвращения формирования депрессивной территории, ключевой характеристикой которой является невозможность преодоления этого состояния без внешнего для территории воздействия из-за отсутствия возможностей эндогенного роста. В связи с этим для оценки территориальной депрессивности необходимо использовать совокупность информативных показателей, позволяющих выявить риски по всем ее признакам на ранних стадиях проявления.

Изучение подходов к выявлению депрессивных территорий в зарубежной и отечественной науке и практике показало, что главный акцент в них делается на отставании в развитии, значительно реже оценивается динамика развития региона и почти не выявляется ограниченность ресурсов для эндогенного роста. Индикаторы по этому направлению депрессивности или не используются, или сводятся к бюджетной обеспеченности регионов. Этого явно недостаточно, так как невозможность самостоятельного преодоления отставания и деградации в развитии является главной проблемой территориальной депрессивности. Наличие бюджетных ресурсов имеет значение, но основным ресурсом, определяющим потенциал развития территории, является объем и качество человеческого потенциала территории, а возможность его реализации определяется качеством институциональной среды.

Оценка потенциала человеческих ресурсов в управлении региональным развитием.

Человек и его творческая энергия является движущей силой и главным ресурсом развития особенно в условиях новой экономики – экономики знаний, инноваций, глобальных информационных систем, экономики интеллектуального труда, науки, новейших технологий. Поэтому во всем мире обостряется конкуренция за таланты, то есть за людей, обладающих творческой энергией и способностями к созданию нового. А сформировавшиеся институты обеспечивают возможность или, наоборот, сдерживают результативность реализации человеческого потенциала.

При этом включить в оценку территориальной депрессивности показатели для оценки институтов и человеческого капитала очень сложно по ряду причин. Во-первых, очевидна методологическая проблема – сложно оценивать качественные параметры через количественные показатели. Во-вторых, в настоящее время крайне дискуссионными являются вопросы о структуре человеческого капитала, условиях его формирования и подходах к его измерению, также как и о возможности оценки состава и качества социальных институтов. Кроме вышеназванного, существует проблема доступности и надежности информации для изучения этих явлений, в том числе в форме статистических данных, которые являются основой для организации мониторинга.

С учетом этих ограничивающих факторов для анализа потенциала эндогенного роста в регионе предлагается использовать показатели, которые косвенно позволяют оценить состояние социальной среды как результат функционирования институтов и определяющее потенциал территории по воспроизводству и сохранению человеческого капитала. Качество социальной среды можно оценивать через факторы социального неблагополучия, высокая степень проявления которых приводит к снижению возможности территории сохранять и воспроизводить качественный человеческий капитал. В научной литературе среди факторов социального неблагополучия рассматривают разные показатели, в том числе: социально-обусловленные заболевания, смертность (в т. ч. младенческая, детская, от внешних причин, самоубийства), уровень безработицы, уровень преступно-

сти социального сиротства [Гунаев, 2019; Тихомирова, 2018; Дабиев, 2015; Романов, 2019; Понарина, 2015].

На наш взгляд, для оценки потенциала человеческих ресурсов территории наиболее информативными являются факторы социального неблагополучия, имеющие социально-поведенческую природу, то есть результаты определенных действий членов социума – поведенческие факторы социального неблагополучия. К таким факторам, имеющим возможность количественной оценки на основе данных Росстата, можно отнести: уровень преступности, количество убийств и самоубийств, уровни потребления алкогольной продукции, заболеваемости наркоманией, социальное сиротства. Данные показатели собираются в региональном разрезе и в обобщенном виде в среднем по стране, также имеется достаточный период наблюдения, чтобы оценить ситуацию в динамике. Достоинством показателей является однозначность интерпретации их значений – рост значений свидетельствует об ухудшении социальной среды, что негативно влияет на условия формирования и сохранения человеческого капитала, а снижение значений показателей говорит о позитивных тенденциях в этой сфере. Таким образом, движение значений данных показателей может быть маркером для оценки условий воспроизводства человеческого капитала в конкретном регионе.

Неблагоприятные условия социальной среды приводят к росту миграционных намерений у наиболее образованной, креативной и дееспособной части общества, т. е. происходит вытеснение лучшей части социума на территории с более благоприятными условиями жизнедеятельности. Наиболее критичной является ситуация, если на фоне высоких значений факторов социального неблагополучия отмечается устойчивая негативная динамика показателей в течение продолжительного периода. Именно ухудшение ситуации во времени зачастую служит основной причиной смены места жительства людей. При этом негативные тренды в социальной сфере могут происходить даже на фоне относительно благополучной экономической ситуации, но деградация условий социальной среды неизбежно приведет в последующем к стагнации экономики из-за

кадровых проблем.

Для апробации предложенного подхода проанализируем значения показателей по поведенческим факторам социального неблагополучия в субъектах РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) (табл. 1).

Представленные данные свидетельствуют о наличии существенных социальных проблем в регионах Дальнего Востока, так как по всем параметрам совокупные значения по макрорегиону превышают среднероссийский уровень. При этом дифференциация значений внутри макрорегиона достаточно велика и по отдельным показателям составляет от 1,9 до 42 раз.

Критически сложная ситуация сложилась в Еврейской автономной области, где превышение среднероссийского уровня фиксируется по всем оцениваемым показателям в 1,4–3,4 раза. Это свидетельствует о неблагоприятных условиях для сохранения и воспроизводства человеческого капитала и является сдерживающим фактором территориального развития.

По большинству оцениваемых параметров в период с 2014 по 2018 гг. значения улучшились, но при этом разрывы между регионами увеличились, что свидетельствует о нарастании диспропорций в развитии.

Динамику изменений проявления факторов социального неблагополучия предлагается оценивать через средние темпы роста показателей (индекс степени проявления факторов социального неблагополучия). Значение показателя меньше единицы означает, что ситуация в динамике улучшается, что отмечается в 10 из 11 регионов. Наиболее благоприятная динамика отмечается в Хабаровском крае и Сахалинской области. Негативная динамика отмечается в Еврейской автономной области, где средний темп роста превысил единицу.

В качестве косвенной оценки общих условий воспроизводства и сохранения качественного человеческого капитала, может быть использован интегральный показатель (уровень социального неблагополучия – $У_{сн}$), который рассчитывается на основе соотношения значений показателей, характеризующих социальное неблагополучие в субъекте РФ в составе ДФО со средним значением по макрорегиону.

Таблица 1

**Показатели социального неблагополучия по субъектам РФ,
входящих в состав ДФО**

Субъект РФ	год	Уровень преступности ¹	Кол-во самоубийств ²	Кол-во убийств ⁹	Розничная продажа крепкой алкоголь. продукции ³	Уровень заболеваемости наркоманией ⁴	Уровень соц. сиротства ⁵	Средний темп роста степени проявления факторов соц. неблагополучия
Российская Федерация	2014	1 499,5	18,2	8,8	0,72	14,5	21,7	0,71
	2018	1 356,3	12,4	5,4	0,68	10,2	15,4	
Дальневосточный федеральный округ	2014	2 255,4	33,3	19,1	1,08	17,5	37,5	0,73
	2018	1 901,1	20,8	11,4	0,91	19,0	27,6	
Республика Бурятия	2014	2 519,2	52,8	24,9	0,92	5,2	31,5	0,69
	2018	2 389,6	38,5	15,7	0,69	3,4	24,0	
Республика Саха (Якутия)	2014	1 121,0	34,5	21,0	0,92	7,9	38,0	0,64
	2018	1 236,0	23,9	14,3	0,80	3,1	23,1	
Забайкальский край	2014	2 952,5	47,7	26,3	0,77	5,6	46,1	0,75
	2018	2 276,4	32,6	16,6	0,52	10,3	24,9	
Камчатский край	2014	1 562,6	18,8	16,0	1,35	12,3	41,8	0,61
	2018	1 896,9	6,0	7,0	1,23	9,5	28,7	
Приморский край	2014	2 523,2	23,5	17,0	1,15	37,4	35,7	0,71
	2018	1 720,5	18,7	10,3	0,91	37,0	24,0	
Хабаровский край	2014	2 210,3	25,7	11,7	1,30	10,5	35,8	0,42
	2018	1 698,9	1,1	4,2	1,18	18,7	25,2	
Амурская область	2014	2 128,6	48,0	22,9	0,90	22,2	37,4	0,88
	2018	2 203,5	33,0	17,0	0,76	24,4	37,7	
Магаданская область	2014	2 064,5	10,1	14,1	1,84	6,8	22,8	0,69
	2018	2 068,5	4,9	5,6	1,54	6,2	16,0	
Сахалинская область	2014	2 350,2	10,6	12,5	1,50	26,0	28,2	0,54
	2018	2 040,4	2,9	4,3	1,21	18,4	20,5	
Еврейская автономная область	2014	2 045,8	35,4	21,8	0,93	25,5	63,2	1,09
	2018	2 275,7	32,9	12,4	0,96	65,4	49,8	
Чукотский автономный округ	2014	1 276,0	41,5	27,7	1,27	0,0	66,3	0,78 ⁶
	2018	1 511,0	44,4	14,1	1,21	0,0	61,0	
Соотношение max и min значения	2014	2,6	5,2	2,4	2,4	7,2	1,4	
	2018	1,9	42,0	4,0	2,9	21,1	3,8	

Источники: составлено и рассчитано авторами на основе данных Росстата⁷, Минпросвещения России⁸, Росалкогольрегулирования⁹.

¹ Количество преступлений в расчете на 100 тыс. человек населения.

² В расчете на 100 тыс. человек населения.

³ Декалитров в расчете на душу населения.

⁴ Число пациентов с впервые в жизни установленным диагнозом, взятых под диспансерное наблюдение с синдромом зависимости от наркотических веществ (наркомании), человек на 10 тыс. населения.

⁵ Число детей, оставшихся без попечения родителей, выявленных и учтенных за отчетный год, в расчете на 10 тыс. детей в возрасте от 0 до 17 лет.

⁶ Без учета уровня заболеваемости наркоманией.

⁷ Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru>

⁸ Министерство просвещения Российской Федерации. URL: <https://edu.gov.ru/>

⁹ Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. <https://fsrar.gov.ru>

Расчет производится по следующей формуле (1):

$$Y_{\text{сн}} = \frac{\sum_{i=1}^6 \frac{z_i^{\text{суб}}}{z_i^{\text{ДФО}}}}{6} \quad (1),$$

где i – показатель, характеризующий социальное неблагополучие;

$z_i^{\text{суб}}$ – значение i -го показателя, характеризующего социальное неблагополучие в субъекте РФ;

$z_i^{\text{ДФО}}$ – значение i -го показателя, характеризующего социальное неблагополучие в среднем по ДФО.

Интегральная оценка уровня социального неблагополучия в субъектах РФ в составе ДФО приведена в таблице 2.

В соответствии с полученными оценками самая неблагоприятная ситуация фиксируется также в Еврейской автономной области. Кроме того, высокую оценку уровня социального неблагополучия получили также Амурская область и Чукотский автономный округ¹⁰.

Сложившаяся ситуация негативно отражается на миграционных процессах

данных регионов. По данным Росстата за пять лет (2014–2018 гг.) территорию Еврейской автономной области покинуло 22,7 тыс. чел. (около 14% от населения области), Амурской области – 75,5 тыс. чел. (около 9,5% от населения области), Чукотского автономного округа – 20,8 тыс. чел. (около 42,2% от численности населения региона). При этом, численность прибывших не позволяет восполнять численные потери населения¹¹. Кроме того, замещение постоянного населения негативно сказывается на качестве человеческого капитала и снижает человеческий потенциал территории, что существенно ограничивает возможности эндогенного развития территорий.

Таким образом, оценка поведенческих факторов социального неблагополучия информативна для использования в качестве маркеров условий сохранения и воспроизводства человеческого потенциала территории как основы территориального развития. Подтверждением чего является информация о динамике миграционного оттока населения в этих регионах.

Таблица 2

Оценка уровня социального неблагополучия субъектов РФ, входящих в состав ДФО

Субъект РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Дальневосточный федеральный округ	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00
Республика Бурятия	1,00	1,05	1,06	1,02	1,05
Республика Саха (Якутия)	0,82	0,81	0,81	0,84	0,82
Забайкальский край	1,06	1,06	1,02	1,00	1,05
Камчатский край	0,86	0,85	0,70	0,75	0,81
Приморский край	1,14	1,13	1,11	1,08	1,09
Хабаровский край	0,85	0,83	0,68	0,76	0,76
Амурская область	1,11	1,11	1,10	1,11	1,31
Магаданская область	0,77	0,82	0,79	0,86	0,78
Сахалинская область	0,94	0,95	0,91	0,95	0,85
Еврейская автономная область	1,18	1,38	1,60	1,64	1,78
Чукотский автономный округ	1,03	1,04	1,29	1,18	1,16

Источники: составлено и рассчитано авторами.

¹⁰ С некоей долей критичности необходимо оценивать значения показателей, приведенных в расчете на 100 тыс. человек, в Чукотском автономном округе, что связано с малой численностью населения региона (на 1.01.2020 г. – 50,3 тыс. человек).

¹¹ Численность прибывших по данным Росстата за 5 лет (2014–2018 гг.) составила в Еврейской автономной области – 13,5 тыс. чел., в Амурской области – 61,7 тыс. чел., в Чукотском автономном округе – 19,1 тыс. чел.

Показатели для оценки территориальной депрессивности: результаты апробации. С учетом вышесказанного, для практического использования при проведении оценки депрессивности в территориальном развитии можно предложить систему показателей, основанную на доступных для анализа статистических данных, которые имеют достаточный временной период наблюдения для оценки динамики процессов и позволяют оценить степень проявления признаков территориальной депрессивности по трем ее составляющим (рис. 1).

Несмотря на небольшое число использованных показателей, их количество, по мнению авторов, является достаточным для оценки степени проявления признаков территориальной депрессивности. Кроме того, небольшое количество параметров наблюдения упрощает проведение мониторинга. Результаты проведенной апробации на примере субъектов РФ в составе дальневосточного макрорегиона подтверждают информативность использованной системы показателей (табл. 3).

В результате апробации депрессивным регионом оказалась Еврейская автономная область, что означает неспособность региона самостоятельно преодолеть кризисную для него ситуацию.

Признаки депрессивности фиксируются и в других субъектах РФ в составе ДФО:

– отставание от среднероссийского уровня по пяти оцениваемым показателям в 4-х регионах: Республика Бурятия,

Забайкальский край, Приморский край, Амурская область;

– отдельные признаки депрессивности (по 2 из 3-х направлений оценки) проявляются в Республике Бурятия, Забайкальском крае, Приморском крае.

Следует отметить также, что темпы развития экономики макрорегиона существенно уступают среднероссийским, о чем свидетельствуют значения индексов физического объема ВРП и инвестиций в основной капитал. Это в будущем может привести к отставанию регионов от среднероссийского уровня по оцениваемым параметрам.

При выявлении признаков депрессивности территорий стоит оценивать также степень их проявления или остроту депрессии, так как фиксация отставания от среднероссийских значений и темпов роста не иллюстрирует уровень критичности ситуации.

Для этого можно использовать нормирование – перевод разноразмерных значений в безразмерную шкалу от 0 до 1 (такой прием позволяет работать с более объемным массивом информации, например, для оценки степени проявления депрессивности по всем субъектам РФ).

Пересчет значений по всем параметрам, большее значение которых оценивается положительно, осуществляется по формуле (2):

$$\bar{x}_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}, \quad (2),$$

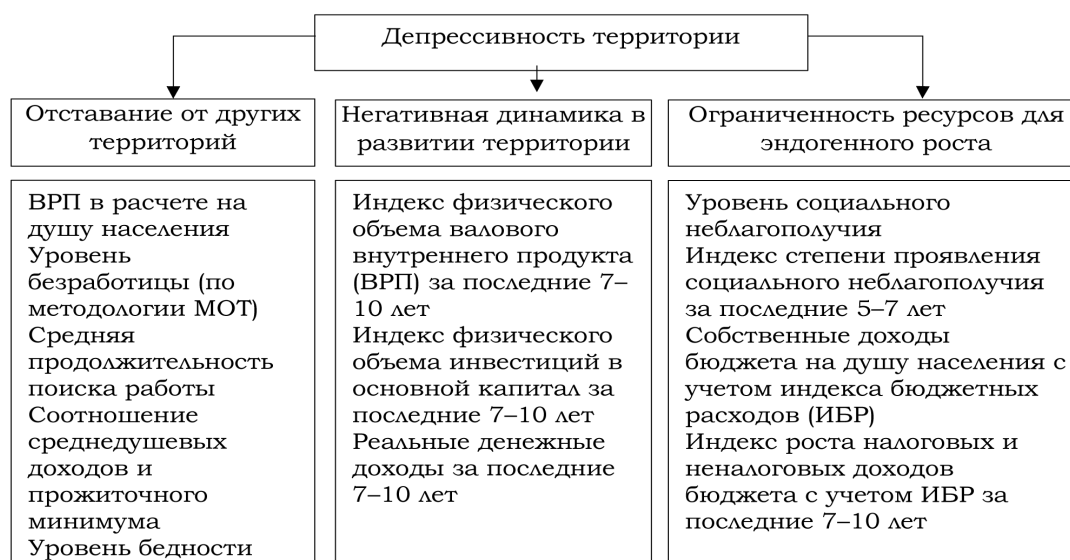

Рис. 1. Система показателей для выявления признаков депрессивности территорий.

Таблица 3

Определение признаков депрессивности и депрессивных субъектов РФ, входящих в состав ДФО (2018 г.)

Показатель	РФ	ДФО	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	ЕАО	ЧАО
	Отсталость от других территорий (сравнение со среднероссийскими значениями)												
ВРП на душу населения с учетом уровня покупательной способности, тыс. руб.	578,7	-	229,1	699,7	281,5	396,2	361,1	415,0	347,8	675,9	1804,5	278,0	753,0
Уровень безработицы населения, %	4,8	6,3	9,3	6,9	10,2	4,9	5,4	3,8	5,6	5,1	5,3	7,0	3,1
Средняя продолжительность поиска работы безработными (мес.)	7,4	8,0	8,3	6,8	9,6	7,0	7,8	7,2	8,1	6,1	7,1	9,0	3,9
Соотношение среднедушевых доходов и прожиточного минимума	3,2	2,7	2,3	2,6	2,1	2,5	2,8	2,9	2,8	3,3	3,9	1,9	3,7
Уровень бедности, %	12,6	15,8	19,1	18,6	21,4	15,8	13,9	12,2	15,6	9,5	8,5	23,7	8,8
Стагнация экономики территории													
Реальные денежные доходы к уровню 2010 г., %	103,4	111,1	105,6	114,2	94,4	106,1	116,6	98,5	124,7	109,9	115,6	79,3	124,8
Индекс физического объёма ВРП к уровню 2010 г., %	117,5	108,5	98,8	127,4	105,9	121,2	99,7	104,0	97,6	125,3	107,8	93,0	110,1

Продолжение таблицы 3

Показатель	РФ	ДФО	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	ЕАО	ЧАО
	116,4	99,6	79,9	207,5	120,5	74,3	45,2	58,7	180,0	195,4	93,6	61,1	221,2
Индекс физического объема инвестиций в основной капитал к уровню 2010, %	116,4	99,6	79,9	207,5	120,5	74,3	45,2	58,7	180,0	195,4	93,6	61,1	221,2
Отсутствие стимулов и ресурсов для саморазвития													
Налоговые и неналоговые доходы бюджета на душу населения с учетом ИБР*, тыс. руб.	69,6	46,7	27,4	38,2	35,1	20,4	49,2	49,9	48,7	35,7	132,6	36,0	21,1
Индекс роста налоговых и неналоговых доходов бюджета с учетом ИБР к 2010 г., %	107	112,3	123,3	128	92,6	137,6	112,6	96,2	113,3	108,8	149,6	87,7	49,5
Уровень социального благополучия	-	1,00	1,05	0,82	1,05	0,81	1,09	0,76	1,31	0,78	0,85	1,78	1,16
Индекс степени проявления факторов социального благополучия за последние 5 лет	0,71	0,73	0,69	0,64	0,75	0,61	0,71	0,42	0,88	0,69	0,54	1,09	0,78

курсивом – значение показателя хуже среднероссийских

жирным – значение показателя в сравнении с 2014 г. стало хуже

* ИБР – индекс бюджетных расходов, рассчитываемый Минфином России. См. постановление Правительства РФ от 22.11.2004 № 670 "О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации".

Источники: составлено и рассчитано авторами на основе данных Росстата, Минфина России, Минпросвещения России, Росалкогольрегулирования

где $\overline{x_{ij}}$ – нормированное значение i -го показателя, характеризующего признак депрессивности по j -му направлению;

x_{ij} – значение i -го показателя, характеризующего признак депрессивности по j -му направлению;

x_{min} – минимальное значение ряда;

x_{max} – максимальное значение ряда.

Если оптимальным считается значение стремящиеся к минимуму, то нормирование осуществляется по следующей формуле (3):

$$\overline{x_{ij}} = 1 - \frac{x_{ij} - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad (3).$$

Оценка степени проявления признаков депрессивности по направлениям осуществляется с допущением того, что все оцениваемые параметры имеют равные веса. Тогда степень проявления признаков депрессивности по j -му направлению определяется следующим по формуле (4):

$$D_j = \frac{\sum_{i=1}^n x_{ij}}{n} \quad (4),$$

где D_j – степень проявления признаков депрессивности по j -му направлению;

n – количество показателей, характеризующих признаки депрессивности по j -му направлению.

В свою очередь интегральная оценка степени проявления признаков депрессивности по всем направлениям определяется по следующей формуле (5):

$$D_{интерг} = \frac{\sum_{j=1}^3 D_j}{3} \quad (5),$$

где $D_{интерг}$ – оценка степени проявления признаков депрессивности по всем направлениям.

Нормированные значения, равные нулю или близкие к нему, означают высокую степень проявления соответствующего признака депрессивности на данной территории. В свою очередь, чем лучше ситуация, тем ближе значение параметра к единице.

Графическое отображение полученных результатов представлено на рис. 2.

Такое представление данных по трем направлениям позволяет оценить не только степень проявления признаков депрессивности в регионах по отдельным направлениям, но и сопоставить их между собой. Например, в Забайкальском крае и Республике Бурятия отмечается значительное отставание по достигнутому уровню экономического развития от среднероссийского уровня и среднего уровня дальневосточного макрорегиона. Однако, в регионах по отдельным экономическим параметрам отмечается рост, также положительно оце-

Рис. 2. Степень проявления признаков депрессивности в регионах ДФО

нивается динамика показателей, характеризующих способность регионов к саморазвитию. Т. е. данные регионы являются отстающими и имеют высокие риски депрессивности, но у них есть ресурсы для эндогенного роста, которые могут быть активизированы для предотвращения скачивания в депрессивность и могут способствовать экономическому росту.

Заключение. Используемая система показателей для оценки признаков депрессивности, а также подходы к интегральной оценке отдельных признаков депрессивности являются информативными и могут использоваться в практике регионального управления для организации мониторинга социально-экономического развития регионов с целью раннего выявления признаков депрессивности и выработки корректирующей системы мер.

Предлагаемая система показателей не является завершённой и может дополняться или изменяться в зависимости от целей и задач исследований, в частности, необходимо продолжить усилия по формированию индикаторов для оценки качества человеческого капитала и сравнительного качества институтов как ключевых составляющих потенциала развития в регионе.

Список литературы:

1. Аджемоглу Д., Робинсон Д. А. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: АСТ, 2015. 693 с.
2. Аникин В. А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017. № 4. С. 120–156.
3. Артоболевский С. С. Западный опыт реализации региональной политики: возможности и ограничения практического использования // Региональные исследования. 2008. № 3 (18). С. 3–16.
4. Богатырева И. А., Криковцова М. Н. Проблемы дифференциации регионов России по уровню социально-экономического развития. Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края: сборник статей. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2016. № 8. С. 13–24.
5. Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Подходы к определению территориальной депрессивности в управлении региональным развитием // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4. С. 60–73.
6. Гранберг А. Г. Экономическое пространство России // Экономика и управление. 2006. № 2 (23). С. 11–15.
7. Гунаев Е. А., Бадмаева Н. В., Кованова Е. С. Индикаторы социального неблагополучия населения: этнорегиональная специфика Калмыкии, Бурятии и Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 190–201.
8. Дабиев Д. Ф. Человеческий капитал и индекс преступности (на примере Тувы) // ЭКО. 2015. № 2. С. 176–179.
9. Земцов С. П., Смелов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 84–108.
10. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4. С. 6–27.
11. Корчагин Ю. А. Российский человеческий капитал: фактор развития или деградации? Воронеж: ЦИРЭ, 2005. 252 с.
12. Лексин В. Н., Швецов А. Н. Реформы и регионы: системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становление федерализма и местного самоуправления. М.: ЛЕНАНД, 2012. 1024 с.
13. Маилян Ф. Н. Роль социального капитала в процессе формирования и реализации человеческого капитала // Вестник Томского гос. университета. Экономика. 2012. № 1 (17). С. 52–61.
14. Понарина Н. Н., Холина О. И., Крамчанинова Н. В. Социальное сиротство в современной России: детерминанты воспроизводства и распространения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 33–36.
15. Пришляк Е. А., Радько С. Г. Исследование факторов, влияющих на формирование человеческого капитала в Российской Федерации // Управленческие науки. 2018. № 8 (2). С. 94–105.
16. Романов В. Г. Муниципальная статистика преступности населения Забайкальского края: маркер социального неблагополучия // Вестник ЗабГУ. 2017. № 23 (8). С. 109–121.
17. Романов В. Г., Романова И. В. Здравоохранение и состояние заболеваемости населения Забайкальского края: маркер социального неблагополучия // Вестник ЗабГУ. № 10. С. 62–83.
18. Суворов Н. В., Суворов А. В., Гре-

бенников В. Г., Иванов В. Н., Балашова Е. Е., Болдов О. Н. Оценка вклада накопления человеческого капитала в экономический рост // Проблемы прогнозирования. 2016. № 5 (158). С. 18–35.

19. Тихомирова Т. М., Сукиасян А. Г. Влияние факторов социального неблагополучия на оценку человеческого потенциала в регионах России // Федерализм. 2018. № 2 (90). С. 64–78.

20. Чернышев К. А. Исследование постоянной миграции населения депрессив-

ных регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 259–273.

21. Kalantari Khalil. Identification of Backward Regions in Iran // Geog. Res. 1998. № 48. Pp. 120–131.

22. Nader Zali, Hassan Ahmadi, Seyed Mohammadreza Faroughi. An Analysis of Regional Disparities Situation in the East Azarbaijan Province // Journal of Urban and Environmental Engineering. 2013. № 1. Pp. 183–194.

Библиографическое описание статьи

Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Оценка территориальной депрессивности в управлении региональным развитием (на примере регионов Дальнего Востока России) // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 33–44. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-33-44

Elena B. Veprikova – Candidate of Economics, Head of the research department, the Federal Autonomous Scientific Institution «The Eastern State Planning Center» (8, Lev Tolstoy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: e.veprikova@vostokgosplan.ru*

Aleksandra A. Kislenok – Candidate of Economics, Project Leader, the Federal Autonomous Scientific Institution «The Eastern State Planning Center» (8, Lev Tolstoy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: a.kislenok@vostokgosplan.ru*

Estimation of territorial backwardness in the regional development policy-making (on the example of the Far-Eastern regions)

The problems of interregional differentiation and territorial backwardness hamper economic growth, lead to imbalances in the spatial development of the Russian Federation and increase risks of forming backward territories. The presence of backward parts within a territorial system brings down the overall state policy's effectiveness because positive development dynamics in several parts of the territory cancels by the adverse processes in other parts of the territory. Therefore, the investigation of the conditions of territorial development as a spatial system and the identification of indicators of the increasing backwardness within this system is a fundamental problem of state regional policy-making. It is worthwhile identifying risks of forming territorial backwardness earlier when accurate management's decisions can be undertaken with the higher effectiveness and smaller recourses. To this end, monitoring of the social and economic developments based upon an informative system of indicators revealing not only the present status of performance of the region but also its dynamics in terms of the determinant of the territorial backwardness. The article presents the author's approach to the assessment of territorial backwardness featured with taking into account the conditions of maintaining and reproducing high-quality human capital as a critical driver of regional development. Given the national policy's priorities towards the advanced social and economic development of the Far East of Russia, the proposed approach has been tested on the Far-Eastern regions.

Keywords: regional development policy, backward territories, indicators of backwardness, territorial development, factors of social disadvantage.

References:

1. Adzhemoglu D., Robinson D. A. Why nations fail. The origins of power, prosperity and poverty. Moscow, AST, 2015, p. 693.

2. Anikin V. A. Human capital: genesis

of the concept and main definitions Ekonomicheskaya sociologiya [Economic Sociology], 2017, no. 4, pp. 120–156.

3. Artobolevsky S. S. Western experience in the implementation of regional policy: opportunities and limitations of practical use

Regional'nyye issledovaniya [Regional studies], 2008, no. 3 (18), pp. 3–16.

4. Bogatyreva I. A., Krikovcova M. N. The differentiation problems of Russian regions by the socio-economic development level. Actual questions of Altai territory's economical functioning. Pod red. V.V. Mishchenko. Barnaul city, Izd-vo Alt. Un-ta, 2016, no. 8, pp. 13–24.

5. Veprikova E. B., Kislenok A. A. The Approaches to the Definition of Territorial Backwardness in Regional Development Management *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. 2020. no 4. Pp. 60–73.

6. Granberg A. G. Economical space of Russia *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management], 2006, no. 2 (23), pp. 11–15.

7. Gunaev E. A., Badmaeva N. V., Kovanova E. S. Indicators of human social disadvantage: ethno-regional specifics of the Kalmyk, Buryatiya and Tuva republics *Novye issledovaniya Tuvy* [The new research of Tuva], 2019, no. 1, pp. 190–201.

8. Dabiev D. F. The human capital and the crime rate (the case of the Tuva republic) *EKO* [ECO], 2015, no. 2, pp. 176–179.

9. Zemcov S. P., Smelov YU. A. The factors of regional development in Russia: geography, human capital or regional policy *ZHurnal Novoj ekonomicheskoy associacii* [The Journal of the New Economic Association], 2018, no. 4 (40), pp. 84–108.

10. Zubarevich N. V. Region development and regional policy in Russia *EKO* [ECO], 2014, no. 4, pp. 6–27.

11. Korchagin Yu. A. Is Russian human capital a factor of development or degradation? – Voronezh, CIRE, 2005.

12. Leksin V. N., Shvecov A. N. The reforms and regions: system analysis of the reform processes of regional economy, the formation of federalism and local governance. Moscow, LENAND, 2012.

13. Mailyan F. N. The significance of social capital at the process of forming and realization of human capital *Vestn. Tom. gos. un-ta. Ekonomika* [Tomsk State University Journal of Economics], 2012, no. 1 (17), pp. 52–61.

14. Ponarina N. N., Holina O. I., Kram-

chaninova N. V. Social orphanhood in contemporary Russia: determinants of reproduction and propagation *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences], 2015, no. 11, pp. 33–36.

15. Prishlyak E. A., Rad'ko S. G. Research into factors influencing human capital's formation in the Russian Federation *Upravlencheskie nauki* [Upravlencheskie nauki], 2018, no. 8 (2), pp. 94–105.

16. Romanov V. G. Municipal crime statistics of Transbaikal Region: indicator of social disadvantage *Vestnik ZabGU* [Transbaikal State University Journal], 2017, no. 23 (8), pp. 109–121.

17. Romanov V. G., Romanova I. V. Public health and state of health in Transbaikal Region: indicator of social disadvantage *Vestnik ZabGU* [Transbaikal State University Journal], 2019, no. 10, pp. 62–83.

18. Suvorov N. V., Suvorov A. V., Grebennikov V. G., Ivanov V. N., Balashova E. E., Boldov O. N. Assessment of the impact of human capital on economic growth *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development], 2016, no. 5 (158), pp. 18–35.

19. Tihomirova T. M., Sukiasyan A. G. Influence of social disadvantage factors on the assessment of human potential in Russian regions *Federalizm* [Federalism], 2018, no. 2 (90), pp. 64–78.

20. Chernyshev K. A. The research into the continuous migration of the Russian backward territories *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], 2017, Ch. 10, no. 4, pp. 259–273.

21. Kalantari Khalil. Identification of Backward Regions in Iran. *Geog. Res.*, 1998, no. 48, pp. 120–131.

22. Nader Zali, Hassan Ahmadi, Seyed Mohammad reza Faroughi. An Analysis of Regional Disparities Situation in the East Aazarbaijan Province *Zhurnal gorodskoy i ekologicheskoy inzhenerii* [Journal of Urban and Environmental Engineering], 2013, no. 1, pp. 183–194.

Reference to the article

Veprikova E. B., Kislenok A. A. Estimation of territorial backwardness in the regional development policy-making (on the example of the Far-Eastern regions) // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 33–44. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-33-44

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-45-56
УДК 351.85(571.6)

Г. Н. Строева

Развитие сферы культуры в документах стратегического планирования регионов Дальневосточного федерального округа

На законодательном уровне установлено, что культура России, так же как и природные богатства, является достоянием страны и важным ресурсом социально-экономического развития всех её территорий и улучшения качества жизни населения. Совершенствование процесса управления и стратегического планирования развития сферы культуры обусловлено необходимостью повышения эффективности использования государственных финансов и уровня инвестиционной привлекательности отрасли. Важную роль в оптимизации процесса управления сферой культуры играют инструменты стратегического планирования. Анализ государственных программ и разделов стратегий социально-экономического развития одиннадцати регионов Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), посвященных развитию сферы культуры, позволил выявить структурные и методические проблемы разработки региональных документов стратегического планирования в сфере культуры. К числу основных проблем относятся: несоответствие структуры и содержания стратегий и программ методическим указаниям (рекомендациям) и порядку их разработки; отсутствие единого методологического подхода к пониманию сущности и базовых составляющих стратегий и программ; отсутствие единого подхода к количеству, составу и форме представления целевых показателей; недостаточный уровень взаимосвязанности региональных документов стратегического планирования. Проблемой разработки стратегий и программ является отсутствие единых требований к показателям оценки выполнения стратегических целей и задач, мероприятий государственных программ, а также взаимоувязанной системы оценки документов стратегического планирования, разработанных на разных уровнях управления. Различия в структурных элементах и несоответствия заявленным критериям отмечаются в рассмотренных документах всех регионов ДФО. Основная причина несоответствия – отсутствие единой методики разработки как региональных стратегий, так и государственных программ.

Ключевые слова: регион, сфера культуры, стратегическое планирование, стратегия социально-экономического развития, стратегия развития отрасли, государственная программа.

Введение. В настоящее время культура стала важным ресурсом социально-экономического развития регионов. Культурный потенциал территории, основными составляющими которого являются различные объекты (памятники истории, архитектуры и народного творчества, уникальные сооружения культуры, музеи) и явления культурного наследия (традиционные промыслы и ремесла, культурные традиции, фестивали, мифы, предания), состояние культурной среды

и культурная атмосфера считаются важным фактором повышения конкурентоспособности регионов. В современных условиях культура нередко используется в качестве инструмента геополитической борьбы за мировое и региональное господство, экономической и политической экспансии [Сарычева, 2010. С. 159].

Сфера культуры выполняет важные функции. Она отвечает за сохранение и трансляцию культурного наследия страны. Как важная составляющая социаль-

Галина Николаевна Строева – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). E-mail: gstro@mail.ru

ной сферы культура вносит существенный вклад в воспитание и образование населения, процессы социализации, инкультурации, идентификации, приобщения к культурному наследию. Наличие благоприятной социокультурной среды рассматривается в настоящее время в качестве условия формирования и развития человеческого капитала территории, сокращения оттока населения и привлечения талантливых людей. В условиях глобализации самобытность и уникальность региональных культур становятся основой для развития территорий и инновационных процессов [Федотова, 2011. С. 18].

Сфера культуры представляет собой сложную и многоуровневую систему, управление которой осуществляется на разных уровнях и отличается межуровневым, межведомственным, межотраслевым и межсекторным характером. В последние годы в России велась активная работа по совершенствованию системы законодательства о культуре, однако многие его нормы не имеют системного характера и содержат ряд пробелов, что затрудняет их применение [Агошков, Москаленко, 2011. С. 70].

Разработка и совершенствование законодательных и нормативно-правовых актов, регулирующих развитие культуры в России, а также государственных программ осуществляется в соответствии с Основами государственной культурной политики¹, признанной неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности страны. Указом Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 культура возведена в ранг стратегического национального приоритета, реализация которого рассматривается в качестве условия обеспечения национальных интересов и безопасности страны². Начиная с 2019 г., в России реализуется национальный проект «Культура».

Важную роль в оптимизации процесса управления сферой культуры играют инструменты стратегического планиро-

вания. В соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ³ к документам регионального стратегического планирования в сфере культуры можно отнести стратегии социально-экономического развития (СЭР) субъекта РФ (далее – Стратегии), стратегии развития культуры и государственные программы развития культуры (далее – Программы) в субъектах РФ.

Цель исследования – выявить проблемы разработки региональных документов стратегического планирования, посвященных развитию сферы культуры в регионах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО), установить насколько данные документы соответствуют методическим рекомендациям (указаниям) и порядку их разработки, утвержденным Минэкономразвития России.

Информационная база. Логика разработки и принятия стратегических документов развития отраслей экономики на уровне региона может быть представлена следующим образом: Стратегия субъекта РФ → стратегия развития отрасли → программа развития отрасли. Стратегии развития культуры есть только у трех регионов ДФО: «Стратегия развития сферы культуры Хабаровского края на период до 2025 года», «Стратегия развития культурной политики Сахалинской области на период до 2030 года» и «Стратегия развития культуры в Камчатском крае до 2025 года».

В статье рассмотрено содержание разделов, посвященных развитию сферы культуры, 10 Стратегий регионов ДФО: Республики Бурятия на период до 2035 года (утверждена 18 марта 2019 г.); Республики Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) до 2032 года с целевым видением до 2050 года (утверждена 19 декабря 2018 г.); Забайкальского края на период до 2030 года (утверждена 26 декабря 2013 г.); Камчатского края до 2030 года (утверждена 27 июля 2010 г.); Приморского края до 2030 года (утверж-

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706 (дата обращения 27.02.2021).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669 (дата обращения 27.02.2021).

³ О стратегическом планировании в Российской Федерации. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения 27.02.2021).

дена 28 декабря 2018 г.); Хабаровского края на период до 2030 года (утверждена 13 июня 2018 г.); Амурской области на период до 2025 года (утверждена 13 июля 2012 г.); Магаданской области на период до 2030 года (утверждена 5 марта 2020 г.); Сахалинской области на период до 2035 года (утверждена 24 декабря 2019 г.); Еврейской автономной области (далее – ЕАО) на период до 2030 года (утверждена 15 ноября 2018 г.) и проекта Стратегии Чукотского автономного округа (далее – ЧАО) до 2030 года (от 16 июля 2014 г.).

Проведен анализ 11 государственных программ развития культуры в регионах ДФО: «Культура Бурятии» (сроки реализации 2014–2017 гг. и на период до 2022 г.); «Развитие культуры в Республике Саха (Якутия) на 2020–2024 годы и на плановый период до 2026 года»; «Развитие культуры в Забайкальском крае» (сроки реализации 2014–2024 гг.); «Развитие культуры

в Камчатском крае» (сроки реализации 2014–2024 гг.) «Развитие культуры Приморского края на 2013–2021 гг.»; «Культура Хабаровского края» (сроки реализации 2012–2024 гг.); «Развитие и сохранение культуры и искусства Амурской области» (сроки реализации 2014–2025 гг.); «Развитие культуры и туризма Магаданской области» (сроки реализации 2014–2024 гг.); «Культура Еврейской автономной области» (сроки реализации 2016–2021 гг.); «Развитие культуры, спорта и туризма Чукотского автономного округа» (сроки реализации 2019–2024 гг.).

Полученные результаты и их об- суждение. Анализ документов стратегического планирования проведен по критериям, представленным на рисунке 1. Выбор критериев сделан с учетом Требований к региональной Стратегии⁴, Методических рекомендаций по разработке и корректировке Стратегии⁵, Порядка

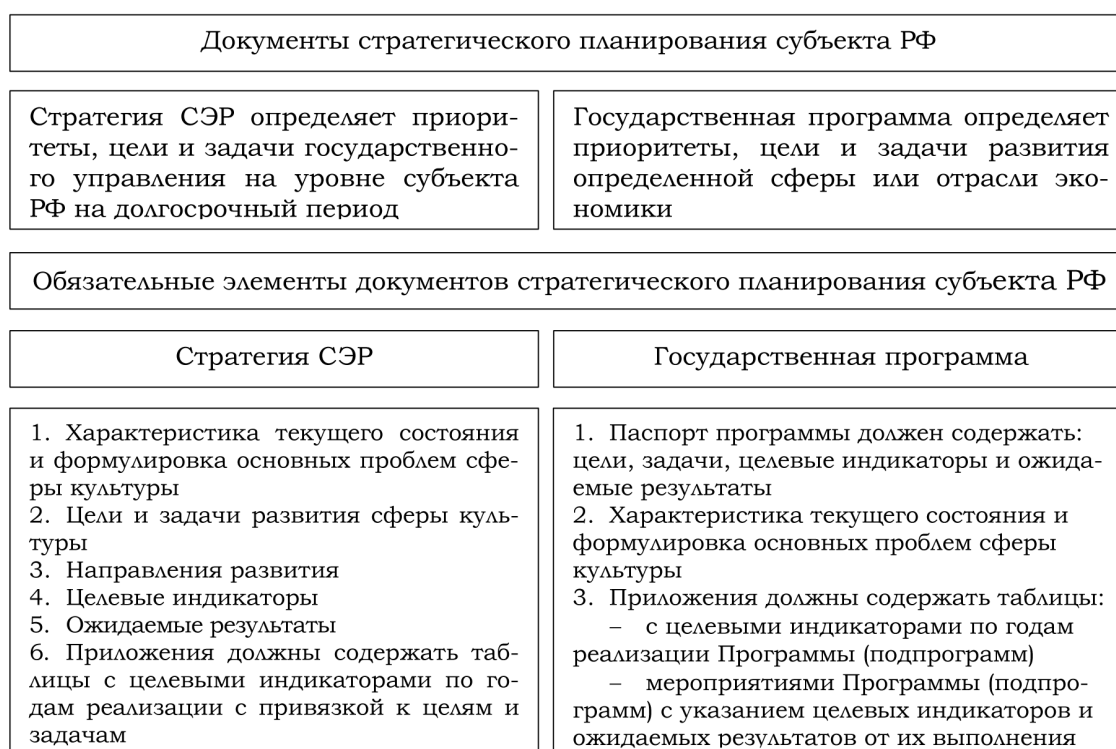

Рис. 1. Обязательные элементы документов стратегического планирования субъекта РФ

⁴ Об утверждении Требований к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Приказ Министерства регионального развития Российской Федерации от 27.02.2007 №14. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 27.02.2021).

⁵ Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации. Приказ Минэкономразвития России №132 от 23 марта 2017 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 27.02.2021).

разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ⁶, Методических указаний по разработке и реализации государственных программ⁷, в которых определена базовая структура Стратегий и Программ субъектов РФ. Следует отметить, что регионы трактуют и выбирают составные элементы Стратегий и Программ по своему усмотрению. Получить представление о соответствии Стратегий регионов ДФО заявленным критериям позволяет информация в таблице 1.

Прежде чем ставить цели и задачи развития отрасли, очень важно на основе анализа её текущего состояния сформулировать основные проблемы. Но это не сделано в Стратегиях четырех регионов ДФО (РС(Я), Забайкальского края, Камчатского края и ЕАО).

Важная роль в стратегическом управлении отводится цели, задачам и направлениям развития. Целеполагание в региональном управлении определяет результат, на который должен выйти регион в развитии отрасли в результате осуществления управленческих действий [Горелова, 2017]. Достижение цели обеспечивается путем выполнения задач.

Цель и задачи развития сферы культуры сформулированы не у всех регионов ДФО. Отсутствует постановка цели и задач в Стратегиях Хабаровского края, Магаданской области и ЧАО. В Стратегии Забайкальского края нет цели и задач, но обозначен стратегический приоритет развития отрасли. Отсутствуют задачи в Стратегии ЕАО. В Стратегии Камчатского края нет задач развития отрасли, но при этом подробно расписаны механизмы реализации стратегических задач в сфере культуры (правовые, организационные, материально-технические и финансовые, информационные, образовательные, кадровые). Цель, задачи и направления развития сферы культуры определены только в Стратегиях Республики Бурятия и Сахалинской области. Формулировки целей развития отрасли отличаются абстрактным характером, что затрудняет оценку степени ее достижения

к окончанию срока реализации Стратегии [Атаева, Орешников, 2019]. Различаются Стратегии регионов ДФО по числу задач и направлений. Минимальное число задач – 3 (Стратегия РС (Я)), а максимальное – 17 (Стратегия Амурской области). В Стратегии Забайкальского края определено 34 направления/мероприятия реализации стратегического приоритета.

Важными составляющими документов стратегического планирования являются целевые индикаторы и ожидаемые результаты. Целевые индикаторы – показатели, с помощью которых можно оценить состояние системы в определенный период (момент) времени, достижение цели и выполнение поставленных задач. Ожидаемые результаты – количественные и качественные характеристики, позволяющие однозначно оценить результаты реализации Стратегии (Программы) (значения целевых индикаторов на последний год реализации). Индикативные показатели также используются в качестве инструмента количественной оценки и контроля деятельности органов государственной власти субъекта РФ. В Методических рекомендациях предлагается оформлять целевые индикаторы и ожидаемые результаты реализации целей, задач и мероприятий в табличной форме в приложениях к Стратегии⁵.

Стратегии субъектов РФ, входящих в ДФО, отличаются числом и составом целевых индикаторов развития отрасли, а также формой их представления. Сложность выбора целевых показателей связана с необходимостью их согласования с целями и задачами стратегического развития отрасли.

Показатели достижения целей Стратегии Республики Бурятия представлены в таблицах Приложения 2 к Стратегии отдельно по приоритетам и сценариям развития (консервативному, умеренно-оптимистичному, инновационному). Развитие отрасли оценивается в рамках приоритета «Развитие человеческого потенциала» по двум показателям: «Увеличение количества посещений организаций культуры (в

⁶ Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ Российской Федерации. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 августа 2010 года № 588. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103481/ (дата обращения: 27.02.2021).

⁷ Об утверждении Методических указаний по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации». Приказ Минэкономразвития России от 16 сентября 2016 года № 582. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW

Таблица 1

**Формулировка цели развития культуры и структурные элементы
в Стратегиях регионов ДФО**

Наименование стратегии	Цель развития культуры	Структурные элементы
1. Стратегия Республики Бурятия	Создать благоприятную и комфортную культурную среду, способствующую доступу к культурным ценностям и творческой самореализации жителей республики, формированию статуса Республики Бурятия как культурного центра российского Востока	Цель; задачи (10 основных задач общего характера и 4 задачи по приоритетным направлениям); приоритетные направления; 2 индикатора
2. Стратегия Республики Саха (Якутия)	Сохранение культурного наследия и единства многонационального народа Республики Саха (Якутия)	Цель, 3 задачи, основные мероприятия, ожидаемые результаты по 5-ти показателям
3. Стратегия Забайкальского края	Постановка цели отсутствует	Стратегический приоритет, мероприятия (всего 34), ожидаемые результаты (по 9-ти показателям)
4. Стратегия Камчатского края	Развитие сферы культуры Камчатского края, включая этнокультурное развитие коренных малочисленных народов Севера, проживающих в данном регионе, создание условий для полноценного личностного развития человека, реализации права граждан на участие в культурной жизни, на доступ к культурным ценностям и обеспечение культурного досуга населения	Цель; 5 приоритетных направлений; механизмы реализации стратегических задач в сфере культуры; 2 индикатора
5. Стратегия Приморского края	Обеспечение условий для выхода культуры и искусства Приморского края на мировой уровень путем гармоничного сочетания творческих новаций на стыке разных культур и бережного отношения к отечественным традициям, российскому классическому наследию	Цель; 7 задач; 2 показателя достижения цели и 24 показателя для оценки выполнения задач
6. Стратегия Хабаровского края	Четкой формулировки цели нет	Определены 2 перспективных направления по обеспечению доступности услуг культуры и искусства населению края.
7. Стратегия Амурской области	Превращение культуры в доступный стратегический ресурс повышения конкурентоспособности человека, источник интеллектуального и культурного развития человеческого капитала, формирование имиджа области как значимого культурно-исторического и туристического центра Дальнего Востока	Стратегическая цель; 17 задач; 3 целевых показателя в тексте (2 в таблице)
8. Стратегия Магаданской области	Постановка цели отсутствует	6 стратегических направлений; 6 целевых показателей
9. Стратегия Сахалинской области	Развитие культурного потенциала области, обеспечивающего сохранение региональной самобытности и национальной идентичности, повышение конкурентоспособности, благосостояния и качества жизни населения, гармоничное развитие личности и укрепление единства российского общества через интеграцию культуры во все сферы общественного устройства и процессы социально-экономического развития Сахалинской области	Основная цель программы; 7 задач; 8 направлений; 8 целевых индикаторов
10. Стратегия ЕАО	Реализация и накопление культурного и этнического потенциала населения области, позволяющего сохранить статус автономии; сохранение исторического и культурного наследия региона	Цель третьего уровня; 6 приоритетных мероприятий по развитию культурной среды; 9 стратегических проектов
11. Стратегия ЧАО	Постановка цели отсутствует	4 направления развития сферы культуры

Источник: составлено автором по Стратегиям социально-экономического развития регионов ДФО. URL: <http://docs.cntd.ru/document>

% к 2017 г.)» и «Доля зданий учреждений культуры и искусства, находящихся в удовлетворительном состоянии, в общем количестве зданий учреждений культуры и искусства, %».

В тексте Стратегии РС(Я) прописаны ожидаемые результаты по пяти показателям, однако в таблице Приложения 6 есть только 2 показателя оценки развития сферы культуры в регионе: «Доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений (не менее 75,7%)» (этот показатель указан и в тексте Стратегии) и «Увеличение количества посещений организаций культуры (в 2024 г. до 15% от уровня 2017 г.)». Целевые показатели в таблице приложения представлены по пяти компонентам стратегической цели.

Перечень ожидаемых результатов, которые должны быть получены в среднесрочной перспективе (к 2020 г.) по пяти индикаторам и в долгосрочной перспективе (к 2030 г.) по четырем индикаторам приведен в тексте Стратегии Забайкальского края. Однако в приложении к Стратегии значения целевых индикаторов развития отрасли расписаны по годам только на период до 2020 г. (5 показателей), причем показатели в тексте и приложении не совпадают.

Целевые показатели в приложении к Стратегии Камчатского края привязаны к поставленным задачам. В разделе Стратегии, посвященном развитию культуры, прописаны ожидаемые результаты по двум целевым индикаторам, а приложение Б содержит целевые показатели для оценки выполнения каждой из трех задач (всего 14 показателей).

Целевые индикаторы в Стратегии Приморского края представлены в таблице Приложения 1 отдельно для оценки достижения цели (2 показателя) и выполнения каждой задачи (24 показателя по 7 задачам).

Значения целевых показателей реализации Стратегии Амурской области в сфере культуры приводятся с разбивкой по трем годам (2015, 2020 и 2025) дважды: 3 показателя в пункте 6.4 «Культура» и 2 показателя (два из трех, что в пункте 6.4) в составе социальных показателей таблицы 4 часть 7. В Стратегии Амурской области приложений нет.

В Стратегии Магаданской области

целевые индикаторы, представленные в Приложении 1, объединены в группы: цель → задача → приоритет. Шесть из десяти целевых индикаторов приоритета «Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов, проживающих на территории Магаданской области, исторических и национально-культурных традиций» и 2 индикатора по приоритету «Сохранение наследия и традиций коренных малочисленных народов Севера» характеризуют развитие сферы культуры.

Целевые индикаторы развития сферы культуры в Стратегии Сахалинской области до 2024 г. в таблице 2 Приложения В привязаны к трем региональным проектам, разработанным в рамках Национального проекта «Культура» (всего 6 показателей). В Приложении Д плановые значения целевых показателей на 2024, 2030 и 2035 гг. приведены по блокам. В блок «Создание точек роста, способных обеспечить реструктуризацию экономики Сахалинской области в долгосрочной перспективе» включены еще 2 показателя: «Отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации, %» и «Количество созданных центров культурного развития».

В Стратегиях Хабаровского края и ЕАО, а также в проекте Стратегии ЧАО целевые индикаторы развития сферы культуры отсутствуют.

Для оценки развития сферы культуры рекомендуется использовать такие показатели, как «Отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по субъекту РФ, %», «Численность, посещаемость организаций культуры»⁵. Проведенный анализ показал, что первый показатель есть в Стратегиях только четырех регионов: Республики Бурятия, Приморского края, Сахалинской и Магаданской областей. Четыре региона используют показатель «Увеличение количества посещений организаций культуры, %» (Республика Бурятия, РС(Я), Камчатский край и Магаданская область).

Государственная программа – это документ стратегического планирования, содержащий комплекс мероприятий по развитию отрасли, в котором обозначены

задачи, исполнители, источники финансирования, сроки выполнения. Государственные программы разрабатываются для реализации целей и задач, заявленных в Стратегиях. При формировании Программ также должны быть учтены цели и задачи национальных проектов. Выполнение одной задачи Программы должно обеспечиваться путем реализации одной подпрограммы, при этом задача Программы становится целью подпрограммы. Содержание и структура Программы определяются Порядком⁶ и Методическими указаниями⁷.

Реализация Программы «Культура Бурятии» нацелена на то, чтобы обеспечить условия для многообразной и полноценной культурной жизни населения Республики Бурятия. Достижение цели обеспечивается путем выполнения шести задач. Программа реализуется по пяти подпрограммам. В тексте Программы есть ряд несоответствий. Паспорт программы содержит 6 целевых индикаторов и их значения, на которые должна выйти сфера культуры к окончанию срока реализации Программы. Далее в тексте Программы определены 5 первоочередных задач (нет 6-й задачи из паспорта Программы – Реставрация объектов культурного наследия). Число индикаторов, по которым прописаны ожидаемые результаты, в тексте Раздела III увеличилось до 7. В этом же разделе есть таблица индикаторов Программы, в которой указаны расписанные по годам реализации программы значения 8-ми индикаторов.

Содержание паспортов подпрограмм отличается от содержания паспорта Программы (в них отсутствует пункт – ожидаемые результаты реализации подпрограммы). Ожидаемые результаты по каждому индикатору к концу срока реализации подпрограммы прописаны в характеристиках подпрограмм, а роспись прогнозируемых значений по годам реализации и задачам подпрограмм сделана в таблицах. При этом число индикаторов в характеристиках подпрограмм (23 по всем подпрограммам), не совпадает с числом индикаторов в таблицах (всего 34). Кроме этого, в Приложении к Программе есть сводная таблица с индикаторами Программы (всего 8) и индикаторами по каждой подпрограмме (общее число индикаторов по пяти подпрограммам – 33).

Целевые значения в этой таблице также расписаны по годам. Из двух целевых индикаторов развития культуры, указанных в Стратегии, в Программе есть только один – «Увеличение количества посещений организаций культуры (в 2022 г. на 15% к 2017 г.)».

Программа РС(Я) включает 6 подпрограмм, названия пяти из них полностью соответствуют формулировкам задач программы. Цели пяти подпрограмм дублируют их названия. Исключение составляет обеспечивающая подпрограмма. Целевые индикаторы, прописанные в паспортах подпрограмм, увязаны с поставленными задачами. Все целевые индикаторы в Программе представлены в таблице приложения, где они разбиты по подпрограммам (6 индикаторов) и основным мероприятиям (в паспортах подпрограмм это задачи, всего 21 индикатор). Реализация Программы оценивается с помощью индикатора «Увеличение числа посещений организаций культуры на 15% к уровню 2017 г.» (он соответствует показателю в Стратегии). В Программе РС(Я) обнаруживается несоответствие количества целевых индикаторов, заявленных в паспортах Программы и подпрограмм, с количеством индикаторов, представленных в таблице Приложения №1, где они расписаны по программе, подпрограммам и основным мероприятиям Программы.

Цель Программы Забайкальского края достигается через решение трех задач, под каждую из которых разработана подпрограмма. Следует отметить единообразие содержания паспортов Программы и подпрограмм. Достижение цели по каждой подпрограмме обеспечивается путем решения только одной задачи. При этом формулировки задач подпрограмм полностью совпадают с формулировками задач Программы, но для оценки результатов выполнения задач подпрограмм используются другие индикаторы. В Приложении 1 приведены целевые показатели с разбивкой по следующим группам: 3 показателя достижения цели Программы, 4 показателя по трем подпрограммам и 30 показателей по мероприятиям подпрограмм. Из множества целевых показателей, используемых для оценки достижения цели и выполнения задач Программы, только два показателя соотносятся с целевыми показателями Стратегии: «Число посещений

спектаклей, концертов, организованных государственными учреждениями культуры» (Стратегия) и «Увеличение к 2024 году на 16% числа посещений организаций культуры» (Программа); «Численность участников клубных формирований самодеятельного народного творчества, тыс. чел.» (Стратегия) и «Средняя численность участников клубных формирований в расчете на 1 тыс. человек (в муниципальных домах культуры)» (Программа).

Для оценки достижения цели и выполнения задач Программы Камчатского края предложены 9 индикаторов. Содержание раздела паспорта Программы «Ожидаемые результаты реализации Программы» говорит о том, что ее авторы не понимают сущности этого базового элемента. Пять из семи ожидаемых результатов сформулированы как создание условий для выполнения отдельных пунктов цели Программы, а два полностью соответствуют двум целевым индикаторам (увеличение на 15% числа посещений учреждений культуры и увеличение числа обращений к цифровым ресурсам в сфере культуры в 5 раз).

Программа Камчатского края включает 6 подпрограмм. В двух из них заявлено по 2 цели, в одной – 3 и в трех – по одной. Ожидаемые результаты, также как и в Программе, не соотносятся с целевыми индикаторами подпрограмм. В паспортах подпрограмм есть пункт «Программно-целевые инструменты», в котором во всех подпрограммах написано слово «отсутствует». Возникает вопрос о необходимости такого пункта в паспорте. В Приложении 2 к Программе расписаны ожидаемые результаты по мероприятиям подпрограмм, однако их состав и количество не соответствуют тому, что записано в паспортах подпрограмм. Здесь следует отметить, что в данном приложении для оценки выполнения каждого мероприятия указаны целевые показатели.

В паспорте Программы Приморского края заявлено 3 цели, реализация которых обеспечивается через выполнение 4-х задач. Цели и задачи программы прописаны еще раз в тексте Программы в разделе I «Приоритеты государственной политики в сфере реализации государственной программы». Для оценки выполнения всей Программы используется всего один пока-

затель – охват населения Приморского края культурными мероприятиями, а в пункте «Ожидаемые результаты реализации государственной программы» приведены значения по 42 целевым показателям. Общее число целей по всем подпрограммам – 9, а достигаются они через выполнение всего 10-ти задач. В паспортах подпрограмм пункта с ожидаемыми результатами нет. В Приложении 1 целевые показатели разбиты по Программе (1 показатель) и четырем подпрограммам (54 показателя). В данной Программе также есть отличия по числу и составу целевых показателей в паспортах подпрограмм и Приложении, содержащем значения целевых показателей с разбивкой по годам реализации и на подпрограммы.

Программа Хабаровского края отличается тем, что в её структуре нет подпрограмм, а в паспорте приведен перечень 14-ти мероприятий и 3-х проектов, реализация которых направлена на достижение цели. Приложение 1 содержит целевые индикаторы, характеризующие выполнение Программы в целом (5 индикаторов) и каждого мероприятия и проекта Программы (всего 58).

В структуре Программы Амурской области выделено 9 подпрограмм, каждая из которых разработана под выполнение одной из 9-ти задач, при этом задачи программы – это цели подпрограмм. Цели (3), задачи (9) и ожидаемые результаты (14) Программы записаны в паспорте Программы. Далее в тексте пункта 3 раздела I «Приоритеты государственной политики в сфере реализации государственной программы, цели, задачи и ожидаемые конечные результаты» после описания цели (1) и задач (21) государственной политики в сфере культуры еще раз перечислены цели и задачи Программы. Затем идет таблица 1 «Проблемы, задачи и результаты реализации государственной программы», которая содержит формулировки решаемых проблем, задачи Программы, наименования подпрограмм, сроки реализации и конечные результаты подпрограмм (16 целевых показателей). Далее в пункте 4 раздела I дается описание подпрограмм, в котором опять указываются задачи, на решение которых направлены подпрограммы и ожидаемые результаты подпрограмм. Раздел II Программы содержит паспорта и описа-

ние подпрограмм, где также наблюдается дублирование одной и той же информации. В Приложении 1 ожидаемые результаты по годам реализации расписаны по Программе, подпрограммам и мероприятиям.

Пять из шести подпрограмм Программы «Развитие культуры и туризма Магаданской области» направлены на развитие культуры. Для данной Программы также характерно дублирование одной и той же информации в паспортах и тексте. Отличительная особенность данной Программы заключается в том, что в качестве ожидаемых результатов ее реализации обозначено увеличение целевых показателей. Значения целевых индикаторов, указанных в паспорте Программы, в Приложении 1 приведены с разбивкой по подпрограммам. Приложение 3 содержит перечень мероприятий Программы с формулировками ожидаемых результатов.

Цель и задачи Программы Сахалинской области также дублируются в паспорте и тексте Программы (в разделе 2). Вместо двух пунктов («Целевые индикаторы» и «Ожидаемые результаты») в паспорте Программы есть пункт «Целевые индикаторы государственной программы и их количественные значения». В разделе 5 представлена таблица с формулами расчета целевых показателей. В Приложении 1 приведен перечень мероприятий Программы с описанием ожидаемых результатов от их реализации, а также целевых индикаторов. Значения целевых индикаторов с разбивкой по годам приведены в Приложении 5.

Количество целевых индикаторов в паспорте Программы ЕАО не совпадает с количеством показателей, по которым указаны значения в пункте «Ожидаемые результаты реализации Программы». В 4-м разделе Программы (Перечень показателей (индикаторов) государственной программы) есть таблица, в которой значения десяти целевых показателей расписаны по годам реализации. А в разделе 5 (Прогноз конечных результатов государственной программы) дублируется перечень ожидаемых результатов по 31 показателю из паспорта Программы. В Программе расписаны мероприятия с указанием целевых показателей для оценки их выполнения. Это единственная Программа, в которой

нет приложений.

В ЧАО нет отдельной программы развития культуры. Программа «Развитие культуры, спорта и туризма Чукотского автономного округа» включает 10 подпрограмм, 8 из них направлены на развитие культуры в регионе. Цели и задачи Программы дублируются в её паспорте и в разделе 1 «Приоритеты, цели и задачи Государственной программы», а приоритеты в этом разделе отсутствуют. Ожидаемые результаты реализации Программы и подпрограмм практически не связаны с целевыми индикаторами.

Данные таблицы 2 дают представление о соответствии Стратегий и Программ регионов ДФО заявленным критериям оценки, а также о расхождениях в количестве целевых индикаторов в документах разных субъектов РФ и в разных частях одной и той же Программы.

Выводы. Проведенный анализ позволил выявить несоответствия заявленным критериям в Стратегиях и Программах каждого региона ДФО. Не во всех Стратегиях есть постановка цели и задач, а также направления развития сферы культуры в регионе. Формулировки целей как в Стратегиях, так и в Программах в основном имеют абстрактный характер, что создает сложность оценки степени их достижения. Только 4 региона при разработке Госпрограмм выполнили рекомендации Минэкономразвития России по соотношению числа подпрограмм с числом задач Программы (Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край и Амурская область). В Программах Забайкальского края и РС(Я) не выполнено требование о недопустимости дублирования формулировок целей и задач в Программе и подпрограммах.

Отсутствует единый подход к выбору и форме представления целевых показателей, как в Стратегиях, так и в Программах. Количество и набор целевых показателей отличаются даже в разных частях одного и того же документа стратегического планирования. Большое число во многом случайных количественных индикаторов, содержащихся в рассмотренных Программах и Стратегиях, не позволяет получить полноценное и системное представление о реальном состоянии, тенденциях и отклонениях в развитии сферы культуры в субъектах РФ

[Найден, 2019. С. 34], а также проводить межрегиональные сравнения. Отсутствие единых требований к показателям оценки выполнения стратегических целей и задач, мероприятий государственных программ, а также взаимоувязанной системы оценки документов стратегического планирования, разработанных на разных уровнях управления, можно отнести к числу наиболее проблемных вопросов их разработки

[Липина, Сорокина, Беляевская-Плотник, Бочарова, 2019. С. 58]. Для повышения эффективности государственного управления в сфере культуры очень важно обеспечить согласованность региональных документов стратегического планирования в части целевых индикаторов (прогнозы социально-экономического развития, Стратегии и Программы) [Крейденко, 2018. С. 69].

Порядком разработки Программ опре-

Таблица 2

Критерии оценки разделов Стратегий, посвященных развитию сферы культуры, и Программ регионов ДФО

Критерии оценки Стратегии	Субъект РФ										
	Республика Бурятия	Республика Саха (Якутия)	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	ЕАО	ЧАО
Стратегия											
Характеристика текущего состояния и формулировка основных проблем сферы культуры	+	-	-	-	+	+	+	+	+	-	+
Цель развития сферы культуры	+	+	-	+	+	-	+	-	+	+	-
Задачи	14	3	-	-	7	-	17	-	7	-	-
Индикаторы достижения цели и решения задач (ожидаемые результаты)	2	5	9	2	26	-	3	6	8	-	-
Государственная программа											
Характеристика текущего состояния и формулировка основных проблем сферы культуры	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	-
Цели программы	1	1	1	1	3	1	3	1	1	1	7
Задачи	6	6	3	6	4	3	9	9	16	6	7
Число подпрограмм	5	7	3	6	4	-	9	6	-	-	8
Индикаторы (показатели) достижения цели и выполнения задач и ожидаемые результаты реализации Программы (подпрограмм)											
ЦИП в паспорте Программы	6	6	3	9	1	5	-	35	64	10	6
ОРП в паспорте Программы	6	6	3	7	42	5	14	33	-	31	9
ЦИП в таблице приложения к Программе	8	1	3	9	1	63	14	-	64	10	6
ЦИПП в паспортах подпрограмм	-	24	4	38	52	-	-	34	-	-	49
ОРПП в паспортах подпрограмм	-	15	4	32	-	-	16	33	-	-	25
ЦИПП в таблице приложения к Программе	33	27	4	38	54	-	16	34	-	-	49
Значения ЦИ по годам	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
Взаимосвязь ЦИ с мероприятиями	+	+	+	+	+	+	+	-	+	+	+
Методика оценки эффективности	-	-	-	+	-	+	-	-	+	+	-
Объем Программы, страниц	114	57	47	75	57	96	108	93	115	77	155

Обозначения: ЦИП, ЦИПП – целевые индикаторы Программы и подпрограмм; ОРП, ОРПП – ожидаемые результаты реализации Программы и подпрограмм

Источник: составлено автором по Стратегиям и Программам регионов ДФО.

делена структура паспортов Программ и подпрограмм. Однако не все регионы ДФО её придерживаются. Нет единства в названиях отдельных пунктов паспортов. В Программах Забайкальского края, Амурской и Сахалинской областях вместо пунктов «Целевые индикаторы и показатели программы» и «Ожидаемые результаты реализации программы» есть один пункт, в котором приведены значения целевых индикаторов к окончанию срока реализации Программы. На наш взгляд, в паспорте Программы следует заменить эти два пункта одним «Значения целевых индикаторов на последний год реализации Программы». Структура паспортов Программ и подпрограмм не всегда совпадает (в Программах Республики Бурятия, Приморского края). Многократное повторение одной и той же информации в разных частях Программы приводит к значительному увеличению её объемов.

Список литературы:

1. Агошков А. В., Москаленко Г. К. Развитие российского законодательства о культуре (общий анализ) // Вопросы культурологии. 2011. №11. С. 70–75.
2. Атаева А. Г. Орешников В. В. Проблемы разработки стратегий социально-экономического развития в регионах Приволжского Федерального округа // Региональные исследования. 2019. №3 (65). С.63–75. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-6
3. Горелова И. В. Оценка стратегий

регионального развития // Научный вестник ВФ РАНХиГС. Серия: Экономика. 2017. № 1–2. С. 33–40.

4. Крейденко Т. Ф. Подходы к формированию системы показателей региональных государственных программ в системе стратегического планирования Российской Федерации // Принципы стратегического планирования: методология и практика : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Совета по изучению производительных сил ВАВТ Минэкономразвития России. Всероссийская академия внешней торговли. М.: Минэкономразвития России. 2018. С. 68–70.

5. Липина С. А., Сорокина Н. Ю., Беляевская-Плотник Л. А., Бочарова Л. К. Формирование единых подходов к системе показателей документов стратегического планирования субъектов Российской Федерации // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 1. С. 56–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.5>

6. Найден С. Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 24–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36

7. Сарычева П. В. Влияние сферы культуры на социально-экономическое развитие региона // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 6 (022). С. 158–161.

8. Федотова Н. Г. Сфера культуры как стратегический ресурс региона // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63. С.17–21.

Библиографическое описание статьи

Строева Г. Н. Развитие сферы культуры в документах стратегического планирования регионов Дальневосточного федерального округа // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 45–56. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-45-56

Galina N. Stroevea – Candidate of Sociology, associate professor, the economic theory and national economy chair, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russia). E-mail: gstro@mail.ru

Development of the cultural sphere in strategic planning documents for the regions of the Far-Eastern federal district

At the legislative level, it is established that the culture of Russia, as well as natural resources, is the property of the country and an important resource for the socio-economic development of all its territories and improving the quality of life of the population. Improving the management process and strategic planning of development of the sphere of culture is due to the need for more efficient use of public finances and the level of investment attractiveness of the industry. Strategic planning tools play an important role in optimizing the process of managing of the sphere of culture. The analysis of state programs and strategies sections

of the socio-economic development of the eleven regions of FEFD on the development of the sphere of culture, revealed the structural and methodological problems of the development of regional strategic planning documents in the sphere of culture. The main problems include: inconsistency of the structure and content of strategies and programs with methodical instructions (recommendations) and the procedure for their development; lack of a unified methodological approach to understanding the essence and basic components of strategies and programs; lack of a unified approach to the number, composition and presentation of target indicators; insufficient level of interconnection of regional strategic planning documents. A serious problem in the development of strategies and programs is the lack of uniform requirements for indicators for assessing the implementation of strategic goals and objectives, measures of government programs, as well as an interconnected system for assessing strategic planning documents developed at different levels of management. Differences in the structural elements and inconsistencies with the stated criteria are noted in the reviewed documents of all FEFD regions. The main reason for the discrepancy – is the lack of a unified methodology for the development of both regional strategies and government programs.

Keywords: region, cultural sphere, strategic planning, socio-economic development strategy, industry development strategy, state program.

References:

1. Agoshkov A. V., Moskalenko G. K. Development of Russian legislation on culture (general analysis) *Voprosy kul'turologii* [Issues of Cultural Studies], 2011, no.11, pp. 70–75. (In Russian).
2. Ataeva A. G., Oreshnikov V. V. Problems of socio-economic strategic planning in Privolzhsky Federal District regions *Regional'nyye issledovaniya* [Regional studies], 2019, no. 3 (65). C.63–75. DOI: 10.5922/1994-5280-2019-3-6 (In Russian).
3. Gorelova I. V. Evaluation of regional development strategies *Nauchnyj vestnik Volgogradskogo filiala RANHiGS. Seriya: Ekonomika* [Scientific Bulletin of the Volgograd branch of the Ranepa. Series: Economics], 2017, no. 1-2, pp. 33–40. (In Russian).
4. Kreydenko T. F. Approaches to the Formation of a System of Indicators of Regional State Programs in the System of Strategic Planning of the Russian Federation. *Printsipy strategicheskogo planirovaniya: metodologiya i praktika: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Soveta po izucheniyu proizvoditelnykh sil VAVT Minekonomrazvitiya Rossii. Vserossiyskaya akademiya vneshney trgovli* [Principles of Strategic Planning: Methodology and Practice. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference of the Council for the Study of the Productive Forces of the Higher High-Tech Department of the Ministry of Economic Development of Russia. All-Russian Academy of Foreign Trade Ministry of Economic Development of Russia]. Moscow, Minekonomrazvitiya Rossii Publ., 2018, pp. 68-70.
5. Lipina S. A., Sorokina N. Yu., Belyaevskaya-Plotnik L. A., Bocharova L. K. Development of Common Approaches to the System of Indicators for Strategic Planning Documents of Russian Regions *Regionalnaya ekonomika. Yug Ros-sii* [Regional Economy. The South of Russia], 2019, vol. 7, no. 1, pp. 56-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.1.5> (in Russian).
6. Naiden S. N. Implementation of the state policy in the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, No. 4 (93), Pp. 24–36. DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-24-36 (In Russian).
7. Sarycheva P. V. Influence of culture sphere on socioeconomic development of region *Sotsial'noekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Social-Economic Phenomena and Processes], 2010, no. 6 (022), pp. 158–161. (In Russian).
8. Fedotova N. G. The sphere of culture as a strategic resource of the region *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Novgorod state university], 2011, no.63, pp. 17–21. (In Russian).

Reference to the article

Stroeva G. N. Development of the cultural sphere in strategic planning documents for the regions of the Far-Eastern federal district // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 45–56. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-45-56

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-57-69
УДК 332.145(571.6)

М. Н. Соломко

Бюджетная устойчивость и динамика экономического развития регионов

Статья посвящена отдельным аспектам оценки бюджетной устойчивости субъектов РФ. Объектом исследования являются бюджеты регионов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Обзор подходов к определению и анализу бюджетной устойчивости показал разнообразие, а в отдельных случаях – несовпадение оценок уровней бюджетной устойчивости, полученных исследователями. В рамках данной статьи анализ бюджетной устойчивости был проведен с помощью двух критериев: чувствительность доходов к изменению экономической ситуации в стране в целом и в регионе; масштаб колебаний объема доходов бюджета. Для оценки уровня чувствительности использовался показатель эластичности налоговых и неналоговых доходов по валовому региональному продукту, масштаб колебаний доходов был оценен в рамках анализа динамики показателей бюджетов. Анализ показал, что доходы бюджетов субъектов Дальневосточного федерального округа в большинстве характеризуются невысоким уровнем чувствительности к общенациональным тенденциям развития экономики. Степень их чувствительности к изменениям экономической ситуации в регионе оценена как высокая для Республики Саха (Якутия), Камчатского края и Сахалинской области. Данные регионы существенно отличаются по доле дотаций в структуре доходов, что подтверждает отсутствие прямой связи между зависимостью бюджета от мер бюджетного регулирования и чувствительностью его доходов к изменениям экономической ситуации. В соответствии со вторым критерием наибольший риск снижения устойчивости характерен для Сахалинской области и Чукотского автономного округа. Автор статьи разделяет мнение ученых, полагающих, что наиболее действенной мерой в части повышения бюджетной устойчивости является создание прочной экономической основы, вклад в формирование которой должен быть внесен силами органов государственной власти самих субъектов РФ и федерального Правительства. Результаты исследования могут послужить основой для дальнейшего изучения теоретических и практических аспектов бюджетной устойчивости и использоваться в образовательном процессе.

Ключевые слова: бюджет субъекта РФ, доходы бюджета, налоговые доходы, бюджетная устойчивость, Дальневосточный федеральный округ.

Введение. Достижение стратегических целей социально-экономического развития государства зависит от многих факторов, в том числе от ресурсного обеспечения проектов и программ, реализуемых на федеральном и территориальном уровнях. Достаточность средств для их финансового обеспечения определяется состоянием бюджетов публично-

правовых образований. В свою очередь, одной из обобщенных характеристик состояния бюджетов является бюджетная устойчивость.

Данное исследование посвящено анализу отдельных аспектов бюджетной устойчивости субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО). Экономико-

Мария Николаевна Соломко – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры финансов и кредита, Хабаровский государственный университет экономики и права (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 134). E-mail: solomko_m_n@mail.ru

географическое положение данных регионов обуславливает их геостратегическое значение для Российской Федерации и приоритетность цели по их сбалансированному социально-экономическому развитию, одним из условий которого является бюджетная устойчивость публично-правовых образований.

Не отрицая отдельных положительных изменений в экономике и социальной сфере дальневосточных субъектов РФ, стоит отметить сохранение их значительного отставания от регионов, входящих в состав других федеральных округов, по целому ряду показателей, характеризующих качество жизни населения и эффективность экономики [Леонов, 2020; Прокапало, 2020]. Это является еще одним аргументом в пользу анализа различных аспектов состояния общественных финансов регионов, входящих в состав ДФО.

Цель исследования состоит в анализе факторов, влиявших на уровень бюджетной устойчивости регионов в отчетном периоде, и выработке суждения о возможности их негативного воздействия в перспективе.

Теория вопроса и обзор научных исследований по теме. Вопросам оценки и обеспечения бюджетной устойчивости публично-правовых образований посвящено большое число работ российских и зарубежных исследователей [Malkina, 2020]. Интерес к проблематике бюджетной устойчивости представляется вполне закономерным: в условиях глобализации экономики усиливается влияние внешних факторов на состояние общественных финансов, которое, в свою очередь, определяет возможности органов публичной власти по регулированию рынков и социальной сферы. Бюджетная устойчивость как характеристика состояния общественных финансов обладает двусторонней связью с другими показателями стабильности социально-экономической системы. С одной стороны, уровень бюджетной устойчивости может меняться под воздействием различных эндогенных и экзогенных факторов, отражающих рыночные, политические, социальные и иные процессы. С другой стороны, степень бюджетной устойчивости влияет на стабильность финансово-кредитной сфе-

ры, состояние нефинансовых рынков, уровень и качество жизни населения, социальный климат. Иными словами, высокий уровень бюджетной устойчивости является одним из условий, определяющих способность социально-экономической системы противодействовать негативному воздействию различных внутренних и внешних факторов, а низкий уровень, напротив, способен усиливать их дестабилизирующее влияние.

В научных публикациях, аналитических материалах органов государственной власти и правовых актах приводятся различные определения и (или) характеристики бюджетной устойчивости. По нашему мнению, в большинстве случаев они отражают не взаимоисключающие взгляды представителей научного и экспертного сообщества и органов государственного управления на сущность бюджетной устойчивости, а различные ее аспекты. Стоит отметить, что комплексное содержание категории «бюджетная устойчивость» дало основание для классификации ее видов по различным критериям, включая временной горизонт, уровень публичной власти и другие признаки [Сульженко, 2014]. Не углубляясь в дискуссию о содержании бюджетной устойчивости, выделим основные его аспекты. Во-первых, бюджетная устойчивость может рассматриваться с позиций статического и динамического подходов. В соответствии со статическим подходом бюджетная устойчивость представляет собой набор характеристик бюджета, позволяющих (либо позволявших в отчетный период) органам публичной власти своевременно и в предусмотренном объеме исполнять расходные и долговые обязательства. К таковым параметрам принято относить размер и уровень дефицита, государственного (муниципального) долга, расходов на его обслуживание, структуру доходов, достаточность налоговых и неналоговых доходов для исполнения расходных обязательств и другие характеристики бюджета [Кулагина, 2020; Ускова, 2015; Яшина, Роганова 2018]. Оценка основывается на сравнении показателей бюджета данного публично-правового образования с параметрами бюджетов других публично-правовых образований

либо с нормативными значениями. Согласно динамическому подходу степень бюджетной устойчивости определяется характером реакции показателей бюджета на изменение экономической конъюнктуры, возможностью и скоростью возвращения параметров бюджета на докризисную траекторию развития. Кроме того, бюджетная устойчивость отождествляется с сохранением у органов государственной власти возможностей по эффективно использованию бюджетного механизма в регулировании социально-экономических процессов на различных стадиях экономического цикла [Сульженко, 2014]. Иными словами, в рамках данного подхода исследуется адаптационный потенциал бюджетной политики и связанная с ним мера чувствительности показателей бюджета к воздействию экзогенных и эндогенных факторов.

Оценка бюджетной устойчивости как меры чувствительности к динамике параметров внешней среды нередко осуществляется в контексте бюджетных рисков [Ткашева, 2019]. Стоит отметить существование различных трактовок самого понятия «бюджетный риск», многообразие их видов и источников возникновения, а также альтернативных способов их количественной оценки, преимущественно основанных на аппарате математической статистики [Цветова, 2016]. Большим уровнем бюджетной устойчивости характеризуется публично-правовое образование, формирование доходов бюджета которого сопряжено с меньшими рисками.

Во-вторых, согласно программным документам¹ и аналитическим материалам финансовых органов, бюджетная устойчивость является необходимым условием преобразований в сфере общественных финансов и в других областях, т. к. её уровень определяет ресурсную обеспеченность проектов и мероприятий, а также гарантии их реализации в условиях изменения макроэкономической ситуации.

В-третьих, перспективным направлением научных исследований последних

лет стало изучение бюджетной устойчивости в качестве одного из элементов экономической безопасности государства и регионов. [Немирова, 2018; Яшина, Кравченко, 2018].

Несмотря на взаимодополняющий характер подходов к определению бюджетной устойчивости, оценки, полученные в рамках их применения, могут существенно различаться [Казакова, 2018].

На основе анализа данных за период с 1998 г. по 2016 г. авторами названного исследования обоснован вывод о том, что субъекты Федерации, в бюджетах которых значительную долю занимали безвозмездные поступления, характеризуются более высоким уровнем устойчивости по сравнению с регионами со средним и высоким уровнем финансовой автономии [Казакова, 2018].

Противоположные оценки получены научным коллективом под руководством Н. И. Яшиной. Согласно разработанному им методологическому подходу, более высоким уровнем бюджетной устойчивости обладают территории с высоким уровнем бюджетной обеспеченности. Для этой категории публично-правовых образований характерно существенное превышение объема налоговых доходов над величиной безвозмездных поступлений, низкий уровень долговой нагрузки, достаточность средств для исполнения не только первоочередных обязательств, но и для финансового обеспечения проектов и программ, ориентированных на развитие экономики и социальной сферы [Яшина, Роганова, 2018].

Особого внимания заслуживают оценки бюджетной устойчивости, полученные М. Ю. Малкиной [Malkina, 2020], в работе которой представлены результаты оценки рисков при помощи модели, в основу которой положен анализ временных рядов двух показателей – доли доходов бюджета в валовом региональном продукте и величины реальных душевых бюджетных доходов. По результатам расчетов в категории регионов с высоким уровнем бюджетного риска и, следовательно, низким уровнем бюджетной

¹ Например, Концепция повышения эффективности бюджетных расходов в 2019–2024 годах: распоряжение Правительства Российской Федерации от 31.01.2019 № 117-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_317187/d5887f037ec048b8f130ba0d80ed2e57d47a3d1e/

устойчивости, оказались субъекты РФ, существенно различающиеся по показателям бюджетной обеспеченности. Наряду с субъектами Федерации, в бюджетах которых значительную долю составляют дотации и другие виды безвозмездных поступлений из федерального бюджета, в число регионов с низким уровнем бюджетной устойчивости вошли отдельные приграничные субъекты РФ и субъекты РФ, экономика которых ориентирована на внешний рынок.

В основном на портфельном подходе исследовании [Малкина, 2017] обосновано, что риск формирования налоговых доходов бюджетов субъектов РФ в значительной степени определяется структурой экономики региона и обусловленным ею соотношением различных видов налоговых поступлений в их общем объеме. Таким образом, результаты научных исследований М. Ю. Малкиной подтверждают, что первоисточником бюджетных рисков и, как следствие, ключевым фактором низкой либо высокой степени бюджетной устойчивости является отраслевая структура экономики, степень ее развития и диверсификации.

На наш взгляд, все рассмотренные подходы, равно как и полученные на основе их апробирования результаты оценки, представляют научный интерес. При этом мы разделяем мнение авторов, полагающих, что анализ бюджетной устойчивости должен проводиться с учётом особенностей модели бюджетного федерализма и соответствующего ей механизма бюджетного регулирования. С теоретической точки зрения, в странах с децентрализованной конкурентной моделью бюджетного федерализма большей бюджетной устойчивостью обладают публично-правовые образования с диверсифицированной экономикой, высоким уровнем инвестиционной привлекательности и, как следствие, значительным налоговым потенциалом и преобладанием в структуре доходов бюджета налоговых поступлений. Конкурентная модель бюджетного федерализма предполагает ограниченное участие центрального правительства в выравнивании вертикальных и горизонтальных бюджетных дисбалансов и обеспечении сбалансированности региональных бюджетов.

Иными словами, в условиях ухудшения экономической конъюнктуры субнациональные территориальные образования главным образом опираются на имеющиеся в их распоряжении инструменты регулирования общественных финансов, а не на поддержку за счет средств федерального бюджета. Соответственно «запас финансовой прочности» каждого публично-правового образования будет определять реакцию доходов и расходов бюджета на изменение внешних условий, в которых осуществляется его исполнение.

Иначе обстоит ситуация в государствах с кооперативной моделью бюджетного федерализма. В условиях проведения политики бюджетного выравнивания наименьшими колебаниями в количественных и структурных показателях бюджетов будут характеризоваться публично-правовые образования, обладающие меньшим экономическим и бюджетным потенциалом и формирующие свои бюджеты, главным образом, за счет безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Минимальная вариация параметров их доходов и расходов, низкий уровень зависимости от изменений экономической конъюнктуры формируют впечатление бюджетной устойчивости таких территориальных единиц.

В Российской Федерации, относящейся к группе стран с централизованной кооперативной моделью федерализма, механизм бюджетного регулирования, применяемый федеральным центром, в значительной мере нивелирует риски снижения бюджетной устойчивости регионов. Например, авторы исследования [Божечкова, 2018] при помощи составленной ими эконометрической модели доказали стабилизационные свойства межбюджетных трансфертов и оценили силу данного эффекта.

При этом гибкость механизма бюджетного регулирования, проявляющаяся, например, в предоставлении дискреционных межбюджетных трансфертов, позволяет Правительству РФ оперативно оказывать финансовую поддержку не только субъектам Федерации с низким уровнем бюджетной обеспеченности и устойчиво неблагоприятными тенден-

циями развития, но и регионам, финансовое положение которых внезапно ухудшилось под воздействием внешних факторов глобального или локального характера [Голованова, 2018].

Безусловно, активная роль Правительства РФ в поддержании бюджетной устойчивости субъектов Федерации не снижает актуальность вопроса её оценки, поскольку достижение цели по активизации потенциала саморазвития регионов предполагает, что в среднесрочной перспективе основным механизмом поддержания бюджетной устойчивости для большинства субъектов РФ должны стать не безвозмездные поступления из федерального бюджета, а внутренние ресурсы.

Методы и информационная база исследования. Мы разделяем мнение исследователей, полагающих, что в наиболее общем виде уровень бюджетной устойчивости может быть оценен исходя из меры чувствительности доходов бюджетов к изменению экономической конъюнктуры, а также масштабов колебаний доходов [Букланов, 2016; Казакова, 2018].

Исходя из этого, на первом этапе исследования мы проанализировали темпы изменения показателей бюджетных доходов в контексте общенационального тренда развития экономики, а затем сопоставили их с темпами роста валового регионального продукта (далее – ВРП). Далее для оценки чувствительности налоговых и неналоговых доходов бюджетов были рассчитаны показатели их эластичности по ВРП по методике Г. К. Лапушинской [Лапушинская, 2014]. Отметим, что анализ эластичности широко применяется в работах российских исследователей для оценки состояния бюджетов, в том числе их устойчивости в рамках краткосрочного и среднесрочного периодов [Букланов, 2016; Гурвич, 2020; Чистик, 2010].

На втором этапе мы проанализировали стабильность изменения доходов бюджетов субъектов РФ, входящих в состав ДФО. Далее в процессе сравнительного анализа были сделаны выводы о связи между масштабом колебаний доходов

бюджета и уровнем диверсификации экономики региона.

Информационной базой анализа послужили данные отчетов об исполнении консолидированных бюджетов регионов, входящих в состав ДФО, размещенные на официальном интернет-сайте Федерального казначейства². В выборку включены показатели бюджетов девяти регионов Дальнего Востока (за исключением Забайкальского края и Республики Бурятия, которые вошли в состав ДФО в 2018 г.).

Большая часть расчетов была проведена на основе данных за 2008–2018 гг. Вместе с тем для получения более полной картины современных изменений в состоянии бюджетов также была рассмотрена их динамика за 2019–2020 гг. Поскольку на момент проведения исследования отчетность об исполнении бюджетов не была подготовлена и размещена в открытом доступе, в качестве данных по 2020 г. использованы показатели уточненного прогноза консолидированных бюджетов по состоянию на декабрь 2020 г.

Результаты исследования. В динамике экономического развития России в течение последних двенадцати лет можно выделить несколько этапов:

- экономический кризис 2009-го г.;
- период восстановительного роста 2010–2013 гг.;
- экономический спад 2014–2015 гг., обусловленный введением экономических санкций и ухудшением конъюнктуры мирового сырьевого рынка;
- период стабилизации и улучшения экономических показателей 2016–2019 гг.;
- экономический спад 2020 г., обусловленный распространением коронавирусной инфекции Covid-19 и введением экономических ограничений.

В первом приближении динамика доходов бюджетов субъектов РФ, входящих в состав ДФО, свидетельствует об относительно слабой их чувствительности к изменению экономической конъюнктуры в стране и мире в целом. Подобный вывод следует из анализа динамики доходов бюджетов в контексте общероссийских

² Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации / Исполнение бюджетов // Официальный сайт Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/974/>

экономических тенденций. Например, в условиях экономического кризиса 2009 г. снижение общего объема доходов бюджета не отмечено ни в одном из субъектов округа (рис. 1).

При этом налоговые и неналоговые доходы сократились в бюджетах только двух субъектов ДФО – в Республике Саха (Якутия) и Хабаровском крае (рис. 2). В остальных регионах значения показателя (в текущих ценах) демонстрировали положительную динамику. В период следующего экономического кризиса, датируемого 2014–2015 гг., наблюдалось сни-

жение общего объема доходов в четырех субъектах округа. Снижение налоговых и неналоговых доходов в данный период было отмечено в Чукотском автономном округе (2014 г.) и Еврейской автономной области (2015 г.).

Уменьшение общего объема доходов консолидированных бюджетов Амурской и Магаданской областей, Хабаровского края произошло за счет сокращения безвозмездных поступлений из федерального бюджета (рис. 3).

Одним из факторов, объясняющих динамику объема межбюджетных трансфер-

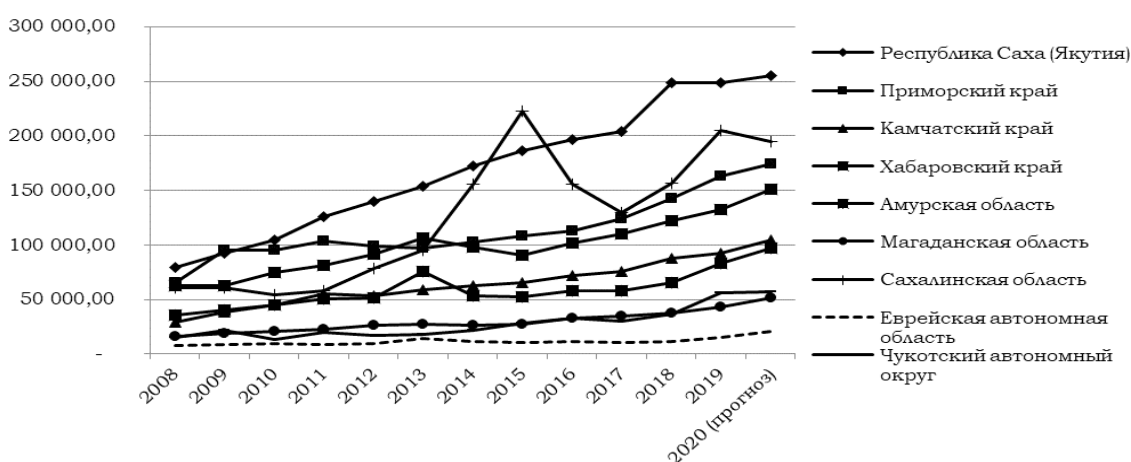

Рис. 1. Динамика доходов консолидированных бюджетов субъектов ДФО в 2008–2020 гг., млн руб.

Источник: составлено на основе данных официального интернет-сайта Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/974/>

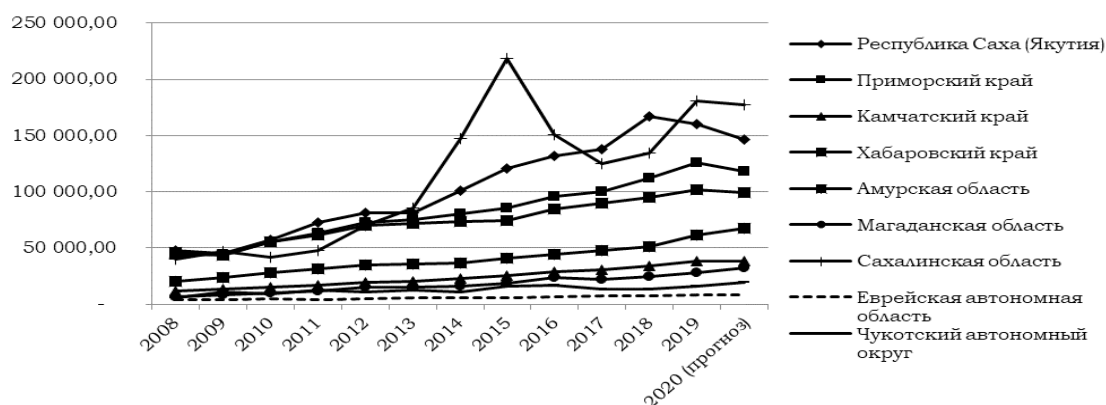

Рис. 2. Динамика налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов ДФО в 2008–2020 гг., млн руб.

Источник: составлено на основе данных официального интернет-сайта Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/974/>

тов из федерального бюджета, являются финансовые возможности федерального центра, зависящие от величины доходов федерального бюджета. Не меньшее значение имеют и другие причины. К таковым относятся, например, завершение отдельных программ и проектов, на реализацию которых предоставлялись средства, а также динамика реализации проектов, в том числе связанных с капитальным строительством, влияющая на потребность в финансировании.

По предварительным оценкам, по итогам 2020 г. ожидается рост доходов консолидированных бюджетов большинства регионов по сравнению с уровнем 2019 г., однако главным его фактором будет существенное увеличение безвозмездных поступлений, призванное обеспечить своевременное исполнение субъектами РФ обязательств в условиях снижения налоговых и неналоговых поступлений и их нестабильной внутригодовой динамики. Вместе с тем по бюджетам четырех субъектов, входящих в состав округа (Амурская, Магаданская, Еврейская автономная область и Чукотский автономный округ) предполагается сохранение положительной динамики налоговых и неналоговых доходов в номинальном выражении. В качестве положительной тенденции стоит отметить и сравнительно небольшой процент предполагаемого снижения налоговых и неналоговых доходов консоли-

дированных бюджетов. По оценкам ни в одном из регионов он не превысит 9%. С поправкой на уровень инфляции картина представляется менее оптимистичной, однако оценивать ситуацию как критически сложную также не стоит.

В периоды, относительно благоприятные в целом для российской экономики (например, 2010 г.; 2016–2017 гг.), в бюджетах отдельных субъектов Федерации, входящих в состав округа, наблюдалось сокращение налоговых и неналоговых доходов.

Очевидно, что подобным расхождениям есть, как минимум, два объяснения. Во-первых, динамика экономического развития дальневосточных регионов не всегда полностью повторяет общероссийские тенденции. Например, на фоне общеэкономического спада 2009 г. в пяти из девяти регионов Дальнего Востока продолжался рост физического объема валового регионального продукта; в 2015 г. 6 субъектов округа продемонстрировали положительную динамику показателя³. Соответственно, анализ динамики доходов бюджетов в контексте цикличности развития экономики РФ отражает её чувствительность к общенациональному тренду, а не к региональной экономической конъюнктуре.

Кроме того, можно предположить существование временного лага между моментом (периодом) возникновения

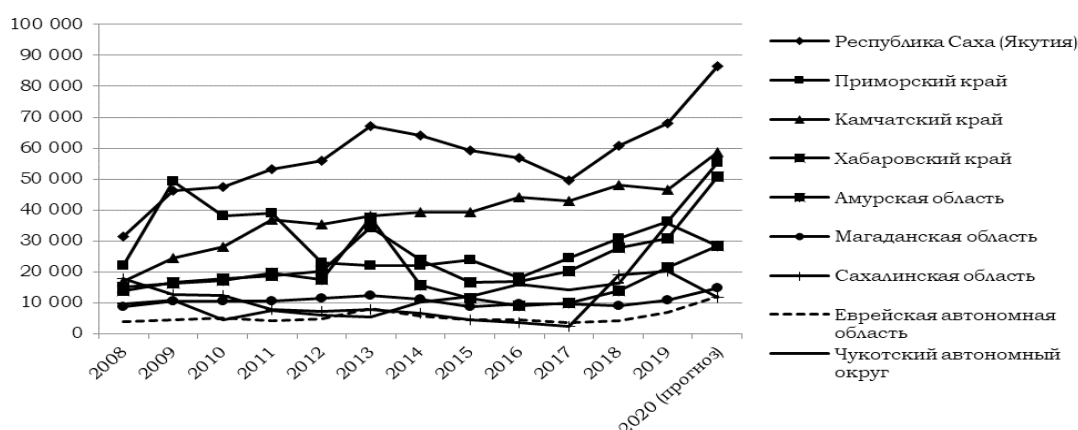

Рис. 3. Динамика безвозмездных поступлений из бюджетов бюджетной системы РФ в бюджеты субъектов ДФО в 2008–2020 гг., млн руб.

Источник: составлено на основе данных официального интернет-сайта Казначейства России. URL: <https://roskazna.gov.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/974/>

³ Валовой региональный продукт. Национальные счета. Официальная статистика. URL: <https://rosstat.gov.ru/accounts>

кризисных явлений в мировой и (или) национальной экономике и временем их проявления в экономике отдельно взятого региона. Скорость реакции различных видов налоговых доходов на изменение экономической ситуации также неодинакова, соответственно отраслевая и видовая структура доходов бюджетов будет в значительной степени определять тип реакции бюджета (мгновенная или отсроченная) на макроэкономические тенденции.

Во-вторых, объем валового регионального продукта является, несомненно, ключевым, но не единственным фактором, определяющим величину доходов бюджетов, что в самом общем виде подтверждается следующими простыми расчетами.

Расчет коэффициента корреляции между величиной налоговых и неналоговых доходов бюджетов и объемом валового регионального продукта показал статистически значимую положительную связь между переменными во всех субъектах ДФО. Однако сила этой связи заметно различается: например, для Сахалинской области коэффициент корреляции составил 0,728 (минимальное среди субъектов ДФО значение), Чукотского автономного округа – 0,76, в то время как для Республики Саха (Якутия) – 0,997. Значение коэффициента корреляции налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ и суммарного объема ВРП по всем субъектам РФ составило 0,995.

Как было указано выше, доходы бюджета Республики Саха (Якутия) продемонстрировали наибольшую чувствительность к неблагоприятному изменению экономической конъюнктуры в 2009 г. По прогнозу исполнения бюджетов в 2020 г. наибольшее сокращение налоговых и неналоговых доходов бюджета ожидается именно в Республике Саха (Якутия).

Меньшие значения коэффициента корреляции по Сахалинской области и Чукотскому автономному округу можно объяснить упомянутым выше влиянием факторов, не связанных с экономической ситуацией в целом в государстве и в соответствующих регионах. К таковым относятся изменения в налогообложении видов деятельности, составляющих основу экономики регионов, а также в раз-

граничении доходов между федеральным бюджетом и бюджетами субъектов РФ. В качестве примеров подобных изменений стоит указать изменение пропорций распределения доходов по налогу на прибыль организаций нефтедобывающих компаний, а также централизацию доходов от уплаты НДС в виде углеводородного сырья в федеральном бюджете с 2010 года. В частности, данные решения повлияли на динамику доходов бюджета Сахалинской области – региона, основной вклад в формирование ВРП которого вносит нефтедобывающая деятельность.

Более точное представление о реакции доходов бюджетов на изменение экономической конъюнктуры можно получить, используя традиционный инструментальный анализ чувствительности.

Расчет показателей эластичности налоговых и неналоговых доходов бюджетов по ВРП позволил выявить неоднозначную картину. Первое, на что необходимо обратить внимание – существенный разброс показателей эластичности по всем без исключения субъектам ДФО. Опираясь на общепризнанную в теории интерпретацию результатов анализа эластичности, можно отметить, что об умеренной степени чувствительности доходов бюджетов к изменению экономической конъюнктуры свидетельствует преобладание значений, находящихся в интервале от 0 до 1. Чем больше близких к нулю значений, тем слабее реакция доходов на макроэкономические изменения. Большое количество отрицательных значений свидетельствует о том, что налоговые и неналоговые доходы бюджета неэластичны по отношению к ВРП. Обычно это связано с тем, что на их динамику более выраженное воздействие оказывало изменение налогового и бюджетного законодательства, а не макроэкономические факторы. Регионы, для которых значение показателя превышало единицу в течение нескольких периодов, характеризуются наибольшей степенью чувствительности к изменениям экономической ситуации. Большой разброс значений показателей эластичности и отсутствие в их динамике выраженной тенденции, объясняемой законодательными либо общеэкономическими изменениями, также является фактором нестабильности (табл. 1).

Таблица 1

Обобщенные результаты анализа эластичности налоговых и неналоговых доходов бюджетов к ВРП

Субъект РФ	Описание результатов анализа
Республика Саха (Якутия)	Преобладают значения, превышающие единицу
Камчатский край	Преобладают значения, превышающие единицу
Приморский край	Преобладают значения в интервале от 0 до 1
Хабаровский край	Преобладают значения в интервале от 0 до 1
Амурская область	Преобладают значения в интервале от 0 до 1; в течение трех периодов – отрицательные значения
Магаданская область	В течение пяти периодов значения превышали единицу
Сахалинская область	В течение пяти периодов значения превышали единицу
Еврейская автономная область	В течение четырех периодов показатели превышали единицу, а в течение трех были отрицательными
Чукотский автономный округ	Равное количество отрицательных значений и значений, превышающих единицу. Высокий уровень неустойчивости, связанный с нестабильностью тенденций

Источник: составлено автором.

Результаты расчета эластичности налоговых и неналоговых доходов бюджетов по ВРП, скорректированному с учетом индекса физического объема, совпадают с результатами расчетов на основе показателей в номинальном выражении по большинству субъектов округа. Наиболее высокая степень чувствительности также была выявлена в отношении бюджета Республика Саха (Якутия), Камчатского края и Сахалинской области. Неоднозначная картина, как и в первом случае, наблюдается в Чукотском автономном округе. Чередование положительных и отрицательных значений показателя эластичности фиксируется в Еврейской автономной области.

Анализ показателя чувствительности доходов к изменению ВРП недостаточен для формулировки суждения об уровне бюджетной устойчивости и выявления факторов, его снижающих.

Также представляет интерес изучение вопроса о зависимости между уровнем диверсификации экономики и изменчивостью доходов их консолидированных бюджетов. Анализ показал, что, как правило, подобная связь существует и носит обратный характер. Для регионов с моноотраслевой экономикой характерна большая изменчивость доходов бюджета. Примерами служат Сахалинская область и Чукотский автономный округ. Темпы изменения налоговых и неналоговых доходов бюджетов этих регионов находились в диапазоне от 69% до 173%

и от 79% до 193% соответственно, что характеризует максимальную вариацию значений показателя среди субъектов РФ. Динамика доходов бюджетов субъектов Федерации с более диверсифицированной экономикой (Приморский край, Амурская область) может быть оценена как более предсказуемая и стабильная. Например, темпы роста (снижения) налоговых и неналоговых доходов консолидированного бюджета Амурской области менялись в диапазоне от 103% до 120%.

Отметим, что в среднем темпы роста налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов находились на уровне 107%. Диапазон колебаний по значительной части субъектов РФ не превышал 30–40 пунктов.

Изучение структуры ВРП за период 2008–2018 гг. позволило сделать вывод о том, что экономический рост отдельных регионов округа сопровождается снижением уровня диверсификации экономики. Так, за рассмотренный период доля добывающего производства в структуре ВРП Сахалинской области возросла с 50% до более 70%. Концентрация добавленной стоимости в сфере добывающего производства также отмечалось в Республике Саха (Якутия) и Чукотском автономном округе. С одной стороны, опережающий рост показателей по видам экономической деятельности, определяющим специализацию региона и его конкурентные преимущества, свидетельствует о раскрытии экономического по-

тенциала территории, положительных результатах реализации проектов в соответствующей сфере. С другой стороны, зависимость между колебаниями объемов доходов и моноотраслевой моделью экономического развития, безусловно, говорит об определенных рисках снижения бюджетной устойчивости.

Таким образом, риски, обусловленные чувствительностью доходов бюджета к изменениям в региональной экономике, в наибольшей степени присущи Камчатскому краю и Республике Саха (Якутия). Фактором, частично нивелирующим их негативный эффект, является значительный объем получаемых ими из федерального бюджета безвозмездных поступлений. Риски, проявляющиеся как в чувствительности доходов бюджета к экономическим изменениям, так и в изменчивости (непостоянстве) тенденций их формирования, в наибольшей мере характерны для Сахалинской области. В текущий период стабилизирующим фактором является накопленный экономический потенциал региона, однако по мере снижения поступлений налоговых и неналоговых доходов, связанных с эксплуатацией месторождений углеводородов, велика вероятность опережающего ухудшения состояния бюджета.

Выводы. Доходы бюджетов субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, проявляли сравнительно невысокую чувствительность к изменению конъюнктуры национальной экономики, что во многом объясняется несопадением общенационального тренда экономического развития и динамики производства и финансовых результатов в сферах деятельности, составляющих специализацию дальневосточных регионов.

Значительный разброс показателей эластичности налоговых и неналоговых доходов по ВРП, в том числе выявление значений показателей, в несколько раз превышающих единицу, говорит о том, что изменения ВРП способны вызывать опережающее (и не всегда точно прогнозируемое) изменение объема доходов бюджета.

Нестабильность изменений бюджетных доходов, характерная для ряда субъектов ДФО, иллюстрирует наличие факторов риска в исполнении бюджет-

тов. Подобная нестабильность в большей степени характерна для субъектов Федерации с моноотраслевой структурой экономики и низким уровнем диверсификации структуры доходов бюджета. При этом фактором неустойчивости для субъектов РФ со слабо диверсифицированной структурой доходов являются не только колебания рыночной конъюнктуры локального, национального или мирового масштаба, но, главным образом, изменения налогового и бюджетного законодательства.

Поскольку изменения в федеральном законодательстве и колебания экономической конъюнктуры являются внешними по отношению к бюджету субъекта РФ факторами, управление ими как источниками риска невозможно. В этих условиях экономическая политика субъектов ДФО должна быть сосредоточена на привлечении инвестиций и поощрении предпринимательской инициативы, а также обеспечении собираемости налогов, что позволит увеличить объем поступлений в бюджет.

По мнению автора, результаты проведенного исследования могут послужить основой для дальнейших научных изысканий в сфере оценки состояния региональных бюджетов и разработки мер, направленных на обеспечение их средне- и долгосрочной бюджетной устойчивости.

Список литературы:

1. Божечкова А. В., Мамедов А. А., Синельников-Мурылев С. Г., Турунцева М. Ю. Стабилизационные свойства трансфертов, выделяемых регионам России из федерального бюджета. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2018. Том 173Р. Научные труды. 68 с.
2. Букланов Д. А. Исследование устойчивости налоговых доходов бюджетной системы РФ с помощью коэффициентов эластичности // Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2016. № 4 (23). С. 129–135.
3. Голованова Н. В. Межбюджетные трансферты: многообразие терминов и российская практика // Финансовый журнал. 2018. № 2. С. 24–35. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-2-24-35
4. Гурвич Е. Т., Краснопеева Н. А.

Анализ взаимосвязи доходов и расходов российских региональных бюджетов // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 5–29. DOI 10.32609/0042-8736-2020-2-5-29

5. Казакова С. М., Михайлова А. А. Дотационность как фактор устойчивости региональных экономических систем // Российский экономический журнал. 2018. № 2. С. 29–37.

6. Кулагина О. В., Аверина О. В. Оценка бюджетной устойчивости муниципальных образований (на примере муниципального образования «Город Биробиджан» Еврейской автономной области) // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 1 (90). С. 16–23. DOI 10.22394/1818-4049-2020-90-1-16-23

7. Лапушинская Г. К., Лебедева В. И. Возможность оценки налогового потенциала территорий с помощью концепции эластичности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4–1. С. 107–114.

8. Леонов С. Н. Проблемы бюджетной сферы дальневосточных субъектов Федерации // Проблемы развития территорий. 2020. № 1 (105). С. 93–108. DOI: 10.15838/ptd.2020.1.105.7

9. Макина М. Ю., Балакин Р. В. Оценка риска и доходности налоговых систем на основе отраслевого, регионального и смешанного портфелей // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 47 (767). С. 2823–2842. DOI: 10.24891/fc.23.47/2823.

10. Немирова Г. И., Мохнаткина Л. Б. Совершенствование межбюджетных отношений как фактор обеспечения региональной экономической безопасности // Вопросы региональной экономики. 2018. № 2 (35). С. 102–108.

11. Прокапало О. М., Бардаль А. Б., Исаев А. Г., Мазитова М. Г., Суслов Д. В. Экономическая конъюнктура в Дальневосточном федеральном округе // Пространственная экономика. 2020. Т. 16. № 2. С. 142–184. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.142-184>.

12. Сульженко В. С. Обеспечение устойчивости бюджетной системы Российской Федерации в условиях институ-

циональных преобразований: дисс. на соиск. учен. ст. канд. экон. наук 08.00.10 / Ростовский государственный экономический университет, 2014. URL: <https://rsue.ru/avtoref/SulzenkoVS/SulzenkoVS.pdf> (дата обращения: 27.12.2020).

13. Ускова Т. В., Галухин А. В. Управление финансовой устойчивостью доходной базы бюджетов регионов: теоретико-методологические аспекты // Проблемы развития территорий. 2015. № 5 (79). С. 135–147.

14. Цветова Г. В. Риски бюджетного процесса: содержание, классификация, управление // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 1 (74). С. 45–49.

15. Чистик О. Ф. Анализ взаимосвязи консолидированного бюджета РФ и важнейших макроэкономических показателей // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2010. № 9 (71). С. 94–99.

16. Яшина Н. И., Роганова С. Ю., Огородова М. В., Новикова В. С., Емельянова О. В., Ефремов С. С. Формирование методических аспектов определения финансовой устойчивости муниципалитетов на основе балльной оценки // Экономика и предпринимательство. 2018. № 9 (98). С. 452–456.

17. Яшина Н. И., Кравченко В. С., Яшин С. Н. Бюджетная безопасность регионов как фактор устойчивого роста государства // Финансовые исследования. 2018. № 4 (61). С. 120–126.

18. Malkina M. Yu. Assessment of the sustainability of budget revenues in the regions of the Russian Federation. Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2020. 13(4), 547–559. DOI: 10.17516/1997-1370-0588.

19. Tkacheva T., Afanasjeva L, Goncharenko L. Formation of a system of indicators of budgetary and tax safety. Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020. 33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020. 2019, pp. 2635–2640.

Библиографическое описание статьи

Соломко М. Н. Бюджетная устойчивость и динамика экономического развития регионов // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 57–69. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-57-69

Mariya N. Solomko – Candidate of Economics, Associate Professor, the finance and credit chair, the Khabarovsk State University of Economics and Law (134, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia). E-mail: solomko_m_n@mail.ru

Budget sustainability and dynamic of the regional economic development

The paper is devoted to some aspects of regional budget sustainability. The analysis is based on data of revenues of regional budgets of the Far-Eastern federal district. Under the review of approaches to analyzing of budget sustainability we found significant variety of definitions and methods of budget sustainability estimation. The consequence of this diversity is a mismatch of results of scientific researches. We calculated the coefficient of elasticity of tax and non-tax revenues by gross regional product in order to assess the level revenues sensitivity to changes in economic situation. Then we analyzed the dynamics of budget revenues and estimated the scale of fluctuation. The analysis showed that the budget revenues of the territories of the Far-Eastern federal district are mostly characterized by the low level of sensitivity to national trends in the economic development. The degree of their sensitivity to changes in the economic situation in the region is evaluated as high for the Republic of Sakha (Yakutia), the Kamchatka territory and the Sakhalin region. These regions differ significantly in the share of intergovernmental transfers in the income structure, which confirms the absence of direct link between the dependence of the budget on the budget regulation measures and the sensitivity of its revenues to changes in the economic situation. According to the second criterion, the highest risk of reducing sustainability is typical for the Sakhalin region and the Chukotka autonomous region. We share the opinion that complex economic development remains the most important measure for providing of budget sustainability. The results of the study can be used in the educational sphere and become a basis of further investigation devoted to the budget sustainability.

Keywords: regional budget (budget of constituent entity of the Russian Federation), budget revenues, tax revenues, budget sustainability, the Far-Eastern federal district.

References:

1. Bozhechkova A. V., Mamedov A. A., Sinelnikov-Murylev S. G., Turuntseva M. Yu. Stabilization properties of transfers allocated to regions of Russia from the federal budget. M.: Publishing house of Ying-ta Gaidar, 2018, vol. 173P Scientific works. 68 p. (In Russian).
2. Buklanov D. A. Research of the stability of tax revenues of the budgetary system of the Russian Federation with the help of elasticity coefficients *Sovremennyye fundamental'nyye i prikladnyye issledovaniya* [Modern fundamental and applied research], 2016, no. 4 (23), pp. 129–135. (In Russian).
3. Golovanova N. V. Interbudgetary transfers: a variety of terms and Russian practice *Finansovyy zhurnal* [Financial Journal], 2018, no. 2, pp. 24–35. DOI: 10.31107 / 2075-1990-2018-2-24-35 (In Russian).
4. Gurvich E. T., Krasnopeeveva N. A. Analysis of the relationship between incomes and expenses of Russian regional budgets *Voprosy ekonomiki* [Questions of economy], 2020, no. 2, pp. 5–29. DOI 10.32609 / 0042-8736-2020-2-5-29 (In Russian).
5. Kazakova S. M., Mikhailova A. A. Subsidization as a factor of sustainability of regional economic systems *Rossiyskiy ekonomicheskii zhurnal* [Russian economic journal], 2018, no. 2, pp. 29–37. (In Russian).
6. Kulagina O. V., Averina O. V. Assessment of the budgetary sustainability of municipalities (on the example of the municipal formation “City of Birobidzhan” of the Jewish Autonomous Region) *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2020, no. 1 (90), pp. 16–23. DOI 10.22394 / 1818-4049-2020-90-1-16-23 (In Russian).
7. Lapushinskaya G. K., Lebedeva V. I. Possibility of assessing the tax potential of

territories using the concept of elasticity *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Ekonomika i upravleniye [Bulletin of the Tver State University. Series: Economics and Management], 2014, no. 4–1, pp. 107–114. (In Russian).

8. Leonov S. N. Problems of the budgetary sphere of the Far Eastern constituent entities of the Federation *Problemy razvitiya territoriy* [Problems of the development of territories], 2020, no. 1 (105), pp. 93–108. DOI: 10.15838 / ptd.2020.1.105.7 (In Russian).

9. Malkina M. Yu., Balakin R. V. Assessment of risk and profitability of tax systems based on sectoral, regional and mixed portfolios *Finansy i kredit* [Finance and credit], 2017, vol. 23, no. 47 (767), pp. 2823–2842. DOI: 10.24891 / fc.23.47 / 2823. (In Russian).

10. Nemirova G. I., Mokhnatkina L. B. Improving inter-budgetary relations as a factor in ensuring regional economic security *Voprosy regional'noy ekonomiki* [Issues of regional economics], 2018, no. 2 (35), pp. 102–108. (In Russian).

11. Prokapalo O. M., Bardal A. B., Isaev A. G., Mazitova M. G., Suslov D. V. Economic conditions in the Far Eastern Federal District *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2020, vol. 16, no. 2, pp. 142–184. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.142-184>. (In Russian).

12. Sulzhenko V. S. Ensuring the stability of the budgetary system of the Russian Federation in the context of institutional transformations: diss. for a job. learned. Art. Cand. econom. Sciences 08.00.10 / Rostov State University of Economics, 2014. URL: <https://rsue.ru/avtoref/SulzhenkoVS/SulzhenkoVS.pdf> (date of access: 27.12.2020). (In Russian).

13. Uskova T. V., Galukhin A. V. Management of financial stability of the income base of regional budgets: theoretical and methodological aspects *Problemy razvitiya territoriy* [Problems of development of ter-

ritories], 2015, no. 5 (79), pp. 135–147. (In Russian).

14. Tsvetova G. V. Risks of the budgetary process: content, classification, management *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], 2016, no. 1 (74), pp. 45–49. (In Russian).

15. Chistik O. F. Analysis of the relationship between the consolidated budget of the Russian Federation and the most important macroeconomic indicators *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University of Economics], 2010, no. 9 (71), pp. 94–99. (In Russian).

16. Yashina N. I., Roganova S. Yu., Ogorodova M. V., Novikova V. S., Emelyanova O. V., Efremov S. S. Formation of methodological aspects of determining the financial stability of municipalities on the basis of a score *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and Entrepreneurship], 2018, no. 9 (98), pp. 452–456. (In Russian).

17. Yashina N. I., Kravchenko V. S., Yashin S. N. Budgetary security of regions as a factor of sustainable growth of the state *Finansovyye issledovaniya* [Financial research], 2018, no. 4 (61), pp. 120–126. (In Russian).

18. Malkina M. Yu. Assessment of the sustainability of budget revenues in the regions of the Russian Federation. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. 2020, no. 13 (4), pp. 547–559. DOI: 10.17516 / 1997-1370-0588. (In Russian).

19. Tkacheva T., Afanasjeva L., Goncharenko L. Formation of a system of indicators of budgetary and tax safety. *Proceedings of the 33rd International Business Information Management Association Conference, IBIMA 2019: Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020.33, Education Excellence and Innovation Management through Vision 2020.2019*, pp. 2635–2640.

Reference to the article

Solomko M. N. Budget sustainability and dynamic of the regional economic development // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 57–69. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-57-69

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79

УДК 332.14

М. С. Сюпова

Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона

Статья посвящена проблемам социально-экономической дифференциации муниципальных образований, чрезмерное проявление которых формирует угрозу целостности социально-экономического и территориального пространства региона. Во избежание кризисных проявлений внутрирегионального неравенства требуется постоянный мониторинг состояния и тенденций социально-экономического развития территорий, что обеспечит своевременное устранение нарастающих диспропорций. С этой целью в статье предложен методический подход к оценке уровня дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований региона, в рамках которого определяется стадия неравномерности и анализируется характер изменений в процессах межтерриториального неравенства региона. Предлагаемая методика предусматривает оценку глубины и масштабов территориальной дифференциации по отдельным показателям, что позволяет выявить «болевы точки» социально-экономического развития региона. Для оценки общего уровня социально-экономической дифференциации рассчитывается интегральный показатель, отражающий степень отклонения основных параметров муниципального образования от среднего по региону. На основе полученных результатов оценки территории группируются по степени дифференциации, что дает возможность аргументировать выбор мер и инструментов регулирующего воздействия со стороны региональных органов власти на процессы развития отдельных муниципальных образований. Апробация методики была проведена на примере муниципальных районов Хабаровского края. Проведенное исследование показало, что территории края отличаются критическим уровнем разрыва в состоянии их социально-экономических параметров, который перманентно нарастает. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в деятельности органов исполнительной власти региона.

Ключевые слова: муниципальные образования, дифференциация социально-экономического развития, Хабаровский край.

Введение. Значительная социально-экономическая дифференциация территорий выступает одним из важнейших препятствий стабильного экономического развития и формирует угрозу целостности социально-экономического пространства территорий. Наиболее остро проблемы неоднородности и неравномерности развития проявляются на муниципальном уровне.

Неравномерное развитие социально-экономических систем является вполне закономерным процессом, что обусловлено

различиями в природно-климатических условиях и обеспеченности природными ресурсами, половозрастном составе населения, отраслевой структуре экономики и развитости инфраструктуры. На современном этапе развития под влиянием стремительных изменений во всех сферах жизнедеятельности в регионах страны наблюдается усиление разрывов основных параметров социально-экономического состояния муниципальных образований. Нарастание межтерриториальных диспропорций способствует дальнейшему

Марина Сергеевна Сюпова – канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 136). E-mail: 003624@pnu.edu

смещению социально-экономической асимметрии и с течением времени может достигнуть критического уровня, когда внутрирегиональная дифференциация становится серьезной угрозой экономической безопасности региона. Значительное улучшение условий и качества жизни в одних муниципальных образованиях на фоне постоянного ухудшения в других неизбежно ведёт к миграции и утечке квалифицированных кадров из депрессивных территорий субъекта РФ. В результате региональная экономика теряет часть трудового и производственного потенциала, что снижает уровень его конкурентоспособности и инвестиционной активности. Кроме того, существенная территориальная асимметрия способствует усилению социальной нестабильности в регионе и формирует тенденции к обособлению отдельных территорий, что может представлять угрозу целостности не только социально-экономического, но и территориального пространства. В связи с этим возрастает актуальность анализа уровня неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований, который позволяет выявить наиболее «проблемные» зоны развития региона и разработать механизм государственного воздействия с целью сокращения существующего неравенства.

Методические подходы к оценке социально-экономической дифференциации муниципальных образований.

Для анализа происходящих на территориальном уровне процессов в современной научной литературе представлен широкий набор методик, которые значительно различаются между собой по целям и характеру исследования, способам и методам анализа, интерпретации полученных результатов. Наряду с этим, большинство исследований в данной области сосредоточены по таким направлениям как: 1) анализ степени межмуниципальной дифференциации по отдельным социально-экономическим параметрам; 2) интегральная оценка развитости территорий с последующей группировкой (типологизацией) либо ранжированием муниципальных образований; 3) комплексная оценка неравномерности развития.

В ходе оценки уровня дифференциации

по отдельным социально-экономическим параметрам авторы широко используют аппарат вариационного анализа (коэффициент вариации, размах вариации; дисперсия, коэффициенты асимметрии и эксцесса и др.). Показатели вариации используются для оценки масштабов социально-экономической дифференциации муниципальных образований субъекта РФ либо отдельных типов муниципальных образований. Л. А. Булкина, опираясь на результаты расчета дисперсии и среднего размаха, оценивает неоднородность социально-экономического развития муниципальных районов на уровне страны [Булкина, 2016. С. 341–350]. Методы вариационного анализа гарантируют получение достоверных и сопоставимых результатов, что способствует их активному применению в ходе интегральной либо комплексной оценки социально-экономической дифференциации территорий.

Большинство методик, разработанных к настоящему времени, предусматривают интегральную оценку социально-экономического развития муниципальных образований. Расчет интегрального индекса обеспечивает методологическое единство исследуемых показателей (путем их стандартизации) и дает возможность получить количественную оценку общего уровня социально-экономического развития муниципальных образований. Чтобы наглядно представить полученные результаты и оценить глубину существующей территориальной дифференциации авторами проводится группировка (типологизация) муниципальных образований по уровню их социально-экономического развития. При этом авторы используют различные методы и принципы типологизации территорий. Так, в основу кластерного анализа в работе Победина А. А. положен метод Варда, где внутрирегиональная дифференциация оценивается по четырем интегральным коэффициентам, в разрезе которых исследуется уровень и динамика социального и экономического развития муниципальных образований [Победин, 2011]. Гриценко С. В. для выделения однородных групп и объединения их в кластеры использовал иерархический кластерный анализ по методу

Уорда [Гриценко, 2009. С. 15–22].

В ряде работ с целью интерпретации полученных результатов формируются интегральные рейтинги, где четко видно взаимное расположение территорий, но не определяется величина различий между ними. В связи с этим в некоторых исследованиях территории группируются на основе предварительного проведения рейтинговой оценки. Следует отметить, что рейтинговая оценка не всегда требует расчета сводного индекса развитости территории. Например, в работе Баяновой Т. О. рейтинг социально-экономического развития сельских муниципальных образований получен на основе моделирования нелинейной оценочной функции [Баянова, 2010. С. 96–102].

В последнее время широкое распространение получила комплексная оценка неравномерности развития, когда наряду с выявлением различий исследуется и влияние факторов на изучаемые процессы. В частности, методика оценки неравномерности Губановой Е. С., Клещ В. С., позволяет установить «вклад» каждого района в исследуемый процесс, выявить факторы, обуславливающие межмуниципальные различия [Губанова, Клещ, 2017. С. 58–75]. Предметом исследования Чепик А. Е. стал анализ характера и тесноты взаимосвязи между неравномерностью развития и экономическим ростом [Чепик, 2015]. В. В. Лазарева, Н. Ю. Власова, В. Н. Дьяченко анализируют уровень дифференциации социально-экономического развития приграничных муниципальных районов, основываясь на гипотезе значительного влияния таких факторов, как расположение в природно-климатических зонах и положение в расселенческой структуре, что определяет доступность услуг, предоставляемых в региональных центрах обслуживания населения [Лазарева, Власова, Дьяченко, 2019. С. 61–77].

Проведенный анализ показал, что большинство современных методик предусматривает интеграцию общенаучных и статистических методов, что повышает уровень и качество проводимой оценки. Достаточно часто методические подходы ориентированы на анализ изучаемых вопросов и проблем в динамике, что позволяет исследователям определить вектор (нарастание/снижение) развития су-

ществующей социально-экономической асимметрии. Несмотря на то что, предлагаемые методики заметно отличаются между собой по количеству и составу исследуемых показателей, авторы опираются на единые принципы их отбора.

Можно выделить несколько основных требований, на которые необходимо опираться при выборе исходного набора социально-экономических показателей для анализа территориальной дифференциации. Прежде всего, это доступность и достоверность, что предполагает наличие показателей в официальной отчетности службы статистики либо органов государственного и муниципального управления. Во-вторых, система анализируемых показателей должна носить комплексный характер, что позволит выявить основные тенденции и особенности социально-экономического развития муниципальных образований. В-третьих, при отборе показателей для сглаживания различий в размерах территорий преимущественно должны использоваться относительные (среднедушевые) индикаторы, что обеспечит объективность проводимых сравнений. Кроме того, исходные показатели должны быть релевантными (отражать наиболее важные аспекты развития территории) и в достаточной степени «управляемыми» с помощью методов и инструментов государственного регулирования. Система показателей, сформированная с учетом данных требований, позволит получить объективную оценку социально-экономической дифференциации муниципальных образований для последующего принятия эффективных управленческих решений в области устранения выявленных диспропорций.

Методика оценки дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований. Признавая объективный характер неравномерного развития территорий на региональном уровне, авторы отмечают, что проблема межтерриториальной дифференциации приобретает угрожающий характер, когда разница в социально-экономических параметрах муниципальных образований достигает некоторых критических (предельных) значений.

В зависимости от степени разобщенности исследуемых показателей, можно

выделить несколько стадий (уровня) дифференциации социально-экономического развития территорий. Низкий уровень дифференциации представляет собой «первоначальную» стадию неравномерности, когда состояние неоднородности пространства является объективной закономерностью развития экономики и может рассматриваться как индикатор целостности пространства и территорий. Следующая стадия дифференциации (асимметрия), характеризуется нарастанием межтерриториальных различий, что приводит к нарушению устойчивости и сбалансированности социально-экономического развития региона. Асимметричность в параметрах муниципальных образований сопровождается перераспределением ресурсов, что снижает эффективность их использования и дестабилизирует региональные воспроизводственные процессы. Накопление экономических преимуществ одних муниципалитетов за счет ограничения возможностей других усиливает неравенство в уровне жизни населения (уровень безработицы и занятости, реальных доходов населения, социального обеспечения, преступности и социальной напряженности) и стимулирует миграционный отток молодежи и трудоспособного населения из проблемных территорий. Критический уровень дифференциации (поляризация) является завершающей стадией социально-экономической неравномерности, на которой обострение различий социально-экономических параметров достигает предельных (кризисных) размеров, что приводит к «угасанию» развития и «вымиранию» целых населенных пунктов [Ускова, 2015]. Чрезмерная территориальная неравномерность представляет собой серьезную угрозу экономической целостности и безопасности региона, что находит свое отражение в замедлении экономического роста и технологическом отставании региональной экономики, истощении человеческого капитала, ослаблении экономических и социальных связей, снижении доверия населения к власти [Губанова, Клещ, 2017].

Очевидно, что глубина диспропорций и вектор изменения социально-экономической дифференциации в определенной степени зависит от регулирующих воздействий со стороны регио-

нальных органов управления. Отсутствие достаточного внимания к закономерностям социально-экономической системы и выбор методов регулирования без учета специфических свойств объекта управления могут привести к усилению асимметричности в развитии региона (асимметричный тип развития региона). В противном случае, имеет место переход на симметричный (разрыв в уровне показателей сокращается) либо нейтральный (соотношение показателей не меняется) тип развития региона. В связи с этим тенденции изменения масштабов и глубины межмуниципальной дифференциации выступают своего рода индикатором, характеризующим эффективность проводимой региональной и муниципальной политики развития территорий.

Целью предлагаемого методического подхода является оценка уровня (степени) дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований региона, в рамках которого определяется стадия неравномерности и проводится анализ изменений в процессах межтерриториального неравенства. Данный подход позволяет избежать кризисных проявлений дифференциации территорий, так как его использование дает возможность своевременно выявлять негативные социально-экономические тенденции и проблемы в регионе.

Алгоритм предлагаемой методики предусматривает реализацию нескольких этапов.

На первом этапе определяется перечень исходных показателей, отражающих основные аспекты социально-экономического развития муниципальных образований. На основе обозначенных выше требований, была сформирована следующая система показателей, в рамках которой выделены три блока показателей: демография, уровень жизни, экономика (табл. 1).

На втором этапе проводится оценка глубины и масштабов территориальной дифференциации по отдельным показателям. Расчет комплекса показателей (коэффициент вариации; коэффициент размаха вариации, коэффициент неравенства) позволяет получить количественные значения существующих различий и выявить «болевые точки» социально-

экономического развития региона.

Третий этап предусматривает интеграцию исследуемых социально-экономических показателей, на основе которой определяется уровень (стадия) дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований. Изначально устанавливается степень отклонения значения i -го показателя от его среднего значения по всем исследуемым территориям:

$$k_{ij} = \frac{\bar{X} - X_{ij}}{\bar{X}} \quad (1),$$

где k_{ij} – отклонение значения i -го показателя от его среднего значения; X_{ij} – значение i -го показателя в j -ом муниципальном образовании; \bar{X} – среднее значение i -го показателя по всем исследуемым муниципальным образованиям.

На основе полученных результатов формируется частный интегральный показатель (R_{ij}), который отражает степень отклонения развития по отдельным сферам (блокам) социально-экономического развития муниципального образования.

Интегральный показатель рассчитывается по формуле (2):

$$R_{ij} = (\sum_{i=1}^n k_{ij})/n \quad (2),$$

где R_{ij} – частный интегральный показатель; n – число показателей в блоке.

Чтобы определить степень отклонения социально-экономического развития для j -го муниципального образования от среднего по региону, рассчитывается среднее арифметическое значение частных интегральных показателей:

$$R_{\text{общ}} = (R_{\text{дем}} + R_{\text{соц}} + R_{\text{экон}})/3 \quad (3),$$

где $R_{\text{дем}}$ – интегральный индекс по блоку «Демография»; $R_{\text{соц}}$ – интегральный индекс по блоку «Уровень жизни»; $R_{\text{экон}}$ – интегральный индекс по блоку «Экономика».

На заключительном этапе полученные результаты оценки соотносятся со шкалой дифференциации развития (рис. 1), на основе которой проводится группировка территорий, что дает возможность аргументировать выбор мер и инстру-

Таблица 1

Социально-экономические показатели муниципальных образований

Блок показателей	Показатель	Характеристика показателя
Демография	Миграционный прирост (убыль) населения на 1000 чел.	Привлекательность муниципальных образований как место для проживания
	Плотность населения (для муниципальных районов)	Степень хозяйственной освоенности и благоприятности проживания
Уровень жизни	Средний уровень заработной платы	Уровень и качество жизни
	Уровень зарегистрированной безработицы, %	Экономические возможности территории; выступает индикатором бедности населения
Экономика	Доля детей в возрасте 1–6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу, %	Уровень развития социальной инфраструктуры
	Оборот организаций всех видов экономической деятельности на душу населения, тыс. руб	Уровень экономического развития территории
	Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² на 1 чел.	Уровень развития территории
	Число субъектов малого и среднего предпринимательства на 10 тыс.	Привлекательность территории для организации бизнеса
	Удельный вес убыточных организаций, %	Общее состояние экономики
	Объем инвестиций в расчете на 1 жителя, тыс. руб.	Отражает тренды развития экономики в перспективе

Источник: составлено автором

Рис. 1. Шкала дифференциации социально-экономического развития территорий

ментов регулирующего воздействия со стороны региональных органов власти на процессы развития муниципальных образований.

Анализ тенденций происходящих изменений (5–7 лет) позволяет определить тип социально-экономического развития (асимметричный, симметричный, нейтральный) и оценить эффективность региональной политики, направленной на сбалансированное развитие территорий.

Оценка дифференциации социально-экономического развития муниципальных районов Хабаровского края. Хабаровский край представлен 19 муниципальными образованиями, в структуре которых выделено 2 городских округа и 17 муниципальных районов. Для Хабаровского края характерно поляризованное развитие городских округов (г. Хабаровск и г. Комсомольск-на-Амуре) по отношению к остальным территориям. С целью повышения репрезентативности результатов оценки анализ уровня дифференциации проводился в разрезе муниципальных районов края.

Муниципальные районы Хабаровского края значительно различаются между собой по основным параметрам социально-экономического развития, что подтверждают результаты проведенного вариационного анализа (табл. 2).

Несмотря на то, что в последние годы общий вектор социально-экономического развития районов Хабаровского края имел положительную тенденцию (что отражает динамика средних значений показателей), в регионе сохраняется существенная асимметрия по основным экономическим показателям. Критический уровень дифференциации наблюдается по объемам инвестиционных вложений в экономику (в 700 раз), что обуславливает существенные различия по объему производимой продукции в муниципалитетах. Так, в 2019 году коэффициент вариации показателя «оборот организаций всех

ВЭД» составил 126,7%, что почти в 2 раза превышает установленный критерий центра нормального распределения. Не менее существенной остается дифференциация территорий по вводу в действие жилых домов в расчете на 1 жителя. При этом в некоторых муниципальных районах края (Аяно-Майский и Охотский) жильё практически не строится. Наряду с этим, основные социальные параметры территорий отличались относительно низкой дифференциацией и высокими значениями. Так, в районах края на фоне постоянного роста среднего уровня заработной платы, коэффициент неравенства сократился до 3,3 раз. В большинстве территорий сохранялся относительно низкий уровень безработицы. Следует отметить, что в целом территории Хабаровского края являются малопривлекательными для проживания. Хабаровский край является одним из малозаселенных территорий страны. В 2019 г. средняя плотность населения в крае составила 1,78 чел./км² (в РФ – 8,57 чел./км²). Ежегодно значение данного показателя снижается, в том числе за счет миграционного оттока населения.

В последние годы развитие муниципальных районов Хабаровского края характеризовалось разнонаправленными тенденциями, что во многом предопределило усиление различий между территориями по основным социально-экономическим параметрам. В ходе проводимого исследования муниципалитеты были сгруппированы по схожим характеристикам и особенностям развития (табл. 3).

Хабаровский район (*I тип территорий*) характеризуется наиболее высоким уровнем социально-экономического развития. Район прилегает к краевому центру, что делает его привлекательным для проживания. Показатели социальной и экономической сферы *II типа территорий* отличаются положительной динамикой и уровнем жизни выше среднего, что свидетельствует о достаточно эффективной дея-

тельности региональных и муниципальных органов власти. В данную группу входят территории, которые выступают «точками» регионального экономического роста (Ванинский район). Уровень социально-экономического развития *III типа территорий* ($0 \leq R_{\text{обш}} \leq 0,34$) соответствует средне-региональным параметрам. В целом для них характерна положительная динамика развития, что позволяет сохранить территориям имеющийся производственный и трудовой потенциал. В следующую группу

(*IV тип территорий*) объединены районы, где состояние социально-экономических показателей несколько ниже средних значений по региону, что свидетельствует о наличии отдельных проблемных зон экономического характера (низкая эффективность деятельности предприятий; слабая интенсивность инвестиционных вложений), что требует корректировки соответствующих направлений муниципальной политики. Состояние социально-экономических показателей *V типа тер-*

Таблица 2

Показатели вариации основных параметров социально-экономического развития муниципальных районов Хабаровского края

Показатель	2015			2017			2019		
	\bar{X}	$K_v, \%$	$K_{нр, раз}$	\bar{X}	$K_v, \%$	$K_{нр, раз}$	\bar{X}	$K_v, \%$	$K_{нр, раз}$
Плотность населения, чел./км ²	1,83	127,3	910	1,82	127,4	900	1,78	129,2	890,0
Миграционный прирост (убыль) населения на 1000 чел.	-17,75	56,5	12,3	-10,12	58,3	11,6	-6,59	157,1	9,4
Средний уровень заработной платы, тыс. руб.	42,49	37,6	3,6	44,39	37,7	3,5	54,42	33,9	3,3
Уровень зарегистрированной безработицы, %	2,9	39,3	5,9	2,36	47,0	7,0	2,15	46,8	6,6
Доля детей в возрасте 1-6 лет, получающих дошкольную образовательную услугу, %	72,96	13,5	1,57	75,8	13,8	1,58	79,17	13,3	1,65
Оборот организаций всех ВЭД на душу населения, тыс. руб.	824,9	140,5	112,1	936,0	134,7	90,4	1131,3	126,7	100,7
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ² на 1 чел.	0,15	132	8,7	0,12	124,2	14,9	0,09	133,3	11,0
Число субъектов малого и среднего предпринимательства на 10 тыс. чел., ед.	320,62	25,9	2,9	227,64	19,7	2,14	232,57	20,11	1,18
Удельный вес убыточных организаций, %	48,16	59,1	6,5	46,95	63,8	10,9	56,3	46,71	4
Объем инвестиций в расчете на 1 жителя, тыс. руб.	109,9	171,5	726	112,8	143,8	723	148,5	161,1	727

Примечание. \bar{X} – среднее значение (мера центральной тенденции); K_v – коэффициент вариации; $K_{нр}$ – коэффициент неравенства (соотношение между максимальным и минимальным значениями показателя по региону)

Источник: составлено автором по данным: Социально-экономическая ситуация в городских округах и муниципальных районах Хабаровского края: статистический бюллетень. 2015–2019 гг.

Таблица 3

Классификация муниципальных районов Хабаровского края по степени дифференциации социально-экономического развития, 2019 г.

Муниципальный район	$R_{дем}$	$R_{соц}$	$R_{эк}$	$R_{общ}$
I тип территорий ($R_{общ} \geq 0,67$)				
Хабаровский район	0,71↓	0,38↑	1,32↓	0,80↓
II тип территорий ($0,66 \leq R_{общ} \leq 0,35$)				
Ванинский район	0,14↓	0,38↑	1,37↑	0,61↑
Бикинский район	1,04↑	0,18↓	0,51↑	0,58↑
III тип территорий ($0 \leq R_{общ} \leq 0,34$)				
Амурский район	0,53↑	0,05↓	0,39↑	0,32↑
Советско-Гаванский район	0,41↑	0,17↓	0,36↑	0,31↑
Верхнебуреинский район	-0,39↓	0,15↑	0,46↑	0,33↑
IV тип территорий ($0 \leq R_{общ} \leq -0,34$)				
Николаевский район	-0,48↓	-0,11↑	-0,28↓	-0,29↓
Нанайский район	-0,34↓	-0,15↑	-0,46↓	-0,32↓
V тип территорий ($-0,35 \leq R_{общ} \leq -0,66$)				
Ульчский район	-0,80↓	-0,38↓	-0,44↓	-0,54↓
Солнечный район	-1,05↓	-0,17↑	-0,48↓	-0,56↓
Вяземский район	-0,96↑	-0,38↓	-0,59↓	-0,64↓
Тугуро-Чумиканский район	-0,84↓	-0,04↓	-0,62↓	-0,51↓
Комсомольский район	-0,83↓	-0,19↓	-0,54↓	-0,52↓
Район им. Лазо	-0,35↓	0,6↓	-0,59↓	-0,51↓
VI тип территорий ($-0,67 \leq R_{общ}$)				
Аяно-Майский район	-1,16↓	-0,48↑	-0,9↓	-0,85↓
Охотский район	-1,86↓	-0,21↑	-0,9↓	-0,99↓
Район им. П. Осипенко	-1,02↓	-0,25↓	-1,27↓	-0,84↓
Тип регионального развития	Асимметричный			

Примечание: ↑ – улучшение (↓ – ухудшение) интегрального показателя за период 2015–2019 гг.

Источник: рассчитано автором по данным: Социально-экономическая ситуация в городских округах и муниципальных районах Хабаровского края: статистический бюллетень. 2015–2019 гг.

риторий ($-0,35 \leq R_{общ} \leq -0,66$) находится в пограничном состоянии и перманентно ухудшаются. В данных муниципальных районах не сформирован достаточный производственный потенциал, что порождает ряд социальных проблем (безработица, низкий уровень доходов, отсутствие комфортного жилья) и стимулирует постоянный отток населения. Нарастание отставаний в параметрах отражает асимметричный характер их развития и требует соответствующего государственного вмешательства в развитие муниципальных образований. Для территорий VI типа ($-0,67 \leq R_{общ}$) характерно серьезное проявление социально-экономических проблем. В этом случае, особого внимания со сторо-

ны государственных структур требуют северные районы региона (Аяно-Майский, Охотский, им. П. Осипенко), где низкий уровень качества жизни населения приводит к их полному обезлюдиванию. Наличие таких территорий в структуре субъекта РФ приводит к нарушению целостности экономического и территориального пространства, что представляет собой серьезную угрозу экономической безопасности региона. С целью устранения существующих угроз необходима реализация комплекса дополнительных мер со стороны государственных органов власти.

Проведенное исследование показало, что территории Хабаровского края отличаются критическим разрывом в состоянии

их социально-экономических параметров, который постоянно нарастает. Современный уровень внутрирегиональной дифференциации Хабаровского края достигает критических значений и является серьезной угрозой экономической безопасности региона. Сложившаяся ситуация должна стимулировать региональные органы власти к разработке и реализации сбалансированной политики территориального развития. При этом выравнивание уровня развития муниципальных районов должно осуществляться не только за счет наращивания социально-экономического потенциала «депрессивных» территорий, но и сохранения положительных темпов экономического роста конкурентоспособных муниципальных районов.

В заключении отметим, что предлагаемая методика позволяет определить степень межтерриториальной дифференциации и общее направление развития региональной социально-экономической системы. Постоянный мониторинг тенденций социально-экономического развития муниципальных образований позволит избежать критических форм проявления межтерриториальной дифференциации, а результаты оценки могут быть использованы органами государственной власти при выборе приоритетных направлений развития региональной системы и разработке механизмов территориального регулирования.

Список литературы:

1. Баянова Т. О. Сравнительная рейтинговая оценка социально-экономического развития муниципальных образований региона // *Пространственная экономика*. 2010. № 2. С. 96–102.
2. Булкина Л. А. Статистический анализ дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // *Вестник НГУЭУ*. 2016. №1. С. 341–350.
3. Гриценко С. В. Статистический анализ уровня социально-экономического развития муниципальных районов // *Экономический анализ: теория и практика*. 2009. 22(151). С. 15–22.
4. Губанова Е. С., Клец В. С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // *Проблемы развития территории*. 2018. № 6 (98). С. 30–41.
5. Губанова Е. С., Клец В. С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2017. Т. 10. № 1. С. 58–75.
6. Лазарева В. В., Власова Н. Ю., Дьяченко В. Н. Неравномерность развития муниципальных образований Дальневосточного приграничья // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2019. Т. 20. № 1. С. 61–77.
7. Победин А. А. Методика анализа дифференциации социально-экономического развития муниципальных образований // *Муниципалитет: экономика и управление*. 2011. Выпуск № 1. URL: <http://municipal.uara.ru/ru/issue/2011/01/04/>
8. Тургель И. Д., Победин А. А. Территориальная дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований в субъекте Российской Федерации: опыты вариационного анализа (на примере Свердловской области) // *Региональная экономика: теория и практика*. 2007. 12(51). С. 12–23.
9. Ускова Т. В., Ворошилов Н. В. Региональная политика территориального развития: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 156 с.
10. Чепик А. Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук: 08.00.12. М., 2015. 23 с.

Библиографическое описание статьи

Сюпова М. С. Дифференциация социально-экономического развития муниципальных образований как угроза экономической безопасности региона // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 1 (94). С. 70–79. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79

Marina S. Syupova – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of economic theory and national economics, the Pacific State University (136, Pacific Str., Khabarovsk, 680035, Russia). *E-mail:* 003624@pnu.edu

Differentiation of socio-economic development of municipal entities as a threat to the economic security

The article is devoted to the problems of socio-economic differentiation of municipalities, the excessive manifestation of which forms a threat to the integrity of the socio-economic and territorial space of the region. In order to avoid crisis manifestations of intraregional inequality, it is necessary to constantly monitor the state and trends of socio-economic development of the territories, which will ensure the timely elimination of growing imbalances. To this end, the article proposes a methodological approach to assessing the level of differentiation of socio-economic development of municipalities in the region, which determines the stage of unevenness and analyzes the nature of changes in the processes of interterritorial inequality in the region. The proposed methodology provides for an assessment of the depth and scale of territorial differentiation by individual indicators, which allows us to identify the «pain points» of the socio-economic development of the region. To assess the overall level of socio-economic differentiation, an integral indicator is calculated that reflects the degree of deviation of the main parameters of the municipality from the regional average. Based on the results obtained, the territories are grouped according to the degree of differentiation, which makes it possible to justify the choice of measures and tools of regulatory influence on the development of individual municipalities by regional authorities. The methodology was tested on the example of the municipal districts of the Khabarovsk Territory. The study showed that the territories of the region are characterized by a critical level of the gap in the state of their socio-economic parameters, which is constantly growing. The results of the study can be used in the activities of the executive authorities of the region.

Keywords: municipalities, differentiation of socio-economic development, the Khabarovsk territory.

References:

1. Bayanova T. O. Comparative rating assessment of socio-economic development of municipalities in the region *Prostranstvennaya ekonomika* [Space Economy], 2010, no. 2, pp. 96–102. (In Russian).
2. Bulkina L.A. Statistical analysis of the differentiation of socio-economic development of municipalities *Vestnik NGUEU* [Bulletin of NSUEU], 2016, no. 1, pp. 341–350.
3. Gritsenko S. V. Statistical analysis of the level of socio-economic development of municipal districts *Ekonomicheskiiy analiz: teoriya i praktika* [Economic analysis: theory and practice], 2009, 22 (151), pp. 15–22. (In Russian).
4. Gubanova E. S., Klesh V. S. Methodology for assessing the unevenness of the socio-economic development of the region *Problemy razvitiya territorii* [Problems of the development of the territory], 2018, no. 6 (98), pp. 30–41.
5. Gubanova E. S., Kleshch V. S. Methodological aspects of the analysis of the level of uneven socio-economic development of regions *Ekonomicheskiiye i sotsial'nyye peremenny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2017, vol. 10, no. 1, pp. 58–75. (In Russian).
6. Lazareva V. V., Vlasova N. Yu., Dyachenko V. N. Uneven development of municipalities of the Far Eastern border area *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of the Ural State University of Economics], 2019, vol. 20, no. 1, pp. 61–77.
7. Pobedin A. A. Methodology for analyzing the differentiation of socio-economic development of municipalities *Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye* [Municipality: economics and management], 2011, no. 1. URL: <http://municipal.uapa.ru/ru/issue/2011/01/04/>
8. Turgel I. D., Pobedin A. A. Territorial differentiation of socio-economic development of municipal entities in the constituent entity of the Russian Federation: wholesale variations analysis (on the example of the Sverdlovsk region) *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2007, 12 (51), pp. 12–23. (In Russian).
9. Uskova T. V., Voroshilov N. V. Regional policy of territorial development: monograph. Vologda: ISERT RAN, 2015. 156 p.
10. Chepik A. E. Statistical study of the uneven socio-economic development of municipalities in the region: auto-ref. dis. for a job. uch. Art. Cand. econom. Sciences: 08.00.12. M., 2015. 23 p. (In Russian).

Reference to the article

Syupova M. S. Differentiation of socio-economic development of municipal entities as a threat to the economic security // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 70–79. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-70-79

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-80-92

УДК 331.522

Т. В. Мазанкова

Оценка занятости в сфере услуг

В работе проведена оценка занятости трудовых ресурсов в важных для поддержания уровня жизни видах деятельности таких как: оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств и мотоциклов, гостиничный и ресторанный бизнес. На основе официальных статистических данных изучены динамика и структура занятых в разрезе занятости в формальном и неформальном секторах, половозрастная структура, уровень образования, структура по месту основной работы, стажу на последнем месте работы, фактическая продолжительность рабочей недели. Оценка используемых трудовых ресурсов в разрезе вышеперечисленных показателей позволяет сформулировать качественные требования к уровню образования трудовых ресурсов и региональной системе профессионального образования, обеспечивающей подготовку кадров.

Ключевые слова: занятость, торговля, общественное питание, занятость в формальном и неформальном секторах, профессиональное образование, продолжительность рабочей недели.

Введение. Динамичное развитие сферы услуг, имеющих важное значение для обеспечения уровня жизни населения, таких как торговля и общественное питание, напрямую зависит от количества и качества работающих в них трудовых ресурсов. К сожалению, вопросам обеспеченности торговли и общественного питания трудовыми ресурсами в настоящее время не уделяется достаточного внимания. Даже в проекте Стратегии развития торговли до 2025 г., представленной Минпромторгом на обсуждение в 2019 г., такие вопросы не поставлены, хотя в торговле и общественном питании работает более 17% от общего числа занятых в экономике. Оптовая и розничная торговля, общественное питание выполняют функции связующего звена между производителями и потребителями, социальные функции обеспечения населения товарами и услугами, удовлетворения физиологических потребностей населения. Поэтому от обеспеченности этих видов деятельности квалифицированными

трудовыми ресурсами зависит слаженность работы всей экономической системы и уровень жизни населения.

Сложности обеспечения экономики рабочей силой отмечают многие ученые. Эти проблемы рассматриваются также в работах дальневосточных исследователей. Например, вопросы оттока трудоспособного населения, миграции как фактора обеспечения воспроизводства в Хабаровском крае и на Дальнем Востоке рассматриваются в работах Кривоносовой Л. А. [Кривоносова, 2020. С. 265–271], Мотрич Е. Л. [Мотрич, 2020. С. 272–282], Золотовой Я. В. [Золотова, 2019. С. 74–78]. В работах Медведевой Н. М. [Медведева, 2020. С. 135–142], Грицко М. А., Поливаевой О. Г. [Грицко, Поливаева, 2020. С. 48–59] изучается демографический и кадровый потенциал региона.

Вопросы обучения персонала на предприятиях, формирования необходимых компетенций персонала и актуальные проблемы подготовки работников торговых специальностей рассматривают-

Татьяна Васильевна Мазанкова – канд. экон. наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и предпринимательского права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33).
E-mail: mazankova-tv@ranepa.ru

ся в работах Николаевой М. А., Евдокимовой О. В., Ивановой Т. Н. [Николаева, Евдокимова, Иванова, 2020. С. 71–80], Петровой Т. П., Федоровой Л. П. [Петрова, Федорова, 2021. С. 444–449], Топузова Н. К., Райбер А. А. [Топузов, Райбер, 2017. С. 66–79], Сухоруковой Г. Н. [Сухорукова, 2010. С. 17–26].

Особенности правового регулирования трудовых отношений, нарушения трудовых прав работников торговли и общественного питания рассматриваются в работах Макаревич М.Л., Рыковой А.М. [Макаревич, Рыкова, 2017. С. 72–77].

В то же время вопросам обеспеченности персоналом в разрезе отдельных видов деятельности, в том числе торговли и общественного питания не уделяется должного внимания. В открытом доступе представлены отдельные исследования, посвященные этим вопросам: например, результаты исследований Муфтиевой Л.Ф. [Муфтиева, 2008. С. 217–226], где был проведен анализ обеспеченности торговой отрасли персоналом в 2002–2005 гг. и сделана попытка прогнозирования кадрового обеспечения в сфере торговли и общественного питания Республики Башкортостан. Но таких исследований мало. Отмечается также недостаток исследований по данному вопросу в Хабаровском крае. Необходимость таких исследований объясняется актуальностью вопросов развития торговли и общественного питания.

Цель исследования: изучение качественных характеристик трудовых ресурсов, занятых в торговле, ремонте автотранспортных средств и мотоциклов, общественном питании, для прогнозирования запроса данных видов деятельности на обучение персонала.

Задачи исследования:

на основе анализа общедоступных статистических данных определить динамику и структуру занятых по возрасту, стажу работы, уровню образования и другим характеристикам;

определить основные факторы, обуславливающие запрос изучаемых видов деятельности на подготовку персонала.

Методы и материалы. В качестве методологической базы исследования в работе использовались методы анали-

за и синтеза, статистического анализа, причинно-следственных связей, сравнения, описания и др. Для представления результатов анализа использованы табличные и графические методы.

В соответствии с общероссийским классификатором «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности», утверждённым приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст, торговля и общественное питание относятся к видам деятельности, включенным в разделы G «Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов» (далее – ТОиР; РА-СиМ) и I «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания» (далее – ДГиПОП). Общедоступные статистические данные содержат статистику по указанным выше укрупненным разделам, которые использованы в работе.

Анализ общедоступных статистических данных проводился по следующим показателям: доля занятых в общей численности занятых; структура занятых в торговле, общественном питании по возрасту, стажу работы, уровню образования и другим характеристикам.

Результаты. Численность занятых в экономике РФ в 2019 г. составила 71933 тыс. чел. и увеличилась по сравнению с 2009 г. на 2523 тыс. чел. (или на 3,63%), в том числе численность занятых в неформальном секторе экономики РФ составила в 2019 г. 14800 тыс. чел. и увеличилась по сравнению с 2009 г. на 1418 тыс. чел. (или на 10,6%). В методологии федеральной службы государственной статистики к неформальному сектору отнесены субъекты, у которых отсутствует государственная регистрация в качестве юридического лица (далее – ЮЛ).

Численность занятых в РФ по видам деятельности ТОиР и РАСиМ росла более высокими темпами и в 2019 г. составила 11198 тыс. чел., что больше 2009 г. на 751 тыс. чел. (или на 7,19%), в том числе численность занятых в неформальном секторе по вышеуказанным видам деятельности составила в 2019 г. 4634 тыс. чел. и увеличилась по сравнению с 2009 г. на 194 тыс. чел. (или на 4,37%), т. е. численность занятых в этих видах деятельности прирастает больше в фор-

мальном секторе.

Численность занятых в РФ по виду деятельности ДГиПОП в 2019 г. составила 1894 тыс. чел., что больше 2009 г. на 458 тыс. чел. (или на 31,89%), в том числе численность занятых в неформальном секторе по указанному виду деятельности составила в 2019 г. 599 тыс. чел., и увеличилась по сравнению с 2009 г. на 303 тыс. чел. (или на 102,37%), т. е. в этом виде деятельности наблюдаем значительный прирост численности в неформальном секторе.

Численность занятых и доля занятых по видам деятельности в общей численности занятых представлены на рисунке 1.

Доля занятых в общей численности занятых в 2019 г. составила 15,57% и увеличилась по сравнению с 2009 г. на 0,52 пункта. На графике видны две волны изменения численности занятых в торговле. Повышение показателя наблюдалось в 2009–2012 гг. и 2016–2017 гг. В 2018–2019 гг. происходило снижение показателя.

Доля занятых по виду деятельности ДГиПОП представлена на рисунке 2. Дина-

мика численности и доли занятых по этому виду деятельности иная. После спада в 2010 г. доля занятых на протяжении всего периода постоянно увеличивалась. Доля занятых в общей численности занятых в 2019 г. составила 2,63% и увеличилась по сравнению с 2009 г. на 0,56 пункта.

Структура численности занятых по видам деятельности по полу представлена в таблице 1. В структуре занятых в торговле и общественном питании больший удельный вес занимают женщины. Наибольший удельный вес женщин наблюдается именно среди основных оперативных работников-продавцов (83%). Данные для анализа занятых в неформальном секторе представлены в таблице 2.

В структуре занятых в неформальном секторе России по полу больший удельный вес составляют мужчины (55%), в структуре по месту проживания – городское население (67%).

В структуре занятых по видам деятельности ТОиР и РАСиМ ситуация иная: 60% занятых – женщины, в структуре по месту проживания доля городского населения выше и составляет 76%.

Рис. 1. Динамика численности занятых в РФ по видам деятельности: ТОиР; РАСиМ в 2009–2019 гг.

Рис. 2. Динамика численности занятых в РФ по виду деятельности: деятельность гостиниц и предприятий общественного питания

Таблица 1

Структура численности занятых в РФ по видам деятельности в 2019 г. по полу

Показатели	Всего	в том числе		Распределение по полу, процент	
		мужчины	женщины	мужчины	женщины
Занятые, всего, тыс. чел.	71 933	36 912	3 502	51,3	48,7
ТОиР; РАСиМ, тыс. чел.	11 198	4 308	6 890	38,5	61,5
в том числе продавцы, тыс. чел.	5 431	913	4 517	16,8	83,2
ДГиПОП, тыс. чел.	1 894	499	1 396	26,3	73,7

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. С. 50, 72. URL: <https://habstat.gks.ru/>

Таблица 2

Структура численности занятых в неформальном секторе экономики РФ по видам деятельности в 2019 г.

Показатели	Всего	из них			
		мужчины	женщины	городское население	сельское население
Занятые в неформальном секторе, всего, тыс. чел.	14 800	8 181	6 619	9 935	4 865
ТОиР; РАСиМ	4 634	1 851	2784	3508	1127
ДГиПОП	599	169	431	466	133

Источник: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. С. 97. URL: <https://habstat.gks.ru/>

В структуре по виду деятельности ДГи-ПОП доля занятых женщин еще выше – 72%, доля занятых в городской местности составляет 79%.

Структура занятых по возрасту представлена в таблице 3. Средний возраст занятых в исследуемых видах деятельности ниже более чем на 2 года в целом по экономике. Средний возраст занятых всего составляет 41,3 года; в ТОиР, РАСиМ – 38,8 лет; в гостиницах и предприятиях общественного питания – 38,5 лет.

По видам деятельности ТОиР; РАСиМ наибольший удельный вес занятых наблюдается в возрастных группах от 30 до 39 лет – 32,35% (больше уровня в целом по экономике на 3,03 пункта), от 40 до 49 лет – 23,98% (меньше уровня в целом по экономике на 0,84 пункта), от 20 до 29 лет – 23,03% (больше уровня по экономике в целом на 5,08 пункта). В возрастных группах от 50 до 59 лет, от 60 до 69 лет, свыше 70 лет доля занятых ниже, чем в среднем в целом по экономике. В возрастной группе от 15 до 19 лет доля занятых выше общероссийского уровня на 0,09 пункта.

По виду деятельности ДГиПОП наибольший удельный вес имеют возрастные группы: от 30 до 39 лет – 28,14%

(меньше уровня по экономике в целом на 1,18 пункта); от 20 до 29 лет – 26,14% (больше уровня по экономике в целом на 8,18 пункта); от 40 до 49 лет – 22,12% (меньше уровня по экономике в целом на 2,69 пункта). По остальным возрастным группам от 50 лет наблюдается также отрицательное отклонение структуры занятых от общероссийского уровня. Только в возрастной группе от 15 до 19 лет наблюдаем долю занятых в 1,64%, что выше общероссийского уровня на 1,15 пункта.

Таким образом, в исследуемых видах деятельности востребованы преимущественно молодые работники, особенно в ДГиПОП.

Данные для анализа структуры занятых по уровню образования представлены в таблице 4. Если в экономике страны в целом в общей численности занятых преобладают работники с высшим образованием – 34,24%, с образованием по программам подготовки специалистов среднего звена – 25,61% и по программам подготовки квалифицированных рабочих (включая начальное профессиональное образование) – 19,39%, то по изучаемым видам деятельности ситуация иная.

Таблица 3

Структура занятых в РФ по возрасту в 2019 г.

Показатели	Занятые всего		ТОиР, РАСиМ			ДГиПОП		
	тыс. чел.	процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент
Всего	71933	100,00	11198	100,00	-	1894	100,00	-
15–19 лет	350	0,49	65	0,58	0,09	31	1,64	1,15
20–29 лет	12916	17,96	2579	23,03	5,08	495	26,14	8,18
30–39 лет	21094	29,32	3623	32,35	3,03	533	28,14	-1,18
40–49 лет	17850	24,81	2685	23,98	-0,84	419	22,12	-2,69
50–59 лет	15144	21,05	1842	16,45	-4,60	336	17,74	-3,31
60–69 лет	4251	5,91	384	3,43	-2,48	76	4,01	-1,90
70 и старше	328	0,46	20	0,18	-0,28	4	0,21	-0,24
Средний возраст, лет	41,3	-	38,8	-	-	38,5	-	-

Составлено автором по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. С. 51. URL: <https://habstat.gks.ru/>

Таблица 4

Структура занятых в РФ по уровню образования в 2019 г.

Показатели	Занятые всего		ТОиР; РАСиМ			ДГиПОП		
	тыс. чел.	процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент
Всего	71933	100,00	11198	100,00	-	1894	100,00	-
высшее	24632	34,24	2830	25,27	-8,97	346	18,27	-15,97
среднее профессиональное:								
по программам подготовки специалистов среднего звена	18423	25,61	3144	28,08	2,47	448	23,65	-1,96
по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, включая начальное профессиональное образование	13951	19,39	2150	19,20	-0,19	631	33,32	13,92
среднее общее	12121	16,85	2600	23,22	6,37	402	21,22	4,37
основное общее	2635	3,66	449	4,01	0,35	66	3,48	-0,18
не имеют основного общего	172	0,24	24	0,21	-0,02	2	0,11	-0,13

Составлено автором по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. С. 57. URL: <https://habstat.gks.ru/>

В ТОиР, РАСиМ наиболее востребованы работники, имеющие среднее профессиональное образование по программам подготовки специалистов среднего звена – 28,08%, затем работники, имеющие высшее образование – 25,27% и работники, имеющие общее среднее образование – 23,22%. На четвертом месте – работники, имеющие среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, включая начальное образование.

В ДГиПОП востребованы в первую очередь работники, имеющие среднее профессиональное образование: по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, включая начальное профессиональное образование – 33,32%, по программам подготовки специалистов среднего звена – 23,65%, затем работники, имеющие общее среднее образование – 21,22%. И только на четвертом месте работники, имеющие высшее образование – 18,27%.

Следует отметить, что доля работни-

ков, не имеющих образования в исследуемых видах деятельности ниже, чем показатель по РФ в целом.

Графически структура занятых работников по отраслям в разрезе уровней образования в 2019 г. представлена на рисунке 3.

Данные для анализа структуры занятых по месту основной работы представлены в таблице 5.

Более 80% всех занятых в экономике работают на предприятиях и организациях, имеющих статус ЮЛ. Но для видов деятельности ТОиР и РАСиМ доля занятых на предприятиях и организациях со статусом ЮЛ меньше на 21,37% и составляет всего 59,37% от всех занятых. По видам деятельности ДГиПОП доля занятых в организациях со статусом ЮЛ ниже на 11,85% и составляет 68,85%.

Доля занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования ЮЛ в исследуемых видах деятельности не слишком отличается от общероссийского показателя в целом по экономике.

* включая начальное профессиональное образование.

Рис. 3. Структура занятых работников по отраслям в разрезе уровней образования в 2019 г.

Таблица 5

Структура занятых в РФ по месту основной работы

Показатели	Занятые всего		ТОиР; РАСиМ			ДГиПОП		
	тыс. чел.	процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент
Всего	71933	100,00	11198	100,00	-	1894	100,00	-
в том числе лица, у которых основная работа была на предприятии, в организации со статусом ЮЛ	58077	80,74	6648	59,37	-21,37	1304	68,85	-11,89
в сфере предпринимательской деятельности без образования ЮЛ, включая фермеров и лиц, занятых на индивидуальной основе	3621	5,03	1139	10,17	5,14	72	3,80	-1,23
по найму у физических лиц, ИП, в фермерском хозяйстве	9207	12,80	3411	30,46	17,66	519	27,40	14,60
в собственном домашнем хозяйстве по производству продукции сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства для продажи или обмена	1029	1,43	-	0,00	-1,43	-	0,00	-1,43

Составлено автором по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. С. 63. URL: <https://habstat.gks.ru/>

Существенно различается доля занятых по найму у физических лиц (далее ФЛ). По видам деятельности ТООиР и РАСиМ доля занятых по найму у ФЛ и ИП выше на 17,66% и составляет всего 30,46% от всех занятых. По видам деятельности ДГиПОП доля занятых по найму у ФЛ и ИП выше на 14,60% и составляет 27,40%.

Следующим шагом является изучение длительности работы на последнем рабочем месте (табл. 6).

В целом в экономике страны 35,91% всех работников проработала на последнем месте работы более 10 лет. Далее по убывающей: 25,93% работников проработали от 5 до 10 лет; 15,05% работников от 3 до 5 лет; 14,34% работников – от 1 до 3 лет; доля работников со стажем до 1 года – 8,76%.

В ТООиР и РАСиМ, а также в деятельности ДГиПОП доля занятых со стажем работы свыше 10 лет существенно ниже общероссийского показателя по экономике в целом (более чем на 13%). Только каждый пятый работник работает на одном предприятии более 10 лет (против каждого третьего в целом по экономике). Наибольший вес в общей структуре в этих видах деятельности занимают работники со стажем работы на последнем месте от 5 до 10 лет. Также для данных

видов деятельности характерна более высокая доля работников со стажем работы на последнем месте до 1 года: для ТООиР и РАСиМ доля работников со стажем до 1 года – 11,23% (больше на 2,47%, чем по экономике всего); для гостиниц и предприятий общественного питания еще выше – 14,10% (больше на 5,34%, чем по экономике в целом).

Графически это представлено на рисунке 4.

Более низкие показатели стажа работы на одном предприятии могут объясняться разными причинами, в том числе более тяжелый труд, неудовлетворительные условия труда, высокая психологическая нагрузка, общая неудовлетворенность условиями и качеством труда, уровнем заработной платы.

В таблице 7 представлены данные о фактической продолжительности рабочей недели.

Статистические данные свидетельствуют о том, что длительность рабочей недели в исследуемых видах деятельности превышает длительность рабочей недели в целом по экономике. Если для экономики в целом длительность рабочей недели превышает 40 часов у 5,93% работающих, то для видов деятельности ТООиР, РАСиМ – у 9,15% работающих (выше на 3,22%), для ДГиПОП

Таблица 6

Структура занятых в РФ по стажу работы на последнем месте работы в 2019 г.

Показатели	Занятые всего		ТООиР, РАСиМ			ДГиПОП		
	тыс. чел.	процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент
Всего	70 899	100,00	11 198	100,00	-	1 894	100,00	-
в т. ч. имеют стаж работы на последнем месте работы								
до 1 года	6 211	8,76	1 258	11,23	2,47	267	14,10	5,34
от 1 до 3 лет	10 170	14,34	2 148	19,18	4,84	381	20,12	5,77
от 3 до 5 лет	10 672	15,05	2 146	19,16	4,11	348	18,37	3,32
от 5 до 10 лет	18 385	25,93	3 128	27,93	2,00	472	24,92	-1,01
от 10 лет	25 461	35,91	2 519	22,50	-13,42	427	22,54	-13,37

Составлено автором по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. С. 77. URL: <https://habstat.gks.ru/>

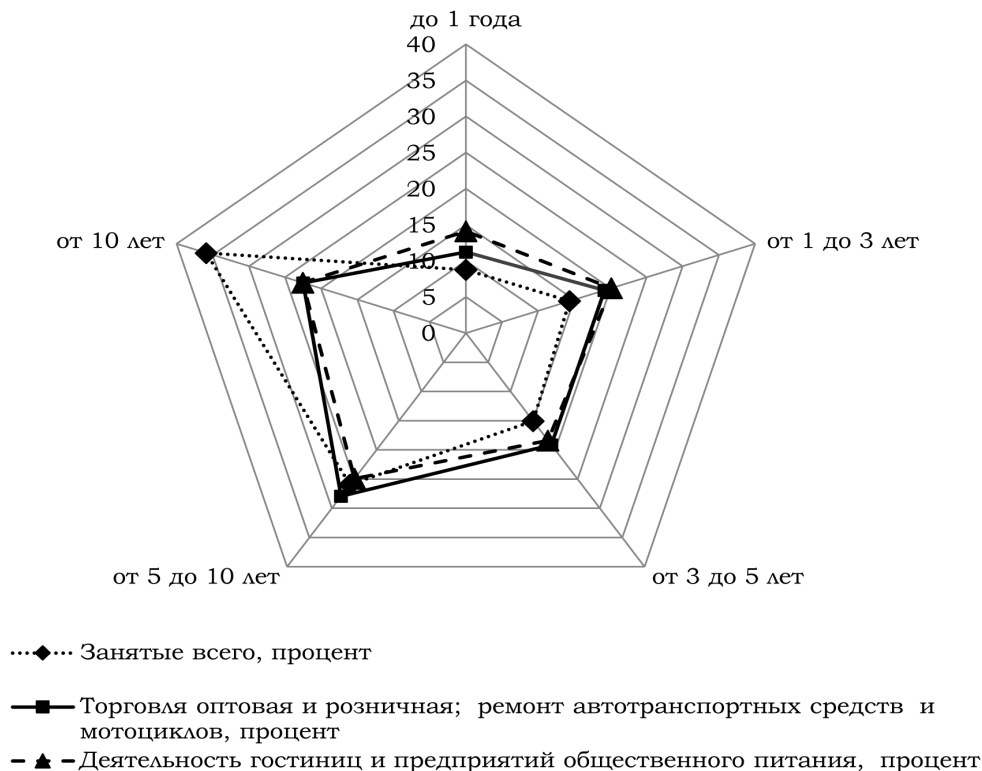

Рис. 4. Структура занятых работников по отраслям в разрезе стажа работы на последнем месте в 2019 г.

Таблица 7

Структура занятых в РФ по фактической продолжительности рабочей недели

	Занятые всего		ТОиР; РАСиМ			ДГиПОП		
	тыс. чел.	процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент	тыс. чел.	процент	отклонение от занятых всего, процент
Всего	71 933	100,00	11 198	100,00	-	1 894	100,00	-
Отработали часов в неделю								
менее 9	449	0,62	32	0,29	-0,34	4	0,21	-0,41
от 9 до 15 часов	539	0,75	31	0,28	-0,47	7	0,37	-0,38
от 16 до 20 часов	1 072	1,49	130	1,16	-0,33	38	2,01	0,52
от 21 до 30 часов	1 662	2,31	170	1,52	-0,79	36	1,90	-0,41
от 31 до 40 часов	61 435	85,41	9 438	84,28	-0,12	1 604	84,69	-0,72
от 41 до 50 часов	3 259	4,53	808	7,22	2,68	110	5,81	1,25
51 и более	1 006	1,40	216	1,93	0,53	29	1,53	0,13
временно отсутствовали	2 512	3,49	372	3,32	-0,17	66	3,48	-0,01
отработано в среднем на 1 занятого, часов в неделю	37,8	-	38,7	-	-	38,2	-	-

Составлено автором по: Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб. // Росстат. М., 2020. С. 107. URL: <https://habstat.gks.ru/>

– у 7,34% работающих (выше на 1,41%). Также для гостиниц и предприятий общественного питания характерен более высокий удельный вес работников, привлекаемых на 0,5 ставки. Доля работников, имеющих длительность рабочей недели от 16 до 20 часов, составляет 2,01% (выше показателя в целом на 0,52 пункта или в 1,3 раза).

Обсуждение. Обобщая результаты проведенного анализа, видим, что:

1. Численность занятых по видам деятельности ТООР, РАСиМ, ДГиПОП в динамике за исследуемые 2009-2019 годы увеличилась и составила 18,2% от занятых в экономике в целом. Торговля, общественное питание, сервисные услуги относятся к третичному сектору экономики. Положительная динамика численности в этих секторах подтверждает структурную модель развития постиндустриального общества.

Глобальными тенденциями развития в постиндустриальном обществе являются: индивидуализация и внедрение клиенто-ориентированных технологий, превращение потребителя в активного участника производственного процесса, интеллектуализация бизнеса. Все эти процессы повышают требования к персоналу и обуславливают необходимость системной и глубокой маркетинговой подготовки работников.

2. В целом по экономике прирост численности работающих в неформальном секторе превышает прирост численности в формальном секторе. В ТООР, РАСиМ наблюдается обратная ситуация, прирост численности наблюдается больше в формальном секторе экономики. Для ДГиПОП наблюдается преимущественно рост численности в неформальном секторе (причем, темп прироста численности занятых в неформальном секторе больше в 10 раз общероссийского показателя).

В структуре занятых по основному месту работы в указанных видах деятельности наблюдается более низкая доля занятых на предприятиях и организациях, зарегистрированных как ЮЛ, и более высокая доля работающих по найму у ФЛ и ИП. Доля занятых в сфере предпринимательской деятельности без образования ЮЛ в исследуемых видах деятельности незначительно отличается

от общероссийского показателя в целом по экономике.

Это обуславливает необходимость базовой подготовки населения (начиная со школ) основам трудового и гражданского права, предпринимательского дела.

3. Доля занятых в указанных видах деятельности женщин значительно превышает показатель в целом по экономике. Для торговли, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов превышение составляет 1,3 раза (в т. ч. для продавцов – в 1,7 раза), для гостиниц и предприятий общественного питания – 1,5 раза.

Кроме этого, средний возраст работников, занятых в указанных видах деятельности ниже, чем по экономике в целом, численность занятых в возрасте до 39 лет составляет почти 56%, что больше показателя занятых по экономике всего на 8%. А в структуре занятых по стажу работы на последнем месте работы в указанных видах деятельности наблюдается более низкий удельный вес работников, имеющих стаж работы свыше 10 лет, и более высокий удельный вес работников, имеющих стаж работы до 1 года, от 1 до 3 лет, от 3 до 5 лет.

Труд в этих видах деятельности достаточно тяжел, и длительность рабочей недели превышает показатель по экономике в целом. Поэтому люди не задерживаются в отрасли надолго, проходят переподготовку, уходят в другие виды деятельности. Для бесперебойного функционирования предприятий на рынке труда всегда должны находиться свободные подготовленные работники.

Указанные выше обстоятельства обуславливают формирование запроса для системы образования на подготовку «избыточного» количества профессиональных кадров.

4. В указанных видах деятельности наблюдается более низкая востребованность в работниках с высшим образованием, в них востребованы работники преимущественно со средним профессиональным образованием по программам подготовки специалистов среднего звена, а для гостиниц и предприятий общественного питания – по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, включая начальное профессиональное образование.

Значит, система профессионального образования должна учитывать повышенный запрос на подготовку специалистов среднего профессионального образования, и использовать это при установлении объемов контрольных цифр приёма на обучение по профессиям, специальностям и направлениям подготовки за счет ассигнований региональных бюджетов.

Заключение. Проблема подготовки кадров для экономики должна являться ключевой для органов государственного регулирования экономики. Анализ публикаций ряда авторов показывает, что недостаток квалифицированного персонала, а также рост потребности в нем исследователи отмечали и до ограничительных мер в связи с пандемией коронавирусной инфекции, например, [Веретенников, Чимитдоржиев, 2019. С. 103]. В 2020 году отрасли сферы услуг значительно пострадали ввиду вынужденных ограничений деятельности. Общественное питание пострадало максимально. Ситуация с ограничением деятельности в общественном питании привела к закрытию части предприятий. Как отмечается [Чимитдоржиев, 2020. С. 101–105]: «длительное отсутствие работы вынудило поварской состав уйти из отрасли, что еще усилило дефицит кадров». В этой связи необходимо продолжать поддерживать двухуровневую систему подготовки кадров специалистов высшего и среднего звена.

При подготовке кадров для малых, средних предприятий, ИП целесообразно увеличивать количество бюджетных мест в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования, использовать обучение через наставничество, дистанционные и традиционные программы подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала, временную ротацию, видеоуроки и вебинары образовательных организаций и организаций инфраструктурной поддержки предприятий малого бизнеса.

При подготовке кадров для крупных предприятий (в т. ч. сетевых) возможно заключение договоров на подготовку кадров образовательными учреждениями, создание корпоративных университетов, проведение тренингов, инструк-

тажей и др.

Торговля, общественное питание – это виды деятельности, где преимущественно развито малое предпринимательство. Подготовка кадров для этого сектора экономики возможна только с государственной поддержкой. Целесообразно также рассмотреть разработку программ субсидирования малым и средним предприятиям расходов на подготовку и переподготовку персонала.

Список литературы:

1. Веретенников А. Н., Чимитдоржиев Ж. Ж. Тенденции и барьеры развития российского рынка услуг питания // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 2 (100). С. 103–113.
2. Золотова Я. В. Региональный аспект этномиграционных процессов // Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы всероссийской научной конференции. Хабаровск: ДВГУПС, 2019. С. 74–78.
3. Кривоносова Л. А. Иностранцы как фактор воспроизводства трудовых ресурсов Хабаровского края: проблемы адаптации // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России : материалы международной научной конференции (Хабаровск, 4–5 декабря 2019 г.) / под ред. П.А. Минакира ; Институт экономических исследований ДВО РАН ; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 265–271.
4. Макаревич М. А., Рыкова А. М. Особенности регулирования труда работников торговли и общественного питания // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2017. № 3 (21). С. 72–77.
5. Медведева Н. М., Медведев Е. А. Трудовые и человеческие ресурсы как фактор формирования кадрового потенциала // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 3 (92). С. 135–142.
6. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России // Новая азиатская политика и развитие Дальнего Востока России : ма-

териалы международной научной конференции (Хабаровск, 4–5 декабря 2019 г.) / под ред. П.А. Минакира; Институт экономических исследований ДВО РАН; Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ. Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2020. С. 272–282.

7. Муфтиева Л. Ф. Мониторинг образовательных услуг для торговой отрасли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 63-1. С. 217–226.

8. Николаева М. А., Евдакимова О. В., Иванова Т. Н. Актуальные проблемы подготовки и востребованности товароведов на рынке труда // Индустрия питания. 2020. Т.5. № 1. С. 71–80.

9. Петрова Т. П., Федорова Л. П. Использование модели компетенций в управлении персоналом сетевой торговли региона // Вестник Чувашского университета. 2021. № 4. С. 444–449.

10. Грицко М. А., Поливаева О. Г. Демографический потенциал Дальнего Востока: ожидания и реальность //

Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4 (93). С. 48–59.

11. Сухорукова Г. Н. Профессионализм – залог будущего российской торговли // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 48. С. 17–26.

12. Топузов Н. К., Райбер А. А. Технологии формирования инновационных компетенций специалистов в области продаж // Стратегический и инновационный менеджмент. 2017. № 1 (1). С. 66–79.

13. Чимитдоржиев Ж. Ж. Некоторые итоги режима самоизоляции для рынка общественного питания // Проблемы и механизмы реализации национальных приоритетов социально-экономического развития России: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 50-летию Хабаровского государственного университета экономики и права. 9–10 октября 2020 года / под науч. ред. д-ра экон. наук О. В. Сидоренко. Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2020. С. 101–105.

Библиографическое описание статьи

Мазанкова Т. В. Оценка занятости в сфере услуг // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 80–92. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-80-92

Tatyana V. Mazankova – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and business law, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: mazankovata@ranepa.ru*

Service employment assessment

The author assessed the employment of labor resources in the important activities for maintaining the standard of living, such as wholesale and retail trade, repair of motor vehicles and motorcycles, hotel and restaurant business. The calculations were carried out on the basis of official statistical data. The author studied the dynamics and structure of employees in the formal and informal sectors of the economy, the gender and age structure, the level of education of employees, the place of main work, work experience, and the length of the working week. The results of the analysis of labor resources allow us to formulate qualitative requirements for the level of education of labor resources and for the system of vocational education in the region that provides training.

Keywords: *employment, trade, public catering, employment in the formal and informal sectors, vocational education, working week duration.*

References:

1. Veretennikov A. N., Chimitdorzhiev Zh.Zh. Trends and barriers to the develop-

ment of the Russian food service market *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Econom-

ics and Law], 2019, no. 2 (100), pp. 103-113. (In Russian).

2. Zolotova Ya. V. Regional aspect of ethnomigration processes. Far East in the mirror of ethnopolitics: materials of the All-Russian scientific conference. Khabarovsk: FESTU, 2019, pp. 74-78. (In Russian).

3. Krivonosova L. A. Foreign migrants as a factor in the reproduction of labor resources in the Khabarovsk Territory: adaptation problems. New Asian policy and the development of the Russian Far East: materials of an international scientific conference (Khabarovsk, December 4-5, 2019). Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2020, pp. 265-271. (In Russian).

4. Makarevich M. L., Rykova A. M. Features of labor regulation of trade and public catering workers *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative economy: prospects for development and improvement], 2017, no. 3 (21), pp. 72-77. (In Russian).

5. Medvedeva N. M., Medvedev E. A. Labor and human resources as a factor in the formation of human resources *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2020, no. 3 (92), pp. 135-142. (In Russian).

6. Motrich E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East. New Asian policy and the development of the Russian Far East: materials of the international scientific conference (Khabarovsk, December 4-5, 2019). Khabarovsk: IEI FEB RAS, 2020, pp. 272-282. (In Russian).

7. Muftieva L. F. Monitoring educational services for the trade industry *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universitetaim. A. I. Gertsena* [News of the Russian State Pedagogical University. A. I. Herzen], 2008, no. 63-1,

pp. 217-226. (In Russian).

8. Nikolaeva MA, Evdakimova OV, Ivanova TN Actual problems of training and demand for commodity experts on the labor market *Industriya pitaniya* [Food Industry], 2020, vol. 5, no. 1, pp. 71-80. (In Russian).

9. Petrova T. P., Fedorova L. P. Using a competency model in personnel management of network trade in the region *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2021, no. 4, pp. 444-449. (In Russian).

10. Gritsko M. A., Polivaeva O, G. Demographic potential of the Far East: expectations and reality *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2020, no. 4 (93), pp. 48-59. (In Russian).

12. Sukhorukova G. N. Professionalism is the guarantee of the future of Russian trade *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2010, no. 48, pp. 17-26. (In Russian).

13. Topuzov N. K., Raiber A. A. Technologies for the formation of innovative competencies of specialists in the field of sales *Strategicheskij i innovatsionnyy menedzhment* [Strategic and innovative management], 2017, no. 1 (1), pp. 66-79. (In Russian).

14. Chimitdorzhiev Zh. Zh. Some results of the self-isolation regime for the public catering market. Problems and mechanisms of implementation of national priorities of socio-economic development of Russia: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Khabarovsk State University of Economics and Law. October 9-10, 2020. Khabarovsk: RITs KSUEP, 2020. P. 101-105. (In Russian).

Reference to the article

Mazankova T. V. Service employment assessment // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 80-92. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-80-92

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-93-100
УДК 338.4(571.62)

Г. В. Цветова
Е. К. Полонникова

Рынок медицинских услуг в региональном измерении

В статье проведено исследование тенденций развития регионального рынка медицинских услуг (на примере Хабаровского края) в период с 2014 г. по 2018 г. Проанализированы данные о количестве государственных и муниципальных медицинских учреждений в Хабаровском крае, о численности медицинского персонала, о потребительских ценах на отдельные виды медицинских услуг. На протяжении исследуемого периода в Хабаровском крае наблюдается ежегодное устойчивое увеличение показателя объема платных медицинских услуг. Существует ряд факторов, которые ограничивают развитие рынка медицинских услуг – низкая плотность населения, большая отдаленность населенных пунктов, низкие доходы населения. К факторам, сдерживающим развитие рынка медицинских услуг можно отнести барьеры, связанные с входом на рынок, среди которых: лицензирование, жесткие требования осуществления медицинской деятельности, ограниченное бюджетное финансирование, несовершенство нормативно-правовой базы. Исследуется проблема доступности медицинских услуг для населения Хабаровского края, которая складывается из транспортной, кадровой и ценовой составляющих.

Ключевые слова: медицинские услуги, рынок медицинских услуг, Хабаровский край, доступность медицинских услуг.

Введение. Одним из национальных приоритетов и целей развития России до 2030 г. является сохранение населения, здоровья и благополучия людей¹. Медицина является одним из ключевых факторов для достижения поставленных задач.

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», «... ключевыми направлениями развития системы здравоохранения Хабаровского края являются снижение смертности, в первую очередь от

болезней системы кровообращения, от несчастных случаев, отравлений и травм; стратегическим ориентиром является увеличение доли детей, относящихся к I группе здоровья, до уровня не менее чем 40 процентов»². Для решения поставленных задач в Хабаровском крае потребуется создание системы здравоохранения, соответствующей таким требованиям, как высокий профессионализм врачебного персонала, оснащенность новейшими технологиями.

Целью исследования является анализ тенденций развития регионального рынка медицинских услуг (на примере Хаба-

¹ Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] <http://kremlin.ru/events/president/news/63728>

² Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [Электронный ресурс] http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/

Галина Владимировна Цветова – канд. экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и финансового права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail:* mgalin1008@mail.ru

Екатерина Константиновна Полонникова – аспирант, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail:* thediaryofgk@mail.ru

ровского края).

Исследование проводилось с использованием системного подхода посредством обобщения и систематизации теоретических представлений о развитии рынка медицинских услуг и их доступности, представленных в работах Т. А. Бородиной, Е. А. Колесниченко, Н. П. Старых А. В. Егоровой.

Анализ статистических данных проводился с использованием материалов Росстата России, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, Правительства Хабаровского края.

Анализ доступности медицинских услуг для населения Хабаровского края. Рынок медицинских услуг изучали в своих работах Т. А. Бородина, Н. В. Кузнецов, А. В. Рулева, М. В. Рулев [Кузнецов, Рулева, Рулев, 2019. С. 334–342].

В исследовании Т. А. Бородиной и Е. А. Колесниченко рынок медицинских услуг определяется как «... система экономических отношений между элементами рынка, охватывающих процессы производства, распределения, обмена и потребления медицинских услуг» [Бородина, Колесниченко, 2011. С. 36–41].

По мнению Е. В. Плугарь, О. В. Растригиной, рынок медицинских услуг как часть рынка здравоохранения объединяет пациентов, врачей, медицинские организации, страховые медицинские организации [Плугарь, Растригина, 2020. С. 29–38].

Для оценки развития рынка медицинского услуг используют показатели доступности и качества [Старых, Егорова, 2018. С. 97–107].

Доступность медицинских услуг характеризует возможность получения пациентом необходимой ему медицинской помощи вне зависимости от социального статуса, уровня благосостояния и места проживания [Назаренко, 2015. С. 205]. Исходя из этого выделяют транспортную, кадровую и ценовую доступность.

Транспортная доступность зависит от развития транспортной инфраструктуры, обеспечивающей возможность свободного перемещения населения с целью получения медицинских услуг.

Кадровая доступность предполагает наличие квалифицированных медицин-

ских кадров. От кадровой доступности зависит качество оказываемых услуг.

«Качество медицинских услуг представляет собой систему критериев, позволяющих определить своевременность, безопасность, результативность и удовлетворенность оказанием медицинских услуг как в конкретной медицинской организации, у конкретного лечащего врача, на данной территории, так и отдельному пациенту» [Пивень, 2014. С. 31].

Ценовая доступность медицинских услуг – возможность получения медицинских услуг при сложившихся ценах с учетом доходов пациента. Ценовая доступность связана с количеством поставщиков на рынке медицинских услуг и конкуренцией между ними.

Количество поставщиков на рынке медицинских услуг регулируется наличием ограничений входа на рынок, важнейшим из которых является обязательное лицензирование медицинской деятельности. Таким образом, обязательное лицензирование медицинской деятельности является одним из инструментов обеспечения качественного оказания медицинской помощи.

Рассмотрев теоретические аспекты доступности и качества как параметров рынка медицинских услуг, перейдем к аналитическим показателям, их характеризующим в региональном измерении.

Говоря о транспортной доступности медицинских услуг для населения Хабаровского края, следует учесть низкую плотность населения, отдаленность населенных пунктов, а также низкие доходы населения.

В Хабаровском крае наблюдается дифференциация предложения медицинских услуг в различных населенных пунктах.

«Изучение рынка медицинских услуг показало, что медицинское обслуживание в Хабаровском крае осуществляется государственными и муниципальными учреждениями здравоохранения, а также коммерческими организациями» [Полонникова, Цветова, 2019. С. 49–53]. Присутствие на рынке государственных и частных учреждений способствует развитию конкуренции. На конец 2018 г. в Хабаровском крае действовало 572 организации частной формы собственности,

оказывающих медицинские услуги.

Наибольшее число организаций находится в г. Хабаровске – 420 (70% от общего числа), г. Комсомольске-на-Амуре – 84 (13,77% от общего числа), г. Советская Гавань – 14 (2,2% от общего числа), р.п. Ванино – 11 (1,8% от общего числа). В На-найском, Комсомольском, Ульчском, Аяно-Майском, Тугуро-Чумиканском муниципальных районах и районе имени П. Осипенко медицинские организации частной формы собственности отсутствуют.

Для повышения доступности медицинской помощи населению малочисленных и труднодоступных населенных пунктов в крае организована выездная работа. «По итогам работы за 2018 год охват сельского населения края плановой первичной специализированной медико-санитарной помощью в выездных формах составил 12,0%»³. Продолжает оставаться высокой потребность в оказании помощи с использованием передвижных средств.

Анализ данных о государственных и муниципальных медицинских учреждениях в Хабаровском крае представлен в таблице 1.

Число государственных и муниципальных больничных организаций до 2016 г. сокращалось, начиная с 2017 г. наблюдается незначительный рост показателя. В целом

же количество больничных организаций в 2018 г. по сравнению с 2014 г. уменьшилось на 2,9% или на 2 организации.

Рост числа амбулаторно-поликлинических организаций наблюдался в 2015, 2016 и 2018 гг., падение роста – 2017 г. В 2018 г. число таких организаций увеличилось по сравнению с 2017 г. на 16 единиц, а по сравнению с 2014 г. – на 120 единиц.

Увеличение численности больничных организаций и амбулаторно-поликлинических учреждений обусловлено введением в эксплуатацию новых медицинских учреждений в рамках реализации национального проекта «Здравоохранение».

С 2016 г. наблюдается тенденция к росту количества женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий. На конец 2018 года их число увеличилось по сравнению с 2014 г. в 1,15 раза или в абсолютном выражении на 31 единицу.

Обратная ситуация наблюдается с числом коек для беременных и рожениц (их число в 2018 г. по сравнению с 2014 г. уменьшилось на 16,6% или на 98 единиц) и фельдшерско-акушерскими пунктами (наибольшее снижение было в 2015 г. – на 6 единиц, с 2016 г. идет ежегодное уменьшение на 1 единицу, а в 2018 г. по сравнению с 2014 г. уменьшение на 9 единиц).

Таблица 1

Количество государственных и муниципальных медицинских учреждений в Хабаровском крае, единиц

Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Число больничных организаций	69	65	64	66	67
Число амбулаторно-поликлинических организаций	176	281	293	280	296
Число женских консультаций, детских поликлиник, амбулаторий (самостоятельных и входящих в состав других организаций)	201	182	222	225	232
Число коек для беременных женщин и рожениц	589	609	527	504	491
Число фельдшерско-акушерских пунктов	185	179	178	177	176

Источник: составлено по данным статистических сборников «Хабаровский край в цифрах 2015–2019». URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942>

³ Ежегодный региональный доклад «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг Хабаровского края» / Министерство экономического развития Хабаровского края. [Электронный ресурс] URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/Razvitie-konkurencii/416>

Данные о численности врачей (табл. 2) имеют волнообразное развитие. В 2016 г. наблюдается наибольшее количество врачей по сравнению с другими периодами, в последующие годы – ежегодное сокращение. В 2018 г. по сравнению с 2014 г. количество врачей увеличилось всего на 4 человека, а в сравнении с 2016 г. и 2017 г. сократилось на 173 чел. или на 2,2% и 1,1% соответственно. Это может быть следствием миграции населения, а также увеличения стоимости обучения в медицинских вузах, сокращения бюджетных мест в них.

Показатель числа среднего медицинского персонала также имеет волнообразную тенденцию развития. Периоды подъема наблюдались в 2015 и 2017 гг., периоды спада – в 2016 и 2018 гг. По сравнению с 2014 г. в 2018 г. численность среднего медицинского персонала уменьшилась на 3% или на 421 единицу в абсолютном выражении. По сравнению с 2017 г. показатель уменьшился на 9,17%, или на 1348 человек в абсолютном выражении. Это может быть связано с низкой оплатой труда сотрудников, из-за чего те вынуждены работать больше чем на одну ставку, а также с сокращением рабочих мест в учреждениях здравоохранения Хабаровского края.

Объем платных медицинских услуг увеличивается ежегодно (табл. 3). В 2018 г. объем платных медицинских услуг увеличился на 12,18% или в 1,12 раза по сравнению с данными предыдущего года.

Анализ объема платных медицинских услуг в Российской Федерации показал, что за период 2014 – 2018 гг. показатель увеличился в 1,43 раза (на 203 244 млн руб.). На протяжении исследуемого периода наблюдается ежегодное устойчивое увеличение показателя.

В 2018 г. Хабаровский край занимал

1,2% в общем объеме платных медицинских услуг в Российской Федерации. Доля медицинских услуг в общем объеме платных услуг населению Хабаровского края в 2018 г. составляли 5,6%, что ниже аналогичного показателя по Российской Федерации (6,9%). В 2018 г. по сравнению с 2017 г. объем платных медицинских услуг увеличился на 12% или на 891,4 млн руб.

За исследуемый период рост объема платных медицинских услуг населению составил 47,5%. Это обусловлено тем, что население Хабаровского края желает получать качественную медицинскую помощь в более короткие сроки, без очередей, в одном месте, с обеспечением гарантий ее безопасности. На обращение за платными медицинскими услугами может также влиять отсутствие нужного специалиста в медицинском учреждении, назначение дополнительных платных медицинских услуг.

Рассмотрим ценовую доступность медицинских услуг для жителей Хабаровского края. Для этого проанализируем средние потребительские цены на некоторые медицинские услуги (табл. 4).

Данные о средних потребительских ценах на отдельные виды медицинских услуг свидетельствуют, что за исследуемый период (2015–2019 гг.) цены ежегодно увеличиваются за исключением средних потребительских цен на физиотерапевтическое лечение и общий анализ крови. В 2017 г. по сравнению с 2016 г. наблюдалось незначительное снижение цен на указанные виды услуг.

Наибольшее увеличение цен произошло в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на услуги первичного консультативного приема у врача-специалиста и ультразвуковое исследование (УЗИ) органов брюшной полости (на 16,9% и 8,5% соответственно).

Таблица 2

Сводные данные о численности медицинского персонала

Показатель	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Численность врачей, чел.	7550	7135	7727	7636	7554
Численность среднего медицинского персонала, чел.	13779	14730	14389	14706	13358

Источник: составлено по данным статистических сборников «Хабаровский край в цифрах 2015–2019». URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942>

Таблица 3

Объем платных медицинских услуг населению					
Показатели	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Российская Федерация					
Объем платных услуг населению, млн руб.	7467521	8050808	8636277	9211441	9703358
Объем платных медицинских услуг населению, млн руб.	474442	528359	572445	626626	677686
Доля медицинских услуг в объеме платных услуг населению, %	6,4	6,6	6,6	6,8	6,9
Хабаровский край					
Объем платных услуг населению, млн руб.	118595,5	125494,4	135419,9	140377,7	147226,6
Объем платных медицинских услуг населению, млн руб.	5562,7	6819,7	7269,9	7316,3	8207,7
Доля медицинских услуг в объеме платных услуг населению, %	4,7	5,4	5,4	5,2	5,6
Доля Хабаровского края в объеме платных услуг населению, %	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5
Доля Хабаровского края в общем объеме платных медицинских услуг населению, %	1,2	1,3	1,3	1,2	1,2

Источник: составлено по данным статистических сборников: *Здравоохранение в России, 2019*; *Платное обслуживание населения в России, 2019*; *Хабаровский край в цифрах, 2015–2019 гг.* URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Plat_obs_luj-2019.pdf https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/B15_78/Main.htm

Таблица 4

Средние потребительские цены на отдельные виды медицинских услуг за 2015–2019 гг. (на конец года, рублей за один вид услуги)

Вид услуги	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Первичный консультативный прием у стоматолога	267,25	273,84	316,31	360,5	386,15
Первичный консультативный прием у врача-специалиста	620,48	728,96	743,48	820,85	959,56
Ультразвуковое исследование органов брюшной полости	1330,15	1461,74	1465,46	1574,41	1708,84
Физиотерапевтическое лечение	218,37	236,69	235,89	261,73	264,56
Общий анализ крови	386,89	422,14	420,96	433,71	452,79

Источник: составлено по официальным статистическим показателям ЕМИСС государственная статистика. Росстат. URL: <https://fedstat.ru/indicator>

В 2019 г. по сравнению с 2015 г. увеличение стоимости первичного консультативного приема у стоматолога возросло на 44,5%; первичного консультативного приема у врача-специалиста – на 54,6%; УЗИ органов брюшной полости – на 28,5%; физиотерапевтического лечения – на 21,2%; общего анализа крови – на 17%. Таким образом, за пять лет наблюдается самый высокий рост цен на услуги первичного консультативного приема у врача-специалиста и первичного консультативного приема у стоматолога. При этом среднедушевые доходы населения за анализируемый период возросли на 25%⁴.

«Рынок медицинских услуг относится к рынкам с несовершенной конкуренцией, где преобладает небольшое количество продавцов, а вход в отрасль новых ограничен высокими барьерами: участники рынка должны обладать соответствующими ресурсами, как материально-техническими, так и кадровыми, пройти все этапы административного согласования для получения лицензии»⁵.

По результатам мониторинга развития конкуренции 33% опрошенных предпринимателей отметили трудности с прохождением процедуры лицензирования.

За 2018 г. в крае 242 юридических лица и индивидуальных предпринимателя, из которых 200 негосударственной формы собственности (83% обратившихся), прошли процедуру лицензирования.

По данным Федерального фонда обязательного медицинского страхования, численность застрахованных в системе обязательного медицинского страхования Хабаровского края составляет 1 349 899 человек.

«В ОМС на территории Хабаровского края участвуют две страховые медицинские организации – Хабаровский филиал АО «Страховая компания «СОГАЗ-Мед» и филиал «Хабаровский» АО «Страховая

группа «Спасские ворота-М», а также 111 медицинских организаций, в числе которых 78 учреждений государственной формы собственности и 33 частной. Из медицинских организаций частной формы собственности традиционно в реестр включаются ОАО «Российские железные дороги», а также клинические лаборатории, стоматологические клиники, медучреждения, оказывающие диагностические услуги, проводящие гемодиализ, лечение в дневном стационаре» [Плугарь, Растригина, 2020].

На протяжении нескольких лет сохраняется благоприятная тенденция участия в территориальных программах Обязательного медицинского страхования (далее – ОМС (ТП ОМС)) организаций частной формы собственности.

«В 2018 году в реализации ТП ОМС участвовало 39 негосударственных медицинских организаций или 33% от всех медицинских организаций, включенных в реестр для оказания медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования»⁶. В основном данные организации оказывают стоматологические или диагностические услуги.

Медицинские организации, включенные в реестр, имеют план по объему медицинских услуг, который проверяется ежемесячно Министерством здравоохранения Хабаровского края.

Основные выводы. Хабаровский край является одним из крупнейших административно-территориальных образований Российской Федерации, находящийся в центральной части Дальнего Востока России. Около 80% территории края относится к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям, где проживает около 40% населения. Особенности географического положения Хабаровского края, связанные со значительной удаленностью насе-

⁴ Статистический сборник «Хабаровский край в цифрах». 2015-2019 / Росстат. [Электронный ресурс] URL: <https://habstat.gks.ru/folder/66942>

⁵ Ежегодный региональный доклад «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг Хабаровского края». Министерство экономического развития Хабаровского края. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/Razvitie-konkurencii/416>

⁶ Ежегодный региональный доклад «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг Хабаровского края». Министерство экономического развития Хабаровского края. URL: <https://minec.khabkrai.ru/Deyatelnost/Razvitie-konkurencii/416>

ленных пунктов от административных центров, низкой плотностью населения, оказывают влияние на показатели доступности медицинских услуг.

Наибольшее количество медицинских организаций расположено на территориях двух городских округов – Хабаровске и Комсомольске -на-Амуре. В этих муниципальных образованиях медицинские услуги оказываются как государственными, так и частными медицинскими организациями. В отдаленных от административного центра Хабаровского края муниципальных образованиях, расположенных на севере региона, оказание медицинских услуг осуществляют только государственные организации.

Количество государственных медицинских организаций в целом по краю за последние три года увеличилось незначительно, при этом численность медицинского персонала сократилась.

Объем платных медицинских услуг, оказываемых в крае, увеличивается ежегодно, хотя доля медицинских услуг в общем объеме платных услуг населению Хабаровского края ниже, чем по Российской Федерации. Увеличение спроса на платные медицинские услуги при росте средних потребительских цен на отдельные их виды объясняется тем, что население Хабаровского края стремится к получению качественной медицинской помощи в более короткие сроки, без очередей, в одном месте.

К факторам, сдерживающим развитие рынка медицинских услуг, можно отнести барьеры, связанные с входом на рынок, среди которых лицензирование, жесткие требования осуществления медицинской деятельности, ограниченное бюджетное финансирование. Несмотря на существующие препятствия, связанные с входом на рынок, новых участников продолжают привлекать развитие новых медицинских технологий, новые методы лечения и диагностики. Все это

не позволяет им отказаться от участия в оказании медицинских услуг.

Список литературы:

1. Бородина Т. А., Колесниченко Е. А. Специфика экономических отношений и интересов хозяйствующих субъектов на рынке медицинских услуг // Социально-экономические явления и процессы. №5–6 (027-028), 2011. С. 36–41.
2. Кузнецов Н. В., Рулева А. В., Рулев М. В. Характеристика системы здравоохранения и рынка медицинских услуг в России // Московский экономический журнал. №6. 2019. С. 334–342.
3. Старых Н. П., Егорова А. В. Анализ доступности и качества медицинских услуг в городе Орле // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3. 2018. С. 97–107.
4. Назаренко Г. И. Управление качеством и доступностью медицинской помощи. М.: Медицина, 2015. 384 с.
5. Пивень Д. В., Кицул И. С. Контроль качества и безопасности медицинской деятельности: монография // Менеджер здравоохранения. 2014. С. 31.
6. Полонникова Е. К., Цветова Г. В. Экономико-правовой аспект функционирования рынка медицинских услуг Хабаровского края // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития : сборник трудов II международной студенческой научной конференции [В 2-х томах]. Том II. Хабаровск : РИЦ ХГУЭП, 2019. С. 49–53.
7. Плугарь Е. В., Растрюгина О. В. Регуляторная политика в стимулировании взаимодействия участников рынка медицинских услуг // Дискуссия. 2020. Вып. 99. С. 29–38.
8. Ильинская А. Медицинская помощь по программе ОМС. 2020. URL: https://toz.su/archive1/?ELEMENT_ID=152464

Библиографическое описание статьи

Цветова Г. В., Полонникова Е. К. Рынок медицинских услуг в региональном измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 93–100. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-93-100

Galina V. Tsvetova – Candidate of Economics, the Federal autonomous scientific institution «The Eastern State Planning Center» (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: mgalin1008@mail.ru*

Ekaterina K. Polonnikova – graduate student, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА (33, Muravyev-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: thediaryofgk@mail.ru*

The market of medical services in the regional dimension

This article analyzes the medical services market in the Khabarovsk territory for the period of 2014–2018. Data on the number of state and municipal medical institutions in the Khabarovsk territory, data on the number of medical personnel, consumer prices for certain types of medical services are analyzed. It was found that there is an annual steady increase in the volume of paid medical services in the Khabarovsk territory during the analyzed period. There are a number of factors that limit development of the medical services market, including the low population density, large distances between the settlements, low incomes of the population. Factors hindering the development of the medical services market include barriers associated with the market entry, such as: licensing, strict requirements for implementation of medical activities, limited budget funding, imperfection of the regulatory framework. The article discusses the question of availability of medical services for population of the Khabarovsk territory, which consists of the transport, personnel and price components.

Keywords: medical services, medical services market, the Khabarovsk territory, availability of medical services.

References:

1. Borodina T. A., Kolesnichenko E. A. Specificity of economic relations and interests of business entities in the market of medical services *Sotsial'no-ekonomicheskkiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], no. 5–6 (027-028), 2011, pp. 36–41. (In Russian).
2. Kuznetsov N. V., Ruleva A. V., Rulev M. V. Characteristics of the health care system and the market of medical services in Russia *Moskovskiy ekonomicheskii zhurnal* [Moscow economic journal], no. 6, 2019, pp. 334–342. (In Russian).
3. Starykh N. P., Egorova A. V. Analysis of the availability and quality of medical services in the city of Orel *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye* [Scientific result. Sociology and Management], vol. 4, no. 3, 2018, pp. 97–107. (In Russian).
4. Nazarenko G. I. Management of quality and availability of medical care. Moscow: Medicine, 2015. 384 p. (In Russian).
5. Piven D. V., Kitsul I. S. Quality control and safety of medical activity: monograph *Menedzher zdravookhraneniya* [Health Manager], 2014, p. 31. (In Russian).
6. Polonnikova E. K., Tsvetova G. V. The economic and legal aspect of the functioning of the market for medical services in the Khabarovsk Territory. Financial economy: topical issues of development: a collection of works of the II international student scientific conference [In 2 vol.]. Vol. II. Khabarovsk: RITs KSUEP, 2019, pp. 49–53. (In Russian).
7. Plugar E. V., Rastrigina O. V. Regulatory policy in stimulating the interaction of participants in the market of medical services *Diskussiya* [Discussion], 2020, Issue 99, pp. 29–38. (In Russian).
8. Ilinskaya A. Medical assistance under the compulsory medical insurance program. 2020. URL: https://toz.su/archive1/?ELEMENT_ID=152464 (In Russian).

Reference to the article

Tsvetova G. V., Polonnikova E. K. The market of medical services in the regional dimension // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 93–100. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-93-100

СОЦИОЛОГИЯ

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-101-107
УДК 338.314

А. М. Салогуб
М. А. Арсельгова

Внешняя социальная ответственность: ключевые тренды, инструменты управления и партнерства

Публикация посвящена трендам и партнерству в системе внешней социальной ответственности современных организаций Российской Федерации. Предметом исследования выступили современные характеристики и тенденции развития в сфере внешней социальной ответственности. Особое внимание уделено проблематике развития внешней социальной ответственности научных учреждений. Целью исследования выступил комплексный анализ аспектов, связанных с актуальными тенденциями в сфере внешней социальной ответственности и партнерства. Результаты работы: представлено понятие внешней социальной ответственности, отграничены категории внутренней и внешней социальной ответственности. Приведен перечень партнеров в сфере внешней социальной ответственности, охарактеризованы принципы участия и взаимодействия в предметной области, представлены ключевые тенденции развития внешней социальной ответственности в эпоху экономики знаний и цифровизации. Сделан вывод о том, что в условиях экономики знаний актуализируется задача развития социальной ответственности в рамках партнерства государства, бизнеса и научных учреждений по тройной спирали взаимодействия в национальной инновационной системе. В связи с этим видится исключительно важным формирование и развитие профессионального системного управления внешней социальной ответственностью организаций, задействованных в научных исследованиях и разработках. Представлены практические рекомендации по поводу развития и профессионализации управления внешней социальной ответственностью научных учреждений.

Ключевые слова: социальная ответственность, научные учреждения, внешняя социальная ответственность, тройная спираль, партнеры, цифровизация, экономика знаний, социальные обязательства.

Введение. Актуальность исследования обусловлена приоритетной значимостью разработки теории и практики внешней социальной ответственности организаций в эпоху экономики знаний с множеством новых трендов как в об-

ласти социальных технологий, так и в части развития социального партнерства. Уточнению актуальных вопросов и осмыслению влияния современных трендов в сфере внешней социальной ответственности и партнерства посвящена

Анжела Михайловна Салогуб – д-р социол. наук, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права, Пятигорский государственный университет (357532, Россия, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9). *E-mail:* salogubam@yandex.ru

Марина Адамовна Арсельгова – научный сотрудник, Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, аспирант, Пятигорский государственный университет (357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9; 386001, Россия, Республика Ингушетия, г. Магас, ул. Д. Мальсагова, д. 11). *E-mail:* marinaarselgova@mail.ru

настоящая публикация.

Результаты. Концепция социальной ответственности предполагает, по меньшей мере, два измерения – так называемые внешнее и внутреннее.

Внутренняя социальная ответственность охватывает ответственность организации (ее владельцев и руководителей) перед персоналом в части обеспечения справедливого уровня оплаты труда, долгосрочных гарантий трудоустройства, социальной защиты, поддержки при утрате трудоспособности и др. Высшим уровнем проявления внутренней социальной ответственности выступает организационный патернализм – установление долгосрочных, пожизненных связей с работником и, в дальнейшем, с новыми поколениями его семьи [Мамаев, Сулейманов, 2017].

Концепция внутренней социальной ответственности современных организаций исторически связана с парадигмой социального партнерства, которая начинала формироваться именно в социально-трудовой сфере. Между тем концепция социального партнерства за последние сто лет прошла значительный путь эволюции, на ее базе сформировались элементы парадигмы того, что принято именовать социальной ответственностью перед внешней средой, то есть перед значительным кругом стейкхолдеров организации (внешняя социальная ответственность) [Землянухина, Павлова, 2017].

Под внешней социальной ответственностью представляется целесообразным понимать отношения, основанные на принятии организациями (субъектами социального партнерства) обязательств в сфере этики научных исследований, обеспечения доступа к жизненно важным исследованиям и их результатам всех заинтересованных лиц; соответствие социальным запросам ключевых групп внешних стейкхолдеров.

Концепция внешней социальной ответственности базируется на объективных представлениях о том, что современная организация является системой открытого типа, находящейся в непрерывном взаимодействии с большим числом субъектов (стейкхолдеров), прямо или косвенно заинтересованных в обеспечении заданных параметров организационного функционирования. С некоторыми из них, такими как профсоюзы, поставщики и подрядчи-

ки, покупатели и заказчики, кредитные организации, в отдельных случаях – органы публичной власти, организации связаны формальными (основанными на законе и/или договоре) обязательствами. Однако для того, чтобы функционирование всей национальной социально-экономической системы неуклонно преследовало цели обеспечения общественного прогресса, субъектам социального взаимодействия следует принимать на себя дополнительные, негласные обязательства по удовлетворению ключевых запросов государства и общества. Такие запросы формируют внешнюю систему организационной социальной ответственности.

Ключевыми партнерами в сфере внешней социальной ответственности выступают государство, коммерческие и некоммерческие организации, а также институты гражданского общества [Оганян, 2017].

Могут быть перечислены некоторые ключевые принципы, на основе реализации которых формируется внешняя социальная ответственность в современных условиях:

социальное партнерство и взаимная вовлеченность участников в обеспечение внешней социальной ответственности (недопустимы ситуации, когда один партнер, например, государство или бизнес, берет на себя социальные обязательства, а другие партнеры игнорируют принятие и исполнение встречных обязательств);

безвозмездный и инициативный характер;

принятие обязательств в большем объеме в сравнении с идентифицированными потребностями стейкхолдеров для обеспечения удовлетворения скрытых и будущих потребностей;

открытость политики и отчетности в сфере внешней социальной ответственности;

профессиональный и системный характер организации и управления в сфере внешней социальной ответственности.

Реализация указанных принципов обеспечивает формирование истинного партнерства в системе социальной ответственности внешнего типа.

Могут быть выделены многочисленные тренды в развитии практики внешней социальной ответственности в современ-

ных российских условиях.

Среди них постепенный переход профессионального управления внешней социальной ответственностью от крупнейших корпоративных структур, прежде всего с зарубежным капиталом, к организациям среднего и даже малого размера [Клычева и др., 2018]. Во многих компаниях сформированы специальные подразделения по управлению внешней социальной ответственностью, финансируемые из автономных бюджетов и управляемые на уровне независимого и/или стратегического корпоративного управления [Видуши, Кривошлыков, 2019]. При реализации мер внешней социальной ответственности многие субъекты ориентируются на специальные долгосрочные социальные программы и разработанные в их исполнение проекты и планы.

Активизации и рационализации управления в сфере внешней социальной ответственности способствует применение инструментов цифровизации, в том числе так называемых сквозных технологий цифровой экономики: блокчейна, искусственного интеллекта, интернета вещей, беспроводной связи и хранилищ данных, нейросетевых технологий, методов обработки и анализа массивов «больших данных» и многих других [Студеникин, 2017].

Применение сквозных технологий новой цифровой эпохи в сфере организации и управления внешней социальной ответственностью способствует, помимо прочего, реализации следующих задач:

более грамотному выстраиванию корпоративной социальной политики, в том числе в области внешней социальной ответственности, на основе комплексной идентификации истинных потребностей партнеров в сфере социальной ответственности;

реализации многих элементов процесса управления внешней социальной ответственностью в дистанционном формате, что, в частности, видится особо важным в контексте соблюдения социальных ограничений для скорейшего преодоления пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, и её последствий;

рациональному расходованию ресурсов за счет конкретизации уровня и объема реализации инициатив, необходимых и достаточных для полноценного

выполнения обязательств в сфере внешней социальной ответственности;

адекватному планированию, организации и контролю за реализацией мер внешней социальной ответственности;

устранению необходимости расходования избыточных организационно-кадровых ресурсов для решения рутинных задач и поручений, с перемещением ответственных компетентных работников на системно значимые участки деятельности;

максимально полному и всестороннему анализу состояния и проблем управления в сфере внешней социальной ответственности с разработкой адекватных мер корректирующего воздействия;

общему снижению комплекса организационных рисков в системе внешней социальной ответственности.

Именно активное участие некоммерческого сектора в системе внешнего социального партнерства представляется целесообразным назвать в качестве одного из важнейших современных трендов развития внешней социальной ответственности в Российской Федерации [Киричек, 2017]. С учетом высокой социальной роли значительного числа некоммерческих организаций, вхождение этих организаций в сферу социальной ответственности на уровне национальной социально-экономической системы дополняет и обогащает существующие социальные практики, наполняет их новыми смыслами.

Реализуя, как правило, ярко выраженную социальную миссию, некоммерческие организации в системе внешнего социального партнерства неизбежно берут на себя повышенные социальные обязательства во внешней среде, существенно превышающие необходимые и ожидаемые минимумы, тем самым поднимая планку управления социальной ответственностью у других партнеров.

Особый интерес в этой связи приобретает система социальной ответственности научных организаций как одного из ключевых партнеров в национальной инновационной системе (далее – НИС) в условиях новой технологической революции [Феденкова, Шаповалова, 2019].

Несмотря на некоммерческий характер деятельности, научные организации становятся ключевыми субъектами НИС,

без участия которых усилия государства и бизнеса по продвижению новой цифровой экономики утрачивают смысл. Концептуализация тесных связей государства, бизнеса и научных организаций в экономике знаний находит место в модели «тройной спирали» взаимодействия в НИС, конечным результатом которой выступает формирование комплекса условий для непрерывного и расширенного воспроизводства инноваций, как коммерческих, так и социальных [Кудряшова, Сорокин, 2020].

Парадигма «тройной спирали» как нельзя лучше описывает спектр ожидаемых взаимодействий в системе внешней социальной ответственности. Государство является общим бенефициаром инноваций в социально-экономическом развитии, кроме того, в ряде случаев в руках государства концентрируются крупные финансовые, организационные ресурсы. В частности, в Российской Федерации порядка 65% научных организаций по общей численности юридических лиц и около 63% по выпуску инновационных товаров и услуг относятся к государственному сектору [Антипин, 2020], и лишь 5% находятся в корпоративной собственности. Это накладывает дополнительные социальные обязательства на государство по финансированию и кадровой поддержке науки, а также предопределяет ключевую роль в координации взаимодействия в рамках НИС, в том числе через такой социально-значимый инструмент, как грамотное, непротиворечивое нормативно-правовое регулирование и управление в сфере инноваций и науки. Государство зачастую владеет наукой в военно-технической области и сфере товаров и технологий двойного назначения, ввиду чего важной социальной миссией государства является своевременное обеспечение гражданского доступа к наиболее чувствительным и значимым инновациям подобного рода.

В рыночных условиях предпринимательскому сегменту отводится роль локомотива в партнерстве в сфере НИС.

В экономике знаний коммерческий сектор остаётся ключевым заказчиком высокотехнологичных разработок, при этом в условиях свободной конкуренции участие бизнеса в НИС становится своеобразным инструментом справедливого

отбора проектов для финансирования и развития. В цифровую эпоху благодаря активности коммерческого сектора обеспечивается не только коммерциализация инноваций (за счёт которой формируется поддержка сектора НИОКР), но также поддержка трансформации коммерческих инноваций в социальные. Корпорации – наиболее традиционный партнёр в системе социальной ответственности, концепция корпоративной социальной ответственности имеет наиболее длительный срок разработки в науке и практике. Среди направлений внешней социальной ответственности бизнеса по тройной спирали – конкурентная поддержка науки, отказ от монополизации социально-чувствительных инноваций, активная позиция в кооперации в рамках НИС, финансирование разработок, имеющих некоммерческий, в частности, гуманитарный характер. Большинство крупнейших компаний и корпораций современности, в том числе в Российской Федерации, задействованных в финансировании науки и проведении фундаментальных научных исследований, в том числе через контролируемые научные организации, реализует соответствующие меры социальной ответственности на практике.

Специфика внешней социальной ответственности применительно к научным организациям заключается в том, что на протяжении длительного времени разрабатывались концепции научной этики, которые отражают значимый аспект внешней социальной ответственности современных учреждений науки [Жолобова, Шаповал, 2016]. Ещё с древнейших времён прорабатывается проблематика ответственности изобретателя за результаты своей научной деятельности, например, по причине использования в общественно-негативных целях. В современности к проблематике добавляются вопросы индивидуализации и коллективной ответственности за научно-исследовательскую деятельность, ответственности за достоверность и самостоятельный характер научных исследований и их результаты. В условиях неизбежной коммерциализации научных исследований важным аспектом внешней социальной ответственности научных учреждений также становится национальное использование получаемого финансирования, балансирование со-

ображений экономической и социальной эффективности изобретений, обеспечение свободного доступа научного сообщества к открытиям с высокой социальной чувствительностью (например, вакцине от новейших заболеваний, носящих характер пандемии), обеспечение прозрачности отчетности перед широким кругом стейкхолдеров по поводу своей деятельности и её результатов. Будучи сердцевинной цифровизации в эпоху экономики знаний, научные учреждения призваны гарантировать принятие на себя повышенных обязательств в сфере внешней социальной ответственности.

В этой связи для развития системы внешней социальной ответственности российских научных учреждений могут быть рекомендованы к реализации следующие организационно-управленческие инновации:

обеспечение профессионального управления внешней социальной ответственностью учреждений через специализированные подразделения или (применительно к небольшим организациям) через должностных лиц со специальной подготовкой и компетенцией;

подготовка, документальное оформление и публикация в открытом доступе стратегии внешней социальной ответственности научного учреждения;

внедрение систем стратегического планирования, анализа и контроля в системе социальной ответственности научных учреждений;

составление и публикация периодических обзоров состояния внешней социальной ответственности учреждения с заверением со стороны общественных аудиторов и контролеров;

осуществление активного обмена опытом в данной сфере с другими научными учреждениями и некоммерческими организациями;

обеспечение цифровизации управления внешней социальной ответственностью на основе лучших практик;

на уровне образовательных учреждений – создание и реализация специальных программ подготовки квалифицированных специалистов в сфере управления внешней социальной ответственностью некоммерческих организаций.

Выводы. Мировая экономическая теория знает всего два способа развития:

либо внешний удар в виде катастрофы, эпидемии, который заставляет систему развиваться, либо накопление знаний, смена ценностей и предпочтений (эволюция знаний). Мы наблюдаем ценностный сдвиг, лежащий в основании механизмов развития социальной системы и ее элементов [Салогуб, Галан, 2020]. В обществе, функционирование которого строится на знаниях, меняются приоритеты государства и других участников рынка в научной и инновационной сферах: ключевую роль в инновационном развитии играет модель социального партнерства.

Внешняя социальная ответственность является одним из ключевых направлений деятельности в рамках социального партнерства на современном этапе социально-экономического развития. В связи с этим видится исключительно важным формирование и развитие профессионального системного управления внешней социальной ответственностью организаций, задействованных в научных исследованиях и разработках.

Представленные в научной работе рекомендации могут быть использованы для совершенствования и развития стратегического управления внешней социальной ответственностью по модели тройной спирали, которая заключается в тесном взаимодействии научных учреждений, власти и бизнеса; для целей практико-ориентированной работы по построению и управлению системой внешней социальной ответственности научных учреждений.

Список литературы:

1. Антипин В. О роли института интеллектуальной собственности как механизма внедрения достижений науки в производство // Интеллектуальная собственность. 2020. № 3. С. 5–12.

2. Видуши Р., Кривошлыков В. С. Управление проектом формирования социальной ответственности организации // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 4. С. 116–124.

3. Жолобова И. К., Шаповал Г. Н. Актуальные проблемы социальной и профессиональной ответственности ученого // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2016. № 1. С. 17–21.

4. Землянухина Н. С., Павлова И. Д. Со-

циальное партнерство как элемент корпоративного управления // Человеческий и производственный потенциал российской экономики перед глобальными и локальными вызовами. 2017. С. 54–58.

5. Киричек А. И. Механизмы взаимодействия власти с субъектами гражданского общества при организации межсекторного социального партнерства в субъектах Российской Федерации // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2017. №. 3 (83). С. 44–58.

6. Клычова Г. С. и др. Основные направления оценки корпоративной социальной ответственности бизнеса // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2018. Т. 13. №. 3. С. 129–133.

7. Кудряшова Е. В., Сорокин С. Э. «Третья миссия» университетов как предмет научного анализа // Вестник Вятского государственного университета. 2020. №. 2. С. 17–24.

8. Мамаев А. И., Сулейманов Ш. С. Патернализм // Наука без границ. 2017. №.

11 (16). С. 38–43.

9. Оганян К. М., Оганян К. К. Управление социальной ответственностью в деятельности российского бизнес-сообщества // Актуальные проблемы социологии. 2017. С. 73–81.

10. Салогуб А. М., Галан И. К. Формат управления в быстрорастущих зарубежных ИТ-компаниях // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2020. № 3. С. 98–103.

11. Студеникин Н. В. Цифровые технологии и новые возможности для КСО в России в контексте зеленой экономики, цифровой экономики и «шеринг экономики» // Государственно-частное партнерство. 2017. Т. 4. №. 4. С. 257–266.

12. Феденкова А. С., Шаповалова Н. В. Анализ тенденций развития корпоративной социальной ответственности в цифровой экономике // Информационные технологии в науке, управлении, социальной сфере и медицине: сборник научных трудов VI Международной конференции, 14–19 октября 2019 г., Томск. Томск, 2019. С. 295–298.

Библиографическое описание статьи

Салогуб А. М., Арсельгова М. А. Внешняя социальная ответственность: ключевые тренды, инструменты управления и партнерства // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 101–107. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-101-107

Anzhela M. Salogub – Doctor of Sociology, Associate Professor, the chair of creative and innovative management and low, the Pyatigorsk State University (9, Kalinin Avenue, Stavropol territory, Pyatigorsk, 357532, Russia). *E-mail: salogubam@yandex.ru*

Marina A. Arselgova – researcher associate, the Ingush Research Institute of Humanities named after Ch.E. Akhrieva, post-graduate student, the Pyatigorsk State University (11, Malsagov Str., Republic of Ingushetia, 386001, Russia; 9, Kalinin Avenue, Stavropol territory, Pyatigorsk, 357532). *E-mail: marinaarselgova@mail.ru*

External social responsibility: key trends, governance and partnership tools

The subject of this research is the current characteristics and development trends in the field of external social responsibility. Particular attention is paid to the development of external social responsibility of scientific institutions. Publication is devoted to the trends and partnerships in the system of external social responsibility of modern organizations of the Russian Federation. The aim of the study was a comprehensive analysis of aspects related to current trends in the field of external social responsibility and partnership. Results of the work: the concept of external social responsibility is presented, the categories of internal and external social responsibility are delimited. A list of partners in the field of external social responsibility is provided, the principles of participation and interaction in the subject area are characterized, key trends in the development of external social responsibility in the era of the knowledge economy and digitalization are presented. It is concluded that in the knowledge economy, the task of developing social responsibility within the framework of partnership between the state, business and scientific institutions along the triple spiral

of interaction in the national innovation system is actualized. In this regard, the formation and development of professional systemic management of external social responsibility of organizations involved in the research and development is seen as extremely important. Practical recommendations on the development and professionalization of the management of external social responsibility of scientific institutions are presented.

Keywords: social responsibility, scientific institutions, external social responsibility, triple helix, partners, digitalization, knowledge economy, social obligations.

References:

1. Antipin V. On the role of the institution of intellectual property as a mechanism for introducing scientific achievements into production *Intellektual'naya sobstvennost' Promyshlennaya sobstvennost'* [Intellectual property. Industrial property], 2020, no. 3, pp. 5–12. (In Russian).

2. Vidushi R., Krivoshekov V. S. Project management of the organization's social responsibility formation *Russian Economic Bulletin* [Russian Economic Bulletin], 2019, vol. 2, no. 4, pp. 116–124. (In Russian).

3. Zholobova I. K., Shapoval G. N. Actual problems of social and professional responsibility of a scientist *Gumanitarnyye i sotsial'no-ekonomicheskiye nauki* [Humanities and socio-economic sciences], 2016, no. 1, pp. 17–21. (In Russian).

4. Zemlyanukhina N. S., Pavlova I. D. Social partnership as an element of corporate governance *Chelovecheskiy i proizvodstvennyy potentsial rossiyskoy ekonomiki pered global'nymi i lokal'nymi vyzovami* [Human and industrial potential of the Russian economy before global and local challenges], 2017, pp. 54–58.

5. Kirichuk A. I. Mechanisms of interaction between the authorities and the subjects of civil society in the organization of intersectoral social partnership in the constituent entities of the Russian Federation *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [News of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], 2017, no. 3 (83), pp. 44–58.

6. Klychova G. S. et al. The main directions of assessing corporate social responsibility of business *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of Kazan State Agrarian University], 2018, vol. 13, no. 3, pp. 129–133. (In Russian).

7. Kudryashova E. V., Sorokin S. E. “The third mission” of universities as a subject of scientific analysis *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2020, no. 2, pp. 17–24. (In Russian).

8. Mamaev A. I., Suleimanov Sh. S. Paternalism *Nauka bez granits* [Science without borders], 2017, no. 11 (16), pp. 38–43. (In Russian).

9. Ohanyan K. M., Ohanyan K. K. Management of social responsibility in the activities of the Russian business community *Aktual'nyye problemy sotsiologii* [Actual problems of sociology], 2017, pp. 73–81. (In Russian).

10. Salogub A. M., Galan I. K. Management format in fast-growing foreign IT companies *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnyye issledovaniya* [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research], 2020, no. 3, pp. 98–103. (In Russian).

11. Studenikin N. V. Digital technologies and new opportunities for CSR in Russia in the context of a green economy, digital economy and “sharing economy” *Gosudarstvenno-chastnoye partnerstvo* [Public-private partnership], 2017, vol. 4, no. 4, pp. 257–266. (In Russian).

12. Fedenkova A. S., Shapovalova N. V. Analysis of trends in the development of corporate social responsibility in the digital economy. Information technologies in science, management, social sphere and medicine: collection of scientific papers of the VI International conference, October 14–19, 2019, Tomsk. Tomsk, 2019, pp. 295–298. (In Russian).

Reference to the article

Salogub A. M., Arselgova M. A. External social responsibility: key trends, governance and partnership tools // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 101–107. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-101-107

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-108-118
УДК 304.444

Ю. М. Маркина
Я. Н. Пестова

Профессиональное PR-сообщество на Дальнем Востоке: идентификация и самоорганизация

Статья посвящена вопросам, связанным с изучением процесса идентификации и профессиональной самоорганизации специалистов по связям с общественностью в дальневосточном регионе России. Данный процесс изучается с позиции определения групповой идентичности, групповых норм и деятельности профессиональных сообществ. Эмпирической базой анализа послужили результаты экспертного опроса специалистов по связям с общественностью Дальневосточного федерального округа. Авторами определены действующие профессиональные PR-сообщества Дальнего Востока России, выявлены мотивы их членов для более активного участия в жизни сообществ. Отмечается самостоятельное объединение представителей профессиональной группы благодаря низкой активности, «стихийная самоорганизация» и наличие опыта консолидации PR-специалистов конкретной сферы (государственной) при внешнем акторе. Сделан вывод о том, что сегодня существует готовность самоорганизованного PR-сообщества к участию в решении социально значимых вопросов для региона, развитию межсекторального партнерства и, как следствие, формированию доверительного отношения населения к принимаемым в регионе решениям.

Ключевые слова: профессиональная группа, профессиональное сообщество, профессиональные организации, профессиональные ассоциации, дальневосточное PR-сообщество, связи с общественностью.

Введение. Современная общественно-политическая и экономическая ситуация Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) актуализирует стратегическое значение коммуникаций в развитии гражданского общества, повышении доверия населения к принимаемым в регионе решениям, иницируемым и реализуемым проектам. При всей сложности и актуальности внутрорегиональных задач не меньшим значением обладает позиционирование региона во внешнем социально-экономическом и политическом пространствах: российском и международном.

В данных условиях возрастают роль

и возможности профессии специалиста по связям с общественностью. Это обусловлено её функционалом: согласно профессиональному стандарту, PR-специалисты управляют репутационным и социальным капиталами, выстраивают устойчивые общественные связи, формируют коллективные ценности и механизмы продуктивной коммуникации (коммуникации, порождающей новые знания, смыслы, идеи, проекты), обеспечивают доступность и достоверность информации.

Профессия «Специалист по связям с общественностью» является относительно новой в российской действительности

Юлия Михайловна Маркина – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры рекламы и связи с общественностью, Тихоокеанский государственный университет (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68). *E-mail:* 009877@pnu.edu.ru

Яна Николаевна Пестова – начальник отдела коммуникационного сопровождения, Корпоративный университет РЖД (107078, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 48). *E-mail:* prdv.pro@gmail.com

(становление приходится на середину 1990-х), имеет свою специфическую историю становления и развития в России и особенно в регионах [Кривоносов, 2019], где за сравнительно короткий период был пройден путь от идентификации уникальной области профессионального знания, формирования социального образа профессии и профессиональной этики к созданию профессиональных организаций и ассоциаций. При этом происходила значительная трансформация самих профессиональных задач: от выполнения пресс-функций до стратегического управления общественными отношениями, что позволяет PR-специалистам не просто выстраивать положительный образ организации в глазах общественности, а активно участвовать в развитии гражданского общества, способствуя формированию конструктивного диалога между субъектами гражданского общества для решения социально значимых проблем.

Гармонизация общественных отношений организации с ее целевыми аудиториями, выстраивание конструктивного диалога между всеми субъектами (власть, бизнес, средства массовой информации, гражданское общество), продвижение коммерческих и некоммерческих секторов и другие эффекты PR-деятельности могут быть усилены посредством консолидации представителей PR-профессии.

Исследование самоорганизации профессиональной группы специалистов по связям с общественностью представляет интерес для отечественного и международного научных сообществ, изучающих процесс профессионализации относительно новых видов занятий, к которым можно отнести Связи с общественностью = Public Relations = PR. Поскольку формирование профессиональных сообществ является финальным этапом процесса профессионализации (после идентификации особой области знания, формирование идеологии, имиджа, основ профессиональной этики), то представленное в статье исследование расширит представление о развитии профессии «Специалист по связям с общественностью». К тому же изучение трансформаций внутреннего и внешнего контекстов профессий, в том числе на уровне регионов, способствует

лучшему пониманию динамики изменения различных социальных институтов, включая государство.

Профессиональные сообщества как объект социологического анализа.

Проблема объединения профессиональных групп актуализируется в научных трудах в рамках специальной (отраслевой) социологической теории – социологии профессии.

С самых первых исследований (с XIX в.) социологи отводят профессиональным группам особое место в развитии общества. Например, Эмиль Дюркгейм наделял их чертами социального института: органической солидарностью, способностью влиять на общественный прогресс и формировать коллективные ценности и мораль, обеспечивающие движение к более глубокой интеграции общества [Дюркгейм, 1996]. Исследователь также отмечал, что профессиональные группы обладают потенциалом управлять и корректировать процесс деквалификации и депрофессионализации, которые стали результатом развития рыночных отношений и вовлечения профессионалов в коммерцию. Т. Парсонс полагал, что большинство исследователей склонно минимизировать влияние представителей профессии на формирование общества [Парсонс, 1966].

Уделяется внимание изучению профессиональных групп как внутренне солидарных групп интересов, обладающих схожим образом жизни, ценностями, языком. По мнению М. Вебера, потенциал организуемых групп может заключаться в расширении своих возможностей пользоваться культурными и социальными привилегиями [Вебер, 2006]. Профессиональные организации изучаются посредством концепции «воображаемого сообщества», выделяются сетевые или «осетевлённые» (networked) сообщества. Сети позволяют сохранять идентичность профессии, обмениваться знаниями и выполняют адаптивную функцию. Взаимодействия в рамках профессиональной группы формируют ценный для профессионала «сетевой капитал».

Согласно неовеберовской традиции к изучению трансформации того или иного занятия в профессиональную деятель-

ность существует несколько этапов: от появления особых видов знаний и навыков для выполнения задач до формирования потребности в создании профессиональных организаций [Мансуров, Юрченко, 2013]. Однако даже на финальном этапе можно увидеть разное целеполагание деятельности профессиональных сообществ и ассоциаций: одни ориентированы на решение только внутрипрофессиональных задач, другие, напротив, осознают свой потенциал в решении общественно значимых вопросов.

Объединение представителей профессии может происходить как самостоятельно (активными представителями профессиональной группы «стихийная самоорганизация»), так и по инициативе заинтересованных сторон (органов государственной власти, образовательных учреждений, бизнес-структур, профессиональных отраслевых ассоциаций и т. д.).

Стоит отметить, что потребность в самоорганизации, членство в профессиональных организациях не являются свойственными чертами деятельности профессионала. Они должны быть инициированы профессиональными организациями: ассоциациями или сообществами [Мерсиянова, 2011]. Их отличия заключаются в формальности связей (если ассоциации представляют собой организованные объединения представителей одной профессии, то сообщества, напротив, представляют собой неформальные объединения, осознающие общие профессиональные интересы и формирующие неформальное комьюнити); в ресурсах (ассоциации обладают особыми капиталами: управленческим, экономическим, социальным, культурным и т. п.).

Результаты исследования. Для изучения профессиональной самоорганизации в профессиональной группе PR-специалистов на территории Дальнего Востока России считаем целесообразным применить методику оценки профессиональных групп как самоорганизующихся сообществ, предложенную И. В. Мерсияновой, А. Ф. Чешковой, И. И. Краснополянской. По мнению авторов, данная методика позволяет сравнивать различные профессиональные сообщества друг с другом. Исследование вклю-

чает изучение двух групп показателей, характеризующих потенциал профессиональных групп как самоорганизующихся сообществ. Первые связаны с самим сообществом (групповая идентичность, групповые нормы, приверженность профессиональному статусу), вторые показатели оценивают самоорганизацию группы и ее деятельность во внешней среде [Мерсиянова, Чешкова, Краснополянская, 2011]. Совокупность данных двух групп показателей дают возможность оценить потенциал группы как акторов гражданского общества, например, готовность участвовать в лоббировании интересов соответствующей группы в органах власти, взаимодействовать с рыночными субъектами и т. п.

В ходе проведенного исследования был задействован метод экспертного опроса специалистов, по самостоятельной профессиональной идентификации относящих себя к PR-специалистам (далее – эксперты) (n – 280) по теме «Профессиональная самоорганизация специалистов по связям с общественностью ДФО». География респондентов: Хабаровский край – 19%, Приморский край – 15%, Республика Саха (Якутия) – 12%, Амурская область – 10%, Сахалинская область – 9%, Забайкальский край – 8%, Республика Бурятия – 7%, Камчатский край – 6%, Чукотский автономный округ – 6%, Еврейская автономная область – 5%, Магаданская область – 3%. Опрос проходил в августе-ноябре 2020 г.

Выбор данного метода социологического исследования связан с трудностями определения численности генеральной совокупности специалистов с PR-профессиональным образованием. Подсчет точного количества выпускников по специальности «Связи с общественностью» в вузах региона в данных условиях не является репрезентативным, также непоказательно количество только специалистов, работающих на должности специалиста по связям с общественностью. Специфика профессии специалиста по связям с общественностью заключается в том, что за тридцатилетнюю историю развития профессии в России еще не в полной мере сформировалась практика, когда на данную должность берут спе-

циалистов исключительно с профильным образованием. В то же время отмечается высокая востребованность специалистов с базовым образованием в области связей с общественностью на должности, имеющие функционал, связанный с работой по формированию общественного мнения, выстраиванию коммуникаций с целевой аудиторией и доверия к принимаемым решениям, продвижения организации, ее лидера и проектов, но с указанием других формулировок должности в штатном расписании (пресс-секретарь, специалист по информационной политике, менеджер по корпоративным коммуникациям и т. д.).

Результаты экспертного опроса подтвердили гипотезу о том, что варианты занимаемых должностей специалистов, работающих в пространстве публичных коммуникаций, имеют значительно более широкий диапазон, нежели специалист по связям с общественностью и/или взаимодействию со СМИ. Профильное образование в сфере PR имеют меньше трети (23%) респондентов: больше всего специалистов с соответствующим дипломом приходится на транспортную, промышленную, топливно-энергетическую отрасли и финансовый сектор, меньше – на сектор образования.

Среди опрошенных специалистов с базовым PR-образованием больше, чем других, но идентифицируют себя с профессией «Связи с общественностью» и респонденты с другим профильным образованием (журналисты, педагоги, экономисты, филологи и др.). Сравнительно невысокий процент специалистов с базовым PR-образованием может быть связан с тем, что рынок образовательных услуг в области связей с общественностью на территории Дальнего Востока России неравномерен: в 2020–2021 учебном году получить образование в области PR можно в высших учебных заведениях пяти субъектов (Забайкальский, Приморский и Хабаровский края, Республики Саха (Якутия) и Бурятия) из 11-ти. Также следует отметить тенденцию сокращения профильных кафедр при увеличивающейся потребности в грамотном управлении репутационным капиталом в сфере государственного

управления, коммерческом и некоммерческом секторах. Например, в Хабаровском крае в 2005 г. в вузах функционировало 3 профильные кафедры, в 2014 г. – 2, в 2015 г. – 1, в 2021 г. – 0.

Профессиональную переподготовку прошли 37% респондентов. Следует подчеркнуть, что в сфере государственного и муниципального управления, где самый низкий процент специалистов, выполняющих функции PR, имеют базовое образование «Связи с общественностью», профессиональную переподготовку прошли только 36%. При этом эксперты отмечают высокий спрос на специалистов, выполняющих функции в области связей с общественностью именно в государственном секторе:

за последний год в профессиональных группах все чаще появляется информация о вакансиях на должности, связанные с функционалом PR-специалиста именно в государственной сфере: ведущее краевое государственное учреждение, курирующее дорожную отрасль Хабаровского края, искало на работу PR-специалиста в октябре 2020 г., до этого была открыта вакансия в Министерстве ЖКХ (PR-консультант, Хабаровск, 2020);

Правительство Камчатского края активно развивает проекты в направлениях молодежной политики, улучшения бизнес-климата, привлечения инвестиций, и на рынке труда появляются запросы на квалифицированных специалистов в области управления отношениями со СМИ, имиджа, продвижения (специалист по связям с общественностью, Петропавловск-Камчатский, 2020).

Нашла подтверждение и гипотеза о невозможности определения выборки респондентов исключительно по занимаемой должности. К классическим вариантам ответа «директор/руководитель/начальник/специалист структурного подразделения по связям с общественностью/общественным коммуникациям/информационной политике», «пресс-секретарь», «PR-менеджер» эксперты добавили такие должности, как директор, советник, консультант или главный специалист в государственных структурах. Функции по связям с общественностью в коммерческих структурах выполняют

управляющий по работе с органами государственной власти и корпоративным отношениям, старший менеджер по проектам, директор управления маркетинга и коммуникаций и др.

По мнению И. В. Мерсияновой, А. Ф. Чешковой, И. И. Краснопольской, профессиональная группа не может выступать субъектом отношений гражданского общества без осознания себя как группы. Для определения групповой идентичности представителей PR-профессии на Дальнем Востоке экспертам предлагалось ответить на вопрос, воспринимают ли они людей своей профессии как членов единого профессионального сообщества в трех направлениях: на региональном уровне (субъект/город), в России, в сфере деятельности компании-работодателя.

Ответы показали, что наибольшую

групповую идентичность респонденты отмечают на региональном уровне (81%), на уровне России (68%), в рамках сферы деятельности компании (отрасли: государственная служба, промышленность, энергетика, финансовый сектор, ЖКХ, образование, энергетика, и т. д.) (53%).

Результаты, с одной стороны, говорят о сформированном и достаточно высоком осознании представителей PR-профессии себя как единого сообщества по всем трем направлениям. С другой стороны, можно выявить траекторию формирования идентичности в сфере публичных коммуникаций – от локального пространства (город, область/край) к федеральному (табл. 1).

Высокая отраслевая идентичность отмечается в таких сферах, как энергетика (100%), культура (95%), госсектор (86%),

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Считаете ли вы людей своей профессии членами единого профессионального сообщества» (в % от числа опрошенных)

Отрасли	Групповая идентичность					
	Федеральный уровень		Региональный уровень		Отраслевой уровень	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Госсектор	78	22	86	14	86	14
Образование и наука	100	0	88	12	41	59
Связь и коммуникации	100	0	100	0	79	21
Промышленность	60	40	80	20	75	25
Энергетика	80	20	100	0	100	0
Торговля	100	0	100	0	56	44
Финансовый сектор	60	40	100	0	70	30
Медицина	81	19	90	10	50	50
ЖКХ	85	15	73	27	80	20
Транспорт	67	33	78	22	59	41
Культура	80	20	85	15	95	5

Источник: составлено авторами на основе данных экспертного опроса специалистов по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ по теме: «Профессиональная самоорганизация специалистов по связям с общественностью ДФО», 2020 г.¹

¹ Экспертный опрос специалистов по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ по теме: «Профессиональная самоорганизация специалистов по связям с общественностью ДФО» в 2020 г. Опрошено 280 специалистов по самостоятельной профессиональной идентификации относящих себя к PR-специалистам. География респондентов: Хабаровский край, Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Амурская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ, Камчатский край, Республика Бурятия, Магаданская область, Забайкальский край.

ЖКХ (80%). На данный расклад могут оказывать влияние несколько факторов. Во-первых, субъекты данных сфер не являются конкурентами друг другу, и они нацелены на взаимодействие; во-вторых, респонденты-представители данных сфер отмечают инициативу федерального/головного центра в сплочении представителей отрасли, например, полномочного представителя Президента РФ в ДФО, профильные федеральные министерства (культура, ЖКХ), компанию «Русгидро» в энергетике. Стоит также отметить, что среди тех экспертов, кто отрицательно оценил идентичность в отраслевом плане и положительно на локальном уровне, были представители тех сфер деятельности, которые не имеют четкую специализацию, например, представители многопрофильных холдингов, инфраструктур поддержки предпринимательства.

К показателям изучения формирования групповой идентичности сообщества также относится анализ профессионального этоса – этических норм, разделяемых представителями одной профессии. Результаты исследования показали, что 36% представителей PR-профессии отмечают наличие специфических этических норм, не свойственных людям иных профессий. Данную точку зрения в большинстве выразили представители органов государственной власти (50%), далее с существенным отставанием – представители топливно-энергетического комплекса (11%) и промышленности (8%).

Около половины респондентов (47%) отметили, что профессиональная этика PR-специалистов не отличается от этики других профессиональных групп, работающих в системе «человек-человек», такую точку зрения разделяют представители органов государственной власти (35%), сферы образования и науки (28%), а также ЖКХ (23%).

В то же время более половины (56%) респондентов в своей профессиональной деятельности сталкивались с неэтичным поведением коллег «по цеху», каждому пятому (19%) приходилось самому нарушать этические нормы. Респонденты обуславливали своё неэтичное поведе-

ние тем, что следовали решению руководства, не владели полной информацией или отвечали неэтичным поведением на неэтичное поведение конкурентов.

На вопрос «Что определяет ваши этические нормы?» (допускалось несколько вариантов ответов) большинство респондентов ответили: собственная совесть (81%); профессиональный кодекс (44%) и примерно столько же – корпоративный кодекс (42%). Наличие корпоративных кодексов, в которых отводится место под этические нормы, отметили представители сферы связи и коммуникаций, финансов, промышленности.

Каждый второй эксперт (55%) отметил, что знаком с профессиональными этическими кодексами (Декларацией профессиональных и этических принципов в области связей с общественностью, Хартией принципов сотрудничества и конкуренции, Этическим кодексом в области коммуникаций). Вышеобозначенные документы распространяют свое действие на членов ассоциаций и сообществ и носят скорее рекомендательный характер. Большинство профессиональных ассоциаций в сфере коммуникации подчеркивает воспитательную, а не карательную функцию этических кодексов [Азарова, Макэлрз, Маркова, 2008].

Подводя итог анализу профессионального этоса, можно сделать несколько выводов. Во-первых, эксперты-дальневосточники хоть и отмечают наличие особого профессионального этоса в сфере PR-деятельности, но считают, что он только формируется. В основе его формирования – индивидуальное, а не коллективное (формируемое профессиональными и корпоративными кодексами) понимание этических норм специалистов в области публичных коммуникаций. Во-вторых, исследование выявило низкую самокритику поведения представителей PR-профессии: больше замечают неэтичное поведение среди своих коллег, а если и признаются, что поступили неэтично, то представляют себя либо исполнителем чужой воли, либо заложником ситуации.

Таким образом, сегодня, когда в профессиональном дальневосточном PR-сообществе этос только формируется,

необходимо устанавливать этические ориентиры. Данную функцию могут на себя взять профессиональные сообщества или ассоциации, которые, например, могут популяризировать всероссийские профессиональные этические PR-кодексы, и тем самым формировать единое понимание профессиональной этики среди специалистов на территории России.

Для оценки приверженности профессиональному статусу в анкете предлагалось оценить возможность смены работы на другую, с более высокой зарплатой, на нетворческую, однообразную работу с жестким графиком (в офисе крупной компании), не требующую высокой квалификации и переобучения, а также оценить тот уровень в рублях, который склонил бы респондента к смене профессии. Больше половины опрошенных (58%) не готовы сменить свою сферу деятельности. Однако третья часть (31%) из них готовы сменить организацию/руководителя, но остаться в профессии. Активно отстаивают интересы и важность профессионального статуса профессии эксперты, в чей круг профессиональных задач входят стратегические вопросы. Четверо из десяти опрошенных (42%) рассматривают материальную сторону в качестве мотива для смены профессии.

Вторая группа показателей, необходимых для изучения уровня самоорганизации профессиональной группы в региональном аспекте, связана с выявлением действующих профессиональных организаций и изучением опыта участия представителей PR-профессии ДФО в их деятельности.

Результаты социологического исследования показали наличие трех профессиональных PR-сообществ на территории ДФО:

1. «Дальневосточная гильдия работников пресс-служб» (Приморский край). Создана под патронажем Союза журналистов в ДФО в 2015 г. с целью межотраслевого нетворкинга и популяризации лучших коммуникационных практик ДФО;

2. «Дальневосточная школа PR» (Ха-

баровский край) действует с 2016 г. по инициативе кафедры рекламы и связей с общественностью Тихоокеанского государственного университета и занимается повышением значимости профессии PR-специалиста и позиционированием научно-образовательных возможностей PR-сообщества ДФО в глобальном пространстве;

3. «Медиашкола: Дальневосточный репортер» (ДФО) начала свою деятельность в 2018 г. при организационной поддержке Фонда информационной поддержки социально-экономического развития Дальнего Востока по инициативе аппарата полномочного представителя Президента РФ в ДФО. Медиашкола является первым экспериментальным проектом окружного уровня по повышению квалификации и подготовке на Дальнем Востоке сообщества профессиональных журналистов, блогеров и сотрудников пресс-служб региональных и муниципальных органов власти².

Среди экспертов 42% принимают участие в мероприятиях Медиашколы: Дальневосточного репортера; 36% являются членами Дальневосточной школы PR; 13% – члены Дальневосточной гильдии работников пресс-служб (табл. 2). Среди них есть те, кто участвует в деятельности двух сообществ одновременно.

Стоит обратить внимание на то, что Медиашкола: Дальневосточный репортер по продолжительности функционирования является самой молодой из трех дальневосточных сообществ. Медиашкола изначально создавалась как образовательная площадка для работников департаментов и отделов информационной политики и пресс-служб органов государственной власти субъектов ДФО, региональных и городских средств массовой информации, и только впоследствии она стала выполнять функцию сообщества, при этом на сегодняшний день она самая многочисленная.

Можно предположить, что устойчивое развитие данного сообщества объясняется тем, что у Медиашколы есть координационный орган, в чьи функции входит работа с сообществом, а

² Официальный сайт «Медиашкола: Дальневосточный репортер». URL: <http://dfopress.ru/>

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «О каких профессиональных организациях PR-специалистов в ДФО вы знаете или слышали?»

(допускался выбор любого числа вариантов ответа)

(в % от числа опрошенных)

Название профессиональных организаций	Слышали об организации	Принимают участие
Дальневосточная школа PR	56	37
Медиашкола: дальневосточный репортер	55	41
Дальневосточная гильдия работников пресс-служб	32	13
Затрудняюсь ответить	4	1

Источник: составлено авторами на основе данных экспертного опроса специалистов по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ по теме: «Профессиональная самоорганизация специалистов по связям с общественностью ДФО», 2020 г.¹

также имеется финансирование: она была создана Фондом информационной поддержки социально-экономического развития Дальнего Востока по инициативе и при поддержке аппарата Полномочного представителя Президента РФ в ДФО.

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, на карте Дальнего Востока России выделяется три PR-сообщества. Во-вторых, самое многочисленное сообщество то, которое объединено административным ресурсом, однако заслуживает внимание и высокий процент участников Дальневосточной школы PR, инициация которой связана с образовательным учреждением. В-третьих, представители PR-профессии видят необходимость в деятельности PR-сообществ, что выражается в том, что 90% экспертов уже участвует в их деятельности (с разной степенью вовлеченности) и соотносит себя с PR-сообществом.

Интересным представляется тот факт, что среди условий и мотивов, при которых PR-специалисты готовы принять более активное участие в деятельности профессиональных PR-сообществ (из предложенного списка можно было выбрать не более трех, подробнее смотри таблицу 3), значительно лидируют мотивы, связанные с потребностью

профессионального и личного развития (профессиональный, карьерный рост, развитие карьеры (53%), всестороннее саморазвитие (38%), повышение квалификации, обучение (35%)), а также усилением и расширением социальных связей, развитием сети деловых контактов (нетворкинг 52%) и социальной сети контактов (новых знакомств 31%).

Данные результаты не удивляют авторов исследования, поскольку они обуславливаются, во-первых, отсутствием профильного образования (77%) и профессиональной переподготовки (63%) респондентов; во-вторых, стремительной трансформацией профессиональных коммуникационных технологий и информационных каналов и потребностью соответствовать новым вызовам; в-третьих, самой спецификой профессии, где одной из главных задач является выстраивание эффективных коммуникаций с целевыми группами, общественностью.

Коллективные же цели как индикатор самоорганизации профессионального сообщества отражаются в мотивах возможности усиления позиции в принятии стратегических решений в организации (22%) и решений социально важных проблем общества (20%). Здесь стоит отметить, что сравнительно невысокие показатели не следует интер-

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Что для вас является мотивацией для более активного участия в деятельности профессиональных сообществ?»
(в % от числа опрошенных представителей дальневосточного PR-сообщества, допускался выбор любого числа вариантов ответа)

Варианты ответа	%
Профессиональный, карьерный рост, развитие карьеры	53
Нетворкинг (расширение профессиональной сети контактов)	52
Всестороннее саморазвитие	38
Повышение квалификации, обучение	35
Новые знакомства (социальная сеть контактов)	31
Возможность достижения собственных профессиональных целей	24
Возможность получения новых источников дохода	23
Доступ к важной релевантной информации	23
Возможность усилить собственную позицию в принятии стратегических решений в организации	22
Возможность решать социально важные проблемы общества	20
Повышение социального статуса	15
Возможность принимать участие в выборе вопросов, подлежащих к обсуждению профессиональным сообществом	12
Доступ к дефицитным ресурсам	10

Источник: составлено авторами на основе данных экспертного опроса специалистов по связям с общественностью и взаимодействию со СМИ по теме: «Профессиональная самоорганизация специалистов по связям с общественностью ДФО», 2020 г.¹

претировать негативно, учитывая, что в отличие от классических профессий с продолжительной историей существования, изучаемая профессия развивается в коротких, сжатых сроках.

Уже сейчас осмысление представителями PR-сообщества своей возможности участия в решении социально-значимых проблем общества и влияния на принятие решений в управленческом процессе определяет позитивный вектор развития профессионального сообщества. По мнению экспертов, наличие профессиональных PR-сообществ, представляющих интересы специалистов в области связей с общественностью, с одной стороны, должно играть значительную роль в управлении данной сферой (78%), с другой – способствовать усилению межсекторального партнерства, т. к. они

объединяют PR-специалистов разных сфер, а также способствовать выстраиванию общего коммуникационного пространства, в рамках которого происходит взаимодействие всех субъектов: власти, бизнеса, некоммерческих организаций.

Заключение. Изучение профессионального PR-сообщества ДФО позволяет сделать предположение о том, что наметилась тенденция к усилению сплоченности специалистов данной профессиональной группы. На данном этапе региональное профессиональное PR-сообщество испытывает высокую потребность в самоорганизации и желание развивать профессиональную отрасль, участвовать в решении общественно значимых вопросов. При этом только самоорганизующиеся изнутри профессиональные PR-сообщества

выстраивают взаимодействие с федеральными профессиональными организациями, а также заинтересованы в формировании горизонтальных связей – взаимодействии между региональными сообществами, развитии экспертного сообщества из представителей профессии.

Сотрудничество и солидарность специалистов, чьи функции связаны с формированием общественного мнения и выстраиванием диалога между всеми заинтересованными группами общественности, может способствовать развитию межсекторального партнерства и, как следствие, формированию доверительного отношения населения к принимаемым в регионе решениям. И здесь мы видим потенциал профессионального PR-сообщества именно с позиции гражданского актора во взаимодействии с государством, рыночными и некоммерческими структурами дальневосточного региона.

На наш взгляд, приоритетной задачей в реализации внутренней политики региона сегодня может стать поддержка низовой активности к самоорганизации и отчасти существующей «стихийной самоорганизации» представителей профессии «Специалист по связям с общественностью» и консолидация усилий в выстраивании общей позитивной для территории тональности коммуникационных кампаний.

К сожалению, на сегодняшний день такая практика не интегрирована в региональную повестку, но есть все предпосылки для системной и долгосрочной работы по закреплению наметившейся тенденции вовлеченности дальневосточных профессиональных PR-сообществ в решение социально-значимых проблем и к изменению технологий взаимодействия государства и граждан в принятии решений на региональном уровне.

Библиографическое описание статьи

Маркина Ю. М., Пестова Я. Н. Профессиональное PR-сообщество на Дальнем Востоке: идентификация и самоорганизация // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 1 (94). С. 108–118. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-108-118

Список литературы:

1. Азарова Л. В. Стратегии принятия этических решений в профессиональной коммуникации. М.: Макэлзрз О.Ю. Маркова. СПб.: Изд-во ЛЭТИ. 2008.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, прим. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996.
3. Кривоносов А. Д. Шестой этап развития PR в России. Социальные коммуникации: наука, образование, профессия : труды Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Вып. 18. – Петербург, 10–13 апреля 2018 г. СПб.: изд-во СПбГЭТУ, 2018. С. 206–211.
4. Мансуров В. А., Юрченко О. В. Социология профессиональных групп в России: история становления и перспективы // *Вестник Института социологии*. 2013. № 7.
5. Мерсиянова И. В., Чешкова А. Ф., Краснопольская И. И. Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 188 с.
6. Вебер М. О понимании профессионального долга в условиях разволашевания мира подробнее см. главу «Профессиональная этика аскетического протестантизма». *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. М.: Роспэн, 2006. С. 77–128; 127.
7. Профессиональный стандарт специалиста по связям с общественностью РАСО – Российская ассоциация по связям с общественностью. URL: <https://www.raso.ru/profstandart.php>.
8. Anderson B. *Imagined Communities*. London: Verso, 1983.
9. Parsons T. *The Professions and Social Structure* (1939) // *Parsons T. Essays in Sociological Theory (Revised Edition)*. New-York: The Free Press, 1966.

Yuliya M. Markina – Candidate of Sociology, Associate Professor, the advertising and public relations chair, the Pacific State University (68, Karl Marks Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail:* 009877@pnu.edu.ru

Yana N. Pestova – Head of the communication support department, the Russian Railways Corporate University (48, Myasnitskaya Str., Moscow, 107078, Russia). *E-mail:* prdv.pro@gmail.com

Professional PR-community in the Russian Far East: identification and self-organization

The article is devoted to the issues related to the study of the process of identification and professional self-organization of public relations specialists in the Far-Eastern region of Russia. This process is studied from the point of view of defining the group identity, group norms, and the activities of professional communities. The empirical basis of analysis was the results of an expert survey of public relations specialists in the Far-Eastern federal district. The authors identify the current professional PR communities of the Russian Far East, identify the motives of their members for more active participation in the communities life. There is an independent association of representatives of professional group due to the grassroots activity «spontaneous self-organization» and the presence of experience in consolidating PR specialists in a specific field (state) with an external actor. It is concluded that today there is a willingness of the self-organized PR community to participate in solving the socially significant issues for the region, the development of inter-sector partnership, as a result of formation of trusting attitude of population to the decisions taken in the region.

Keywords: professional group, professional community, professional organizations, professional associations, Far Eastern PR community, public relations.

References:

1. Azarova L. V. Strategies for making ethical decisions in professional communication. M.: McElrs O.Yu. Markova. SPb.: LETI Publishing House. 2008. (In Russian).
2. Durkheim E. On the division of social labor / per. with fr. A.B. Hoffmann, approx. V.V. Sapova. M.: Canon, 1996. (In Russian).
3. Krivonosov A. D. The sixth stage of development of PR in Russia. Social communications: science, education, profession: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Issue. 18. Petersburg, April 10–13, 2018 St. Petersburg: SPbGETU publishing house, 2018, pp. 206–211. (In Russian).
4. Mansurov V. A., Yurchenko O. V. Sociology of professional groups in Russia: the history of formation and prospects *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 2013, no. 7. (In Russian).
5. Mersiyanova I. V., Cheshkova A. F., Krasnopolskaya I. I. Self-organization and problems of formation of professional communities in Russia. Moscow: NRU HSE, 2011, 188 p. (In Russian).
6. Weber M. About the understanding of professional duty in the conditions of the enchanting world, for more details see the chapter “Professional ethics of ascetic Protestantism.” Selected: Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism. Moscow: Rospen, 2006, pp. 77–128; 127. (In Russian).
7. Professional standard of a public relations specialist RASO – Russian Association for Public Relations. URL: <https://www.raso.ru/profstandart.php>. (In Russian).
8. Anderson B. Imagined Communities. London: Verso, 1983.
9. Parsons T. The Professions and Social Structure (1939). . New-York: The Free Press, 1966.

Reference to the article

Markina Y. M., Pestova Y. N. Professional PR-community in the Russian Far East: identification and self-organization// Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 108–118. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-108-118

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127
УДК 316.334.3

Т. Е. Зерчанинова
Н. П. Мудрецова
А. С. Никитина

Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении

Статья посвящена гражданскому участию молодежи в местном самоуправлении через деятельность молодежных организаций. Участие молодежи в жизни общественных организаций является важным показателем социально-политической активности населения, способствует становлению и развитию гражданско-общественного самосознания, развитию специальных компетенций и личностных качеств у молодежи. Цель работы – изучить установки и опыт участия российской молодежи в местном самоуправлении через деятельность общественных организаций. Для изучения практики участия молодежи в деятельности общественных организаций на местном уровне авторами был проведен анкетный опрос молодежи России в возрасте 14–30 лет (n=2026 человек). В результате опроса молодежи было установлено, что молодежь младшей возрастной группы (14–17 лет) в значительно большей степени, чем молодежь старшей возрастной группы (26–30 лет) демонстрирует вовлеченность в деятельность общественных организаций, информирована о деятельности молодежных организаций, отмечает пользу от их деятельности и активнее готова принимать участие в их деятельности. В ходе исследования были изучены лучшие практики общественных организаций по привлечению молодежи к участию в местном самоуправлении, изучены направления деятельности молодежных общественных организаций и объединений, реализуемые ими мероприятия, направленные на вовлечение молодежи в социально-политические процессы на муниципальном уровне, на стимулирование гражданских инициатив и реализацию конструктивных форм социальной активности молодежи на муниципальном уровне. В заключении статьи авторы формулируют предложения, направленные на повышение конструктивной гражданской активности и вовлеченности молодежи в деятельность общественных организаций и участия в местном самоуправлении.

Ключевые слова: молодежь, молодежные организации, гражданское участие, местное самоуправление, органы местного самоуправления.

Татьяна Евгеньевна Зерчанинова – канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой регионального и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66). *E-mail:* zerchaninova-te@ranepa.ru

Наталья Петровна Мудрецова – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66). *E-mail:* akmeon17@yandex.ru

Алена Сергеевна Никитина – канд. социол. наук, доцент кафедры управления персоналом, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Уральский институт управления – филиал (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66). *E-mail:* nikitina-as@ranepa.ru

Введение. Особенности становления и развития общественных объединений в России связано с относительно недавним прошлым, когда молодежные объединения были неотъемлемой и контролируемой частью действующей власти и проводниками государственной идеологии. Исторический опыт СССР показывает, что молодежная организация может вобрать в себя весь потенциал молодого поколения и направить его на социально-экономические преобразования всего общества и всей территории страны, тем самым выступая прямым актором гражданского участия в жизни общества.

В настоящее время исследователями в области гуманитарных наук значимое внимание уделяется вопросам изучения социально-политической активности молодежи как особой социальной группы, активного субъекта социально-политических процессов в стране [Варанкин, Ильиных, 2019. С. 209]. Гражданско-политические ценностные ориентации и установки, настроения и паттерны поведения становятся объектом пристального внимания социологов и политологов [Воробьева, 2020; Левшина, Лунин, 2015; Терсенов, Голубева, 2020].

В рамках настоящего исследования наибольший научно-исследовательский интерес вызывают молодежные общественные объединения как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении. Цель работы – изучить установки и опыт участия российской молодежи в деятельности общественных организаций и в местном самоуправлении.

С точки зрения В.В. Лысенко, «общественные объединения – это «существующие обособленно от государства самостоятельные и самоуправляемые (самоуправляющиеся) объединения граждан для удовлетворения их общих интересов (запросов) внутри и для достижения его целей во внешней среде методами и средствами, отвечающими природе объединения и не противоречащими закону» [Лысенко, 2011. С. 93].

Исследователи выделяют различные типы и виды общественных объединений: «общественные объединения подразделяются на: общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, органы общественной самодеятельности, сою-

зы (ассоциации)» [Козаев, Хевсаков, 2018. С. 165]. Иную классификацию предлагает К.Э. Рахимзянов: «общественные объединения подразделяются на легальные и нелегальные, по масштабу – общероссийские, межрегиональные, региональные и местные» [Рахимзянов, 2016. С. 150].

Н.В. Черных выделяет четыре типа организаций современной России: 1) подконтрольные государству организации и молодежные парламенты, 2) «пропартийные» организации, используемые как инструмент влияния, 3) формальные и неформальные объединения по интересам, 4) фактически антигражданские структуры – националистические и криминализованные [Черных, 2008. С. 10]. Каждый выделенный тип организаций по-своему включен в жизнь общества и осуществляет как созидательные, так и разрушительные действия, вбирая и аккумулируя протестный потенциал молодежи.

По данным Министерства юстиции РФ, на конец 2018 г. в России зарегистрировано 90835 общественных объединений, численный состав которых на 25–40% состоит из молодых лиц до 30 лет (табл. 1).

Таким образом, в России наблюдается многообразие форм и видов общественных объединений. Участие молодежи в жизни общественных организаций является важным показателем социально-политической активности населения, особенно на территории муниципального образования [Васильева, Зерчанинова, 2020. С. 26]. Участие молодежи в общественных организациях способствует становлению и развитию гражданско-общественного самосознания [Куликова, 2018. С. 154], развитию специальных компетенций и личностных качеств у молодежи. К сожалению, в настоящее время существуют проблемы участия молодежи в жизни общественных организаций: низкая вовлеченность, стремление зарабатывать, а не помочь обществу [Коморникова, 2018. С. 110].

Методология и методы. В качестве методологической базы для проведения исследования был выбран деятельностный подход, который позволяет изучить содержание и направления деятельности органов местного самоуправления и молодежных общественных организаций и объединений, комплекс реализуемых мероприятий и действий,

Таблица 1

Число общественных объединений, политических партий и некоммерческих организаций, зарегистрированных в Российской Федерации, конец 2018 г.

Виды организаций	Всего зарегистрировано
Общественные объединения – всего	90835
в том числе:	
общественные организации	54533
из них благотворительные	1678
общественные движения	1320
из них благотворительные	15
общественные фонды	2796
из них благотворительные	1290
общественные учреждения	622
из них благотворительные	4
органы общественной самодеятельности	160
иные виды общественных объединений	31404

Источник: составлено авторами на основе статистических данных Министерства юстиции РФ. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/state/# (дата обращения: 11.01.2020).

направленных на вовлечение молодежи в социально-политические процессы на муниципальном уровне, на стимулирование гражданских инициатив молодежи на муниципальном уровне, на реализацию конструктивных форм социальной активности молодежи на муниципальном уровне, на стимулирование молодежи к участию в местном самоуправлении. Кроме того, деятельностный подход позволяет изучать передовой опыт и лучшие практики общественных организаций по привлечению молодежи к участию в местном самоуправлении.

В исследовании использовались такие методы как анализ статистических данных, представленных на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, анализ нормативно-правовых источников, анализ сайтов молодежных общественных объединений. Для изучения практики участия молодежи в деятельности общественных организаций на местном уровне авторами в октябре-декабре 2020 года было проведено эмпирическое социологическое исследование методом анкетного опроса молодежи России в возрасте 14-30 лет (n=2026 человек). Обработка результатов эмпирических данных производилась в SPSS Statistics 17.0.

Результаты и обсуждения. В ходе социологического опроса респондентам было предложено ответить на вопрос об

их информированности о работе общественных организаций, в том числе молодежных. 47,3% респондентов утверждают, что знают о работе общественных организаций, что является достаточно позитивным показателем (табл. 2).

Если проанализировать ответы респондентов по возрастным группам, то в наибольшей степени о деятельности общественных организаций осведомлены молодые люди в возрасте 14–17 лет (51,3%), 18–21 лет (59%), в наименьшей степени – 26–30 лет (22,8%). Данный вывод, на наш взгляд, свидетельствует о том, что молодежь более раннего возраста наиболее проинформирована о деятельности молодежных организаций, наиболее активно участвует в жизни города и общественных объединений.

Значимость и польза общественных организаций в жизни молодежи также стала предметом социологического исследования. Мнения респондентов разделились: 35,4% опрошенных считают, что польза есть, в тоже время 31,2% считают обратное (табл. 3).

Если проанализировать ответы респондентов по возрастным группам, то наибольшую значимость общественным организациям передают молодые люди в возрасте 14–17 лет (45,7%), наименьшую значимость – молодежь в возрасте 26–30 лет. Полученные данные напрямую коррелируют с предыдущим вопросом: мы

наблюдаем наибольшую активность и вовлеченность в деятельность общественных организаций непосредственно молодежи в раннем возрасте.

В ходе социологического опроса респондентам также было предложено ответить на вопрос: «Хотели бы Вы принимать участие в деятельности общественных организаций, в том числе молодежных?». 33,7% респондентов младшей возрастной группы (14–17 лет) испытывают желание принять участие в жизни общественных организаций (табл. 4), в то же время только 18% респондентов более старшего возраста (26–30 лет) хотели бы участвовать в деятельности таких организаций. Данный вывод, на наш взгляд, свидетельствует о том, что молодежь более раннего возраста наиболее мотивирована участвовать в деятельности молодежных общественных организаций, наиболее активно присутствует в жизни города и общественных объединений.

Установки на участие в деятельности общественных организаций, в том числе молодежных, были также проанализированы нами в региональном разрезе. Наиболее «активными желающими» вступить в деятельность общественных организаций оказались молодые люди Южного федерального округа (73,9%), Сибирского

федерального округа (57,5%), Уральского (42,8%). Наименее «активными желающими» вступить в деятельность общественных организаций оказались молодые люди из Центрального (17,1%), Северо-Кавказского (16,6%), Приволжского (14,3%) федеральных округов (табл. 5). Данный вывод свидетельствует, на наш взгляд, о том, что региональная молодежь активнее проявляет заинтересованность в жизни общественных организаций, процент желающих намного превышает процент нежелающих.

В заключении респондентам было предложено оценить, что может повысить активность участия молодежи в жизни общественных организаций. Среди наиболее популярных оказались такие ответы, как «гарантии того, что эта деятельность принесет результаты», «осознание того, что это социально полезное дело», «возможность повлиять на политику муниципальных властей».

Молодежные объединения являются особой формой объединения, обеспечивающей институциональное включение молодежи в жизнь местного сообщества.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определяет вопросы местного значения. По мнению

Таблица 2

Знаете ли Вы о работе общественных организаций, в том числе молодежных, в Вашем городе(селе)? По возрастным группам, %

Возраст	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
14–17	51,3	21,7	27,0	100,0
18–21	59,0	17,4	23,7	100,0
22–25	45,9	20,1	34,0	100,0
26–30	34,8	22,8	42,5	100,0
Итого	47,3	20,5	32,2	100,0

Источник: составлено авторами.

Таблица 3

Степень полезности общественных организаций, в том числе молодежных, в ответах респондентов, %

Возраст	Да, есть большая польза	Да, но польза незначительная	Пользы нет
14–17	45,7	26,1	9,5
18–21	41,0	38,6	5,4
22–25	33,4	27,0	7,6
26–30	24,3	30,7	12,6
Итого	35,4	31,2	9,0

Источник: составлено авторами.

авторов, молодежные объединения должны быть непосредственными акторами гражданского участия молодежи в местном самоуправлении по следующим вопросам местного значения: профилактика терроризма и экстремизма; укрепление межнационального и межконфессионального согласия, сохранение и развитие языков и культуры народов, проживающих на территории; организация досуга и услуг в сфере культуры; развитие физической культуры и спорта; поддержка некоммерческих организаций; сохранение объектов культурного наследия; организация и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью; поддержка общественного порядка; благоустройство территории¹.

Ярким примером участия молодежного объединения в местном самоуправлении является деятельность общественной

молодежной организации «Свердловская областная общественная организация Российского Союза Молодежи» (далее – СОО РСМ), которая имеет местные отделения в 45 муниципальных образованиях Свердловской области. В целях профилактики экстремизма и привлечения молодежи, представляющей неформальные молодежные объединения, в созидательные практики СОО РСМ ежегодно проводит фестиваль «Экстриму – да! Экстремизму – нет!», участниками которого становится молодежь от 15 до 25 лет, представители субкультур рэп, брейкданс, хип-хоп данс, воркаут, скейт-борд, слэक्лайн, маунтинбайк, катание на роликах, самокатах, граффити, футбольный фристайл, джампинг, КВН и многие другие»².

Для повышения престижа профессий и специальностей, получаемых в профес-

Таблица 4

Установки на участие в деятельности общественных организаций, в том числе молодежных, в ответах респондентов, %

Возраст	Да, хотел бы	Скорее хотел бы	Скорее не хотел бы	Нет, не хотел бы	Затрудняюсь ответить
14–17	33,7	28,6	18,2	9,0	10,5
18–21	30,9	26,8	16,1	12,0	14,2
22–25	27,3	18,9	27,9	10,2	15,7
26–30	18,0	20,3	21,5	14,3	25,9

Источник: составлено авторами.

Таблица 5

Установки на участие в деятельности общественных организаций, в том числе молодежных, в ответах респондентов в разбивке по федеральным округам РФ, %

Федеральный округ РФ	Да, хотел бы	Скорее хотел бы	Скорее не хотел бы	Нет, не хотел бы	Затрудняюсь ответить
Дальневосточный	9,8	33,0	33,9	11,6	11,6
Приволжский	10,2	20,1	33,3	14,3	22,1
Северо-Западный	7,2	19,7	25,0	12,0	36,1
Северо-Кавказский	11,3	17,2	21,2	16,6	33,8
Сибирский	57,5	24,4	7,7	4,7	5,8
Уральский	42,8	28,9	12,2	8,7	7,4
Центральный	20,8	26,0	19,1	17,1	17,1
Южный	73,9	8,7	8,7	4,3	4,3
Итого	26,8	23,8	20,4	11,7	17,3

Источник: составлено авторами.

¹ Обобщенных принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 29.12.2020) // КонсультантПлюс. Ст. 14–16.

² Свердловская областная общественная организация Российского Союза Молодежи. Официальный сайт. URL: <http://xn--80awbpbep.xn--p1ai/programsm/> (дата обращения: 11.01.2021).

сиональных образовательных организациях, профориентацию обучающихся и их самореализацию СОО РСМ ежегодно реализует программу «Арт-Профи форум». Партнерами проекта является Совет директоров учреждений среднего профессионального образования Свердловской области. Проект реализуется на территории муниципальных образований Свердловской области, ежегодно участие в нем принимают около 2000 молодых людей².

Также данная организация реализует проекты для молодежи с ограниченными возможностями здоровья, например, «Мы все можем»; проект по развитию молодежных общественных объединений в муниципальных образованиях «Ресурсный центр НКО»; проект международного сотрудничества «Мир без границ»; проекты по сохранению и популяризации исторического наследия среди молодежи «Музыка Победы» и «НИК – Николай Иванович Кузнецов»².

С 2018 г. на всей территории России активно развивается деятельность молодежных волонтерских организаций. Например, в Хабаровском крае действует 100 молодежных волонтерских организаций, которые насчитывают около 7000 постоянных членов. Приоритетными направлениями волонтерства в крае являются: событийное волонтерство, патриотическое, социальное, инклюзивное, культурно-просветительское, экологическое. В 12 муниципальных образованиях при поддержке Правительства края созданы ресурсные центры молодежного волонтерского движения³.

С 2000-х годов на территории городов России массово осуществляет свою деятельность движение трудовых отрядов школьников при администрациях муниципальных образований. Например, в трудовом отряде Главы города Красноярска ежегодно работают 8000 человек. Основным направлением деятельности отряда является благоустройство и озе-

ление важных объектов города, в этой деятельности заняты около 80% от общего количества всех трудоустроенных. Помимо этого, ребята систематически включены в реализацию патриотических городских проектов по реставрации и благоустройству памятников, посвященных Великой Отечественной войне, и других социально-значимых объектов⁴.

Такие молодежные объединения, как молодежные парламенты при Городских думах и Советах депутатов прочно вошли в культуру гражданского участия молодежи в осуществлении местного самоуправления. Анализ сайтов показал, что данная форма гражданского участия наиболее свойственна и активна в крупных политических и социально-экономических регионах, городах и ближайших к ним территориях. Например, в Московской области организован единый день голосования в молодежные парламенты муниципальных образований⁵. Молодежный парламент позволяет напрямую участвовать в осуществлении местного самоуправления посредством социального партнерства и взаимодействия с органами исполнительной и представительной власти на территории.

Действенным механизмом гражданского участия молодежных объединений по реализации молодежных инициатив является грантовая поддержка проектов. Данный механизм в последнее десятилетие получил свое широкое распространение. Грантовые конкурсы для молодежи и молодежных общественных объединений проводятся на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Например, по данным Управления молодежной политики и программ общественного развития Алтайского края за период 2006–2019 гг. было поддержано 1742 проекта молодежных организаций на территории 69 муниципальных образований на общую сумму 86 млн рублей⁶.

Заключение. Таким образом, мы де-

³ Комитет по молодежной политике Хабаровского края. Официальный сайт. URL: <https://kmp.khabkrai.ru/Deyatelnost/Vovlechenie-molodyozhi-v-volontyorskuyu-deyatelnost/> (дата обращения: 12.01.2021).

⁴ Энциклопедия Красноярского края. URL: http://my.krskstate.ru/docs/youth_clubs/trudovoy-otryad-glavy-goroda-krasnoyarska/ (дата обращения: 11.01.2021).

⁵ Правительство Московской области. Официальный сайт. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/ispravlenie-edinyu-den-golosovaniya-v-molodezhnye-parlamenty-vpervye-proydet-v-podmoskove-29-noyabrya/> (дата обращения: 20.01.2021).

⁶ Управление молодежной политики и программ общественного развития Алтайского края. Официальный сайт. URL: <http://altaimolodoi.ru/sections/granty/> (дата обращения: 20.01.2021).

лаем вывод о том, что молодежные организации являются активными акторами гражданского участия молодежи в местном самоуправлении. Перечень форм участия достаточно широк и разнообразен. При этом стоит отметить, что на территории России активность молодежных организаций неоднородна и зависит от многих факторов, как объективных (плотность населения, уровень социально-экономического и политического благополучия, историческая преемственность), так и субъективных (прежде всего, это позиция органов местного самоуправления и главы муниципального образования). Также результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что остается проблема вовлеченности молодежи в деятельность общественных объединений.

Для повышении активности и вовлеченности молодежи в деятельность общественных организаций и участия в местном самоуправлении, необходимо, на наш взгляд, проводить комплекс системных мероприятий, которые включали бы в себя: повышение информационной открытости деятельности общественных организаций и органов местного самоуправления, активное привлечение молодежи всех возрастных групп, проработка вопроса личной заинтересованности и мотивации участников общественных организаций, включение представителей молодежных организаций в советы при органах местного самоуправления, привлечение к общественной экспертизе программ и проектов.

Список литературы:

1. Варанкин Д. Г., Ильиных О. П. Попытка субъектно-объектного подхода к определению роли молодежи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1. С. 209–216.
2. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е. Социальное партнерство на муниципальном уровне: модель участия молодежи в местном самоуправлении // Муниципа-

литет: экономика и управление. 2020. № 3. С. 26–39.

3. Воробьева И. Н. Стиль жизни современной российской молодежи: установки и поведение // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Т. 6. № 4. С. 12–22.

4. Козаев З. А., Хевсаков А. В. Понятие общественных объединений и некоммерческих организаций и их виды. Актуальные проблемы права: сборник научных статей магистрантов. Владикавказ, 2018. С. 165–169.

5. Коморникова О. М. Проблемы включения молодежи в деятельность общественных организаций в современной России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5-2. С. 110–118.

6. Куликова А. А. Отношение молодежи к участию в работе общественных организаций // Молодежь, устремленная в будущее: проблемы, интересы, перспективы. Сборник научных трудов Всероссийской научной конференции. Ульяновск, 2018. С. 154–157.

7. Левшина А. А., Лунин С. Л. Общественная деятельность молодежи: мотивы участия // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 2. С. 56–66.

8. Лысенко В. В. Право на объединение в общественные объединения и некоммерческие организации // Государство и право. 2011. № 6. С. 93–169.

9. Рахимзянов К. Э. Понятие и виды общественных объединений // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2016. № 117-3. С. 150–152.

10. Терсенов А. Е., Голубева Т. Б. Современная молодежь: мотивы занятий общественной деятельностью // Научное обозрение. Педагогические науки. 2020. № 1. С. 54–58.

11. Черных Н. В. Молодежные организации как акторы взаимодействия власти и формирующегося гражданского общества России: автореферат дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 31 с.

Библиографическое описание статьи

Зерчанинова Т. Е., Мудрецова Н. П., Никитина А. С. Общественные организации как акторы гражданского участия молодежи в местном самоуправлении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 119–127. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-119-127

Tatiana E. Zerchaninova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural institute of management – branch of RANEPa (66, March 8 Str., Yekaterinburg, 620144, Russia). *E-mail: zerchaninova-te@ranepa.ru*

Natalia P. Mudretsova – postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural institute of management – branch of RANEPa (66, March 8 Str., Yekaterinburg, 620144, Russia). *E-mail: akmeon17@yandex.ru*

Alena S. Nikitina – Candidate of Sociology, Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Ural institute of management – branch of RANEPa (66, March 8 Str., Yekaterinburg, 620144, Russia). *E-mail: nikitina-as@ranepa.ru*

Public organizations as factors of the youth civic participation in the local self-government

The article is about the civic participation of youth in the local self-government through the activities of youth organizations. The participation of young people in the life of public organizations is an important indicator of the socio-political activity of the population, contributes to the formation and development of civil and public self-awareness, the development of special competencies and personal qualities in young people. The purpose of the paper is to study the attitudes and experience of participation of the Russian youth in the local self-government through the activities of public organizations. The article analyzes the theoretical aspects of the activities of youth organizations, their classifications and typologies, studies the legal framework, official sites of youth organizations, and analyzes statistical data. To study the practice of youth participation in the activities of public organizations at the local level, the authors conducted a questionnaire survey of Russian youth aged 14-30 (n = 2026 people). As a result of survey of young people, it was found that young people in the younger age group (14-17 years old) much greater extent than young people in the older age group (26-30 years old) demonstrate involvement in the activities of public organizations, are informed about the activities of youth organizations, notes the benefits of their activities and is more actively ready to take part in their activities. In the course of the research, the best practices of public organizations in attracting youth to participate in the local self-government were studied, the directions of activity of youth public organizations and associations, the activities they implement, aimed at involving young people in socio-political processes at the municipal level, at stimulating civic initiatives and constructive forms of social activity of young people at the municipal level. In the conclusion of the article, the authors formulate proposals aimed at increasing the constructive civic engagement and involvement of young people in the activities of public organizations and participation in the local self-government.

Keywords: youth, youth organizations, civic participation, local government, local self-government bodies.

References:

1. Varankin D. G. , Ilinykh O. P. Attempt of the subject-object approach to defining the role of youth *Sotsial'nyye i gumanitar'nyye nauki: teoriya i praktika* [Social and humanitarian sciences: theory and practice], 2019, no. 1, pp. 209–216. (In Russian).
2. Vasilyeva E. I., Zerchaninova T. E. Social partnership at the municipal level: a model of youth participation in local self-government *Munitsipalitet: ekonomika i upravleniye* [Municipality: economics and management], 2020, no. 3, pp. 26–39. (In Russian).
3. Vorobyova I. N. Lifestyle of modern Russian youth: attitudes and behavior *Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya* [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology], 2020, vol. 6, no. 4, pp. 12–22. (In Russian).
4. Kozaev Z. A., Khevsakov A. V. The concept of public associations and non-commercial organizations and their types. Actual problems of law: a collection of scientific articles of undergraduates. Vladikavkaz, 2018, pp. 165–169. (In Russian).

-
5. Komornikova O. M. Problems of youth inclusion in the activities of public organizations in modern Russia *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2018, vol. 10, no. 5–2, pp. 110–118. (In Russian).
6. Kulikova A. A. The attitude of youth to participation in the work of public organizations. Youth, looking to the future: problems, interests, prospects. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific conference. Ulyanovsk, 2018, pp. 154–157. (In Russian).
7. Levshina A. A., Lunin S. L. Social activity of youth: motives of participation *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurnal* [Russian psychological journal], 2015, vol. 12, no. 2, pp. 56–66. (In Russian).
8. Lysenko V. V. The right to unite in public associations and non-profit organizations *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2011, no. 6, pp. 93–169. (In Russian).
9. Rakhimzyanov K. E. Concept and types of public associations *Novaya nauka: Teoreticheskiy i prakticheskiy vzglyad* [New science: Theoretical and practical view], 2016, no. 117-3, pp. 150–152. (In Russian).
10. Tersenov A. E., Golubeva T. B. Modern youth: motives of social activities *Nauchnoye obozreniye. Pedagogicheskiye nauki* [Scientific review. Pedagogical sciences], 2020, no. 1, pp. 54–58. (In Russian).
11. Chernykh N. V. Youth organizations as actors of interaction between the authorities and the emerging civil society in Russia: abstract of thesis. ... Cand. polit. sciences. Rostov-on-Don, 2008.31 p. (In Russian).

Reference to the article

Zerchaninova T. E., Mudretsova N. P., Nikitina A. S. Public organizations as factors of the youth civic participation in the local self-government // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 119–127. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-4-119-127

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-128-138
УДК 316.4

Н. М. Байков
Ю. В. Березутский
Е. Ю. Юревич

Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация

В статье представлен социологический анализ социальной активности жителей городского округа «город Хабаровск», отражающий их политические и неполитические (гражданские) интересы и мотивы самоорганизации. Представлены методологические аспекты городского активизма как социального конструкта, имеющего гражданскую (неполитическую) и политическую направленность, которые применены к анализу самоорганизации в городском округе. Показано, что высокий уровень социальной депривации условиями жизнедеятельности и трансформация сложившейся региональной партийно-политической конструкции исполнительной и законодательной (представительной) власти обуславливает социальную активность горожан протестной направленности, порождает состояние рискогенности и неопределенности. По мнению авторов, развитие форм совместной деятельности жителей и органов местного самоуправления (одним из примеров которого является территориальное общественное самоуправление (ТОС)) способствует не только вовлечению жителей в решение вопросов местного значения, но и повышает доверие к власти, снижает протестность общественного сознания. На основе результатов социологического опроса жителей городского округа показаны потенциальные возможности этого процесса.

Ключевые слова: социальная активность, городской активизм, протестность, территориальное общественное самоуправление, городской округ Хабаровск, самоорганизация.

Введение. В современной российской традиции города рассматривают зачастую в классической триаде взаимодействия «власти – бизнеса – общества». При этом обосновывается, что интересы власти сконцентрированы на поддержании действующих и создании новых объектов городской инфраструктуры. Интересы бизнеса завязаны на получении

прибыли и создании рабочих мест. Интересы общества в значительной степени связаны с ожиданием создания и обеспечения комфортных условий жизнедеятельности. При этом современное городское сообщество характеризуется в значительной степени социальной атомизированностью и разобщенностью в силу различных объективных условий и

Николай Михайлович Байков – д-р социол. наук, профессор, заведующий сектором организации научных исследований отдела организации научных исследований и аспирантуры, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: baykov-nm@ranepa.ru*

Юрий Владимирович Березутский – канд. социол. наук, доцент, начальник отдела организации научных исследований и аспирантуры, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: berezutskiy-yv@ranepa.ru*

Екатерина Юрьевна Юревич – аспирант, специалист отдела организации научных исследований и аспирантуры, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). *E-mail: yurevich-ey@ranepa.ru*

субъективных факторов. Как следствие, горожане зачастую не могут выразить консолидированный интерес и проявить самоорганизацию по многим актуальным вопросам жизнедеятельности по месту жительства, в значительной степени отчуждены от их решения.

В последние годы в российских городах развивается городской активизм, являющийся своего рода антитезой пассивности и равнодушия жителей и городских сообществ. В городских пространствах российского общества все больше проявляются различного рода локальные сообщества и отдельные активисты, которые стремятся изменять и развивать общественные пространства, находить новые пути для внедрения изменений в местах своего проживания. При этом используются как политические, так и неполитические (гражданские) формы самоорганизации для выражения своей социальной позиции и активности.

В последние годы дальневосточный город Хабаровск приобрел широкую известность в стране и за ее пределами посредством демонстрации протестной политической активности. Анализ динамики изменений активности жителей города Хабаровска через опрос, интервью с местными активистами как экспертами некоммерческого сектора позволяет оценить состояние их социальной активности, ее политическую и гражданскую направленность. Это позволяет показать возможности самоорганизации жителей, проживающих на локальной городской территории (в подъезде, доме, группе домов, микрорайоне), средствами диалога с органами местного самоуправления и другими заинтересованными субъектами.

Методология познания городского активизма. Общественная активность в противовес природной выступает общей интегративной характеристикой внутренних возможностей человека в осуществлении деятельности, направленной на поддержание и развитие социальной целостности¹.

Инструментом познания социальной активности служит социальный конструкт (сложившийся в сознании образ того или иного социального явления яв-

ляется основой для социальных действий или бездействий), формирующий ее реальность. Как отмечал С. Либерман: «... люди действуют так, будто конструкт – часть реальности, поэтому собранный «на бумаге», «в лаборатории», он становится реальным в той степени, в какой оказывает влияние на окружающий мир» [Либерман, 2019]. Отсюда важно понимать, из каких элементов в общественном сознании состоит тот или иной социальный конструкт, и какими смыслами он наполнен.

Проблема социальной активности как необходимого условия осуществления функции субъекта как творца общественных отношений имеет два аспекта. Первый предполагает рассмотрение социальной активности как свойства личности, сформировавшегося из природных данных (генетически) и условий ее социализации и практической деятельности. Второй предполагает исходить из понимания социальной активности как меры конкретной деятельности, которая имеет социологическое измерение ее уровня, интенсивности проявления в различных видах и формах. Так, социальная активность реализуется как на индивидуально-личностном, так и на общественном (групповом) и институциональном уровнях.

П. А. Сорокин рассматривает социальную активность как главное условие развития общественной солидарности, делает акцент на необходимости понимания ее причин и специфики функциональных взаимоотношений: «... особое коллективное единство, основанием которого являются причинные или функциональные отношения, данные между взаимодействующими индивидами, выделяющих их в особое явление, ограниченное от всех остальных» [Сорокин, 1920. С. 233].

Термин «активизм» (от лат. *activus* – активный) широко представлен в научном дискурсе и в анализе современной социальной реальности, но не имеет однозначного толкования в силу многообразия форм и смыслов проявления активности в различных сферах человеческой деятельности. Как справедливо отмечает Л. В. Земнухова, истоки активизма про-

¹ Социологический словарь. Сост. А.Н. Елсуков, К.В. Шульга. 2-е изд. перераб. и доп. Мн.: Университетское, 1991. С. 220–221.

истекают из протестных, революционных движений, стремящихся изменить существующие и неудовлетворительные условия жизни: «... активизм как феномен появился задолго до того, как за ним закрепилось его название или понятие. Забастовки и восхождения на баррикады, протесты и революции, марши и публичные выступления можно сегодня называть активизмом».²

При множестве определений активизма его суть заключается не в созерцании, а в деятельном преобразовании внешнего мира, которое выступает как моральное требование всегда переходить от наблюдения к делу, от теории к практике. В зарубежной социологии активизм интерпретируется через активное членство в политической партии, группе влияния или родственной политической организации.³ При этом выявляют общие для активистов тенденции: более высокий социальный статус, большая социальная уверенность и зачастую лучшая информированность. При этом уровни политического активизма изменяются также в зависимости от обстоятельств, когда, например, в политический протест вовлекается множество людей, которые в обычных условиях не были бы активными. При этом политический активизм имеет различные смысловые векторы вовлечения граждан: от «подогрева» деструктивности до повышения гуманизации общественной трансформации.

Так, креативные активисты, по определению Сайласа Хэрребай – это очень разнообразный набор «посредников», «разрушителей» и «ловкачей». Они ставят неудобные вопросы и создают «временные зрелищные события», которые приводят к еще более широким акциям. Их действия направлены, скорее, на сам процесс, чем на результат [Silas, 2016. С. 251].

Свою позицию в отношении поиска современным обществом новых ориентиров трансформации экономической, социальной и политической сфер общественной жизни с изменениями в психическом и духовном отношении Э. Фромм выразил так: «... в наиболее общем виде цель его – в

активизации индивида, в восстановлении контроля со стороны человека над социальной системой, в гуманизации технологии» [Фромм, 2018. С. 176].

Отечественными исследователями подчеркивается выраженное единство двух векторов активизма (политического и гражданского). Так, Седова Н.Н. отмечает, что «уровень и характер гражданского активизма тесно связаны с характером жизненного целеполагания граждан (прежде всего, в сфере образования, самореализации, социальной коммуникации), основными параметрами социального самочувствия населения, базовыми мировоззренческими и ценностными установками. При этом политический и неполитический активизм не противопоставлены, а, напротив, дополняют друг друга» [Седова, 2014. С. 48–49].

При этом существенную роль в развитии городского созидательного активизма играют существующие управленческие практики, реализуемые органами местного самоуправления. Как отмечают М. Н. Королева и М. А. Чернова: «... основные управленческие практики, оцениваемые лидерами и инициаторами городских проектов как ресурс и барьер реализации желаемых изменений в городском пространстве, позволяют говорить о городском активизме как о значимом явлении, требующем всестороннего изучения» [Королева, Чернова, 2018. С. 93].

Наш региональный опыт исследования социальной активности молодежи позволяет рассматривать социальную активность с двух позиций: «Во-первых, социальная активность молодежи, в более узком смысле, представляет собой вовлеченность молодежи в общественную деятельность, проявление ею гражданских инициатив, участие в деятельности общественных молодежных организаций и объединений, участие молодежи в реализации государственной молодежной политики. Во-вторых, социальная активность молодежи, в более широком смысле, представляет собой созидательную активность молодежи, выстраивающую баланс между индивиду-

² Земнухова Л. В. *Активизм как феномен: история, определение и направления*. URL: <https://te-st.ru/2020/09/22/what-is-activism>.

³ *Большой толковый социологический словарь (Collins)*. Дэвид Джери, Джулия Джери. Том I (A-Q): Пер. с англ. М.: Вече, АСТ, 1999. С. 21.

альными и общественными интересами в различных сферах ее жизнедеятельности: в образовании, профессиональном выборе, труде и занятости, предпринимательстве, политической, культурной, духовно-нравственной и других сферах» [Березутский, 2019. С. 7].

Особенности социально-политической направленности самоорганизации населения. С этих методологических позиций современная социально-политическая реальность российского общества характеризуется высоким уровнем социальной депривации и рискогенности, когда взаимодействие всех субъектов жизнедеятельности осуществляется в условиях неопределенности и нестабильности. Они детерминируют политические процессы на региональном и муниципальном уровнях, электоральные предпочтения населения, рейтинги политических партий и уровень доверия населения. На это указывают и результаты политологического анализа влияния условий социальной депривации населения на качество и направленность политических процессов и выявленные эффекты, обладающие политической рискогенностью [Смолянов, 2017].

Результаты социологического мониторинга и фокус-групповых интервью с различными социальными группами населения Хабаровского края (2015–2020 гг.) свидетельствуют о нарастании социальной депривации среди больших социальных групп и слоев населения. Это является отражением неудовлетворенности своим материальным положением, снижения уровня и качества жизни, несправедливости при распределении доходов от добычи сырьевых ресурсов в пользу крупного бизнеса, низкого качества системы здравоохранения и других сфер жизнедеятельности [Байков, Березутский, 2020. С. 4–5].

Численность жителей г. Хабаровска составляет около половины численности населения Хабаровского края (46,8%) и их социальная и политическая активность, существенно возросшая за последние годы, служит значимым фактором формирования общественного мнения для всего регионального общественно-политического

пространства. П. А. Сорокин, обосновывал социальную активность психическим состоянием людей как явления «коллективного единства или коллективной индивидуальности». Примером этому служат социальная и политическая протестная активность населения города Хабаровска и Хабаровского края. Ее результатом стало поражение представителей партии «Единая Россия» на выборах губернатора и выборах депутатов законодательных органов власти краевого и муниципального уровней (2018–2019 гг.) на фоне абсолютной победы кандидатов от партии ЛДПР.

Последовавшие за этим в 2020 г. массовые протестные акции хабаровчан не смогли сдержать ни законодательные запреты на несанкционированный характер шествий по улицам краевого центра, ни ограничения на массовые публичные мероприятия из-за коронавирусной инфекции, ни погодные условия и некоторые жесткие меры правоохранительных органов. О беспрецедентности и накале хабаровских протестов свидетельствуют ответные действия правоохранительных органов. Так, за время проведения несанкционированных публичных мероприятий на территории Хабаровского края пресечено 485 административных правонарушений. По результатам рассмотрения дел судами принято 472 решения: выписано 311 штрафов на сумму более 3,4 миллиона рублей, 93 административных ареста, 41 – обязательные работы⁴.

Следствием такого проявления социально-политической активности городского населения служит неприятие власти, существенное снижение ей доверия, критичность оценок в отношении ее деятельности. С одной стороны, за многие годы доверие избирателей обеспечивало избрание большинства депутатов от партии «Единая Россия» в Законодательной Думе Хабаровского края, представительных органов власти двух городских округов, а также и во многих муниципальных образованиях края. «Монополизация доверия» избирателей позволяла какое-то время решать ряд системных для власти задач укрепления и поддержки властной вертикали, оптимизации регионального законодательства и др. С другой стороны,

⁴ На еженедельный митинг в Хабаровске вышли десятки горожан. – Хабаровский край сегодня. – 19 декабря 2020 г.

в результате поражения представителей партии «Единая Россия» на выборах произошло разрушение этой «монополии на доверие». При этом население лишило все партии конкурентных возможностей для завоевания доминирующего положения в структурах местной власти.

Социально-политический протест отразил высокий уровень недоверия населения региона к деятельности органов государственной власти по широкому спектру проблем и путей их решения (речь идет, например, о неприятии значительной частью жителей края федерального закона о повышении сроков пенсионного возраста, о переносе статуса «столицы ДФО» из г. Хабаровска в г. Владивосток и др.).

На этом социально-политическом фоне активизм населения, особенно городского, акцентировался на острой критике партии власти «Единая Россия» и массовом выражении недоверия ее представителям в органах исполнительной и законодательной власти. Выражение доверия, поддержки политическим партиям демонстрирует незначительная доля опрошенных жителей города. По одной трети жителей города либо уклонились от ответа, либо не оказывают до-

верия ни одной партии. Среди тех, кто ответил, большее доверие высказывают партии ЛДПР (табл. 1)⁵.

Низкое доверие граждан политическим партиям – это отражение общероссийской ситуации. По данным опроса (Левада Центр, 2019 г.) политические партии наименьшее доверие вызывают у граждан России, чем все другие институты государства. В 2019 г. оно составляло всего 16%, при этом не вполне доверяет им 41% граждан, а полностью не доверяют – 30%. Однако, если смотреть в динамике, то за 20 лет уровень доверия к партиям вырос в 4 раза – с 4% в (1999 г.) до 16% (2019 г.).⁶

По данным социологических опросов свое членство в политических партиях отмечают статистически незначительное количество опрошенных жителей (2–3%). При этом по итогам 2020 г. в Хабаровском крае официально зарегистрировано 27 региональных отделений политических партий. Однако их усилия по переключению протестной социально-политической активности на созидательную гражданскую активность радикально не изменили недоверие населения к политическим партиям и их представи-

Таблица 1

Результаты ответа на вопрос анкеты: «Каким региональным отделениям политических партий Вы выражаете свое доверие?»

(в % от числа опрошенных)

Политические партии	%
ЛДПР	21,5
Единая Россия	12,6
КПРФ	8,2
Справедливая Россия	3,4
Другая	1,4
Ни одной из партий	35,1
Затрудняюсь ответить	30,7

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса жителей г. Хабаровска по теме: «Социальное самочувствие хабаровчан в преддверии выборов», 2021 г.

⁵ Социологический опрос жителей г. Хабаровска по теме: «Социальное самочувствие хабаровчан в преддверии выборов», 2021 г. Опрошено 600 жителей г. Хабаровска в возрасте старше 18 лет. Статистическая погрешность не превышает 5%. Выборка репрезентативна по району проживания респондентов, полу и возрасту. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС. Научный руководитель – к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.

⁶ Институциональное доверие. Опрос по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1601 человек в возрасте от 18 лет и старше в 137 населенных пунктах 50 субъектов РФ методом личного интервью 26 сентября -2 октября 2019 г. URL: <https://www.levada.ru/2019/10/24/institutsionalnoe-doverie-5>.

телям в органах региональной и муниципальной власти. Об этом свидетельствуют и ответы жителей краевого центра на прогностический вопрос о предстоящем голосовании на выборах депутатов Государственной Думы РФ (табл. 2).

Отношение жителей городского округа к политическим партиям в целом коррелируют с результатами общероссийских опросов. При этом хабаровский электорат настроен более критично к партии «Единая Россия» и сохраняет электоральную приверженность к партии ЛДПР как отражение своего протеста.

Так, по данным всероссийского опроса (Левада Центра, 2021 г.) немногим более четверти россиян проголосовали бы за «Единую Россию» на выборах в Государственную Думу (27%), что демонстрирует снижение ее электорального рейтинга с лета 2020 г. (31%). ЛДПР занимает второе место (12%), и ее электоральная популярность несколько возросла с декабря 2019 г. (8%). Намерение голосовать за КПРФ выразила десятая часть опрошенного электората (10%), что демонстрирует изменение тренда снижения популярности с лета 2019 г. (11%) до осени 2020 г. (7%). Объединенная «Справедливая Россия – За правду» по-прежнему набирает менее одной десятой от числа опрошенных избирателей (6%)⁷.

Очевидно, что сохранение в общественном мнении городского населения низкого уровня доверия и поддержки к региональным политическим партиям несет в себе большой потенциал неопределенности за результаты выборного процесса текущего года. Отсутствие значимых для рядового избирателя изменений в уровне жизни своих семей, социальная депривация от состояния здравоохранения, жилищных условий, занятости и других базовых потребностей улучшения среды жизнедеятельности, сохраняет высокий риск протестного голосования за политических активистов, результатом которого может продолжиться затянувшаяся в крае социально-экономическая и социально-политическая нестабильность.

Территориальное общественное самоуправление как приоритет в самоорганизации локальных общностей. Среди существующих многообразных форм городского активизма в последние годы активно развивается неполитическая деятельность людей, направленная на вовлечение населения в решение вопросов местного значения. Эксперты выделяют следующие ее характеристики: «... гражданский поступок (конкретное, активное, осознанное действие, которое является знаком вы-

Таблица 2

Результаты ответа на вопрос анкеты: «За представителя какой из партий Вы бы, скорее всего, проголосовали, если бы выборы депутатов в Государственную Думу РФ состоялись в ближайшее воскресенье?»

(в %, от числа тех, кто планирует принимать участие в выборах, либо еще сомневается на этот счет)

Политические партии	%
Не хочу об этом говорить	27,8
Партийная принадлежность не будет играть роли	24,9
ЛДПР	16,8
Единая Россия	13,2
КПРФ	8,0
Другая	5,4
Справедливая Россия	3,9

Источник: составлено авторами на основе данных социологического опроса жителей г. Хабаровска по теме: «Социальное самочувствие хабаровчан в преддверии выборов», 2021 г.

⁷ Электоральные рейтинги партий. URL: <https://www.levada.ru/2021/03/11/elektoralnye-rejtingi-partij-5/print/>

хода в «субъектное состояние»), групповая самоорганизация, публичность, способность к ситуативной мобилизации при наличии острого повода, а также нацеленность на решение конкретной проблемы» [Демакова, Маковецкая, Скрякова, 2014. С. 148].

На каждом этапе развития государства и общества самоорганизация населения отражала конкретно-исторические общественные потребности, соответствующие социально-политическим и социально-экономическим условиям российской государственности. Так, в г. Хабаровске существовали различные формы общественного самоуправления, имеющие различную степень развитости и влияния на вовлеченность граждан в решение вопросов местного значения по месту жительства. Несмотря на то, что в советском законодательстве термин «территориальное общественное самоуправление» (далее – ТОС) отсутствовал, органами власти и общественными организациями проводилась разноплановая системная работа с населением по месту жительства, в том числе через домовые комитеты, депутатские группы, товарищеские суды и другие формы общественной самоорганизации.

На территории Хабаровского края процесс образования ТОС стал активно развиваться с начала 2016 г. Он охватил все муниципальные образования, за исключением г. Хабаровска. К этому времени органы местного самоуправления городского округа «Город Хабаровск» определили приоритетом в управлении жилищно-коммунальной сферой создание и укрепление таких форм самоорганизации граждан, как товарищества собственников жилья (ТСЖ), жилищные и жилищно-строительные кооперативы (ЖК, ЖСК), управляющие компании (УК).

В настоящее время при их участии в городском округе продолжают работы по благоустройству дворовых территорий в рамках реализации муниципальной программы «Формирование современной городской среды на 2018–2024 годы». В ее рамках управляющие орга-

низации, товарищества собственников жилья, жилищно-строительные кооперативы, жилищные кооперативы могут представить свои заявки на получение муниципальных грантов в области благоустройства дворовых территорий.

Муниципальный грант предоставляется в виде средств бюджета города (субсидий), который выделяется по итогам открытого конкурса на получение муниципального гранта на безвозмездной и безвозвратной основе на условиях долевого финансирования на возмещение затрат по осуществлению целевых проектов в области благоустройства дворовых территорий. Муниципальный грант (размером от 500 тыс. руб. до 1 млн руб.) предоставляется на условиях софинансирования, при которых доля средств гранта, выделяемых из городского бюджета, не может превышать 67% от общей стоимости проекта. В рамках программы планируется благоустройство 270 дворовых территорий за счет предоставления муниципальных грантов.

В этих условиях процесс образования ТОС на территории городского округа начал осуществляться лишь с конца 2019 г. Этому предшествовало принятие органами местного самоуправления соответствующих решений и формирование нормативной правовой базы для создания, регистрации и осуществления деятельности ТОС.

За последний год число ТОС в городе увеличилось с нуля до почти 70⁸. Жители не просто объединяются в команды, заинтересованные в решении проблем благоустройства и привлечении бюджетных средств на реализацию важных для них проектов, но и аккумулируют собственные интеллектуальные, кадровые, материальные и финансовые ресурсы. Так, в конкурсе грантов 2021 г. из 41 заявки, поданной ТОС г. Хабаровска, финансирование на реализацию своих инициатив по благоустройству дворовых территорий получили 17 проектов ТОС на общую сумму порядка 10,0 млн руб.

С целью оценки состояния и потенциала социальной активности горожан, готовности к объединению и консолидации

⁸ С победой! Хабаровские ТОС получают почти 10 миллионов рублей на реализацию своих проектов. URL: <https://nko.khabarovskadm.ru/informatsionnoe-soprovozhdenie/novosti/s-pobedoy-khabarovskie-tosy-poluchat-pochti-10-millionov-rublej-na-realizatsiyu-svoikh-proektov/>

совместных усилий для решения вопросов благоустройства территории проживания социологами Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС совместно с администрацией г. Хабаровска был проведен социологический опрос хабаровчан по репрезентативной выборке, результаты которого легли в основу разработки проекта Концепции развития ТОС г. Хабаровска до 2025 г.⁹

Результаты исследования отражают, с одной стороны, социальную разобщенность и невысокий уровень социальной активности и сплоченности жителей. С другой стороны, они фиксируют наличие существенного потенциала этой социальной активности и вовлеченности. И этот потенциал постепенно начал проявляться при созданных на это мэрией условий (организационных, нормативных, программных, информационных, консультационных, финансовых).

Результаты исследования позволили выделить четыре блока характеристик общественного сознания жителей, позволяющих оценить состояние и потенциал развития ТОС в городе Хабаровске.

1. Удовлетворенность благоустройством места проживания как основа для развития ТОС:

средний уровень удовлетворенности горожан работой своих УК или ТСЖ (50% опрошенных жителей выразили в той или иной степени удовлетворенность этими структурами по благоустройству дворовой территории и содержанию дома);

средний уровень удовлетворенности горожан благоустройством отдельных элементов своей дворовой территории (66,4% удовлетворены наличием и благоустроенностью пешеходных дорожек; 61,7% – местом для сбора мусора; 60,7% – наличием и оборудованием детских площадок; 50,8% – наличием и оборудованием мест для игр и отдыха детей; 47,3% – наличием оборудованной спортивной площадки; 44,7% – местом отдыха жите-

лей старших возрастов; 41,2% – местами для парковки автомобилей; 42,1% – местом для выгула собак);

наличие большого спектра проблем, волнующих горожан в месте своего проживания как основа для деятельности ТОС (загруженность дворовой территории автомашинами; благоустройство придомовой территории; неустроенность детского и подросткового досуга на дворовой территории; бездомные животные; ветхость и изношенность дома, отсутствие ремонта; экологическое состояние придомовой территории; освещение придомовой территории; проблемы вывоза мусора).

2. Самооценки жителями социальной активности и сплоченности как потенциал для развития ТОС:

невысокий уровень самооценок согласия и сплоченности горожан (31,0% считает, что среди жителей их домов больше согласия и сплоченности);

невысокий уровень самооценок готовности к объединению в целях решения общедомовых проблем (лишь в оценках 10,9% жителей можно «часто» встретить готовность к объединению);

невысокий уровень дружеских отношений горожан с жильцами подъезда, дома как показатель сплоченности (30,0% опрошенных отметили наличие хороших, дружеских взаимоотношений с соседями);

в развитии социальной сплоченности жители видят, прежде всего, человеческий ресурс – наличие единомышленников и лидеров, готовых организовать работу по благоустройству территории (40,3% опрошенных жителей выделяют роль единомышленников; 28,8% – наличие финансовых сторонних ресурсов; 24,3% – наличие лидера, организатора; 17,0% – наличие реальных положительных примеров; 15,7% – информирование жителей о таких возможностях).

3. Практики социального взаимодей-

⁹ Социологический опрос населения города Хабаровск по теме: «Городской активизм как основа развития гражданского общества: комплексный анализ», 2020 г. Опрошено 600 жителей г. Хабаровска в возрасте от 18 лет и старше. Статистическая погрешность не превышает 5%. Выборка репрезентативна по районам проживания респондентов в городе, полу и возрасту. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС. Научный руководитель – д.с.н., профессор Н.М. Байков.

ствия и сплоченности как показатели социальной активности жителей:

недостаточный уровень ощущения индивидуальной значимости и роли во влиянии на процессы, происходящие в собственном доме, подъезде (лишь 12,9% горожан считают, что участием в объединениях жителей в подъезде, доме, могут повлиять на развитие событий в доме и районе своего проживания);

низкий уровень социальной активности и вовлеченности горожан в работу УК и ТСЖ (лишь 8,9% опрошенных жителей принимали участие в текущем году в собраниях на жилмассиве);

средний уровень вовлеченности горожан в различные практики социальной активности в течение года (половина опрошенных жителей (49,3%) в течение года вообще не принимали участие ни в каких общественных и социально-значимых мероприятиях как индивидуального, так и совместного характера);

разнообразии (при небольшой вовлеченности горожан) практик проявления индивидуальной и общественной активности (26,6% принимали в течение последнего года участие в субботниках, обустройстве территории дома, двора; 15,0% оказывали натуральную помощь нуждающимся; 13,9% подавали милостыню на улице; 9,6% осуществляли денежные пожертвования; 8,9% принимали участие в собрании ТСЖ; 6,6% были донорами; 3,1% участвовали в собраниях жителей; 2,1% принимали участие в общественных слушаниях; 1,5% принимали участие в работе общественных организаций и объединений; 0,7% принимали участие в работе общественных советов);

низкий уровень институциональной социальной активности горожан – их активность в деятельности формальных структур (91,8% опрошенных жителей вообще не состоят ни в каких организациях и объединениях; 1,8% - принимают участие в работе политических партий; 1,7% – в общественных организациях; 1,0% – в профсоюзах; 0,5% – в молодежных общественных организациях).

4. Информированность жителей и их готовность к участию в ТОС как показатель потенциала развития ТОС:

низкий уровень информированности горожан о территориальном общественном самоуправлении (лишь 7,6% опрошенным жителям хорошо известно о ТОС);

невысокий уровень готовности жителей принимать участие в конкурсе проектов ТОС и подготовить совместно с другими жителями своего дома проект по благоустройству дома, двора (24,1% опрошенных жителей в той или иной степени выразили такую готовность);

неготовность большинства жителей (60,1%) тратить собственные ресурсы (личное время, финансы, материалы) для благоустройства и оборудования территории собственного двора или дома;

жители в большей степени готовы принимать участие в ТОС своим личным трудом, нежели другими ресурсами (финансовыми или материальными).

Анализ текущего состояния ТОС в городе Хабаровске свидетельствует, что административный путь формирования самоуправляющихся территорий позволяет рационально внедрить в практику новую модель, но он демонстрирует слабое стимулирование граждан на создание ТОС для решения местных проблем. В то же время практика формирования территориальных сообществ на локальном уровне (подъезд, дом, улица, микрорайон в городском округе) успешно складывается там, где имеет место заинтересованность части активных жителей в общественном служении. Их кристаллизация в центры создания ТОС обусловлена влиянием следующих факторов и условий:

во-первых, информационной поддержкой активной общественной деятельности жителей; системным обучением общественных активистов основам ТОС; трансляцией успешных практик и лидеров движения ТОС;

во-вторых, уровнем взаимодействия органов местного самоуправления и жителей города, а также уровнем квалификации общественных активистов территориальных сообществ и муниципальных служащих;

в-третьих, возможностями финансовой поддержки бюджетом городского округа и готовностью жителей внести

свой вклад в проектную деятельность по месту проживания; заинтересованностью предпринимательских структур в реализации социально значимых проектов муниципального значения, но локального уровня.

Заключение. Анализ феномена хабаровского городского активизма, реализующего политические и социальные практики как в формах гражданского протеста жителей, так и самоорганизации в территориальное общественное самоуправление, свидетельствует о формировании нового состояния гражданского самосознания. Особенностью его политической направленности стало радикальное разрушение потенциала доверия власти и политическим институтам. Состояние политической неопределенности в региональном сообществе не придает устойчивости законодательной (представительной) и исполнительной ветвям власти Хабаровского края.

Переключению протестного политического сознания хабаровчан на созидательную гражданскую активность в определенной степени способствует организация территориального общественного самоуправления и вовлечение в него гражданских активистов для решения вопросов создания комфортной городской среды. Его социальной направляющей является тот потенциал доверия, взаимопонимания, поддержки локальных сообществ соседей по подъезду, многоквартирному дому, улице. При действенной поддержке организации и функционирования ТОС органами местного самоуправления, гражданский активизм дает позитивные результаты в реализации солидарной энергии людей в благоустройстве территории своего проживания.

Библиографическое описание статьи

Байков Н. М., Березутский Ю. В., Юревич Е. Ю. Социальная активность жителей городского округа: политическая и гражданская самоорганизация // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 1 (94). С. 128–138. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-128-138

Список литературы:

1. Либерман С. Что такое социальный конструкт: наукообразное пустословие или инструмент познания мира? – 2019. URL: <https://discours.io/articles/theory/chto-takoe-sotsialnyy-konstrukt-naukoobraznoe-pustosloviye-ili-instrument-poznaniya-mira>
2. Сорокин П. А. Система социологии. Т. 1. Ч. 1. 1920. 360 с.
3. Silas F. Harrebye, *Social Change and Creative Activism in the 21st Century: The Mirror Effect*, New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016, 251 pp.
4. Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // *Социологический журнал*. 2014. № 2. С. 48–71.
5. Фромм Э. Душа человека. Революция надежды / Эрих Фромм; [пер. с англ. В.А. Закса, Т.В. Панфиловой]. Москва: Издательство АСТ, 2018. 352 с.
6. Королева М. Н., Чернова М. А. Городской активизм: управленческие практики как ресурс и барьер развития городских проектов // *Социологические исследования*. 2018. №9. С. 93–101.
7. Смольянов Г. И. Факторы социальной депривации и их влияние на политические процессы в России: монография. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2017. 159 с.
8. Байков Н. М., Березутский Ю. В. Дальневосточный социум: состояние и динамика общественного мнения: монография. Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАН-ХиГС. 2020. 281 с.
9. Демакова К., Маковецкая С., Скрыкова Е. Неполитический активизм в России // *Pro et Contra*. Май-август 2014. С. 148–163.

Nikolay M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, head of the research organization sector, the department of organization of scientific research and postgraduate studies, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyov-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: baykov-nm@ranepa.ru*

Yuriy V. Berezutskiy – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, head of the department of organization of scientific research and postgraduate studies, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyov-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: berezutskiy-yv@ranepa.ru*

Ekaterina Yu. Yurevich – Postgraduate student, specialist of the department of organization of scientific research and postgraduate studies, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA (33, Muravyov-Amurskiy Str., Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: yurevich-ey@ranepa.ru*

Social activity of urban district residents: Political and civil self-organization

The article presents a sociological analysis of the social activity of the residents of the Khabarovsk city district, reflecting their political and non-political (civil) interests and motives for self-organization. The article presents methodological aspects of urban activism as a social construct with a civil (non-political) and political orientation, which are applied to the analysis of self-organization in an urban district. It is shown, that the high level of social deprivation in the conditions of life and transformation of the existing regional party-political structure of the executive and legislative (representative) authorities determines the social activity of citizens of the protest orientation, generates a state of risk factors and uncertainty. According to the authors, development of the forms of joint activity of the residents and local self-government bodies (one example of which is the territorial public self-government) it contributes not only to the involvement of residents in solving the local problems, but also increases confidence in the authorities, reduces the protest of public consciousness. Based on the results of sociological survey of the residents of the city district, the potential possibilities of this process are shown.

Keywords: social activity, urban activism, protest, territorial public self-government, the Khabarovsk city district, self-organization.

References:

1. Lieberman S. What is a social construct: pseudoscientific verbiage or a tool for understanding the world? 2019. URL: <https://discours.io/articles/theory/chto-takoe-sotsialnyy-konstruktsionno-nauchno-braznoe-pustosloviye-ili-instrument-poznaniya-mira> (In Russian).

2. Sorokin P. A. System of sociology. Vol. 1, part 1, 1920, 360 p. (In Russian)

3. Sedova N. N. Civic activism in modern Russia: formats, factors, social base *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal], 2014, no. 2, pp. 48–71. (In Russian).

4. Fromm E. The human soul. Revolution of Hope. Moscow: AST Publishing House, 2018. 352 p. (In Russian).

5. Koroleva M. N., Chernova M. A. Urban activism: management practices as a resource and a barrier to the development

of urban projects *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies], 2018, no. 9, pp. 93–101. (In Russian).

6. Smolyanov G. I. Factors of social deprivation and their influence on political processes in Russia: monograph. -Rostov-on-Don: DSTU, 2017. 159 p. (In Russian).

7. Baykov N. M., Berezutskiy Yu. V. Far Eastern society: state and dynamics of public opinion: monograph. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management - a branch of the RANEPA. 2020. 281 p. (In Russian).

8. Demakova K., Makovetskaya S., Skryakova E. Non-political activism in Russia *Plyusy i minusy Pro et Contra*. May-August 2014. P. 148–163.–16.

9. Silas F. Harrebye, Social Change and Creative Activism in the 21st Century: The Mirror Effect, New York, NY: Palgrave Macmillan, 2016, 251 pp.

Reference to the article

Baykov N. M., Berezutskiy Yu. V., Yurevich E. Yu. Social activity of urban district residents: Political and civil self-organization // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 128–138. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-128-138

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-139-147
УДК 316.65

Е. А. Клеймёнов

Полиция в общественном мнении молодежи

В статье на основании качественных социологических опросов представлены отдельные аспекты общественного мнения учащейся молодежи Хабаровского края о деятельности полиции, реальных и потенциальных формах взаимодействия сотрудников полиции и молодежи, о направлениях гармонизации отношений названных социальных групп. Исследование показало, что оценки молодежи по названным аспектам неоднородны. В коллективном сознании молодежи полиция преимущественно вызывает положительные ассоциации. Связано это, прежде всего, с наличием опыта личного позитивного взаимодействия обучающихся с сотрудниками полиции, в том числе в качестве потерпевших, или с опытом друзей, знакомых, родственников опрошенных. Наличие аналогичного опыта, но содержательно негативного, предопределило распространение скептических оценок деятельности данного правоохранительного органа в студенческой среде. Существенное влияние на формирование неблагоприятного мнения о полиции также оказывают средства массовой информации, сеть Интернет, слухи. Несмотря на наличие негативного восприятия деятельности полиции, многие опрошенные взаимодействовали с полицией не только в качестве потерпевших или правонарушителей, но и в роли тех, кто содействовал полиции в решении задач, стоящих перед ней. Преобладающее число опрошенных выразили готовность помочь полиции в случае необходимости. Главные направления оптимизации взаимодействия молодежи и полиции, повышения доверия к ней опрошенные видят в преобразованиях полиции как социального института, но не общества в целом или российской молодежи, в частности.

Ключевые слова: полиция, молодежь, Хабаровский край, социальное взаимодействие, доверие, качественное исследование.

Актуальность изучения общественного мнения молодежи о полиции.

Одной из приоритетных задач, поставленных руководством страны в период реформирования МВД России, стало повышение доверия населения к органам внутренних дел (далее – ОВД), центральное место в системе которых занимает полиция.

Ключевое значение при решении указанной задачи имеет увеличение доверия молодежи, поскольку представители именно данной возрастной категории, с одной стороны, наиболее активны в социальной деятельности как созидательной, так и деструктивной, а с другой – молодежь формирует наше завтра, и от её установок, восприятия правоохранительных органов сегодня во многом будет зависеть не только развитие народного

хозяйства, демографическая ситуация, но и уровень правопорядка в государстве в будущем.

Количественных общероссийских и региональных исследований, посвященных изучению отношения молодежи к правоохранительным органам [Нехай, 2010; Отчет ..., 2006; Пашин, Назаркина, 2019] и к полиции [Бочкарев, 2017; Гайдай, Гальцев, 2019; Передня, 2015], в частности, немало. При этом региональные массовые опросы показывают, что наиболее критично к деятельности полицейских относятся представители именно молодого поколения [Макарова, 2011. С. 64]. Несмотря на это, качественные социологические опросы, позволяющие значительно расширить палитру представлений о взаимодействии полиции и молодежи и одновременно показать

Евгений Алексеевич Клеймёнов – канд. социол. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин, Дальневосточный институт МВД России (680020, Россия, Хабаровск, пер Казарменный, д. 15). E-mail: yevgeni-k1@yandex.ru

основания настороженного отношения молодежи к полиции, практически не проводятся ни на всероссийском, ни на региональном уровнях [Ходжаева, 2011].

Эмпирическая база исследования.

В связи с изложенным нами была поставлена цель – провести фокус-групповые интервью (далее – Исследование) студентов образовательных организаций высшего образования Хабаровского края (далее – вузы), направленные на изучение отношения учащейся молодежи к полиции.¹

Полиция в фокусе общественного мнения молодежи. Исследование показало, что большинство опрошенных положительно воспринимают деятельность стражей порядка, относятся к ним с доверием и уважением: «... отношусь положительно, с уважением», «... с доверием отношусь к сотрудникам», «Они молодцы, они защищают нас так же, как и всех».

Причин для такого отношения несколько. Большинство опрошенных свое положительное отношение к полиции связывают с несколькими факторами.

Во-первых, на позитивное восприятие деятельности сотрудников оказало влияние понимание значимости их деятельности по обеспечению правопорядка и законности в государстве: «понимаю важность и нужность их деятельности», «Я люблю нашу полицию – они стражи закона», «Я отношусь к полиции положительно. Они занимаются благим делом, защищают закон и правопорядок».

Во-вторых, многие объясняют положительное отношение к полиции опытом личного позитивного взаимодействия с сотрудниками, в том числе в качестве потерпевших, или опытом своих друзей, знакомых, родственников: «... с доверием отношусь – помогали во многом», «У меня недавно маленькая сестра потерялась в парке, и сотрудники полиции быстро помогли мне её найти», «У меня как-то сня-

ли большую сумму с кредитной карты. Я думала, что этого человека не найдут, но его нашли за 10 дней, я была очень рада», «В Солнечном районе изрезали человека ... даже органы приехали из Хабаровска для разбирательства ... быстро раскрыли».

При этом опрошенные выделяют сотрудников конкретных подразделений, с которыми сложились благоприятные отношения. Опрошенные упоминают сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ГИБДД) и Патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС). Ключевым фактором для такого восприятия стала корректность, вежливость в общении сотрудников с опрошенными: «с сотрудниками ГИБДД и ППС у меня сложился положительный опыт. Вежливо относятся к гражданам», «Отношусь скорее положительно. Из личного опыта могу сказать: я общался с сотрудниками ППС, общение было корректное».

Некоторые связывают свое положительное отношение с наличием знакомых и родственников, проходящих или проходивших ранее службу в полиции или других правоохранительных органах, военную службу: «У меня отец работает в полиции. И к нему я отношусь с большим уважением, потому что он очень ответственный», «У меня дядя работал оперативником, к нему я отношусь с уважением», «У меня тренер сам из полиции, капитан, и он очень хороший человек».

Единичные мнения свидетельствуют о том, что позитивное восприятие сотрудников обусловлено их красивым форменным обмундированием: «У меня хорошее отношение к сотрудникам полиции, потому что мне нравится их форма».

Меньшинство объясняют свое позитивное восприятие сотрудников полиции отсутствием негативного взаимодействия с полицией или отсутствием взаимодей-

¹ Фокус-групповые интервью по вопросам взаимодействия полиции и молодежи проведены в период с февраля по июнь 2019 г. В них приняли участие 72 студента из 8 вузов, расположенных в г. Хабаровске: Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС (апрель 2019 года, n = 12), ДВГАФК (июнь 2019 года, n = 7), ДВГМУ (март 2019 года, n = 8), ДВГУПС (апрель 2019 года, n = 7), ДВФ ФГБОУВО «РГУП» (апрель 2019 года, n = 11), Педагогического института ТОГУ (апрель 2019 года, n = 11), ХГИК (июнь 2019 года, n = 7), ХГУЭП (апрель 2019 года, n = 9). Фокус-групповые интервью проведены доцентом кафедры социально-гуманитарных и экономических дисциплин ДВЮИ МВД России Е. А. Клейменовым., курсантами 2 курса факультета юриспруденции ДВЮИ МВД России – Д. Д. Никитиной, П. О. Тригуб.

ствия как такового: «С доверием отношусь – плохого опыта не было», «У меня никакого негативного опыта не было, сама отношусь очень положительно».

Вместе с тем отсутствие опыта общения с полицией, прежде всего, влияет на нейтральное восприятие её молодежью: «... нейтральное отношение – личного опыта взаимодействия не было», «... нейтрально, так как не сталкивалась с сотрудниками в повседневной жизни».

Исследование позволило установить, что тех, кто относится к полиции нейтрально, среди опрошенной молодежи меньше, чем тех, кто относится положительно, но они составляют значительную часть от общего числа респондентов: «... нейтрально отношусь», «Я безразлично отношусь к этой структуре», «Я еще не сформировала до конца свою позицию».

Главная причина сбалансированного восприятия деятельности правоохранителей заключается в понимании того, что в любой профессии есть те, кто добросовестно исполняет свои обязанности, и те, кто подходит к их выполнению ненадлежащим образом: «Один человек может с ответственностью относиться к своей работе, а другой – наоборот, злоупотреблять своими полномочиями и не быть доблестным защитником России», «Встречаются такие личности, которые любят пользоваться своими служебными полномочиями и даже превышать их, а некоторые несут свою службу хорошо», «Все зависит от человека: как он относится к своей работе, так и люди к нему будут относиться».

Единичные мнения свидетельствуют, что нейтральное восприятие обусловлено положительной практикой взаимоотношений с сотрудниками полиции: «Я нейтрально отношусь, потому что я сам недавно сталкивался с сотрудниками, и никаких претензий у меня к ним не было».

Меньшинство опрошенных относятся к полиции отрицательно: «... у меня негативное мнение», «... в целом у меня негативное отношение к сотрудникам полиции», «... отношусь с недоверием».

Главная тому причина – опыт личного взаимодействия с сотрудниками: «Был личный негативный опыт», «Опыт взаи-

модействия у меня был..., и у меня сложилось впечатление, что они недобросовестно относились к своей работе», «Я сталкивалась по работе. В последнее время был печальный опыт».

Исследование показало, что отсутствие положительных оценок деятельности полиции нередко предопределено статусом взаимодействующих с полицией респондентов (нередко последние являлись реальными или потенциальными правонарушителями): «Штрафовали на дороге», «Я с полицией встречалась только раз в своей жизни... в школе подралась. Неоднозначное отношение», «Меня в 10 классе вызывали на воспитательную беседу... Там был завуч и сотрудник, но сложилось не очень приятное впечатление», «Я с друзьями отдыхал на квартире, и к нам пришли по поводу того, что мы шумели», «Было часто, что сидел в участке за превышение скорости или за то, что документы не в порядке были».

Вместе с тем не самое лучшее впечатление о полиции сложилось у некоторых обучающихся тогда, когда они выступали во взаимодействиях с ней в качестве заявителей, потерпевших или свидетелей, но не находили, по их мнению, должной помощи, поддержки: «У меня был опыт взаимодействия с участковым – его долго не было на рабочем месте», «пару раз приходилось обращаться, результат был нулевой, потрачено много моего времени на рассмотрение дела», «затяжной характер процесса поиска пропавшей вещи».

Некоторые опрошенные слышат о негативном опыте взаимодействия с сотрудниками от своих друзей, знакомых: «У меня много знакомых, которые взаимодействовали с полицией. В большинстве случаев был негативный опыт», «Претензии к полиции могут быть только из-за халатности и недобросовестности некоторых сотрудников, потому что такие ситуации встречаются – слышала от знакомых».

Как и при объяснении положительного отношения к сотрудникам полиции по результатам непосредственного взаимодействия с ними, отрицательное их восприятие также, согласно мнениям опрошенных, зависит от характера общения правоохранителей с гражданами: «Неко-

торые сотрудники неуважительно разговаривают», «Мне не понравилась манера общения оперуполномоченных со мной».

При этом любопытно, что единицы из числа респондентов склонны оправдывать некорректное общение полицейских сложностью их профессии и влиянием тех социально неблагополучных людей, с которыми сотрудникам приходится взаимодействовать: «В их защиту хочу сказать, что порой они могут грубо разговаривать, поскольку им часто приходится общаться с негативным контингентом».

Некоторые формируют свое негативное мнение о сотрудниках под воздействием средств массовой информации, сети Интернет, слухов: «Много видео в соцсетях с различных митингов, где полицейские грубо обращаются с пожилыми или женщинами. От этого складывается негативное мнение», «Грубости как таковой я не встречал, но из СМИ слышишь иногда информацию о каких-то негативных моментах».

Единичные мнения респондентов объясняют недоброжелательное отношение к полиции тем, что сотрудники являются людьми, которые выполняют приказ, и вынуждены в силу своих должностных обязанностей негативно воздействовать на граждан: «Сотрудники – люди подневольные. Был мирный митинг. Им сказали людей разогнать..., вот они и выполняют свою работу».

Представленное соотношение положительных, нейтральных и отрицательных оценок сотрудников полиции во многом является статичным, поскольку для относительного большинства опрошенных представления о полиции за последние год-два не претерпели каких-либо серьезных изменений: «... всё осталось неизменным», «... я не наблюдал кардинальных изменений», «... у меня не менялось мнение о сотрудниках полиции».

Меньшинство же респондентов представлено примерно равными по упоминаемости мнениями, иллюстрирующими как положительную («сотрудники полиции стали более вежливыми», «отноше-

ние к полиции несколько улучшилось..., потому что улучшился имидж полиции»), так и отрицательную динамику восприятия полиции («сильно изменилось – придираться много стали», «хорошего ничего не добавляется..., растут штрафы, даже обычный патруль штрафует за то, что гуляешь поздно по улице»).

Отсутствие выраженной трансформации в общественном мнении опрошенных студентов о деятельности полиции тесно коррелирует с результатами общероссийских социологических опросов. Так, согласно исследованию Фонда «Общественное мнение», проведенному в марте 2020 г., относительное большинство российской молодежи (48%) в последнее время не видит ни улучшений, ни ухудшений в деятельности полиции, при том, что каждый пятый молодой человек в России (22%) сообщает о позитивных изменениях в работе отечественной полиции, а каждый десятый (12%), напротив, – об изменениях негативных.²

Несмотря на наличие негативного восприятия деятельности полиции у отдельных опрошенных, некоторые обучающиеся взаимодействовали с полицией не только в роли правонарушителей (реальных или потенциальных), а также по своей инициативе – в качестве заявителей, но и по инициативе стражей правопорядка – в статусе понятого, свидетеля: «Летом меня попросили быть понятым. Надо было подтвердить, что мужчина был пьян и нарушал общественный порядок», «Я был понятым, ... поймали подростка 16-летнего с наркотиками. При мне его досмотрели и отвезли в участок», «Сотрудничала..., помогала в поисках человека, был положительный опыт, ситуация разрешилась».

Потенциал солидарного взаимодействия с полицией у молодежи достаточно высок – опрошенных, которые выразили готовность оказать содействие сотрудникам в решении их оперативно-служебных задач оказалось гораздо больше тех, кто реально помогал сотрудникам: «Помог бы, потому что это помощь не только са-

² Еженедельный опрос «ФОМнибус» 29 февраля – 1 марта 2020 года. 53 субъекта Российской Федерации, 104 населенных пункта, 1500 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,6% // [Электронный ресурс], Сайт Фонда «Общественное мнение», режим доступа: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14363>

тому полицейскому, но и человеку, у которого что-то случилось», «Если бы меня остановили и попросили быть понятым для осмотра той же самой машины, то я бы, конечно же, остановился, потому что всякое может быть...».

Однако такая помощь у абсолютно большинства опрошенных ставится в зависимость от наличия свободного времени и/или отсутствия неотложных дел: «Если я свободен, и у меня нет дел, то, конечно, помогу», «Если бы меня попросили, а я бы спешил, то я бы вежливо отказался», «Я бы тоже помог, если бы не было никаких дел. Они же не могут заставить?».

Отчасти нежелание содействовать правоохранителям для некоторых опрошенных продиктовано имеющимся опытом солидарного взаимодействия с ними, в ходе которого опрошенные или их знакомые потратили значительно больше своего времени, чем ожидали: «Не особо хочется помогать, зная, что это надолго всё затянется», «Насколько я знаю, это занимает очень много времени ... Это, конечно, доброе дело помогать полиции, но своё время дороже», «Я помню меня позвали на 15 минут побыть понятым. В итоге я пробыл там 2 часа. Я больше не хочу тратить столько времени».

Также очень многие студенты свою помощь соизмеряют с её формой, характером и степенью общественной опасности (вредности) правонарушения, которое может послужить поводом для их привлечения к содействию полиции. Чем более опасным для опрошенных выглядит содействие сотрудникам ОВД, чем больше они ощущают угрозу для себя, тем меньше вероятность того, что они пришли бы правоохранителям на помощь: «... от ситуации зависит... Вдруг там убийство, расчленение тела, то тут бы я, конечно же, отказался», «Если какое-нибудь мелкое дело, грабёж, например, я бы помогла ..., если какое-нибудь убийство, я бы вряд ли стала помогать, потому что я боюсь за свою жизнь, знаю насколько люди мстительные...», «Исходя из гражданского долга я помогла бы, но важно, чтобы потом не было проблем у меня».

Некоторые опрошенные готовы прийти на помощь стражам правопорядка только тогда, когда она требуется для близких людей, друзей, знакомых, но не тогда, когда необходимо защитить интересы посторонних лиц: «Если это мой знакомый, то я бы помогла, а если нет, то почему я должна тратить свое время на чужого человека?», «Если нужно идти в суд, и это дело какого-то незнакомого мне человека, то, скорее всего, нет. Если же это знакомый мне человек, тогда согласилась бы».

Единичные мнения опрошенных показывают, что содействие полиции зависит от характера обращения сотрудников за помощью – чем более оно корректно и уважительно, тем более вероятно, что молодежь откликнется на соответствующую просьбу: «... в зависимости от обстоятельств и как бы ко мне обратились. Если в вежливой форме, то я бы помогла», «Отношение к гражданину играет важную роль. Если бы ко мне обратились с уважением, то я бы сделала все, что в моих силах».

Единичные мнения респондентов также свидетельствуют о нежелании некоторых из них поступиться имущественными благами в государственных, общественных интересах. В частности, обучающиеся не готовы предоставить свое транспортное средство, право на использование которого в случаях, не терпящих отлагательства, предоставлено сотрудникам полиции федеральным законодательством³: «если побыть понятым, то я бы, скорее всего, согласился, но если, необходимо предоставить свой автомобиль для погони, то я, скорее всего, не дал бы его».

К сожалению, студентов, которые бы пришли на помощь полиции безусловно, не считаясь ни со временем, ни с неотложными делами, ни с другими личными интересами, меньшинство, и в установках этого меньшинства доминирует нежелание помочь сотрудникам полиции в силу самого факта обращения правоохранителей, в силу доверия и уважения к ним, а стремление выполнить свой гражданский долг, стать борцом за справед-

³ См. : пункт 37 части статьи 13 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

ливость, помочь другим людям, таким же как и сами респонденты. Как ни странно, большинство опрошенных из таких надежных «общественных союзников» полиции – женского пола: «Я бы помогла. Я бы сделала всё, что в моих силах ... например, в поимке преступника», «Я бы помогла, так как я за справедливость, и считаю, что людям надо помогать в проблемах», «Я бы помогла, так как люблю помогать людям», «Я бы однозначно помог ... обокрали соседа, а завтра могут обокрасть и тебя».

Исследование позволило установить, что предложения респондентов по оптимизации взаимодействия молодежи и полиции, совершенствованию отношений между представителями данных социальных групп во многом нацелены на устранение тех причин, по которым опрошенные обучающиеся воспринимают работу полиции и самих полицейских негативно. Напомним, что большая часть этих причин, по мнению опрошенных, лежит, главным образом, в плоскости деятельности самих сотрудников.

В связи с этим большинство опрошенных, прежде всего, предлагают полиции повысить результативность своей работы, увеличить в сфере своей компетенции объем реальной помощи гражданам, людям: «Нужно, чтобы они реально помогали людям ... на вызов быстрее приезжали», «... оказывать быструю помощь тем, кто к ним обращается», «... знание и выполнение своих обязанностей».

Достижение этой главной цели большинство опрошенных студентов видят в решении трех задач.

Во-первых, по их мнению, необходимо отладить механизмы кадровой инженерии, в том числе по линии профессиональной подготовки и кадрового отбора: «Должна быть проведена большая работа по подготовке грамотных специалистов», «... хороший отбор сотрудников», «... ужесточить отбор в полицию, чтобы люди шли не за деньгами или властью, а за идеей, по зову сердца».

Во-вторых, респонденты убеждены в необходимости улучшения морально-нравственного облика сотрудников, укоренения в их коллективном сознании идеи служения обществу, людям: «Со-

трудники должны быть порядочными и высоконравственными людьми, добросовестными», «Чтобы не было таких ситуаций, когда к полицейскомуходишь и просишь о помощи, а он равнодушен к сложившейся ситуации», «Они должны думать о том, какое у них призвание, и работать на благо общества».

Третья задача, которую предлагают решить многие опрошенные, состоит в повышении уровня культуры общения сотрудников ОВД, уровня их коммуникативных навыков: «Изучать необходимо не только право, важно также формировать навык общения с потерпевшими», «Полицейский должен общаться с гражданами уважительно и корректно», «... проводить работу с сотрудниками полиции, которые наиболее часто контактируют с населением (ППС, ДПС, участковые) по поводу характера общения с гражданами... она должна быть направлена на снижение числа конфликтных ситуаций с гражданами и выработку навыков мирного выхода из них», «... в работе сотрудника важна стрессоустойчивость».

Некоторые опрошенные также предлагают бороться с правонарушениями в среде самих сотрудников, с коррупцией, усилить наказание за их совершение: «... чтобы не превышали свои полномочия», «... чтобы не было коррупции в системе правоохранительных органов», «... проводить проверки и чтобы сотрудники полиции, допустившие какие-то ошибки или халатность, несли соответствующее наказание».

Единичные мнения показывают важность обеспечения увеличения штата ОВД или его полного укомплектования для эффективного выполнения задач полиции: «Увеличить штат сотрудников. Если участковый работает на своем участке и на соседнем, то он физически не сможет все охватить и тщательно выполнить свою работу. Необходимо равномерное распределение нагрузки, и качество работы тогда улучшится», «ОВД должны быть полностью укомплектованы, чтобы нагрузка равномерно распределялась на личный состав».

Меньшинство опрошенных видит перспективы гармонизации взаимодействия полиции и молодежи вне не-

посредственного совершенствования данной правоохранительной структуры. Главным направлением такой гармонизации, по мнению опрошенных, должно стать формирование благоприятного образа полиции путем использования средств массовой информации, сети Интернет, кинематографа: «Нужно использовать социальную рекламу, показывать видеоролики о работе сотрудников, чтобы расположить население к сотрудничеству», «Создать образ «дяди Стёпы» как в СССР, в фильмах положительный образ сотрудника создать, а не так, как в «Полицейском с Рублёвки», «Необходимо уменьшить количество всяких скандалов в СМИ по поводу различных происшествий, связанных с полицией».

Некоторые опрошенные предлагают формировать доверительные отношения между полицией и молодежью не только опосредованно, через СМИ и сеть Интернет, но и в ходе личных контактов сотрудников с различными категориями молодежи. По мнению опрошенных, главное в этих формах взаимодействия – неформальность, дружелюбность, достигаемая в том числе за счет использования игровых практик: «В школы приходите на постоянной основе и проводите беседы в непринужденной форме», «В этом поможет проведение каких-либо совместных акций, чтобы заинтересовать молодежь во взаимодействии, а не просто скучно читать лекции о правильном поведении», «Совместные мероприятия проводить, но не в строгой, официальной, форме, а, может быть, в виде игры».

Мнения отдельных студентов вузов края свидетельствуют о важном, на наш взгляд, принципе реализации последних мероприятий – мероприятий, не связанных непосредственно с преимущественной трансформацией института полиции. Речь идет о принципе комплексности: формирование доверительных отношений между полицией в частности, правоохранительными органами в целом и молодежью должно происходить на всех этапах взросления, социализации, а также в разных социальных организациях, участвующих в такой социализации: «... прививать с самого раннего возраста, формировать доверие к

полиции», «Работа по выстраиванию доверия к полиции должна начинаться с детского сада и продолжаться в школе, потому что зачастую в детском возрасте закладывается установка, что полиция просто пугает человека, чтобы тот не нарушал закон. Нужно разъяснять и в школе, и в семье, а в полиции, мне кажется, ничего не нужно менять».

Выводы. Проведенные качественные опросы не обладают той же степенью репрезентативности, что свойственна массовым количественным опросам. Вместе с тем они позволили раскрыть множество граней общественного мнения учащейся молодежи Хабаровского края о деятельности полиции, реальных и потенциальных формах их взаимодействия, направлениях гармонизации отношений названных социальных групп, создали базу для дальнейших количественных социологических изысканий.

Исследование показало, что оценки молодежи по названным аспектам неоднородны. В коллективном сознании молодежи полиция преимущественно вызывает положительные ассоциации. Связано это, прежде всего, с наличием опыта личного позитивного взаимодействия обучающихся с сотрудниками полиции, в том числе в качестве потерпевших, или опытом друзей, знакомых, родственников опрошенных. Наличие аналогичного опыта, но содержательно негативного, выраженного в том числе в характере общения сотрудников полиции, предопределило распространение скептических оценок деятельности данного правоохранительного органа в студенческой среде. Также существенное влияние на неблагоприятное мнение о полиции оказывают СМИ, сеть Интернет, слухи. Несмотря на наличие негативного восприятия деятельности полиции, многие опрошенные выступали во взаимодействиях с полицией не только в качестве потерпевших или правонарушителей, но, прежде всего, в роли тех, кто содействовал полиции в решении задач, стоящих перед ней. Более того, преобладающее число опрошенных выразили готовность помочь полиции в случае необходимости. Главные направления оптимизации взаимодействия молодежи и полиции, повышения доверия к последней

опрошенные видят в преобразованиях полиции как социального института, но не общества в целом или российской молодежи, в частности.

Список литературы:

1. Бочкарев А. Н. Оценочно-аффективное восприятие молодежью российской полиции (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2017. С. 59–66.

2. Гайдай М. К., Гальцев С. А. Деятельность полиции в оценках студенческой молодежи г. Иркутска // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3. С. 7–11.

3. Макарова М. Н. Особенности восприятия органов МВД в общественном мнении региона // Мониторинг общественного мнения. 2011. С. 64–70.

4. Нехай В. Н. Студенческая молодежь и правоохранительная система: проблемы

интеракции в условиях глобализации // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 1. С. 121–126.

5. Пашин В. П., Назаркнина Ю. Г. Отношение студенческой молодежи к правоохранительным органам // ХРОНОЭКОНОМИКА. 2019. № 3. С. 137–141.

6. Передня Д. Г. Образ российской полиции в сознании молодежи // Труды Академии управления МВД России. 2015. С. 87–89.

7. Отчет аналитического центра Юрия Левады по исследованию «Молодежь и правоохранительные органы – проблема доверия», Москва, 2006. 12 с.

8. Ходжаева Е. «Частное» и «Публичное» в пространственной организации повседневных практик участкового (опыт этнографического описания) // Laboratorium: Журнал социальных исследований. 2011. С. 18–52.

Библиографическое описание статьи

Клеймёнов Е. А. Полиция в общественном мнении молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 139–147. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-139-147

Evgeniy A. Kleymyonov – Candidate of Sociology, associate professor, chief of the chair of social and humanitarian and economic disciplines, the Far-Eastern legal institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (15, Kazarmenny Avenue., Khabarovsk, 680020, Russia). E-mail: yevgeni-k1@yandex.ru

Police in the public opinion of youth

On the basis of qualitative sociological surveys, the article presents certain aspects of public opinion of students of the Khabarovsk territory about the activities of the police, real and potential forms of interaction between the police officers and youth, directions of harmonizing relations between these social groups. The study showed that assessments of young people in these aspects are not uniform. In the collective consciousness of young people, the police mostly evoke positive associations. This is due, first of all, to the experience of personal positive interaction of students with the police officers, including as victims, or the experience of friends, acquaintances, relatives of respondents. Presence of similar experience, but substantively negative predetermined the spread of skeptical assessments of the activities of this law enforcement body in the student environment. The media, the Internet, and rumors also have a significant impact on the negative opinion of the police. Despite the presence of an unfavorable perception of the police, many respondents acted in cooperation with the police not only as victims or offenders, but, above all, in the role of those who assisted the police in solving the tasks facing it. The overwhelming majority of respondents expressed their readiness to help the police if necessary. The respondents see the main directions for optimizing interaction between young people and the police and increasing confidence in the latter in transforming the police as a social institution, but not in the society as a whole or Russian youth in particular.

Keywords: police, youth, the Khabarovsk region, social interaction, trust, qualitative research.

References:

1. Bochkarev A. N. Evaluative and affective perception of the Russian police by young people (based on sociological research) *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2017, pp. 59–66. (In Russian).
2. Gaidai M. K., Galtsev S. A. Police activity in the assessments of student youth in Irkutsk *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal state: theory and practice], 2019, no. 3, pp. 7–11. (In Russian).
3. Makarova M. N. Features of the perception of the Ministry of Internal Affairs in the public opinion of the region *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Monitoring of public opinion], 2011, pp. 64–70. (In Russian).
4. Nekhai V. N. Student youth and law enforcement system: problems of interaction in the context of globalization *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedeniye: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [Bulletin of the Adyghe State University. Series 1: Regional studies: philosophy, history, sociology, jurisprudence, political science, cultural studies], 2010, no. 1, pp. 121–126. (In Russian).
5. Pashin V. P. Nazarknina Yu. G. The attitude of student youth to law enforcement bodies *KHRONOEKONOMIKA [CHRONOECONOMICS]*, 2019, no. 3, pp. 137–141. (In Russian).
6. Front D. G. The image of the Russian police in the minds of young people *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2015, pp. 87–89. (In Russian).
7. Report of the analytical center of Yuri Levada on the study “Youth and law enforcement agencies – the problem of trust”, Moscow, 2006. 12 p. (In Russian).
8. Khodzhaeva E. “Private” and “Public” in the spatial organization of the daily practices of the precinct (the experience of ethnographic description) *Laboratorium: Zhurnal sotsial'nykh issledovaniy* [Laboratorium: Journal of Social Research], 2011, pp. 18–52.

Reference to the article

Kleymyonov E. A. Police in the public opinion of youth // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 139–147. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-139-147

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-148-156
УДК 330.16(470)

С. С. Халикова

Формирование положительного образа предпринимателя в Российской Федерации

В статье представлен анализ становления и развития образа предпринимателя в России. В настоящее время положительный образ предпринимателя рассматривается как один из факторов успешного развития малого и среднего предпринимательства. Цели национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» направлены на активизацию предпринимательского потенциала общества, стимулирование создания и роста количества субъектов малого и среднего предпринимательства, стабилизацию и закрепление на рынке действующих предпринимателей, создание максимально благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства. Впервые повышение предпринимательского потенциала российского общества и активизация вовлечения населения в предпринимательскую деятельность были рассмотрены через призму формирования положительного образа предпринимателя и выделены в отдельный федеральный проект «Популяризация предпринимательства». Данный проект призван обеспечить привлечение широких слоев населения к предпринимательской деятельности. В статье проведен анализ восприятия предпринимателя в современном российском обществе. Рассмотрен образ предпринимателя через восприятие обществом по следующим составляющим: привлекательность карьеры предпринимателя, престижность предпринимательства, внимание СМИ к историям успеха предпринимателей, включенность в предпринимательское сообщество через окружение. В целом автором отмечается положительная тенденция и значительный рост интереса населения к данному виду деятельности. Однако достигнутого уровня еще недостаточно для достижения поставленных в национальном и региональных проектах целей. Выделенные автором направления информационной кампании по формированию положительного образа предпринимателя могли бы сформировать устойчивый «фундамент» предпринимательского потенциала российского общества. Предложенные направления работы с различными категориями населения будут способствовать усилению предпринимательской активности, повышению статуса предпринимателя и в целом формированию положительного образа предпринимателя в Российской Федерации.

Ключевые слова: *малое и среднее предпринимательство, популяризация предпринимательства, национальный проект, образ предпринимателя.*

Введение. Приоритетность развития предпринимательства в стране определяется особой социальной и экономической значимостью и подтверждается принятием национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Выполняя ряд социально-экономических функций, предпринимательство играет важную роль как в целом в развитии экономики страны, так и в региональном развитии.

Предпринимательство стимулирует инновационное развитие, оказывает положительное влияние на конкурентоспо-

Светлана Сергеевна Халикова – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: khalikova-ss@ranepa.ru

способность, занятость населения, развивает внешнеэкономические отношения; предпринимательские проекты являются неотъемлемой частью и ключевыми инструментами регионального развития. Но, несмотря на действующие программы развития и поддержки малого и среднего предпринимательства практически во всех регионах страны, доля его участия в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП) остается недостаточной (22,3% – на 01.01.2018 г.¹). Одним из целевых показателей реализации национального проекта как раз и является доля малого и среднего предпринимательства в ВВП, значение которого за шесть лет реализации проекта должно увеличиться почти на половину и к 2024 г. достигнуть 32,5%². Численность занятых в сфере малого и среднего предпринимательства увеличится с 19,3 (01.07.2018 г.) до 25,0 (2024 г.) млн человек. Доля в экспорте субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого экспорта изменится с 8,6% (31.12.2017 г.) до 10,0% (2024 г.).

В целом национальный проект направлен на активизацию предпринимательского потенциала общества, стимулирование создания субъектов малого и среднего предпринимательства и увеличение их количества, стабилизацию и закрепление на рынке действующих предпринимателей, создание максимально благоприятных условий для развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

Структурно национальный проект разделен на пять федеральных проектов, которые направлены на улучшение условий ведения предпринимательской деятельности; расширение доступа субъектов малого и среднего предпринимательства к финансовым ресурсам; акселерацию субъектов малого и среднего предпринимательства; создание системы мер поддержки фермеров и развитие сельской кооперации; популяризацию предпринимательства. Последнее из перечисленных

направлений выделено впервые, и требует детальной продуманной политики его реализации. В настоящее время проект «Популяризация предпринимательства» включает две задачи: формирование положительного образа предпринимателя, выявление предпринимательских способностей; вовлечение в предпринимательскую деятельность лиц, имеющих предпринимательский потенциал и мотивацию к созданию собственного дела.

Становление и развитие образа предпринимателя в российском обществе. Одной из задач федерального проекта «Популяризация предпринимательства» является формирование положительного образа предпринимателя. Поиск путей решения данной задачи определен сравнительно недолгой историей существования предпринимательства в современной России и негативным восприятием общества данной категории в советский период. Образ предпринимателя как фарцовщика, спекулянта прочно закрепился в головах советских граждан, данный вид деятельности был недопустим и рассматривался как некий вызов коллективному сознанию, как противовес коллективным целям и приоритетам [Никонов, 2017].

В начале 90-х гг. XX в. только самые смелые и оставшиеся без всякой возможности другого заработка постепенно начинали свой путь предпринимателя. Первые годы они находились в постоянной «борьбе» с собой, с ближним окружением, с обществом в целом, показывая и доказывая, что это такой же честный труд как и на любом государственном предприятии, что осуществляется он в рамках принятых законов и может приносить доход. Яркой особенностью развития малого предпринимательства 90-гг. XX в. можно считать вынужденный характер его осуществления. Люди начинали предпринимательскую деятельность по причине нужды, отсутствия работы на государственных предприятиях, низкой заработной платы, которой не хватало на обеспечение даже элементарных нужд семьи. И, несмотря

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru.

² Официальный сайт Правительства России. Паспорт нацпроекта. URL: <http://government.ru/info/35563/>

на то, что предприниматель того периода – это чаще всего человек с высшим образованием, с опытом работы в престижных сферах деятельности советского периода (учитель, врач, инженер и т. д.), с определенным набором положительных личностных качеств и характеристик, в целом его образ в головах большинства людей был крайне негативным. [Радаев, 1993; Осипов, 2012]

На то, чтобы переломить сложившуюся ситуацию, понадобилось более десяти лет, а на то, чтобы большинство россиян относились к предпринимателям положительно, еще больше. По данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (далее – ВЦИОМ), проведенного в 2019 г. «... подавляющее большинство россиян (89%) к предпринимателям в России относятся положительно и всего 6% – отрицательно. Налицо постепенное улучшение отношения россиян к бизнесу, начиная с 2009 г., тогда положительно относились к предприни-

мателям 79% опрошенных. Доля тех, кто заявил о негативном отношении, также уменьшилась – в 2009 г. она составляла 13%»³ (рис. 1).

Такое «... положительное отношение означает избавление от «комплексов 90-х» и связывание надежд людей больше с предпринимателями, нежели с государством, в условиях ухудшения экономической ситуации»⁴. И это однозначно можно назвать одним из условий развития предпринимательского потенциала страны. Предпринимательским потенциалом являются физические лица, рассматривающие возможность или уже начавшие заниматься предпринимательской деятельностью. Без формирования устойчивого предпринимательского потенциала общества сложно добиться действительно значимых сдвигов в развитии предпринимательства [Волкова, Попова, 2016].

Однако, согласно исследованиям, желающих начать заниматься собственным бизнесом с годами не становится больше

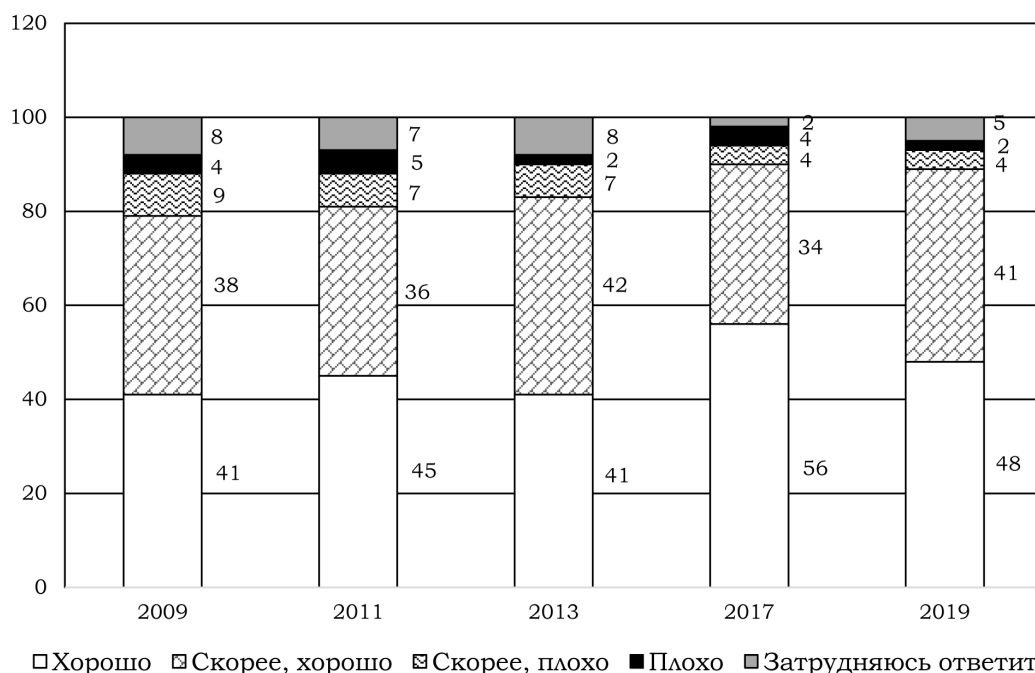

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как Вы в целом относитесь к людям, которые занимаются предпринимательством?» (в % от числа опрошенных)

³ Предпринимательство в России: отношение россиян, барьеры. Опрос «ВЦИОМ-Спутник» был проведен 16 февраля 2019 г. среди 1600 совершеннолетних россиян в формате телефонного интервью. URL: wciom.ru/index.php?id=236&uid=9565

⁴ Большинство россиян заявили о невозможности честного бизнеса в России. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/02/2019/5c6c1dd09a79477ebc9646f4>

(рис. 2). Более половины населения не рассматривают возможность и не хотят заниматься предпринимательской деятельностью.

Какие бы программы поддержки не принимались на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, если отсутствует даже потенциальный интерес у населения к данной деятельности, то положительного результата достичь будет сложно. Таким образом, формирование положительного образа предпринимательства является залогом устойчивого предпринимательского потенциала общества [Витковская, 2005].

Структурно образ предпринимателя можно оценить через восприятие его обществом по следующим составляющим:

привлекательность карьеры предпринимателя, которая зависит от того, насколько такая карьера может повысить роль индивида в обществе, помочь добиться признания, финансового успеха, независимости и самореализации;

престижность предпринимательства – уважение в обществе и высокий статус;

внимание СМИ к историям успеха

предпринимателей, которое способствует повышению общей привлекательности предпринимательства;

наличие в окружении индивида, который за последние два года открыл бизнес: включенность в предпринимательское сообщество может положительно влиять на восприятие предпринимательства как такового и на принятие решения о начале собственного дела.

По таким показателям изучается отношение к предпринимательству в обществе в проводимом с 2006 г. ежегодном глобальном мониторинге предпринимательства⁵.

На протяжении последних десяти лет (табл. 1) большинством россиян высоко оценивается статус и привлекательность карьеры, 68% опрошенных в 2018 г. считают статус предпринимателя высоким, а реализацию предпринимательской идеи – удачным выбором карьеры. Около половины респондентов (49%) в 2018 г. отметили, что информация об успешных предпринимателях транслируется в СМИ. Корреляционные зависимости показали, что именно данная часть опрошенных

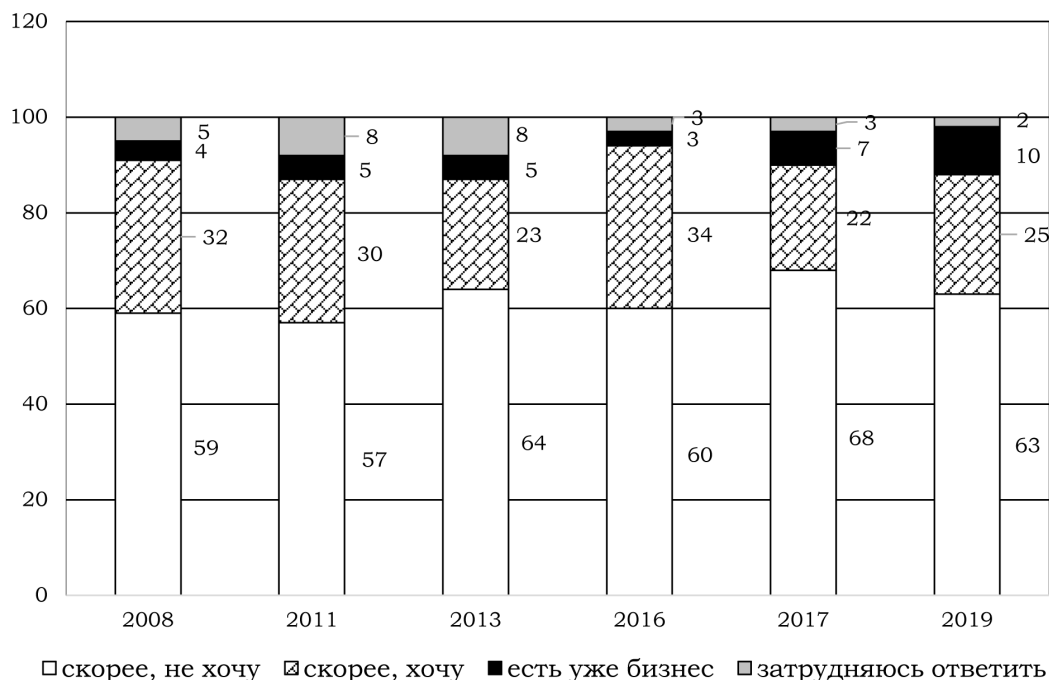

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Хотели ли Вы когда-нибудь стать предпринимателем?» (в % от числа опрошенных)

⁵ Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) / Официальный сайт Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. URL: www.gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_cor1_rgb.pdf

оценивает условия для создания бизнеса в регионе, стране как благоприятные. Наличие в своем окружении предпринимателей положительно сказывается на желании открыть свой бизнес. У большинства опрошенных предпринимателей (78,3%) в кругу общения есть создатели своего бизнеса.

Таким образом, наблюдаются положительные тенденции в восприятии предпринимательства в стране, однако для дальнейшего активного привлечения населения в предпринимательскую деятельность необходимо предпринимать хорошо продуманные и проработанные действия. Основным результатом будет являться увеличение предпринимательского потенциала общества (80–90% населения рассматривают, не отрицают для себя возможность заниматься предпринимательской деятельностью) и, как следствие, увеличение количества вновь созданных предпринимательских структур.

Направления информационной кампании по формированию положительного образа предпринимателя в Российской Федерации. Для достижения указанных результатов необходимо, прежде всего, провести активную информационную кампанию, которая будет направлена на:

информирование населения в целом о деятельности предпринимателей в регионе, стране. Оно должно содержать информацию об основных результатах и достижениях предпринимателей: о по-

полнении бюджета от налогов предпринимателей; количестве трудоустроенных граждан; благотворительной деятельности; спонсорстве мероприятий, проводимых на уровне населенного пункта, региона; вкладе в благоустройство территорий; развитии и появлении новых товаров, работ, услуг и т. д.;

стимулирование интереса к предпринимательской деятельности через доступно донесенную информацию о преимуществах занятия предпринимательской деятельностью перед работой по найму. Данное направление должно быть разносторонним, акцент должен делаться не только на материальной стороне вопроса, но и на возможности реализации своей мечты, свободной реализации своих творческих и иных способностей, свободе выбора и т. д.;

формирование общественного мнения о доступности открытия своего бизнеса для каждого гражданина. Для этого необходимо развеять миф о недоступности, сложности ведения предпринимательской деятельности через формирование у различных категорий граждан предпринимательских компетенций, финансовой грамотности, знаний, навыков и умений для регистрации бизнеса, заключения договоров, ведения отчетности; необходимо информирование об участии в государственных закупках, государственно-частном партнерстве и т. д.;

представление опыта успешных предпринимателей, особенно в рамках регио-

Таблица 1

Оценка характеристик восприятия предпринимательства в России по годам (в % от числа опрошенных)

Показатель	Годы				
	2009	2011	2013	2016	2018
привлекательность карьеры предпринимателя	60,1	65,3	65,7	63,4	68,0
статус предпринимателя	63,1	64,5	68,0	65,6	68,0
истории успеха в СМИ	41,5	55,3	49,0	48,9	49,0
окружение индивида	30,0	52,0	57,5	54,0	55,0

Источник: составлено на основании ежегодных отчетов Глобального мониторинга предпринимательства⁶

⁶ Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) Официальный сайт Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. URL: gsom.spbu.ru/gsom/research_statistics/gem/#4

нальных проектов. Очень важным моментом будет являться наличие абсолютно идентичных условий для открытия. Опыт может быть представлен через видеоролики, статьи в газетах и журналах, посты в Интернете, радио, наружную рекламу на улицах населенных пунктов;

развеивание мифа о деятельности предпринимателя как недобросовестной, неформальной и направленной на достижение своих целей в ущерб остальным членам общества. Немалая часть населения рассматривает предпринимателя как некую противоположность себе и «честно работающему» обществу. Это мнение является результатом недостаточного информирования населения и наследием советского времени;

формирование мнения о приоритетности развития предпринимательской деятельности для государства в целом через ознакомление с действующими программами и проектами поддержки и развития предпринимательства как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ с учетом региональной специфики;

привлечение интереса молодежи к предпринимательской деятельности со школьного возраста через различные деловые игры, квесты, обучающие мероприятия в образовательных организациях и др. [Шафранов-Куцев, Черкашов, 2020];

мотивирование населения к занятию предпринимательской деятельностью, которое бы носило добровольный характер, а не вынужденный, что обеспечило бы формирование более стабильного предпринимательского состава.

Реализация данных направлений должна осуществляться на постоянной основе через проведение конференций, форумов, круглых столов, конкурсов, через информационные видеоролики и передачи по телевидению, медиапроекты в социальных сетях, демонстрирующие на экранах, расположенных на улицах населенных пунктов, через наружную рекламу, проведение обучающих курсов и мероприятий для школьников, молодежи, заинтересованных граждан, начинающих предпринимателей, уже действующих предпринимателей.

Выводы и рекомендации. Для проведения информационной кампании, направленной на формирование положи-

тельного образа предпринимателя, необходимо разделить общество на целевые группы по возрастам с учетом их возрастных потребностей, мировоззрения, ценностей, источников получения информации. На наш взгляд, при разработке информационной политики с учетом возрастных особенностей, целесообразно разделить на следующие группы: 1) 14–17 лет; 2) 18–24; 3) 25–35; 4) 35–49; 5) 49–60; 6) старше 60.

Для первой возрастной категории (14–17 лет) важен пример из близлежащего окружения, позитивный опыт, соответствие требованиям современного времени, креативность, возможность проявить себя и реализовать свои творческие и интеллектуальные способности, проявить свою индивидуальность. Эта категория является активным пользователем социальных сетей: ВКонтакте, Инстаграмм, WhatsApp, видеохостинга YouTube. Положительную роль может сыграть медиапроект «Мой родитель – предприниматель». Для информирования данной категории необходимо создавать необычный контент, который позволит привлечь их внимание и простимулирует проявление интереса к предпринимательству. Информация должна быть доступна и понятна, соответствовать возрастным особенностям мышления, ценностным ориентациям, уровню знаний. Цель мероприятий – сформировать представление о предпринимательской деятельности как престижной, статусной, дающей возможность получить блага, которые позволят максимально реализовать свои потребности.

Вторая категория (18–24 лет) характеризуется относительной взрослостью и самостоятельностью. Это период завершения высшего и среднего профессионального образования и необходимости принимать решение о дальнейшем своем пути. В этой возрастной группе необходимо обратить внимание на возможность получения дополнительных знаний и наличие положительного опыта у людей близлежащего окружения. Привлечение внимания к информации по данной теме ресурсов в социальных сетях (ВКонтакте, Инстаграмм, WhatsApp, видеохостинг YouTube) и на других региональных информационных порталах. Цель мероприятий – сформировать представление о

предпринимательской деятельности как доступной для желающих себя попробовать в этом направлении, создать образ предпринимателя как человека свободного, креативного, приносящего пользу себе и обществу, реализующего свои амбиции в трудоустройстве.

Третья категория (25–35 лет) – молодежь, которая уже, как правило, имеет некоторый опыт работы, но при этом еще очень мобильна, может находиться в поиске себя и реализации своих возможностей, может иметь семью и маленьких детей, при этом вынослива в трудовой деятельности, готова рисковать. Информирование этой категории может происходить в социальных сетях ВКонтакте, Инстаграмм, Facebook, WhatsApp, на видеохостинге YouTube и других информационных порталах. Также эффективны будут посещения форумов и конференций, обмен опытом и успешными историями других предпринимателей, участие в образовательных программах и курсах, в программах поддержки и развития молодежного предпринимательства. Цель мероприятий – сформировать мотивацию заниматься предпринимательской деятельностью, информирование о возможностях развития своего дела, имеющихся в регионе, стимулирование открытия и развития бизнеса.

Четвертая группа (35–49 лет) – это возрастная группа, в которую входят люди, обычно имеющие стабильную работу, семью, сложившийся образ жизни. Также данная группа, помимо наработанного имеющегося опыта, может обладать стартовым капиталом. Здесь важно мотивировать человека сменить работу по найму на открытие собственного бизнеса. Положительным образом предпринимателя может выглядеть благодаря заботе человека о себе, семье и будущем поколении и созданию стабильного будущего своих детей. Например, отсутствие на территории проживания каких-либо инфраструктурных объектов, товаров, работ, услуг, которые могли бы способствовать развитию его детей, может стимулировать к созданию собственного дела. Важно участие в образовательных программах, обмен опытом, ощущение поддержки от органов власти и осознание того, что это делается во бла-

го своей семьи и общества в целом. Информирование может происходить как через различные социальные сети, региональные информационные порталы, так и через информационные передачи по телевидению, радио, а также через доступные информационные источники на улицах населенного пункта. Цель мероприятий – формирование мнения о статусе предпринимателя как garante стабильного будущего с возможностью развития для себя и своей семьи.

Пятая категория (49–60 лет). Люди данного возраста не так часто готовы начать заниматься предпринимательской деятельностью, чаще всего это происходит в случае потери работы и имеет вынужденный характер, хотя не является исключением и добровольный выбор. Данная категория населения является менее гибкой и мобильной по сравнению с вышепредставленными, характеризуется стабильностью, сложившимся образом жизни, меньшей трудоспособностью и выносливостью, она не готова к необдуманным действиям и риску. Данной возрастной группе должна предоставляться информация о перспективах развития бизнеса, а также о возможности самореализации. Важно рассказывать о тех сферах открытия бизнеса, которые могут быть близки данной возрастной категории: сельское хозяйство, домашнее хозяйство, получение услуг с учетом возрастных особенностей. Источником информации могут являться обучающие мероприятия, телевидение, радио, публикации в газетах и журналах, социальные сети: Одноклассники, Facebook, мессенджер WhatsApp. Цель мероприятий – формирование положительного образа предпринимателя, который, являясь представителем данной возрастной категории, смог начать свой бизнес и реализовать свои мечты в уже достаточно зрелом возрасте.

Шестая категория (старше 60 лет) – самая малочисленная из числа занимающихся предпринимательской деятельностью⁷. Привлечь людей старше 60 лет к занятию предпринимательской деятельностью достаточно сложно. Повышение пенсионного возраста может сыграть здесь положительную роль, однако к ин-

⁷ Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) 2018-2019/ Официальный сайт Высшей школы менеджмента Санкт-Петербургского государственного университета. URL: www.gsom.spbu.ru/pdf

формационной кампании, направленной на данную категорию населения, нужно подходить особенно тщательно. Для начала нужно работать на вытеснение негативного образа предпринимателя, который может находиться в подсознании со времен советского периода, а потом уже на формирование представления о том, что предпринимателем может стать каждый. Здесь также важно учитывать специфику видов деятельности, которыми может заниматься предприниматель данной возрастной группы. Это традиционные и понятные виды деятельности, которые могут быть связаны с реализацией своего хобби или с выполняемыми ранее должностными обязанностями. Источник информации – телевидение, радио, публикации в газетах и журналах, социальные сети (Одноклассники, Facebook и др.), мессенджер WhatsApp. Для разработки эффективной информационно-политики, направленной на формирование положительного образа предпринимательства, также следует учесть предпочтения целевых групп в зависимости от вида деятельности. Представленная в федеральном проекте «Популяризация предпринимательства»⁸ классификация (действующие предприниматели; школьники; молодежь до 30 лет (студенты); женщины; военнослужащие, уволенные в запас; лица, старше 45 лет; безработные; инвалиды; выпускники и воспитанники детских домов) является достаточной и может быть использована при формировании мероприятий региональных проектов. Мероприятия могут быть сформированы с учетом возраста, вида деятельности, приоритетных сфер развития предпринимательства в регионе, источников информации, которые доступны для целевых групп населения.

Таким образом, потребность в формировании положительного образа предпринимателя остается актуальной, является одним из целевых показателей реализации Национального проекта и

поможет в достижении намеченных в нем результатов.

Список литературы:

1. Волкова И. А., Попова А. Ю. Современные проблемы малого и среднего бизнеса в России // Концепт. 2016. Спецвыпуск № 04. – ART 76051. – 0,6 п. л. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76051.htm>.
2. Николаева Д. Малый бизнес получил большие обещания. // Коммерсантъ. 2015. № 196. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2837933>.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. Избранные произведения. М., 1990. 804 с.
4. Витковская О. И. Социально-психологический портрет предпринимателя // Сибирский психологический журнал. 2005. № 21. С. 23–26.
5. Радаев В. В. Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. 1993. № 9. С. 28–35.
6. Безгоднов А. В. Современные российские предприниматели как социально-политическая общность : дис. ... канд. полит. наук : 22.00.05 / Безгоднов А. В. СПб., 1999. – 189 с.
7. Абалкин А. И. Заметки о российском предпринимательстве. М.: Прогресс-Академия, 1994. 128 с.
8. Осипов Е. М. Социальный портрет предпринимателя и отношение к нему населения // Труд и социальные отношения. 2012. № 5. С. 115–121.
9. Никонов В. А. Характеристика российского предпринимателя в зеркале общественного мнения // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. №2 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-rossiyskogo-predprinimatelja-v-zerkale-obshchestvennogo-mneniya>.
10. Шафранов-Куцев Г. Ф., Черкашов Е. М. Ориентированность молодежи на конкуренцию и предпринимательство // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 117–123.

Библиографическое описание статьи

Халикова С. С. Формирование положительного образа предпринимателя в Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 148–156. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-148-156

⁸ Федеральный проект «Популяризация предпринимательства». URL: <http://www.altsemb.ru/images/docs/projects/.pdf>

Svetlana S. Khalikova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of state and municipal administration and service law, the Far-Eastern institute of management - branch of RANEPA (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: khalikova-ss@ranepa.ru*

Formation of positive image of an entrepreneur in the Russian Federation

The article presents an analysis of formation and development of the image of an entrepreneur in Russia. Currently, the positive image of an entrepreneur is considered as one of the factors for successful development of small and medium-sized enterprises. The goals of national project «Small and medium-sized entrepreneurship and support for individual entrepreneurial initiative» are aimed at intensifying the entrepreneurial potential of the society, stimulating creation and growth of a number of small and medium-sized enterprises, stabilizing and consolidating existing entrepreneurs on the market, creating the most favorable conditions for the development of small and medium-sized enterprises. This project is designed to involve general population in the entrepreneurial activities. The article analyses perception of an entrepreneur in the modern Russian society. The image of entrepreneur is considered through their perception by the society according to the following components: attractiveness of the entrepreneur's career, prestige of entrepreneurship, media attention to the success stories of entrepreneurs, inclusion in the entrepreneurial community through the environment. In general, the author notes a positive trend and a significant increase in public interest in this type of activity. However, the level achieved is not yet sufficient to achieve the goals set out in the national and regional projects. The author's directions of the information campaign to form a positive image of entrepreneur could form a stable «foundation» of the entrepreneurial potential of the Russian society. The proposed areas of work with various categories of the population will contribute to strengthening entrepreneurial activity, increasing the status of entrepreneur and, in general, forming a positive image of entrepreneur in the Russian Federation.

Keywords: *small and medium-sized entrepreneurship, popularization of entrepreneurship, national project, image of entrepreneur.*

References:

1. Volkova I. A., Popova A. Yu. Modern problems of small and medium business in Russia. *Concept*. 2016. Special issue no. 04. URL: <http://e-koncept.ru/2016/76051.htm>.
2. Nikolaeva D. Small business got big promises *Kommersant* [Kommersant], 2015, no. 196. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2837933>. (In Russian)
3. Weber M. Protestant ethics and the spirit of capitalism. *Selected works*. M., 1990. 804 p. (In Russian)
4. Vitkovskaya O. I. Socio-psychological portrait of an entrepreneur *Sibirskiy psikhologicheskii zhurnal* [Siberian psychological journal], 2005, no. 21, pp. 23–26. (In Russian)
5. Radaev V. V. Russian Entrepreneurs: Who Are They? *Vestnik statistiki* [Bulletin of statistics], 1993, no. 9, pp. 28–35.
6. Bezdodov A. V. Modern Russian entrepreneurs as a socio-political community: dis. ... Cand. polit. Sciences: 22.00.05. SPb., 1999. 189 p. (In Russian)
7. Abalkin L. I. Notes on Russian entrepreneurship. Moscow: Progress-Academy, 1994. 128 p. (In Russian)
8. Osipov E. M. Social portrait of an entrepreneur and the attitude of the population towards him *Trud i sotsial'nyye otnosheniya* [Labor and social relations], 2012, no. 5, pp. 115–121. (In Russian)
9. Nikonov V. A. Characteristics of the Russian entrepreneur in the mirror of public opinion *Izvestiya vuzov. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [Izvestiya vuzov. Volga region. Social Sciences], 2017. No. 2 (42). (In Russian)
10. Shafranov-Kutsev GF, Cherkashov EM Orientation of youth to competition and entrepreneurship *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], 2020, no. 4, pp. 117–123. (In Russian)

Reference to the article

Khalikova S. S. Formation of positive image of an entrepreneur in the Russian Federation // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 148–156. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-148-156

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-157-169
УДК 316.344.233

М. А. Буланова

Оценка уровня бедности в России: зависимость от методологии измерения

Снижение уровня бедности является одной из основных целей государственной политики в Российской Федерации. В Указе Президента Российской Федерации № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях Российской Федерации на период до 2030 г.» определен целевой ориентир – сокращение уровня бедности в два раза к 2030 г. Для измерения бедности в Российской Федерации до 2021 г. использовалась абсолютная концепция, в рамках которой уровень бедности определялся на основе расчета прожиточного минимума с учетом потребительской корзины. Величина прожиточного минимума является порогом для определения бедности. С 2021 г. изменилась методология измерения бедности: в основу расчета положена относительная концепция, в которой для измерения бедности используется метод медианы. В ряде стран для оценки уровня бедности применяется концепция многомерной бедности с определенным набором показателей. В статье проведен сравнительный анализ методологических подходов для оценки уровня бедности. В статье показано, что уровень бедности зависит от методологического подхода положенного в основу ее измерения. Автор считает, что использование многомерного подхода к измерению бедности будет способствовать выработке эффективной государственной политики по преодолению бедности.

Ключевые слова: бедность, прожиточный минимум, среднедушевой медианный доход, потребительская корзина, абсолютная концепция, относительная концепция, депривационная концепция, многомерная бедность, государственная политика преодоления бедности.

Введение. На основании Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций¹ (далее – ООН) были выработаны 17 целей развития, одной из которых является преодоление бедности. Для решения проблемы бедности перед странами поставлена задача сократить к 2030 г. в два раза долю населения, живущих в нищете во всех ее проявлениях (согласно национальным определениям).

В Российской Федерации снижение уровня бедности является одной из основных целей государственного управления на современном этапе. В национальных

целях Российской Федерации на период до 2030 г., которые определены Указом Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.»² выделен целевой показатель – сокращение бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. (на 2017 г. уровень бедности в целом по России составлял 12,9%).

Для оценки уровня бедности используются различные методологические подходы, которые дают различные результаты. В связи с этим возникает проблема

¹ Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 21.07.2020 г. № 474 // Собрание законодательства РФ, 27.07.2020, № 30, ст. 4884.

Марина Алексеевна Буланова – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления и служебного права, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: bulanova-ma@ranepa.ru

оценки уровня бедности и определения приоритетных направлений государственной политики.

Методологические аспекты измерения бедности. Для измерения уровня бедности в отечественной и зарубежной практике существует несколько концепций, которые можно классифицировать по различным основаниям.

Концепции, которые для измерения бедности используют один показатель – доход, называются монетарными. К монетарным относятся абсолютная и относительная концепции. Концепции, которые для измерения используют несколько показателей, называются многомерными. К многомерным концепциям можно отнести субъективную, депривационную. В настоящее время ряд отечественных и зарубежных ученых выделяют концепцию многомерной бедности, в которой помимо дохода используются показатели материальной депривации [Воронов, 2020; Townsend, 2002].

Абсолютная концепция предполагает измерение уровня бедности в соответствии с определенными социальными стандартами. Данная концепция используется многими странами; бедность устанавливается на основе прожиточного минимума. Для измерения прожиточного минимума определяется набор продовольственных, непродовольственных товаров и услуг, который обеспечивает удовлетворение основных потребностей человека, так называемая потребительская корзина. В России с 2000 г. измерение уровня бедности осуществлялось на основе стоимостной оценки потребительской корзины и установления величины прожиточного минимума. Данный метод используется в США для измерения уровня бедности [Карабчук, 2013].

Положения относительной концепции предполагают определение уровня бедности на основе доли от медианного среднедушевого дохода. Население, чьи доходы ниже установленной доли медианного среднедушевого дохода в стране, считается бедным. Концепция использу-

ется рядом стран, в том числе Канадой, Германией, Австрией. В Канаде бедным считается население, имеющее 50% медианного дохода и ниже, в странах Европы – с медианными доходами ниже 60% [Методы..., 2012]. Показатель в 40% среднедушевого медианного дохода определяет крайнюю степень бедности [Карабчук, 2013].

Субъективная концепция бедности предполагает субъективную оценку населением своего материального положения [Прокофьева, 2008]. Инструментами исследования при применении концепции является социологический или экспертный опрос. Особенность концепции заключается в том, что объективные условия преломляются через призму субъективного восприятия окружающей действительности и оцениваются. На формирование оценки влияет множество факторов: экономических, социальных, демографических, психологических. На оценку уровня бедности влияет удовлетворенность человека условиями жизни, работы, отдыха и т. д. Примером использования субъективной концепции к оценке качества жизни являются опросы общественного мнения (Eurobarometer), проводимые Европейской комиссией; в ходе опросов подробно исследуются мотивы, чувства и реакции отдельных социальных групп.³ Субъективная концепция используется, например, Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) при составлении индекса социального самочувствия, социальных оценок, социальных ожиданий и т. д.

Депривационная концепция предлагает соотносить уровень жизни населения с лишениями, с которыми оно сталкивается. Лишения не позволяют поддерживать принятый стандарт жизни в обществе. В рамках концепции определяется, что лишения влияют на процессы социализации и интеграции человека. Концепцию разработал П. Таунсенд, который сформировал сложную систему индексов и показателей, с помощью которых возможно оценить степень лише-

³ О *Publicopinion - european commission*. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm> <https://wciom.ru/news/ratings/>.

ний [Townsend, 2002].

Концепция многомерной бедности предлагает для измерения бедности использовать показатель бедности по доходам, материальной депривации. Концепция предполагает исследовать не только стоимостную оценку бедности, но учитывать такие показатели, которые не поддаются стоимостной оценке. П. Таунсенд определил, что «Объективно бедность может быть определена только в терминах относительной депривации. Люди, семьи и группы людей считаются бедными, если у них недостаточно ресурсов, чтобы обеспечить себе питание, участие в социальной жизни и жилищные условия на том уровне, который является привычным в том обществе, к которому они принадлежат» [Townsend, 1979]. В настоящее время зарубежные ученые считают [Ciani, 2019], что для оценки уровня бедности и выработке государственной политики необходимо использовать многомерную концепцию. Она позволяет оценить бедность не только по уровню дохода, но и на основе ограничений, которые не позволяют улучшать жилищные условия, отдыхать, удовлетворять другие необходимые потребности современного человека, то есть испытывать депривацию.

Автором предпринята попытка на примере различных концепций оценить уровень бедности населения. В статье оценка уровня бедности населения в субъектах Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО) осуществляется на основе абсолютной, относительной концепций и концепции многомерной бедности.

Оценка уровня бедности населения в субъектах ДФО на основе абсолютной концепции. В России до 2021 г. для измерения уровня бедности применялась абсолютная концепция. На основе потребительской корзины рассчитывался прожиточный минимум и определялся уровень бедности, то есть население с доходами ниже прожиточного минимума считалось бедным.

В соответствии с Федеральным за-

коном РФ от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме Российской Федерации» под прожиточным минимумом понимается стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы.⁴

На основе размера прожиточного минимума измерялся уровень бедного населения.

До 2021 г. прожиточный минимум рассчитывался каждый квартал в целом по России и отдельно по каждому субъекту РФ. Анализ размера прожиточного минимума показал, что его величина растет неравномерно по субъектам ДФО и значительно отличается (табл. 1).

Все субъекты ДФО по величине прожиточного минимума можно объединить в три группы. В первую группу включены субъекты, имеющие величину прожиточного минимума в 2020 г. в два раза выше, чем в целом по России: Чукотский автономный округ (далее – ЧАО), Магаданская область, Камчатский край. Во вторую группу вошли субъекты ДФО, у которых величина прожиточного минимума выше, чем в целом по России, но менее чем в два раза (Хабаровский и Приморский края, Сахалинская и Еврейская автономная области (далее – ЕАО)). В третью группу входят субъекты ДФО, имеющие величину прожиточного минимума не выше, чем в целом по России: Республика Бурятия, Забайкальский край, Амурская область.

В соответствии с величиной прожиточного минимума определена доля бедного населения в субъектах ДФО.

К наиболее благополучным субъектам ДФО, где доля бедного населения ниже, чем в целом по России, относятся Магаданская область (9,4%), Сахалинская область (8,55%), ЧАО (8,7%). Проблемными субъектами ДФО являются ЕАО с долей бедного населения 23,9%; Забайкальский край и Республика Бурятия со значениями 21,4% и 20,1% соответственно, Республика Саха (Якутия) – 17,9%. К субъектам, в которых доля бедного насе-

⁴ Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16565/a3fcb840c147369d8c8-c5ff5ccd4882e3824f465/

Таблица 1

Размер прожиточного минимума в целом по России и по субъектам ДФО, руб.

Субъекты РФ	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Республика Бурятия	8263	9259	9247	9563	10395	11377	12341
Республика Саха (Якутия)	13332	15515	16080	16610	16667	17181	18560
Забайкальский край	8636	10162	10208	10590	11284	12337	13392
Камчатский край	15786	18427	19451	19220	19741	20499	21176
Приморский край	10321	12535	12456	12158	12623	13124	13963
Хабаровский край	11495	13427	12910	12954	13497	14328	15320
Амурская область	9539	11555	11374	11203	11172	12379	12950
Магаданская область	15415	17469	17764	17635	18910	19680	20588
Сахалинская область	12213	13533	13728	13329	14072	14481	15906
Еврейская автономная область	10670	12228	12574	12161	13051	14213	15732
Чукотский автономный округ	13571	16845	17775	20149	21606	22213	22118
Российская Федерация	8234	9452	9691	9786	10213	10890	11468

Источник: Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. // Росстат. М., 2020. С. 131; Хабаровский край: стат. ежегодник // Хабаровскстат. Хабаровск, 2020. С. 52; Приморский край: стат. ежегодник // Приморскстат. Владивосток, 2020. С. 91; Магаданская область: стат. ежегодник // Хабаровскстат. Магадан, 2020. 77 с.; Еврейская автономная область: статистический ежегодник. 2020: стат. сб. // Хабаровскстат. Биробиджан, 2020. С. 65; Чукотский автономный округ: стат. ежегодник // Хабаровскстат. Хабаровск, 2020. С. 51; Забайкальский край в цифрах. 2020: крат. стат. сб. // Забайкалкрайстат. Ч., 2020. С. 19; Статистический ежегодник. 2020. Статистический сборник // Бурятстат. Улан-Удэ, 2020. 129 с.; Республика Саха (Якутия) в цифрах: краткий стат. сборник // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). Я., 2020. С. 47; Камчатский край в цифрах. 2020: крат. стат. сб. // Камчатскстат. Петропавловск-Камчатский, 2020. С. 66; Амурская область в цифрах: краткий статистический сборник // Амурстат. Благовещенск, 2020. С. 57; Сахалинская область, 2018–2019 гг. Краткий статистический справочник, Сахалинстат, 2020. С. 80.

ления сопоставима со среднероссийскими значениями, относятся Камчатский край – 15%, Амурская область – 15,7%, Приморский край – 13,5%, Хабаровский край – 12,2%. В течение трех лет динамика численности бедного населения в субъектах ДФО изменилась незначительно, увеличилась доля бедного населения в Республике Бурятия, во всех остальных – уменьшалась (рис. 1).

В 2018 г. федеральной службой государственной статистики проведено выборочное социально-демографическое исследование, которое позволяет анализировать уровень бедности по демографическим группам, по занятости, по месту проживания и т. д.

Уровень бедности по демографическим группам. Самая большая доля бедных приходится на трудоспособное население.

Наиболее проблемными субъектами по данному показателю являются Сахалинская область (62,8%), Хабаровский край (59,4%), ЕАО (58,9%), в остальных субъектах ДФО доля бедного населения составляет, примерно как в целом по России, 53,7%. Доля бедных детей в целом по России составляет 39,9%. Самая большая доля бедных детей в ЧАО и составляет 51%, что больше, чем в целом по России на 11,1%, в Республики Бурятия – 45,6%, в Республике Саха (Якутия) – 45%, в Камчатском крае – 45,9%. В ЕАО, Хабаровском крае, Сахалинской области данное значение ниже, чем в целом по России. Население, старше трудоспособного возраста, составляет самую малочисленную группу бедного населения, его доля во всех субъектах ДФО не достигает 8% (рис. 2).

В ходе анализа не выявлена зависи-

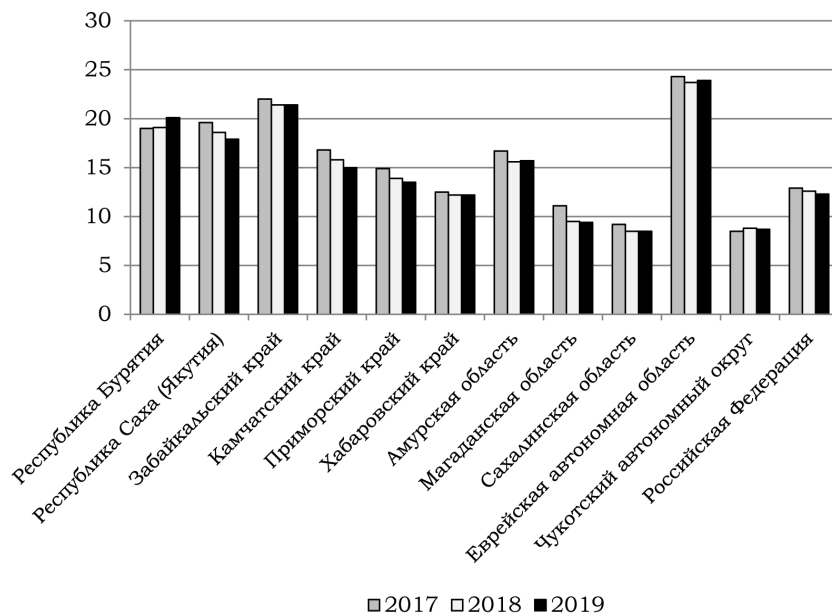

Рис. 1. Доля бедного населения в субъектах ДФО и РФ, % ⁵

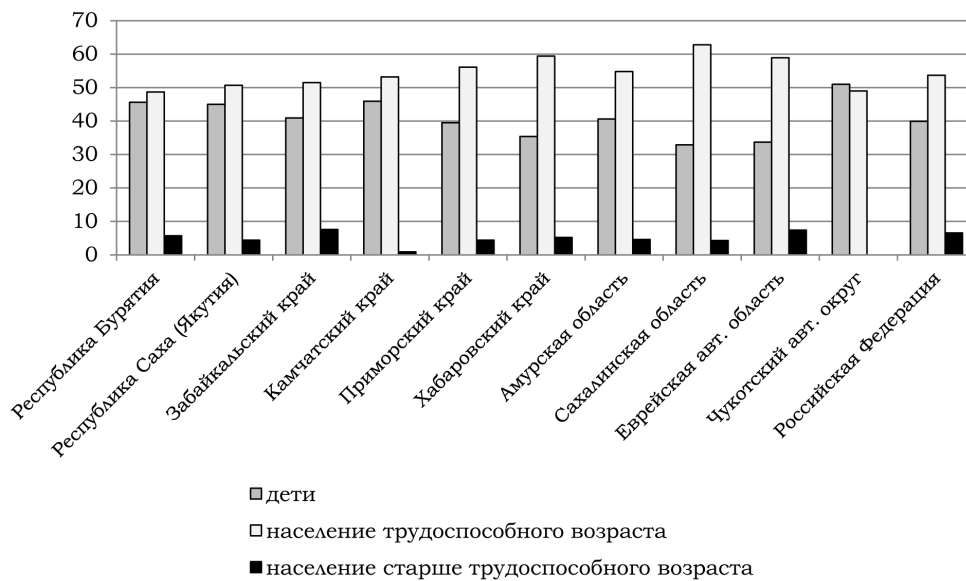

Рис. 2. Распределение бедного населения по социально-демографическим группам в 2018 г., % ⁶

мость уровня бедности населения от места проживания. В целом по России примерно одинакова доля бедных, которые проживают в городах и сельских населенных пунктах (48,6% и 51,4% соответственно). В Камчатском крае (61,7%), ЕАО (60,1), Сахалинской области (53,2%), Приморском крае (51,9)

большая часть бедного населения сосредоточена в городах. В остальных субъектах ДФО основная доля бедного населения проживает в сельских населенных пунктах. Например, в ЧАО – 63,8%, в Хабаровском крае – 59,9%, в Республике Бурятия – 59,5%, Забайкальском крае – 59,4%, Амурской области – 56,9%, Ре-

⁵ Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2019 гг. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm

⁶ Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2019 гг. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm

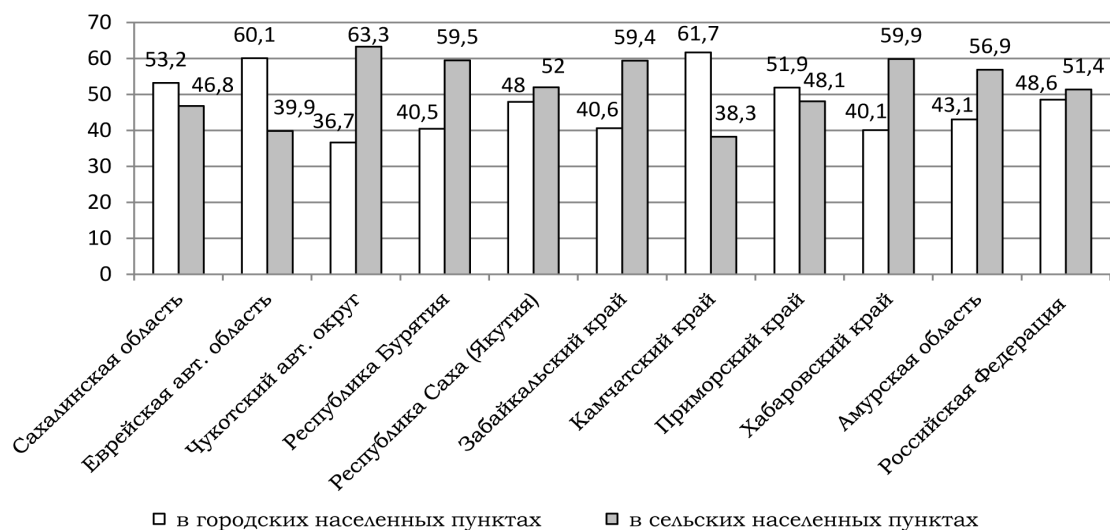

Рис. 3. Распределение бедного населения по месту проживания в 2018 г., %⁷

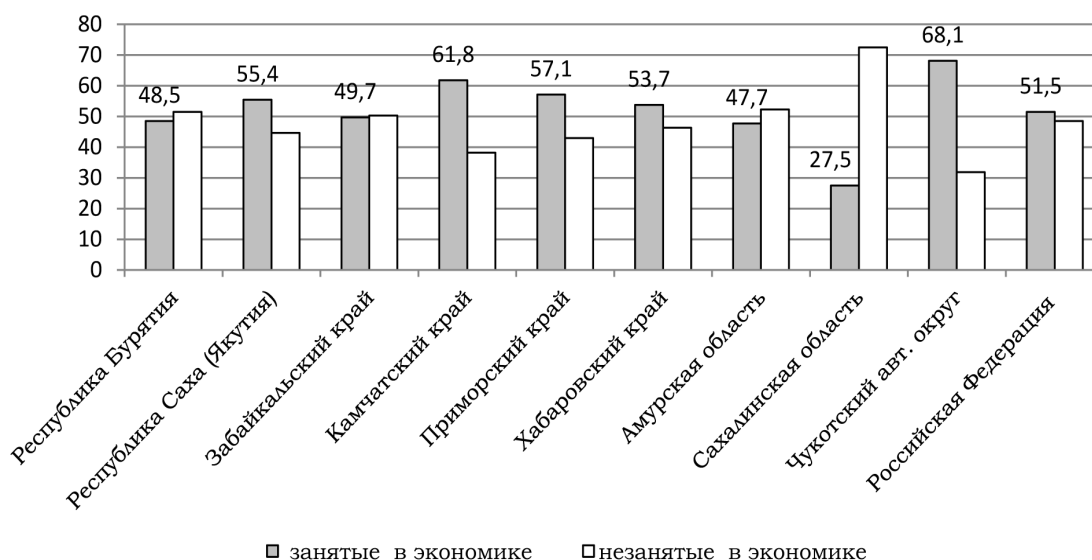

Рис. 4. Распределение бедного населения по занятости в экономике в 2018 г., %⁸

спублике Саха (Якутия) – 52%.

Занятость в экономике не гарантирует населению высокий уровень жизни. Около половины бедного населения в целом по России – это работающие бедные. Аналогичная динамика прослеживается в Республиках Бурятия, Саха (Якутия), Забайкальском, Хабаровском краях и Амурской области. В нескольких субъектах ДФО доля работающих бедных выше и составляет в Камчатском крае 61,8%, Приморском крае – 57,1%, ЧАО – 68,1%.

Бедное население испытывает дефицит денежных доходов, величина дефицита зависит от размера среднедушевых денежных доходов и размера домохозяйства. Показатель дефицита денежных доходов рассчитывается как разница между величиной прожиточного минимума и среднедушевым доходом на одного человека домохозяйства (табл. 2).

Самый высокий дефицит денежных доходов испытывает население в Камчатском крае – 6142 руб., Сахалинской

⁷ Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2019 гг. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm

⁸ Бюллетень «Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2019 гг. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm

области – 5608 руб., Приморском крае – 5164 руб.; дефицит составляет около 40% от величины прожиточного минимума. Дефицит денежных доходов в остальных субъектах ДФО составляет примерно 30% и варьируется от 3092 руб. в Республике Бурятия до 5498 руб. в ЧАО.

Оценка уровня бедности населения в субъектах ДФО на основе относительной концепции. С 2021 г. на основании федерального закона № 134-ФЗ от 24.10.1997 г. (в редакции от 29.12.2020 г.) расчет прожиточного минимума осуществляется на основе среднедушевого медианного дохода. Величина прожиточного минимума составляет 44,2% от медианного среднедушевого дохода, то есть осуществлен переход к определению уровня бедности на основе относительного подхода. Величина прожиточного минимума устанавливается на год, соотношение величины прожиточного минимума с медианным среднедушевым доходом пересматривается не реже одного раза в пять лет⁹. Ряд отечественных ученых считает, что величина прожиточного минимума в размере 40% от медианных среднедушевых доходов показывает крайнюю степень бедности

[Карабчук, 2013; Тихонова, 2018]. Автор разделяет данную точку зрения (значение 44,2% от медианного среднедушевого дохода показывает крайний уровень бедности). В странах Европы бедным считается населения с доходами ниже 60% медианных среднедушевых доходов, в Канаде – ниже 50%. В субъектах РФ величина прожиточного минимума на 2021 г. устанавливается не ниже размера прожиточного минимума, который был определен за 2 квартал 2020 г. В последующие годы для каждого субъекта будет рассчитываться коэффициент региональной дифференциации, который равен соотношению величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации и величины прожиточного минимума в соответствующем субъекте Российской Федерации. Порядок расчета данного коэффициента определяет Правительство РФ и в настоящее время методика расчета не определена. Даже то, что в 2021 г. не увеличена величина прожиточного минимума, говорит о том, что уменьшение численности бедного населения будет идти не в результате повышения качества жизни, а в результате регулирования расчета вели-

Таблица 2

Соотношение величины прожиточного минимума, среднедушевых доходов и дефицита денежных доходов у населения в субъектах ДФО, руб.

Субъекты РФ	Величина прожиточного минимума	Среднедушевые денежные доходы в бедных домохозяйствах	Дефицит денежных доходов в домохозяйстве на одного члена
Российская Федерация	10213	7501	2914
Республика Бурятия	10395	7508	3092
Республика Саха (Якутия)	16667	12000	5073
Забайкальский край	11284	7645	3803
Камчатский край	19741	14507	6142
Приморский край	12623	8024	5164
Хабаровский край	13497	8279	3741
Амурская область	11172	8724	3374
Сахалинская область	14072	8724	5608
ЕАО	13051	8884	4425
ЧАО	21606	16838	5498

Источник: составлено автором на основе бюллетеня «Социально-экономические индикаторы бедности». URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_110/Main.htm

⁹ Федеральный закон № 134-ФЗ от 27.10.1997 г. (с изменениями 29.12.2020 г.) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». URL: <http://docs.cntd.ru/document/9051229>

чины прожиточного минимума. Размер инфляции по итогам 2020 г. составил 4,9%¹⁰, но по итогам года размер прожиточного минимума остался на уровне 2 квартала 2020 г.

В таблице 3 представлена величина прожиточного минимума в субъектах ДФО с учетом инфляции 4,9%. Разница между установленным прожиточным минимумом и прожиточным минимумом с учетом инфляции составляет примерно от 600 руб. до 1100 руб., значит и уровень бедного населения увеличится (незначительно, но увеличится). Так

как в федеральном законе №134-ФЗ не представлен коэффициент региональной дифференциации по субъектам РФ, автором проведен расчет самостоятельно. Величина коэффициента региональной дифференциации по субъектам ДФО варьирует от 1 до 1,9, самый низкий коэффициент в Республике Бурятия и самый высокий в ЧАО.

Оценка уровня бедности населения в субъектах ДФО на основе концепции многомерной бедности. Для оценки уровня бедности используются следующие основные компоненты: бед-

Таблица 3

Величина прожиточного минимума, коэффициенты региональной дифференциации для расчета прожиточного минимума для субъектов ДФО в 2020 г., руб.

Субъекты РФ	Величина прожиточного минимума, рассчитанная по потребительской корзине (2 квартал 2020 г)	Величина прожиточного минимума с учетом инфляции (4,9%)	Разница в величине прожиточного минимума	Коэффициент региональной дифференциации*
Республика Бурятия	12341	12946	- 605	1,06
Республика Саха (Якутия)	18560	19469	-909	1,59
Забайкальский край	13392	14048	-656	1,15
Камчатский край	21176	22214	-1038	1,82
Приморский край	13963	14647	-684	1,2
Хабаровский край	15320	16071	-751	1,31
Амурская область	12950	13585	-635	1,11
Магаданская область	20588	21597	-1009	1,77
Сахалинская область	15906	16685	-779	1,36
Еврейская автономная область	15732	16503	-771	1,35
Чукотский автономный округ	22118	23202	-1084	1,90

Источник: составлено и рассчитано автором.

*Методика расчета коэффициента региональной дифференциации не определена Правительством РФ, автором произведен расчет коэффициента самостоятельно на основе федерального закона №134-ФЗ, равен соотношению прожиточного минимума РФ к прожиточному минимуму субъекта РФ.

¹⁰ Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения 29.01.2021 г.)

ность по доходам, уровень материальной депривации.

Для анализа уровня бедности по доходам рассмотрим величину прожиточного минимума в двух вариантах: установленную для субъектов ДФО в 2021 г.; рассчитанную на основе 50% от медианного среднедушевого дохода (страны ЕС используют соотношение в размере 60%, Канада – 50%). Проанализируем, как меняется величина прожиточного минимума при изменении соотношения с 44,4% до 50% медианного среднедушевого дохода. Величина прожиточного минимума на основе 50% медианного среднедушевого дохода для субъектов ДФО в 2019 г. представлена в таблице 4.

Величина прожиточного минимума

равная соотношению 50% от медианного среднедушевого дохода различается в субъектах ДФО: самая высокая в ЧАО и составляет 25046 руб., самая низкая – в Республике Бурятия (13972 руб.). Таким образом, величина прожиточного минимума увеличивается в целом по России на 1668 руб., по субъектам ДФО увеличение составило от 1763 руб. в Республике Бурятия до 2928 руб. в ЧАО, то есть растет уровень бедного населения. Таким образом, с увеличением соотношения медианного среднедушевого дохода для расчета прожиточного минимума растет уровень бедного населения.

Для оценки материальной депривации используется методика, разработанная Евростатом для измерения уровня

Таблица 4

Сравнение величины прожиточного минимума по новой методике для субъектов ДФО, руб.

Субъекты РФ	Величина прожиточного минимума (на 2021 г.)	Размер величины прожиточного минимума (при условии, что отношение к медианному среднедушевому доходу составляет 50%)*	Разница между величиной прожиточного минимума 2021 г. и величиной прожиточного минимума при соотношении 50% медианного среднедушевого дохода**
Республика Бурятия	12341	14120	-1779
Республика Саха (Якутия)	18560	21180	-2620
Забайкальский край	13392	15319	-1927
Камчатский край	21176	24244	-3068
Приморский край	13963	15985	-2022
Хабаровский край	15320	17451	-2131
Амурская область	12950	14786	-1836
Магаданская область	20588	23528	-2940
Сахалинская область	15906	18117	-2211
Еврейская автономная область	15732	17983	-2251
Чукотский автономный округ	22118	25310	-3192
Российская Федерация	11653	13321	-1668

*В таблице 4 представлен расчет величины прожиточного минимума по субъектам ДФО при 50% соотношении к медианному среднедушевому доходу. Рассчитывалась величина прожиточного минимума по формуле $ПМ = МСД * Крд / 2$; где $Крд$ – коэффициент региональной дифференциации, $МСД$ – медианный среднедушевой доход. Медианный среднедушевой доход в РФ в 2019 г. составил 26365 руб.¹¹

** Автором рассчитана разница между величиной прожиточного минимума, который установлен в 2021 г. и величиной прожиточного минимума в размере 50% от медианного среднедушевого дохода.

¹¹ Россия в цифрах. 2020: крат. стат. сб. // Росстат. М., 2020. С. 129.

бедности в странах Европейского Союза [Карцева, 2019]. В соответствии с данной методикой для расчета используются 13 признаков (ряд признаков рассчитываются для домохозяйства, остальные – на индивидуальном уровне). Для анализа депривации домохозяйств используются такие признаки, как «имеет ли домохозяйство финансовые возможности, чтобы справиться с такими трудностями, как неожиданные траты, ежегодный отпуск в течение недели вне дома, способность погасить задолженность (по ипотеке, счетам по коммунальным услугам и т. д.), возможность потреблять еду с мясом, курицей раз в два дня, возможность поддерживать в доме тепло, наличие автомобиля, возможность заменить ветхую мебель» [Карцева, 2019]. На индивидуальном уровне анализируются следующие признаки: «люди не имеют возможности заменить изношенную одежду новой, иметь две пары обуви на сезон, тратить небольшое количество денег на себя в течение недели, иметь регулярный досуг,

встречаться с друзьями, семьей за столом раз в месяц, платить за подключение интернета» [Карцева, 2019].

Анализ материальной депривации в субъектах ДФО осуществлён на основе данных комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2018), которое было проведено в 2018 г. в Российской Федерации (табл. 5, 6).

Анализ депривации домохозяйств проводится без показателя «возможность поддержания в доме тепло», так как в КОУЖ-2018 он не исследовался.

Уровень материальной депривации населения в субъектах ДФО выше более чем в два раза по сравнению с уровнем официальной бедности. Оценка материальной депривации в субъектах ДФО по представленным признакам показывает, что по четырем признакам из семи около половины населения не имеет возможностей, то есть испытывает сильную материальную депривацию.

Более 60% населения в Республике Бурятия, ЕАО, Камчатском крае не имеют

Таблица 5

**Уровень материальной депривации домохозяйств в субъектах ДФО
в 2018 г., %**

Субъекты ДФО	не имеют возможности справиться с неожиданными тратами	не имеют возможности проводить отпуск вне дома (одну неделю)	не способны погасить долги по ипотеке, коммунальным услугам	не могут позволить мясо, птицу, рыбу раз в 2 дня	не могут заменить старую простую мебель	наличие автомобиля	нет выхода в Интернет	доля бедного населения по доходам
Республика Бурятия	64,8	63,1	5,4	7,1	61,5	48,8	33,8	19,1
Республика Саха (Якутия)	54,9	49,4	31,7	7,4	51,3	54,3	19,5	18,6
Забайкальский край	52,2	63,7	10,9	10,2	54,9	41,4	27,7	21,4
Камчатский край	59,6	65,5	17	9,3	65,8	46,5	22,5	15,8
Приморский край	54,0	61,2	12,0	9,6	59,8	49,8	30,1	13,9
Хабаровский край	40,2	44,2	23,8	7,7	49,9	50,6	22,5	12,2
Амурская область	49,1	50,8	6,4	14,3	60,7	48,1	26,0	15,6
Магаданская область	48,8	89,7	17,3	12,2	59,6	65,9	19,5	9,5
Сахалинская область	45,5	46,1	17,4	9,9	57,1	53,1	23,4	8,5
Еврейская авт. область	60,9	71,7	16,2	13,0	53,6	57,0	66,2	23,7
Чукотский авт. округ	46,5	68,7	15	4,8	41,0	81,7	89,3	8,8

Источник: составлено автором на основе комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2018). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

возможности справиться с неожиданными тратами. В таких субъектах, как Республика Саха (Якутия), Забайкальский, Приморский края с такими тратами не могут справиться более 50% населения. В Хабаровском крае, Амурской, Сахалинской и Магаданской областях, ЧАО от 40% до 50% населения не справляются с неожиданными тратами.

От 60% до 90% населения в Республике Бурятия, Забайкальском, Камчатском, Приморском краях, ЕАО и ЧАО не имеют возможности проводить неделю отпуска вне дома. В таких субъектах как Республика Саха (Якутия), Хабаровский край, Амурская, Сахалинская области от 40% до 60% населения испытывают депривацию по данному признаку.

Более половины жителей субъектов ДФО не могут заменить старую простую мебель. Это не могут сделать 65,8% населения Камчатского края, 61,5% населения Республики Бурятия и 60,7% населения Амурской области. Не могут себе позволить заменить мебель полови-

на населения Республики Саха (Якутия), Забайкальского, Приморского, Хабаровского краев, Амурской, Магаданской, Сахалинской областей, ЕАО и ЧАО.

Каждый пятый житель Республики Саха (Якутия), Камчатского, Хабаровского, Забайкальского краев, Магаданской и Амурской областей не имеет выхода в Интернет, каждый третий – в Приморском крае. Самая низкая обеспеченность Интернетом – в ЕАО (33,8%) и ЧАО (10,7%).

На индивидуальном уровне оценивается уровень материальной депривации по шести показателям. Четыре показателя представлены в обследовании КОУЖ-2018, по двум показателям данных нет («не имеет возможности регулярного участия в мероприятиях досуга и отдыха, тратить небольшие суммы денег на собственные нужды каждую неделю»).

На индивидуальном уровне около трети населения всех субъектов ДФО не могут себе позволить покупать по две пары обуви по сезону и не имеют возможности

Таблица 6

Индивидуальные показатели для измерения материальной депривации в 2018 г., %

Субъекты ДФО	не пользуются выходом в интернет(старше 15 лет)	не имеют возможности покупать две пары обуви по сезону	не имеют возможность покупать одежду взамен изношенной	не имеют возможность приглашать родственников на семейное торжество	доля бедного населения по доходам
Республика Бурятия	33,8	56,3	10,4	30,1	19,1
Республика Саха(Якутия)	19,5	34,9	9,0	31,6	18,6
Забайкальский край	27,7	35,8	13,8	34,6	21,4
Камчатский край	22,5	31,7	13,3	30,3	15,8
Приморский край	30,1	37,8	12,0	32,2	13,9
Хабаровский край	22,5	28,2	13,3	25,3	12,2
Амурская область	26,0	42,0	10,9	20,1	15,6
Магаданская область	19,5	22,7	11,8	40,0	9,5
Сахалинская область	23,4	31,0	14,1	25,5	8,5
Еврейская авт. область	33,8	46,9	10,2	31,5	23,7
Чукотский авт. округ	10,7	26,3	2,3	14,6	8,8

Источник: составлено автором на основе комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ-2018). URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html

приглашать родственников на семейные торжества хотя бы раз в месяц. Только ЧАО по данным показателям показывает более благоприятную картину, т. к. только 14,6% не имеют возможности приглашать родственников на семейное торжество и 26,3% не имеют возможности купить две пары обуви по сезону.

В условиях активного развития информационных технологий настораживает показатель, который определяет долю населения, не пользующегося Интернетом, в Республике Бурятия (33,8%), ЕАО (33,8%), в Приморском крае (30,1%), Амурской области (26%) – это треть населения. В остальных субъектах ДФО примерно пятая часть населения не пользуется Интернетом.

Оценка уровня бедности на основе данной концепции показывает, что количество бедного населения выше, чем в представленных концепциях.

Заключение. Таким образом, автором статьи показано, что уровень бедности зависит от методологического подхода, который положен в основу измерения.

Определение уровня бедного населения с помощью абсолютной концепции зависит от стандарта, который установлен для расчета прожиточного минимума. В относительной концепции уровень бедного населения определяется от соотношения величины прожиточного минимума к медианному среднедушевому доходу (это может быть 40%, 50%, 60%). Для проведения эффективной государственной политики по снижению уровня бедности целесообразно использовать концепцию многомерной бедности, в которой для измерения бедности помимо дохода используется система показателей, измеряющих уровень депривации.

Список литературы:

1. Буланова М. А. Федеральный проект «Старшее поколение»: проблемы измерения и перспективы реализации // *Власть и управление на Востоке России.*

№ 4 (89). 2019. С. 101–115.

2. Воронов В. В., Ружа О. П., Сташане Я. В. Многомерная бедность в странах Балтии в контексте ЕС: теоретические и практические аспекты // *Балтийский регион.* 2020. Т. 12. № 3. С. 72–88.

3. Карабчук Т. С., Пашинова Т. Р., Соболева Н. Е. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // *Мир России.* 2013. № 1. С. 159–160.

4. Карцева М. А. Многомерная бедность в странах ЕС: индекс риска бедности и социальной исключенности AROPE // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2019. № 74. С. 126–155.

5. Методы определения порога бедности: опыт четырех стран / Группа технической поддержки по вопросам достойного труда и Бюро МОТ для стран восточной Европы и Центральной Азии. Москва: МОТ, 2012. 34–47 с.

6. Тихонова Н. Е., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Аникин В. А., Каравай А. В., Слободенюк Е. Д. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 69.

7. Прокофьева Л. Немонетарные методы измерения бедности: использование метода деприваций в России // *Измерение, формы и факторы бедности. Сравнительный подход // Documents de travail, Studies, INED.* Париж, 2008. С. 73–83.

8. Ciani, M., Gagliardi, F., Riccarelli, S., Betti, G. 2019, Fuzzy measures of multidimensional poverty in the Mediterranean area: A focus on financial dimension, *Multidisciplinary Digital Publishing Institute*, vol. 11, no. 1.

9. Townsend P. *Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living.* London: Allen Lane and Penguin Books, 1979.

10. Townsend P. *Poverty, Social Exclusion, and Social Polarisation: The Need to Construct and International Welfare State / World Poverty, New Policies to Defeat an Old,* 2002. С. 31.

Библиографическое описание статьи

Буланова М. А. Оценка уровня бедности в России: зависимость от методологии измерения // *Власть и управление на Востоке России.* 2021. № 1 (94). С. 157–169. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-157-169

Marina A. Bulanova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of state and municipal administration and service law, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). *E-mail: bulanova-ma@ranepa.ru*

Poverty assessment in Russia: dependence on the measurement methodology

Poverty reduction is one of the main objectives of the state policy in the Russian Federation. In the decree of the President of the Russian Federation No. 474 of 21.07.2020 «On the national goals of the Russian Federation for the period up to 2030,» a target is determined - reducing the poverty level by half by 2030. To measure poverty in the Russian Federation until 2021, the absolute concept was used. Within the framework of this concept, it is planned to create a minimum standard on the basis of which the level of poverty was determined. In the Russian Federation, a consumer basket is adopted as a standard, on the basis of which the cost of living is calculated. The cost of living is the threshold for poverty. Since 2021, the methodology for measuring poverty has changed, the calculation is based on the relative concept, the median method is used to measure poverty. A number of countries also use the multidimensional poverty concept with a set of indicators to measure poverty. The article provides a comparative analysis of methodological approaches for poverty assessment. The article proves that the level of poverty depends on the methodological approach underlying its measurement. The author believes that only a multidimensional approach to measuring poverty will contribute to the development of effective public policies to overcome poverty.

Keywords: poverty, subsistence minimum, average per capita median income, consumer basket, absolute concept, relative concept, deprivation concept, multidimensional poverty, state policy to overcome poverty.

References:

1. Bulanova M. A. Federal project “Older generation”: measurement problems and prospects for implementation *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], no. 4 (89), 2019, pp. 101–115. (In Russian).
2. Voronov V. V., Ruzha O. P., Stashane Ya. V. Multidimensional poverty in the Baltic countries in the context of the EU: theoretical and practical aspects *Baltiyskiy region* [Baltic region], 2020, vol. 12, no. 3, pp. 72–88. (In Russian).
3. Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. Household poverty in Russia: what the HSE RLMS data say *Mir Rossii* [World of Russia], 2013, no. 1, pp. 159–160. (In Russian).
4. Kartseva M. A. Multidimensional poverty in the EU: the index of poverty and social exclusion risk AROPE *Gosudarstvennoye upravleniye* [Public administration], 2019, no. 74, pp. 126–155. (In Russian).
5. Methods for Determining the Poverty Line: Experiences from Four Countries. Moscow: ILO, 2012, 34–47 p. (In Russian).
6. Tikhonova N. Ye., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Anikin V. A., Karavay A. V., Slobodenyuk E. D. Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2018, p. 69. (In Russian).
7. Prokofieva L. Non-monetary methods of measuring poverty: using the method of deprivation in Russia. Measurement, forms and factors of poverty. Comparative approach. Documents de travail, Studies, INED. Paris, 2008, pp. 73–83. (In Russian).
8. Ciani, M., Gagliardi, F., Riccarelli, S., Betti, G. 2019, Fuzzy measures of multidimensional poverty in the Mediterranean area: A focus on financial dimension, *Multi-disciplinary Digital Publishing Institute*, vol. 11, no. 1.
9. Townsend P. Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living. London: Allen Lane and Penguin Books, 1979.
10. Townsend P. Poverty, Social Exclusion, and Social Polarisation: The Need to Construct and International Welfare State / *World Poverty, New Policies to Defeat an Old*, 2002, p. 31.

Reference to the article

Bulanova M. A. Poverty assessment in Russia: dependence on the measurement methodology // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 157–169. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-157-169

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176
УДК 314.156

Н. А. Хридина

Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в социологическом измерении

В статье анализируется социологический аспект традиционного образа жизни коренных малочисленных народов с точки зрения создания условий со стороны государства. Определено, что в современных условиях непрерывного информационно-технологического прогресса и стирания межнациональных границ особую актуальность приобретает сохранение коренных малочисленных общин, ведущих традиционный уклад жизни. Выявлены объективные и субъективные факторы, обуславливающие состояние и оценку традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Проанализированы меры государственной поддержки уровня жизни коренных малочисленных народов, и дана их субъективная оценка респондентами. По результатам проведённого социологического исследования выявлены факторы, оказывающие негативное влияние на возможность сохранения коренными народами традиционного образа жизни, предложены дополнительные меры их государственной поддержки.

Ключевые слова: традиционный образ жизни, коренные малочисленные народы, государственная национальная политика, государственная программа, социологические исследования, Хабаровский край.

Введение. Российское государство исторически сложилось как многонациональное, соответственно в построении российской государственности немаловажную роль играют межнациональные отношения. Национальный состав российского государства уникален не только своим многообразием, но и тем, что представлен коренными малочисленными народами, придерживающимися исконного быта и культуры.

Проблемы сохранения общин коренных малочисленных народов были актуальны для России во все исторические периоды. Особого внимания данная форма организации жизни национальных меньшинств требует от государства в условиях рыночных отношений, которые меняют условия сохранения их традиционного образа жизни.

Следует отметить, что, несмотря на происходящие социально-экономические и политические изменения, на государственном уровне удалось обеспечить этнокультурное многообразие российского об-

щества, сохранение национальных общин и возможность ведения ими традиционного образа жизни. В этом плане важно отметить, что в современном правовом поле коренные малочисленные народы рассматриваются как самостоятельный коллективный субъект права, обладающий правами и свободами, реализация которых гарантирована государством и закреплена на конституционном уровне.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации защита прав коренных малочисленных народов отнесена к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Так, на федеральном уровне принята и реализуется Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства в 2016 году, направленная на «... создание условий для устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, в том числе на сохранение их исконной среды

Наталья Александровна Хридина – канд. социол. наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Тихоокеанский государственный университет (680035, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136). E-mail: 010772@pnu.edu.ru

обитания и образа жизни, модернизацию хозяйственной деятельности и всей социальной сферы (включая систему образования, здравоохранения, культуры) в местах их традиционного проживания»¹.

В рамках регионального законодательства могут вводиться дополнительные по отношению к федеральным гарантиям меры поддержки социально-экономического и социально-культурного развития коренных малочисленных народов. Так, например, в Хабаровском крае предоставлена дополнительная государственная поддержка северному оленеводству как традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов². Данный механизм позволяет поддерживать группы коренных малочисленных народов с учетом региональной специфики, что отражается на эффективности мер государственной поддержки.

Однако, несмотря на принятые программные документы, социально-экономическое положение коренных малочисленных народов остается достаточно уязвимым. Продолжается ухудшение качества жизни семей коренных малочисленных народов, их маргинализация, т. к. они поддерживают свою жизнедеятельность за счет ведения натурального хозяйства, а возможность заниматься традиционными видами деятельности (рыбалка, охота и др.) ограничена.

Целью данного исследования является оценка традиционного образа жизни коренных малочисленных народов в условиях динамично развивающихся социально-экономических отношений и

модернизации производства.

Эмпирическую основу работы составили результаты социологического исследования удовлетворенности коренных народов мерами государственной поддержки их социального и экономического развития в рамках реализации региональной государственной программы «Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Хабаровского края»³.

Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов. «Образ жизни» – социологическая категория, которая не так давно получила свое теоретическое обоснование и стала популярной в оценках количественных и качественных показателей жизнедеятельности отдельных социальных групп, что позволяет определять возможную динамику данных группы. Особую актуальность приобретает изучение образа жизни социальных групп в условиях перемен, трансформации процессов, институтов, социальной структуры общества. В силу того, что категория «образ жизни» представляет собой целостное описание жизнедеятельности группы во взаимодействии всех составляющих ее частей, можно комплексно оценить направления и характер происходящих внутрigrупповых изменений, выявить механизмы формирования мотивации и базовые ценностные ориентиры группы. Такой подход позволяет изучать жизнедеятельность социальной группы как в статике, так и в динамике в части сохранения данной группы и по-

¹ Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2025 гг. Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2016 № 1792-р (ред. от 23.11.2020) // Собрание законодательства РФ, 05.09.2016, № 36, ст. 5440.

² О поддержке коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае: Закон Хабаровского края от 23.04.2014 № 358 (ред. от 24.10.2018) // Собрание законодательства Хабаровского края. 2014. № 4.

³ Исследование основано на анализе данных социологического исследования «Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих на территории Хабаровского края» в 2019 году. Опрошено 600 респондентов. Выборочная совокупность репрезентативна по отношению к генеральной совокупности (население Хабаровского края) по национальности, полу, возрасту и населенному пункту. В исследовании использована сплошная случайная выборка представителей коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. «Краевой научно-практический центр мониторинга этноконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций». Научный руководитель: кан. социол. наук Н. А. Хридина.

следующего ее воспроизводства.

Проблемам образа жизни как социологической категории посвящены работы как отечественных, так и зарубежных авторов. Среди отечественных исследователей можно выделить труды И. В. Бестужева-Лады, Г. М. Борисова, Л. А. Гордона, Ю. Н. Давыдова, Т. М. Дридзе, Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, В. Ж. Келле, Э. В. Клопова, Ю. А. Левады и др.

Анализ существующих подходов к образу жизни позволяет выделить некоторые общие черты. Во-первых, образ жизни является формой человеческой жизнедеятельности (как индивида, так и группы), характеризующейся типичностью и устойчивостью для конкретных исторических отношений. Во-вторых, образ жизни обуславливается социальной принадлежностью группы, родом занятий, региональными, культурными, возрастными, а также национальными особенностями.

Можно заключить, что содержательно образ жизни обусловлен совокупностью субъективных (оценки объективных условий своего существования, обусловленные интересы, мотивы и ценности) и объективных факторов (социально-экономические, географические, культурные условия и др.).

Относительно коренных малочисленных народов применяется понятие «традиционный образ жизни». Такое определение выделяет группу малочисленных народов среди иных социальных групп, указывая на необходимость не только создания специальных условий для существования данной группы, но и на возможности сохранения и воспроизводства жизнедеятельности группы.

Операционализация понятия «традиционный образ жизни коренных малочисленных народов» видится автором как совокупность взаимосвязанных элементов, описывающих их повседневную жизнедеятельность, основанную на исторически сложившемся опыте предков в области природопользования, на самобытной социальной организации проживания, самобытной культуре, сохранении обычаев и верований. Следует отметить, что существуют различия в традиционном образе жизни различ-

ных народов, но целостность традиционного образа жизни коренных народов видится в устойчивом единстве основных видов жизнедеятельности в различных сферах общественной жизни: политической, социально-экономической и духовно-культурной. В данном случае эмпирическими индикаторами для анализа традиционного образа жизни коренных малочисленных народов могут выступать субъективные и объективные факторы, содержательно характеризующие их жизнедеятельность в различных сферах. Так, объективными факторами могут выступать:

территория проживания коренных народов с климатическими, демографическими и экологическими особенностями;

характер разделения труда и его условия;

нормы, традиции и верования, владение национальным языком.

Субъективные факторы, обуславливающие традиционный образ жизни, могут быть представлены восприятием и оценкой объективных условий своего существования, потребностями и мотивацией к поддержанию традиционного образа жизни.

Региональные механизмы поддержки традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Хабаровский край занимает третье место в Российской Федерации по количеству общин, относящихся к категории малочисленных народов. На его территории проживает 22,861 тыс. представителей данной группы населения, что составляет 1,7% численности жителей края.

Несмотря на малочисленность коренных народов, создание условий для их поддержки является одним из приоритетных направлений региональной государственной политики. В этой связи на территории края принята и реализуется государственная программа «Развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, проживающих в Хабаровском крае». Она содержит дополнительные к федеральным меры поддержки, направленные на экономическое и социальное развитие, а

также развитие сферы образования, культуры, медицинского обслуживания, в том числе проведение этнокультурных мероприятий на территориях традиционного проживания малочисленных народов. В этих целях вся территория Хабаровского края (17 муниципальных районов и 2 городских округа) отнесена к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов⁴.

По данным Министерства природных ресурсов Хабаровского края, представители коренных малочисленных народов осуществляют деятельность как самостоятельно, так и в составе общин⁵. Основными видами традиционной деятельности являются: рыболовство, промысловая охота, оленеводство, собирательство и народный художественный промысел.

Результаты опроса коренных малочисленных народов показали, что традиционные виды хозяйственной деятельности предпочтительны в качестве основного вида хозяйственной деятельности для более половины опрошенных (58,0%). При этом традиционная хозяйственная деятельность не является основным источником дохода в оценках каждого третьего из четырех респондентов (77,5%).

В рамках реализации региональной программы поддержки коренных малочисленных народов проводятся этнокультурные мероприятия, направленные на поддержку традиционного образа жизни коренных народов. По результатам опроса выявлена достаточно высокая оценка респондентами уровня удовлетворенности качеством реализуемых мероприятий и вовлеченность в проводимые мероприятия. Так, среди опрошенных в них приняли участие треть респондентов (35%). Наиболее полезными и значимыми респонденты отметили следующие мероприятия:

проведение краевых соревнований по

северному многоборью и летним национальным видам спорта народов Приамурья (39%);

организация отдыха и оздоровления детей коренных малочисленных народов (37,7%);

краевой конкурс «Ремесла Земли Дерсу» (37,2%);

фестиваль коренных народов «Праздник лета – древний свет» (35,1%);

молодежный лагерь «Встань на крыло» (33,5%);

этнофорум коренных малочисленных народов края «Живые традиции предков» (31,6%);

мероприятие «Дни Севера» (29,1%);

этно-встреча «Земля моих предков (Ньатикху миф)» (27,7%).

Одним из элементов, характеризующих традиционный образ жизни, является владения национальным языком. Однако, по данным Всероссийской переписи населения (2010 г.), родными языками владеет менее 10% коренных малочисленных народов края.

Таким образом, типичным для коренных малочисленных народов в Хабаровском крае является их ориентация на сохранение традиционных видов деятельности на территории края, участие в этно-культурных мероприятиях, но владение родным языком утрачивается.

В оценках своего материального положения половина респондентов отмечают, что не испытывают материальных трудностей (50,7%), другая половина относит себя к категории бедного населения (42,0%). На низкую удовлетворенность своей сегодняшней жизнью указал каждый третий опрошенный (32,8%).

Результаты опроса показали неоднозначность в оценках респондентов уровня удовлетворенности качеством мероприятий государственной программы, направленных на экономическое и социальное развитие коренных малочислен-

⁴ Об утверждении перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ и перечня видов их традиционной хозяйственной деятельности: Распоряжение Правительства РФ от 8 мая 2009 г. № 631-р // Доступ из СПС «Консультант Плюс»

⁵ Коренные малочисленные народы Севера. URL: <https://mpr.khabkrai.ru/Deyatelnost/Korennyemalochislennye-narody-Severa/514>

ных народов. Так, по данным исследования удовлетворены качеством мероприятий государственной программы четверо из десяти респондентов (40%), такая же часть респондентов обозначила свою неудовлетворенность (44,3%).

Среди основных направлений финансовой поддержки, которые необходимы представителям коренных малочисленных народов, респонденты в первую очередь указали на:

обеспечение проезда лиц из числа малочисленных народов к объектам социальной защиты населения, образования, здравоохранения, транспорта (62,1%);

обеспечение отдыха детей из числа коренных малочисленных народов в оздоровительных лагерях (61,9%);

поддержка традиционной хозяйственной деятельности, в том числе приобретение необходимого инвентаря и оборудования (61,4%);

подготовка квалифицированных кадров в целях осуществления традиционной хозяйственной деятельности, а также сохранения культуры и родных языков, в том числе оказание поддержки лицам из числа коренных народов в период обучения (58,7%);

проведение совместных культурно-массовых мероприятий, направленных на сохранение традиций и культуры (46,7%);

подготовка и повышение квалификации учителей родного языка (43%);

приобретение транспорта для учреждений здравоохранения в целях оказания медицинской помощи в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности (35%);

обеспечение участия детей из числа коренных малочисленных народов в образовательных мероприятиях регионального и федерального значений (33,1%).

По результатам исследования респондентами указаны проблемы, с которыми они сталкиваются в своей повседневной жизни в сфере обеспечения прав коренных малочисленных народов. Так, наиболее значимой отмечена проблема осуществления традиционного рыболовства (67,3%), треть респондентов указали на проблемы недостаточной ин-

формированности об имеющихся мерах поддержки (33,7%), еще треть указали на проблемы доступа к услугам здравоохранения (31,3%) и проблему сохранения самобытной культуры (29,7%). По одной пятой части респондентов указали на проблемы в доступе к услугам образования (22,7%) и осуществления традиционной охоты (20,3%).

Таким образом, в новых социально-экономических реалиях неудовлетворенность жизнью коренных малочисленных народов, обусловленная материальными трудностями и ограниченностью возможностей ведения ее в традиционной форме, не способствует сохранению и воспроизводству традиционного образа жизни. На государственном уровне требуется создание условий для обеспечения достойной жизни и сохранения ее традиционных социокультурных форм, аккумулированных в родном языке, культуре, народных промыслах и т. д.

Заключение. Для сохранения коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока немаловажное значение приобретает адаптация традиционного образа жизни, сформированного многими поколениями коренных народов, к современным социально-экономическим условиям российского общества. Самоорганизация жизнедеятельности коренных малочисленных народов строится на основе сохранения традиционного типа ведения хозяйства, поддержания должного уровня этнокультуры и иных элементов, относящихся к категории традиционного образа жизни. Это позволяет представителям данной группы относить себя к категории коренных малочисленных народов. В этом аспекте можно утверждать о возможности воспроизводства данной национальной группы.

Однако на сегодняшний день отмечаются факторы, оказывающие отрицательное воздействие на возможность придерживаться традиционной модели образа жизни коренными малочисленными народами. К ним можно отнести проблемы в реализации своих законных прав как коренных народов и, как следствие, низкий уровень удовлетворенно-

сти своей жизнью и материальным положением.

Исследованием выявлено противоречие между потребностями сохранения и воспроизводства традиционного образа жизни коренных малочисленных народов и существующим состоянием «консервированности» данной социальной группы, выражающимся в низком уровне социально-экономического развития и качества жизни. Такое положение не способствует реализации целей существующих государственных программ, направленных на поддержку коренных малочисленных народов, и, как следствие, снижает мотивацию представителей данной социальной группы к поддержанию традиционной модели жизнедеятельности и ее воспроизводства.

В связи с этим механизмам поддержки коренных малочисленных народов целесообразно придать комплексный характер. С одной стороны, необходимы меры, направленные на создание условий сохранения и поддержания традиционного образа жизни коренных народов в современных условиях, с другой – необходимы условия интеграции их в рыночные отношения, установление партнерских взаимосвязей между национальными общинами и хозяйствующими субъектами. Это будет способствовать адаптации народов к современным условиям при сохранении традиционного образа жизни и социокультурной идентичности. Соответственно, традиционный образ жизни народов может выступать как фактор их развития, а не консервации.

Список литературы:

1. Толстых В. И. Образ жизни: Понятие, реальность, проблемы. М.: Политиз-

дат, 1975. 184 с.

2. Бестужев-Лада И. В. Содержание и структура категории образ жизни. Теоретические и методологические проблемы исследования образа жизни. М., 1979. С. 15.

3. Зорин В. Ю., Хабриева Т. Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 8. С. 34–41.

4. Мархгейм М. В. Национальный фактор современного конституционного строительства в России // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 341–348.

5. Хакназаров С. Х. Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера: теоретико-социологический анализ // Вестник угроведения. 2013. №4 (15). С. 118–124.

6. Логинов В. Г., Игнатъева М. Н., Балашенко В. В. Этносоциоэкологический подход к оценке жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 3. С. 896–913.

7. Суляндзига Р. В. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Обзор современного положения. М., 2003. 145 с.

8. Тураев В. А. Социально-демографические процессы у коренных малочисленных народов дальнего Востока в 1989–2010 гг. // Россия и АТР. 2019. №2. С. 145–164.

9. Заславская Т. И. Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск: Наука. 1991.

Библиографическое описание статьи

Хридина Н. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 170–176. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176

Natalya A. Khridina – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of constitutional and municipal law, the Pacific State University (136, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680035, Russia). *E-mail: 010772@pnu.edu.ru*

Traditional way of life of small indigenous peoples in sociological dimension

The article analyses sociological aspect of the traditional way of life of indigenous small peoples from the point of view of creating conditions from the state. It is determined that in the current context of continuous information and technological progress, the preservation of indigenous small communities leading a traditional way of life is of particular relevance. Objective and subjective factors have been identified that determine the state and assessment of the traditional way of life of small indigenous peoples. Measures of state support for the living standards of small indigenous peoples were analyzed, and their subjective assessment was given by respondents. According to the results of sociological study, factors have been identified that have a negative impact on the possibility of indigenous peoples preserving the traditional way of life, and additional measures of their state support have been proposed.

Keywords: *traditional way of life, indigenous small peoples, state national policy, state program, sociological research, the Khabarovsk territory.*

References:

1. Tolstykh V. I. Lifestyle: Concept, reality, problems. Moscow: Politizdat, 1975. 184 p. (In Russian).
2. Bestuzhev-Lada IV Content and structure of the category of lifestyle. Theoretical and methodological problems of the study of the way of life. M., 1979. S. 15. (In Russian).
3. Zorin V. Yu., Khabrieva T. Ya. State national policy of the Russian Federation: problems of implementation and improvement *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2003, no. 8, pp. 34–41. (In Russian).
4. Markhgeim M. V. National factor of modern constitutional construction in Russia *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right], 2011, no. 20 (115), pp 341–348. (In Russian).
5. Khaknazarov S. Kh. Sustainable development of indigenous small-numbered peoples of the North: theoretical and sociological analysis *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2013, no. 4 (15), pp. 118–124. (In Russian).
6. Loginov V. G., Ignatieva M. N., Balashenko V. V. Ethnosocial ecosystem approach to assessing the vital activity of indigenous peoples of the North *Ekonomika regiona* [Economy of the region], 2018, vol. 14, no. 3, pp. 896–913. (In Russian).
7. Sulyandziga RV Small indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation. Review of the current situation. M., 2003. 145 p. (In Russian).
8. Turaev VA Socio-demographic processes among the indigenous peoples of the Far East in 1989–2010 *Rossiya i ATR* [Russia and Asia-Pacific], 2019, no. 2, pp. 145–164. (In Russian).
9. Zaslavskaya TI Sociology of economic life. Essays on the theory. Novosibirsk: Science. 1991. (In Russian).

Reference to the article

Khridina N. A. Traditional way of life of small indigenous peoples in sociological dimension // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 170–176. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-170-176

ОБСУЖДАЕМ ПРОБЛЕМУ: ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И УКРЕПЛЕНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187
УДК 314.7(571.56)

Д. М. Винокурова
А. Г. Томаска

Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи¹

Исследование проведено в сентябре-ноябре 2020 г. в рамках проекта «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» (научный руководитель: д-р ист. наук Т. Б. Смирнова) с целью выявления последствий внутренней и международной миграции в Дальневосточном федеральном округе. Республика Саха (Якутия) является по территории одним из крупных субъектов Дальневосточного федерального округа, но малозаселенным. Миграционный обмен в регионе происходил и продолжает происходить за счет прибытия потоков мигрантов из разных регионов РФ, стран СНГ и КНР. Если представители Средней Азии начали массово прибывать в постсоветский период, то мигранты из Армении, Азербайджана, Белоруссии, Украины и из регионов РФ начали прибывать с начала промышленного освоения территории республики. Очевидно, подобное длительное взаимодействие с мигрантами формирует толерантное отношение к ним представителей местного сообщества, о чем свидетельствуют полученные эмпирические данные. Следует отметить, что сегодняшняя тенденция интернационализации высшего образования посредством академической мобильности студентов, реализации совместных образовательных программ «с двойным дипломом» и др. способствует расширению межэтнических и международных контактов студентов. Респонденты оценили последствия миграции в регионе, указали в каком случае может прекратиться отток молодежи из региона. В статье анализируется первичный материал, который был собран методом квотного анкетного опроса студентов вузов в г. Якутске, объем выборки составил 200 респондентов.

Ключевые слова: этносы, внутренние мигранты, мигранты из СНГ, последствия миграции, стереотипы, мифы о мигрантах.

¹ Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020-2022 гг.

Декабрина Михайловна Винокурова – канд. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой психологии и социальных наук, Институт психологии, Северо-Восточный Федеральный университет им. М.К. Аммосова (677000, Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42). E-mail: dorofdm1@yandex.ru

Алена Георгиевна Томаска – научный сотрудник Центра этносоциологических исследований, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (677027, Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1). E-mail: algepo@mail.ru

Введение. В России миграция рассматривается как один из факторов социально-экономического и демографического развития страны и регионов². Миграция населения занимает особое место в демографическом развитии северо-восточных регионов России. В Республике Саха (Якутия) (далее – РС(Я)) формирование этнической и возрастной структуры, численности населения, трудовых ресурсов всегда было связано с интенсивным миграционным обменом. Положительное сальдо внешней миграции сохранялось на протяжении всего прошлого столетия до 1991 г., когда был достигнут максимум по численности населения (по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РС(Я) – 1119,0 тыс. чел.). Этот период характеризуется интенсивными процессами урбанизации в связи с промышленным освоением территории, и, соответственно, особенно существенный прирост численности населения наблюдался в промышленных районах Якутии. Относительно переписи 1959 г. численность городского населения выросла в 3,1 раза, сельского – в 1,5 раза. Наряду с ростом численности населения менялась и этническая структура. Так, например, значительно возросла доля русских и, напротив, сни-

зилась доля якутов в общей численности населения Якутии (рис.1). В это время в республике наблюдается рост численности и других народов СССР: украинцев, бурят, башкир, молдаван, азербайджанцев и т. д.

С 1991 г. в связи с социально-экономическими реформами в обществе, внесшими колоссальные изменения и диспропорции на рынке труда республики, отмечается интенсивный рост миграционной убыли населения до 1994 г., когда был достигнут максимум убыли – -31,266 тыс. чел. при численности населения 1064,6 тыс. чел. В этот период в этнической структуре республики произошли изменения: значительно сократилась доля русского населения, выросла доля якутов, увеличилась численность коренных малочисленных народов Севера. Несмотря на постепенное сокращение массовой убыли населения республики, миграционный прирост в регионе остается отрицательным, хотя роль входящей миграции в формировании структуры населения остается чрезвычайно актуальной: она является одним из главных факторов изменения численности населения республики. По данным Росстата³, в 2019 г. доля межрегиональ-

Рис. 1. Динамика численности трех этносов в Якутии мужчин и женщин по итогам четырех переписей населения, чел.

² Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/26299>. Дата обращения: 27.10.2020

³ О межрегиональной трудовой миграции в 2019 г. – С.4. [Электронный ресурс] URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf. Дата обращения: 17.09.2020

ных трудовых мигрантов в возрасте 15 лет и старше, въезжающих на работу в Республику Саха (Якутия), в четыре раза превышает средний уровень по Дальневосточному федеральному округу (далее – ДФО). Это более чем в два раза выше среднероссийского уровня, и их численность составила 40,1 тыс. чел. Это более трети (36,3%) общей численности занятого населения, въезжающего на работу в округ.

Миграционные процессы в Республике Саха (Якутия). Как писал Э. С. Ли: «... объем миграции на определенной территории варьируется в зависимости от степени разнообразия территорий, включенных в эту территорию. Если миграция, как мы предполагали, частично связана с рассмотрением положительных и отрицательных факторов в месте происхождения и назначения, то высокая степень разнообразия между районами должна приводить к высоким уровням миграции» [Lee, 1966. Р. 53]. Движущей силой миграции в республике еще с прошлого столетия являются экономические факторы-условия в связи с привлечением трудовых ресурсов [Рыбаковский, 2017. С. 54]. Минерально-сырьевой потенциал – это

центры крупных отраслей добывающей промышленности республики с преобладанием русского и русскоязычного населения: Алданский район (золото), Мирнинский район (алмазы), Нерюнгринский район (добыча угля) и столица республики г. Якутск – являются территориями основного потока миграционного обмена. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Алданском районе русское население составляет 79,0%, эвенки – 4,9%, якуты – 3,7%, украинцы – 3,6% и др. В Мирнинском районе русское население составляет 61,8%, якуты – 8,8%, украинцы – 6,1%, татары – 2,6%, эвенки – 0,7%. В Нерюнгринском районе русское население составляет 78,1%, украинцы – 6,2%, якуты – 2,5%, татары – 2,0%, буряты – 1,8%, эвенки – 1,4%. В г. Якутске, который, обладая относительно более разнообразным и широким рынком труда, является господствующим центростремительным направлением во внутренних миграциях из села в город, большинство населения составляют якуты – 49,2%, русские – 39,8%, украинцы – 1,4%, киргизы – 1,1%.

Численность населения РС(Я) на 1 января 2020 г. составляет 971,9 тыс. чел.

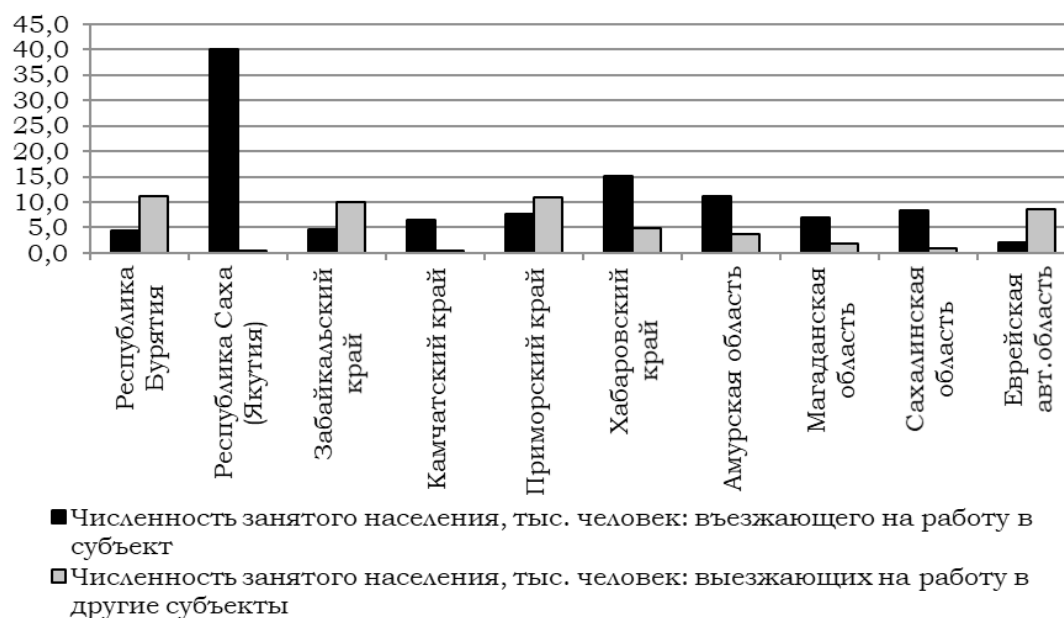

Рис. 2. Межрегиональная миграция занятого населения в возрасте 15 лет и старше по ДФО РФ в 2019 г. (по данным выборочного обследования рабочей силы)⁴.

⁴ Там же.

(городское население – 66,1%, сельское – 33,9%). С 1990 г. в республике сохраняется миграционная убыль, что является одним из главных факторов изменения численности ее населения. Роль миграции в формировании прироста (убыли) общей численности населения (рис. 3) наглядно прослеживается в соотношении компонентов естественного и миграционного прироста (убыли). Основная доля в структуре миграционных процессов республики состоит из мигрантов, передвигающихся в пределах Российской Федерации: с 1998 г. по настоящее время в среднем 94,6% прибывающих и 97,2% выбывающих мигрантов. Наибольший миграционный обмен происходит в пределах ДФО, где с 1994 г. большая часть (внутриреспубликанские мигранты – сельские мигранты) – передвигающиеся из села в город. В среднем внутриреспубликанская миграция составляет 68,6% от общей численности мигрантов.

Доля мигрантов из других стран составляет среди прибывающих с 1998 г. в среднем 5,4%, среди выбывающих – 2,8%. Подавляющее большинство приезжающих работать в Якутию иностран-

ных граждан – из стран СНГ. По данным статистики МВД Якутии, в 2019 г. лидерство принадлежит Кыргызстану, из этой страны прибыли 7190 чел. (19,2%), на втором месте Таджикистан – 5992 (19,2%), затем следуют Узбекистан – 3939 (12,6%), Армения – 2201 (7%) и Казахстан – 1860 (5,9%). Кроме этого, отмечается большое количество мигрантов из Украины – 2489 чел. (7,9%). Наибольшая доля в числе прибывших иностранных граждан с визовым режимом принадлежит гражданам Китая – 3134 чел. (42,3%), Кореи – 443 (5,9%), Германии – 332 (4,5%), Японии – 279 (3,8%), США – 211 (2,8%), Франции – 177 (2,4%) и Индии – 143 (1,9%). Основными причинами въезда иностранных граждан в Республику Саха (Якутия) остаются «работа по найму» и «частная»⁵.

Миграционные процессы в местах основных потоков миграционного обмена в Республике Саха (Якутия) (в г. Якутске и центрах крупных отраслей добывающей промышленности республики) неоднозначны. Районы республики очень сильно отличаются по социально-экономическому, демографическому и национальному составу, этно-культурному

Рис. 3. Соотношение естественного, миграционного и общего прироста численности населения РС(Я) по годам, чел.^е

⁵ Информационно-аналитическая записка о результатах деятельности органов внутренних дел по Республике Саха (Якутия) за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: [http://14.mvd.rf/sljzba/отчеты-должностных-лиц-2/отчеты-мвд-по-республике-саха-якутия-/item/19768336/](http://14.mvd.rf/sljzba/otчеты-должностных-лиц-2/отчеты-мвд-по-республике-саха-якутия-/item/19768336/)

⁶ Численность населения Республики Саха (Якутия) на 1 января 2020 г. Статистический сборник. Якутск, 2020. С.12.

состоянию. В промышленных районах Якутии сохраняется высокая потребность в рабочей силе, а в г. Якутске – конкуренция между внутренними и внешними мигрантами на рынке труда и в доступе к социальной инфраструктуре.

Цели и результаты исследования. Сбор первичной социологической информации по проекту «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» (научный руководитель д-р ист. наук Т.Б. Смирнова) с целью исследования проблем внутренних и международных миграций проводился методом квотного анкетного опроса. В соответствии с установленной выборкой по стандартному инструментарию в сентябре-октябре 2020 г. было опрошено 200 респондентов (учащаяся молодежь). Социально-демографические характеристики респондентов выглядят следующим образом: по полу: женщины составили 50%, мужчины – 50%; по возрасту: 17–21 лет – 65%, 22–25 лет – 25,5%, 26 и старше – 8,5%; по области получаемого образования: математика и информатика – 3%, IT-сфера (компьютерные науки) – 11%, естественные науки (физика, химия, биология и др.) – 4,5%, технические науки (инженерные, энергетика, технологии и др.) – 37,5%, гуманитарные науки (история, филология и др.) – 31,5%, общественные науки (право, экономика и др.) – 12,5%; по уровню получаемого образования: бакалавриат – 64,5%, специалитет – 21%, магистратура – 11%, среднее профес-

сиональное – 2,5%; по национальному составу: якуты – 90,5%, русские – 5,5%, эвенки – 2%, буряты – 0,5%, ингуши – 0,5%, 1% опрошенных указали другие ответы о национальной принадлежности; по семейному положению: не женат/не замужем, живет с родителями – 52%, не женат/не замужем, живет один – 17%, не женат/не замужем, но живет с девушкой, молодым человеком – 7%, не женат/не замужем, живет в общежитии – 13%, не женат/не замужем, есть ребенок (дети) – 2,5%, женат/замужем, детей нет – 3%, женат/замужем, есть ребенок (дети) – 4,5%; 20,5% респондентов имеют подработку.

В анкете есть блок вопросов, который выявляет отношение студентов к миграции (табл. 1). Интересно узнать сегодня мнение молодежи: насколько, по их оценке, актуальна и важна для региона внутренняя и международная миграция. Для этого был задан вопрос: «Считаете ли Вы проблему внутренних и международных миграций важной для региона, в котором сейчас живете?».

Как видно из данных таблицы 1, более одной трети опрошенных студентов считают тему миграции актуальной для республики. Респонденты, которые ставят внутреннюю или внешнюю миграцию в приоритет, составляют в сумме 63,5%, что, как и ожидалось, отражает общественное мнение местного сообщества об актуальности проблем миграции. Исследователи сходятся во мнении, что после распада СССР произошло изменение потоков межрегиональной мигра-

Таблица 1

Оценка респондентами актуальности для региона проблем миграции, в %

Ответ	Чел.	%
Нет, тема миграций не актуальна для нашего региона	18	9,0
Да, и внутренние, и внешние миграции являются важной проблемой	74	37,0
Внутренние миграции – да, внешние миграции – нет	25	12,5
Наоборот, внутренние – нет, внешние миграции – да	28	14,0
Затрудняюсь ответить	53	26,5
Другое	2	1,0

Источник: составлено авторами

ции России из Дальнего Востока и Севера в Центральный округ [Батищева, 2009; Фаузер, 2010].

На вопрос «Из каких стран приезжает больше всего мигрантов?» почти каждый второй опрошенный студент (53,5%) затруднился ответить. Очевидно, такая реакция может свидетельствовать о том, что их не интересует, из каких стран прибывают в регион мигранты. Тем не менее чуть больше одной трети (36,0%) опрошенных отметили, что «есть такие страны». Еще большая доля (67,0%) респондентов затруднилась дать ответ о прибытии в республику мигрантов из других регионов РФ. 22,5% респондентов отрицают прибытие мигрантов из других регионов РФ, и только 10,5% дали утвердительный ответ. Итак, можно предположить, что опрошенные студенты мало информированы и в целом не очень интересуются, откуда прибывают внешние мигранты в республику.

И вполне ожидаемо, что они сами наблюдают в своем окружении в повседневной жизни, то их в большей степени и волнует, а именно «проблема оттока населения из сельской местности в горо-

да». Так, 44% респондентов признают, что такая проблема есть, 22% посчитали ее большой проблемой для республики, у 27% опрошенных студентов этот вопрос вызвал затруднение.

Как известно, любая смена постоянного места жительства несет с собой риски, негативные последствия, проблемы в адаптации на новом месте и т. д. Респондентам было предложено оценить по пятибалльной шкале по нарастающей (от 0 – явление отсутствует до 5 – самое высокое значение) эффекты, которые сопутствуют процессам миграции (табл. 2).

В этом своеобразном рейтинге оценочный наивысший балл получило ставшее уже стереотипом суждение об «утечке мозгов» (37,0%); второе место поровну разделили «отъезд местного населения» и «мигранты захватывают определенные экономические сферы» (по 29,0%). Последнее суждение также отражает стереотипные суждения респондентов о трудовых мигрантах. Четыре балла получила широко обсуждаемая сейчас проблема в мире – «рост ксенофобии, расизма» (37,0%). На такой малозаселенной территории, как Республика

Таблица 2

Оценка респондентами миграционной ситуации в республике, в %

Сопутствующие аспекты миграции	Шкала оценки					
	0	1	2	3	4	5
Приезд иностранных трудовых мигрантов	2,5	4,5	14,5	49,5	14,0	15,0
Нелегальная миграция	4,0	12,0	30,5	27,0	15,5	11,0
Отъезд местного населения	0,5	4,5	15,5	37,5	12,0	29,0
Распространение вахты (за неимением возможности трудоустройства население уезжает на заработки в другие регионы)	2,5	12,0	20,5	43,0	8,0	14,0
«Утечка мозгов» - отток высококвалифицированных специалистов и выпускников вузов	1,0	3,0	33,5	14,5	11,0	37,0
Наплыв неквалифицированных трудовых ресурсов	2,0	6,5	16,5	46,0	12,0	17,0
Рост преступности, криминальных группировок	4,5	29,5	33,0	19,0	7,0	7,0
Рост ксенофобии, расизма	8,0	15,0	18,0	17,0	27,5	14,5
Мигранты захватывают определенные экономические сферы	3,5	13,5	13,0	26,0	15,0	29,0
Мигранты селятся компактно, создаются мигрантские анклав	9,5	11,5	18,0	42,5	11,0	7,5
Коррупция в миграционной сфере	10,0	12,5	34,5	26,5	8,5	8,0

Источник: составлено авторами.

Саха (Якутия), конечно, респонденты не ощущают «большого наплыва иностранных мигрантов», почти каждый второй респондент поставил три балла (49,5%).

На вопрос «надо ли ограничивать приезд иностранцев в Россию» получены ответы: «нет» (41,0%), каждый четвертый желает таких ограничений, и каждый третий респондент затруднился дать ответ. В целом можно утверждать, что опрошенные студенты, учитывая степень их информированности о миграции в регионе, оценивают ситуацию, в основном используя сформировавшиеся в общественном мнении стереотипы.

Если исходить из сегодняшней тенденции интернационализации высшего образования, активной академической мобильности студентов, практики реализации совместных образовательных программ двойных дипломов, прибытия иностранных студентов, к примеру, из КНР на Дальний Восток, то понятна малая доля тех опрошенных студентов, которые придерживаются негативного, а большинство «нейтрального» и позитивного отношения к представителям тех или иных стран (табл. 3) [Горылев, 2020; Ефремова, 2017; Молчанова, Синенко, 2017].

Что касается прибывающих в республику представителей стран СНГ, то граждане из Армении, Азербайджана,

Белоруссии, Украины начали массово прибывать с начала промышленного освоения территории республики. Граждане из Средней Азии массово начали прибывать после распада Советского Союза [Томаска, Федотова, Санникова и др., 2019]. К тому же в постсоветский период они прибывают не только на работу, но и для получения высшего образования. Как известно, чем дольше совместно проживают на одной территории народы, тем больше и разнообразнее их связи и взаимоотношения в повседневной жизни, которые могут привести и к межэтническим бракам.

Мнение опрошенных студентов о влиянии миграции на ключевые сферы жизни региона представлено в таблице 4. Ясно, что в ответах респондентов речь может идти скорее об их ощущениях и общественном мнении, к которому они могут присоединиться/отклонить, нежели об их высоком уровне информированности.

В последние годы из средств массовой информации идет непрерывный поток информации о социальной политике государства, благополучии и благосостоянии населения и о нехватке в РФ трудовых ресурсов, о необходимости привлечения мигрантов и т. д. Ясно, что более одной трети респондентов разделяют эту точку зрения и позитивно оце-

Таблица 3

Отношение респондентов к мигрантам из разных стран, в%

Страна	Положительно	Нейтрально	Отрицательно
Китай	33,0	61,0	6,0
США	32,0	66,0	2,0
Германия	44,0	54,0	2,0
Украина	22,0	73,0	5,0
Белоруссия	20,5	78,5	1,0
Казахстан	20,0	76,0	4,0
Узбекистан	15,5	75,5	9,0
Таджикистан	15,0	76,5	8,5
Кыргызстан	18,0	74,5	7,0
Армения	23,0	67,5	9,0
Грузия	17,0	75,5	7,5
Азербайджан	18,0	72,0	10,0

Источник: составлено авторами.

нивают вклад мигрантов в экономику и влияние их на цены (36% и 32,5% соответственно). В то же время стойко сохраняется миф в общественном мнении о «захвате» мигрантами рынка труда, что и отразилось в ответах студентов (37,5%) [Мукомель, 2019].

Негативная оценка влияния мигрантов на экологию связана с практикой промышленного освоения территории республики, когда массово привлекался труд мигрантов, прибывающих со всех концов СССР, а представители местного сообщества практически не привле-

кались (24,0%). Более того, мигранты компактно проживали в промышленных городах, почти не входя в контакт с местным населением. Из данных таблицы 4 видно, что по заданному вопросу о влиянии мигрантов на ключевые сферы жизни региона большинство респондентов придерживается нейтрального мнения.

Теперь следует рассмотреть, при каких условиях, по мнению опрошенных студентов, молодежь будет готова не покидать республику (рис. 4). Как следует из данных рисунка 4, на первом месте находится создание новых рабочих мест

Таблица 4

Оценка влияния миграции на сферы жизни региона, в %

Сфера, на которую мигранты оказывают влияние	Оказывают положительное влияние	Оказывают отрицательное влияние	Нет никакого влияния
Экономика	36,5	12,0	45,5
Политика	17,5	20,0	55,0
Экология	12,5	24,0	56,0
Демография	26,5	20,0	46,5
Медицина	20,0	16,0	59,5
Образование	18,5	19,0	58,0
Цены	32,5	16,5	45,5
Безработица	11,0	37,5	42,0
Преступность	12,5	25,0	55,5
Социальная инфраструктура	9,0	24,5	58,5
Стоимость жилья	18,0	8,0	68,0
Сельское хозяйство	21,0	15,5	54,5

Источник: составлено авторами

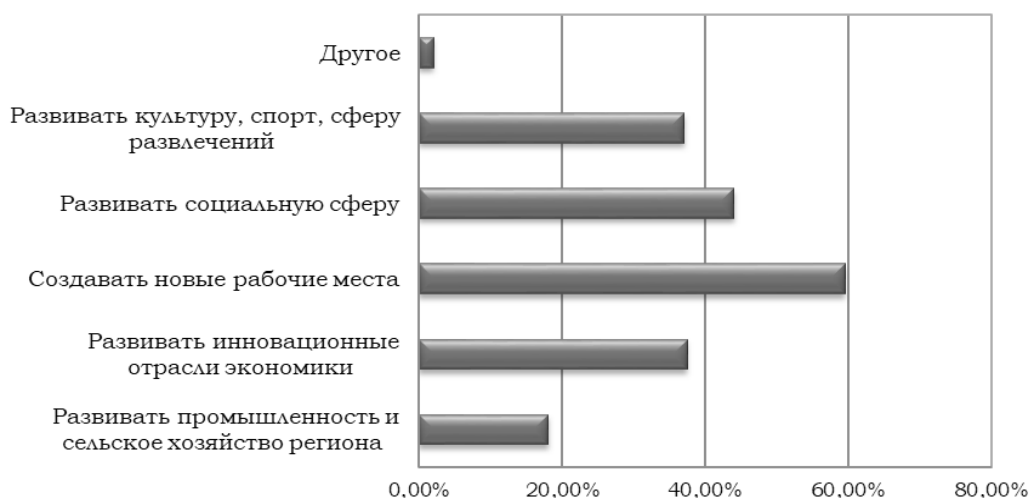

Рис. 4. Условия, при которых молодежь перестанет покидать регион, в %

(59,5%), которое может удержать последующее поколение, вступающее на рынок труда. На втором – уровень развития социальной сферы (44,0%), от которого все больше и больше зависит привлекательность городов для молодых мигрантов. Не меньшее значение имеет культурный досуг, спорт, сфера развлечений и сопутствующие им инновационные отрасли экономики (по 37,0%). Как считает Зубков В.В.: «Миграционные стратегии не заложены у человека на поведенческом уровне еще на стадии рождения, а формируются им в процессе его жизнедеятельности в регионе проживания» [Зубков, 2019. С. 84].

Заключение. Таким образом, учитывая всё вышесказанное, можно сделать выводы:

опрошенные студенты мало информированы о том, откуда прибывают внешние мигранты в республику, они в большей степени склонны считать проблемой переезд сельчан в города;

более одной трети опрошенных студентов присоединились к распространенным в общественном мнении стереотипам, мифам о последствиях и влиянии миграции на сферы экономики, рынок труда и др.;

практика повседневного взаимодействия представителей различных этносов приводит к толерантному отношению, о чем свидетельствуют ответы опрошенных молодых людей.

Список литературы:

1. Батищева Г. А. Исследование факторов миграционного обмена между федеральными округами России // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 30. С. 65.
2. Горылев А. И. Некоторые вопросы создания и реализации международных совместных образовательных программ // *Primo aspectu*. 2020. № 3 (43). С. 75–85.
3. Ефремова Л. И. О российско-китайском сотрудничестве в области

образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 857–865.

4. Дювель Ф. Пространственная мобильность // *Методология и методы изучения миграционных процессов*. М., 2007, С. 71–72.

5. Зубков В. В. Миграционный потенциал регионального сообщества как социальный конструкт сознания и реальность бытия // *Власть и управление на Востоке России*. 2019. № 3 (88). С. 92–96. DOI 10.22394/1818-4049-2019-88-3-92-96.

6. Молчанова Е. А., Синенко И. Ю. Развитие российско-китайского сотрудничества в образовательной сфере на примере Дальневосточного федерального университета (ДВФУ). Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2017. С. 488–492.

7. Мукомель В. И. Мифология идентичности. Миф в истории, политике, культуре: сборник материалов II Международной научной междисциплинарной конференции (июнь 2018 года, г. Севастополь). Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, 2019. С. 321–323. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/03/Mif-19-sbornik-okonch.pdf>.

8. Рыбаковский А. А. Факторы и причины миграции населения, механизм их взаимосвязи // *Народонаселение*. 2017. № 2. С. 51–61.

9. Томаска А. Г., Федотова Н. Д., Санникова Я. М., Винокурова Д. М. Республика Саха (Якутия): особенности территориальной и социальной мобильности: монография. Якутск: Изд-во: Центр научно-технической информации ИГИ-иПМНС СО РАН, 2018. 185 с.

10. Фаузер В. В. Факторы миграции населения северных регионов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2010. № 3 (11). С. 139.

11. Everett S. Lee. A Theory of Migration // *Demography*, vol. 3, no. 1. (1966), p. 53.

Библиографическое описание статьи

Винокурова Д. М., Томаска А. Г. Внутренняя и внешняя миграция в Республике Саха (Якутия): отношение студенческой молодежи // *Власть и управление на Востоке России*. 2021. № 1 (94). С. 177–187. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187

Dekabrina M. Vinokurova – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of psychology and social sciences, the Ammosov NEFU Institute of Psychology (42, Kulakovskiy Str., Yakutsk, Russia, 677000). *E-mail: dorofdm1@yandex.ru*

Alena G. Tomaska – Research Fellow, the Center for ethno-sociological research, the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (1, Petrovskiy Str., Yakutsk, 677007, Russia). *E-mail: algepo@mail.ru*

Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): the attitude of student youth

The research was carried out in September-November 2020 within the framework of the project «Ethno-demographic processes in the Asian Russia: the current situation, forecasts and risks» (scientific supervisor, Doctor of History T. Smirnova) in order to identify the consequences of internal and international migration in the FEB. The Republic of Sakha (Yakutia) is one of the largest subjects of the Far-Eastern federal district, but sparsely populated. Migration exchange in the region has occurred and continues to occur due to the arrival of flows of migrants from different regions of the Russian Federation, the CIS countries and the PRC. If representatives of the Central Asia began arriving en masse in the post-Soviet period, then migrants from Armenia, Azerbaijan, Belarus, Ukraine, as well as other regions of the Russian Federation began to arrive from the beginning of industrial development of the territory of the Republic. Obviously, such a long-term interaction with migrants forms a tolerant attitude towards them among representatives of the local community, as evidenced by the empirical data obtained. It should also be noted that the current trend of internationalization of higher education through academic mobility of the students, the implementation of joint educational programs with double diploma, etc. contributes to the expansion of interethnic and international contacts of students. Of course, this cannot but influence the expansion of student contacts. The respondents assessed the consequences of migration in the region, indicated in which case the outflow of young people in the region could stop. The article analyzes the primary material that was collected by the method of quota questionnaire survey of university students in Yakutsk, the sample size was 200 respondents.

Keywords: ethnic groups, internal migrants, migrants from the CIS, consequences of migration, stereotypes, myths about migrants.

References:

1. Batishcheva G. A. Research of factors of migration exchange between federal districts of Russia *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], 2009, no. 30, p. 65. (In Russian).

2. Gorylev A. I. Some questions of creation and implementation of international joint educational programs *Pervyy aspekt* [Primo aspectu], 2020, no. 3 (43), pp. 75–85. (In Russian).

3. Efremova L. I. On Russian-Chinese cooperation in the field of education *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2017, vol. 17, no. 4, pp. 857–865. (In

Russian).

4. Duvel F. Spatial mobility *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov* [Methodology and methods of studying migration processes]. M., 2007, pp. 71–72. (In Russian).

5. Zubkov V. V. The migration potential of the regional community as a social construct of consciousness and the reality of being *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2019, no. 3 (88), pp. 92–96. DOI 10.22394 / 1818-4049-2019-88-3-92-96. (In Russian).

6. Molchanova E. A., Sinenko I. Yu. Development of Russian-Chinese cooperation in the educational sphere on the example of the Far Eastern Federal University (FEFU). *Russia and China: History and Prospects*

for Cooperation. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference, 2017, pp. 488–492.

7. Mukomel V. I. Mythology of identity. Myth in history, politics, culture: collection of materials of the II International scientific interdisciplinary conference (June 2018, Sevastopol). Sevastopol: Branch of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov in Sevastopol, 2019, pp. 321–323. URL: <https://sev.msu.ru/wp-content/uploads/2019/03/Mif-19-sbornik-okonch.pdf>. (In Russian).

8. Rybakovsky L. L. Factors and causes of population migration, the mechanism of their relationship *Narodonaseleniye* [Population], 2017, no. 2, pp. 51–61. (In

Russian).

9. Tomaska A. G., Fedotova N. D., Sannikova Ya. M., Vinokurova D. M. The Republic of Sakha (Yakutia): features of territorial and social mobility: monograph. Yakutsk: Publishing house: Center for Scientific and Technical Information IGiPMNS SB RAS, 2018. 185 p. (In Russian).

10. Fauser V. V. Factors of migration of the population of the northern regions *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast], 2010, no. 3 (11), pp. 139. (In Russian).

11. Everett S. Lee. A Theory of Migration *Demografiya* [Demography], vol. 3, no. 1. (1966), p. 53.

Reference to the article

Vinokurova D. M., Tomaska A. G. Internal and external migration in the Republic of Sakha (Yakutia): the attitude of student youth // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 177–187. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-177-187

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-188-197
УДК 314.7

А. А. Авдашкин

Внутренние и международные миграции: мнение южноуральцев¹

В представленной статье показаны результаты реализации проекта «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» на материалах Челябинской области. Данный регион относится к наиболее плотнонаселенным, областной центр является крупным российским городом-миллионником. На территории южноуралья сосредоточен значительный промышленный, научный потенциал, высоко развит агропромышленный комплекс. Однако в последние годы наметился интенсивный отток населения из региона из-за ухудшения экологической ситуации, а также ощутимого снижения уровня жизни. При этом все более важные позиции на региональном рынке труда играют выходцы из Центральной Азии. Эмпирической базой исследования являются результаты двух социологических опросов (массовый; учащейся молодежи). Методологической основой статьи являются теория мобильности и транснационализм. Примененные в комплексе данные методы показали значительный когнитивный потенциал. Они позволяют понять внутрироссийские и международные миграции как комплексную научно-практическую проблему, взаимосвязанную с динамикой внутрироссийских миграций в целом, функционированием евразийской миграционной системы, в частности. Результаты проведенных социологических срезов наглядно продемонстрировали, что Челябинская область теряет привлекательность для жизни населения, что дает ощутимый импульс росту миграционных настроений. В особенности это относится к представителям молодого поколения. При этом население все чаще демонстрирует настороженное отношение по отношению к мигрантам из Средней Азии в целом, из Таджикистана, в частности. Несмотря на то, что явных признаков межгрупповой враждебности нет, наблюдаются определенные обострения в отношениях принимающей стороны и мигрантов

Ключевые слова: миграция, мобильность населения, межэтнические отношения, адаптация мигрантов, Южный Урал.

Постановка проблемы. В последние годы значительное внимание ученых приковано к социально-экономическим процессам, протекающим в Азиатской части России. Исследователей интересуют геополитические последствия присоединения этих огромных территорий [Рыбаковский, 2018], формирование социально-демографического и этнокультурного облика населения [Переселенческое общество Азиатской России...2013;

Рыбаковский Л. А., Савинков В. И., Кожевникова, 2018] и др.

По данным социологов, неравенство шансов на достижение жизненного успеха достаточно остро осознается жителями российской провинции как применительно к экономическим и культурным «столицам» (Москве и Санкт-Петербургу), так и внутри провинциальных сообществ. Узость рынков труда, низкий уровень зарплат в большинстве отраслей регио-

¹ Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России (Проект № 2176 «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» по Программе фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020 г.).

Андрей Александрович Авдашкин – канд. ист. наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (454080, Россия, г. Челябинск, просп. В.И. Ленина, д. 76). E-mail: adrianmaricka@mail.ru

нальных экономик, неудовлетворенность качеством жизни – все это приводит в движение внутривосрийские миграционные потоки, все больше дает знать о себе территориально-образовательная и трудовая мобильность населения [Реутов, Реутова, Шавырина, 2020]. Наиболее ярко эти процессы мы можем наблюдать на примере Азиатской части России. Наглядно неравномерность распределения населения между Европейской и Азиатской частью России видна на основе длительных спутниковых наблюдений за уровнем ночной освещенности [Bennett, Smith, 2017, 5973].

В представленной статье показаны результаты реализации проекта «Этнодемографические процессы в Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски» на материалах Челябинской области. Выбор данного кейса обусловлен следующими причинами: Челябинская область относится к наиболее плотнонаселенным регионам страны (3,466 млн чел.), областной центр является одним из российских городов миллионников, здесь сосредоточен значительный промышленный, научный потенциал, высок уровень развития агропромышленного комплекса. Кроме того, область вовлечена во внутривосрийские и международные миграции.

В последние годы Челябинская область стремительно теряет привлекательность для жизни, интенсивный характер приобретает отток населения из-за ухудшения экологической ситуации, утраты перспектив развития местной экономики и др. При этом видные позиции на региональном рынке труда играют выходцы из Центральной Азии, главным образом из Таджикистана.

Материалы, методы, исследовательская оптика. Эмпирической базой исследования стали материалы двух социологических опросов (массовый опрос и опрос учащейся молодежи), прошедших в октябре 2020 г. Ценными источниками являлись материалы местных медиа, а также результаты полевых исследований. Данный комплекс источников позволил отследить основные параметры и восприятие населением внутренних и внешних миграций на современном этапе.

В массовом опросе приняло участие

200 респондентов, представляющих следующие возрастные группы: 18-29 лет (48 респондентов), 30-59 лет (107), 60 и старше (45). Гендерное соотношение: 92 мужчины, 108 женщин. Ряд ограничений, вызванных пандемией COVID-19, а также стремление населения максимально сократить социальные контакты, не позволили задействовать целый ряд муниципалитетов. Территориальное распределение респондентов выглядит так: 45% составили жители областного центра и 55% опрошенных представляли различные территории и городские округа Челябинской области. Это Магнитогорск, Копейск, Верхний Уфалей, Пласт, п. Есаульский и с. Миасское. Тем самым, несмотря на сложности, автору все же удалось охватить основные типы социального ландшафта области: крупные и малые города, сельская местность.

В опросе учащейся молодежи приняло участие 200 респондентов, представляющих технические и гуманитарные направления подготовки. Гендерное соотношение также составило 100 мужчин, 100 женщин. В связи с рядом ограничений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции, выбор был сделан в пользу студентов Южно-Уральского государственного университета т. к. это крупнейший университет в регионе. На наш взгляд, установки студентов этого университета можно с учетом некоторых допущений рассматривать как базовые для учащейся молодежи Челябинской области.

Теоретико-методологической рамкой исследования стали теория мобильности [Урри, 2012] и транснационализм [Faist, 2010]. Примененные в комплексе данные методы обладают значительным когнитивным потенциалом. Они позволяют понять внутривосрийские и международные миграции как комплексную научно-практическую проблему, взаимосвязанную с динамикой внутривосрийских миграций в целом, функционированием евразийской миграционной системы в частности.

Результаты. Рамки статьи не позволяют нам детально остановиться на всех аспектах, поэтому мы попытаемся выделить главные показатели и объяснить

их значение. Итоги опросов показали заметный рост социального пессимизма, в особенности это характерно для молодого поколения. По целому ряду причин Челябинская область довольно стремительно утрачивает привлекательность для жизни (проблема экологии, низкий уровень жизни, отсутствие инноваций в экономике и др.). На этом фоне мы наблюдаем рост ксенофобских настроений, в перспективе угрожающих этноконфессиональной стабильности региона [Авдашкин 2020; Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала... 2020; Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала... 2020].

Предпосылками потенциальных проблем этноконфессиональных отношений в Челябинской области после распада СССР являются: расположение в зоне российско-казахстанского фронта, заметная трансформация поликультурного пространства под воздействием масштабных миграций. По данным опроса «Zoom Market» в 2020 г. Челябинск вошел в ТОП-3 российских городов по уровню мигрантофобии². Необходимо понять истоки этого ксенофобского нарратива столь не характерного для Челябинской области ранее. Основные проявления напряженности все более отчетливо связаны с трудностями инкорпорации постсоветских мигрантов в принимающее сообщество (главным образом из Центральной Азии).

Внутрироссийские миграции.

Здесь мы охарактеризуем несколько основных параметров: динамика социально-экономической ситуации в Челябинской области; экономические, социальные и культурные перспективы; сравнение ситуации в области с другими частями страны; наиболее актуальные формы миграции; возможные направления оттока населения внутри страны и за ее пределы. Кроме того, в этом разделе мы покажем некоторые особенности миграционных намерений учащейся молодежи.

Динамика социально-экономической ситуации. Ухудшение положения за по-

следний год (большой частью 2020) отметили 43% опрошенных. Треть пока не заметила каких-то изменений в лучшую или худшую сторону. Около 15% респондентов готовы сказать, что ситуация начала меняться к «лучшему». В целом мы наблюдаем негативный тренд.

Перспективы региона. Что касается оценки экономических, социальных и культурных перспектив области, то негативные оценки («некоторое ухудшение ситуации») характерны для будущего региональной экономики. По другим направлениям доля умеренных оптимистов («некоторое улучшение ситуации») превышает частоту негативных прогнозов: в плане социальных перспектив это 26% против 18%, культурных – 26% против 11%. В нынешних условиях предложить новые сценарии развития региона местная власть не успела. Перспективы традиционных отраслей (металлургия и машиностроение) представляются населению сомнительными. Достаточно стабильна доля тех, кто считает наиболее вероятным сценарий сохранения ситуации по всем направлениям (от 32% до 43%). Причем наименьшее количество таких суждений опять же наблюдается при оценке экономического блока.

Регион в сравнении с другими частями страны. Интересно сравнение респондентами ситуации в Челябинской области с другими частями РФ по ряду важных параметров развития. Приведем ряд характеристик, где по частоте оценок регион выглядит не только «Хуже», чем остальные части страны, но и противоположные оценки («Лучше») выглядят минимально.

Катастрофической выглядит экологическая ситуация. Подавляющее большинство респондентов (85%) оценили ее «Хуже», чем в других частях страны (рис. 1). Областной центр фигурирует в антирейтингах по качеству атмосферного воздуха, в памяти населения надолго останутся кучи бытового мусора, возникшие из-за ряда управленческих ошибок.

Следующий параметр – перспективы для молодежи (рис. 2). По мнению 43% участников массового опроса Челябин-

² Челябинск вошел в тройку городов России, где хуже всего относятся к мигрантам // Коммерсант. 02.09.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4475810> (дата обращения: 30.11.2020).

ская область значительно уступает другим регионам страны. Население, особенно молодежь, пока не видят внятных сценариев развития экономики. Для основного проводника социальных инноваций – молодежи – отсутствуют ниши для самореализации. Закрепление этой позиции в коллективном сознании южноуральцев чревато оттоком молодого

и экономически активного населения, что нанесет удар по реализации планов социально-экономического развития. Внимания заслуживает недовольство качеством здравоохранения и медицины в области (40%).

Значимые показатели получены в оценках уровня жизни и безработицы. Для трети опрошенных ситуация выгля-

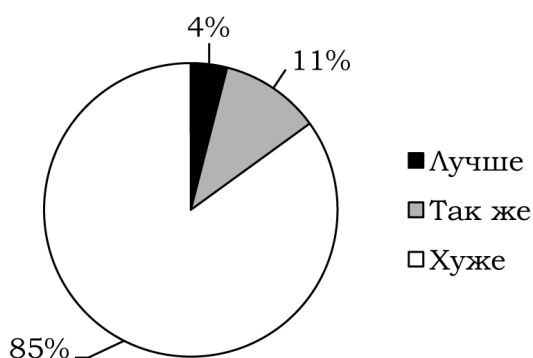

Рис. 1. Оценка экологической ситуации в Челябинской области

дит «Хуже», чем по России в целом. Кроме того, значимые отрицательные показатели выявлены в таких сферах как уровень коррупции и деятельность чиновников (25%), уровень преступности и общественной безопасности (27%).

Теперь перейдем к основным «преимуществам». В первую очередь это доступность жилья; получены наиболее высокие оценки, согласно которым южноуралье выглядит «Лучше» (34%). Остальные преимущества мы можем группировать под знаком этноконфессиональной стабильности: отношения между представителями различных этноконфессиональных групп, принимающим сообществом и мигрантами. В этих ракурсах соотношение оценок «Лучше»/ «Хуже» показывает, что область выглядит территорией межэтнического согласия и конфессионального диалога. Так, 28% респондентов оценили, что отношения между представителями разных национальностей «Лучше». Для сравнения, противоположного мнения придерживаются лишь 9%. Аналогичное соотношение мы выявили применительно к оценкам религиозных отношений: 16% («Лучше») против 8% («Хуже»). Пусть не столь явно, но схожая картина характерна для оценки отношений между ми-

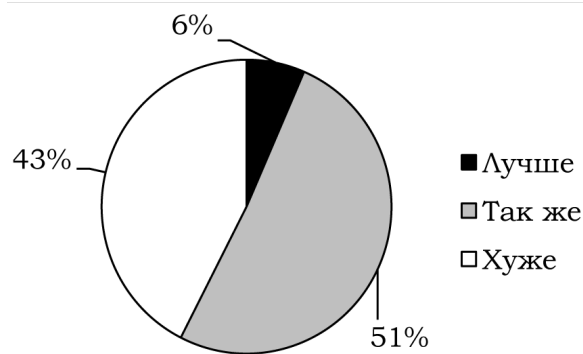

Рис. 2. Оценка перспектив для молодежи

грантскими сообществами и принимающим населением: 18% («Лучше») против 12% («Хуже»).

Остановимся подробнее на некоторых важных показателях, полученных при проведении опроса учащейся молодежи, например, на перспективах трудоустройства. По мнению большинства студентов (59%), перспективы трудоустройства выглядят «средними». Более важно соотношение отрицательных и положительных оценок, оно выглядит неутешительно. Порядка 28% склоняются к мысли, что перспективы трудоустройства по специальности в Челябинской области невысоки. Практически нет высоких оценок: позиция «высокие» оценена всего лишь 4,5%, а «очень высокие» – и вовсе на уровне 1%. Студенческая молодежь осознает свою невостребованность на региональном рынке труда по получаемой специальности. Невозможность самореализации подталкивает к поиску перспектив за пределами области.

Необходимо понять оценки уровня котированности дипломов в регионе, в целом по стране, в крупных экономических центрах, а также за пределами страны. Сравнение происходит на основе шкалы оценок: «Высоко», «Умеренно», «Не котир-

руются вообще». Наиболее востребованными выпускники оказались в крупных экономических центрах (38% – Москва и Санкт-Петербург), а также за рубежом (32%). В Челябинской области и в регионах, по мнению наших респондентов, высокий спрос среди работодателей на выпускников по получаемым профессиям минимален: 15% и 10% соответственно. Что касается региональной картины, то здесь преобладает ответ «Умеренно».

Несмотря на определенные противоречия, например, в плане востребованности за границей (30% вовсе затруднились с оценкой), тренд очевиден. Профессионально студенты ориентируются на то, что в Челябинской области их шансы на трудоустройство выглядят маловероятными. По ряду гуманитарных специальностей и вовсе нереальными. При этом интересно, что Челябинская область выглядит даже несколько более выигрышно, нежели другие регионы страны.

Важно понять логику при выборе Челябинска как места получения образования. Способен ли Челябинск, обладающий действительно крупными университетами, стать центром притяжения образовательной миграции. Насколько качество жизни в городе выглядит одним из преимуществ при выборе университета для поступления и др. Наибольшее количество отрицательных оценок связано с уровнем жизни. До 73% респондентов не соглашались с тем, что в городе высокий уровень жизни. По этой позиции минимальные и положительные оценки – только 4%. Уровень жизни в Челябинске при выборе места обучения не является решающим фактором, скорее при выборе университета предпочтительной выглядит стратегия «бегства» из города.

Скептической позиции придерживаются опрошенные и в отношении перспектив своего трудоустройства. Более половины не согласны с тезисом о том, что в Челябинске легко устроиться на работу по специальности после обучения (55%). Противоположная позиция заявлена только 3%. Регион в восприятии учащейся молодежи характеризуется как место с низким уровнем жизни и отсутствием возможности трудоустройства.

Роль Челябинска как крупного образовательного центра выглядит в восприятии студенческой молодежи неочевид-

ной. Так 34% опрошенных студентов не согласились с данным утверждением (при 11,5% согласившихся). Еще более негативной выглядит оценка областного центра как крупного научного центра. Здесь уже 50% респондентов выразили отрицательную позицию.

Одним из преимуществ Челябинска является, к примеру, большое количество бюджетных мест. Здесь доля положительных ответов оказалась наиболее значительна по сравнению с остальными позициями (38,5%). Значительное количество положительных ответов также получено в измерении «местный житель и не хотел никуда уезжать» (42,5%).

Значительная часть опрошенных студентов планирует поменять место жительства в ближайшие годы и предпринимает для этого активные действия (20%). Еще около 43% имеют такие планы, но пока бездействуют (вероятно сказывается эффект ограничений COVID-19).

Наиболее актуальными для Челябинской области формами миграций по данным обоих опросов названы: отъезд местного населения (рис. 3) и отток высококвалифицированных специалистов в другие регионы: 49 и 41% соответственно (предлагалось оценить по степени актуальности от 1 до 5 баллов).

Далее примерно равные показатели получили приезд иностранных трудовых мигрантов (26%), нелегальная миграция (25%) и захват мигрантами определенных сфер деятельности (21%). Невысокую актуальность имеют такие формы миграции как распространение вахты (18,5%), коррупция в миграционной сфере и рост преступности (16% и 16,5%), образование мигрантских анклавов (11%) и рост ксенофобии и экстремизма (9%).

Опрошенным предлагалось назвать три основные причины, по которым они планируют покинуть территорию региона. Как и следовало ожидать, подавляющее большинство назвали неблагоприятную экологическую ситуацию (47%). Следом низкий уровень заработной платы (33%) и уровень жизни (18,5%), отсутствие нормальной работы (13%) и возможностей для развития (13%).

Что касается периодов, когда мы можем наблюдать рост миграции, то здесь нужно учитывать неопределенность, вызванную эпидемией COVID-19. Так, 40%

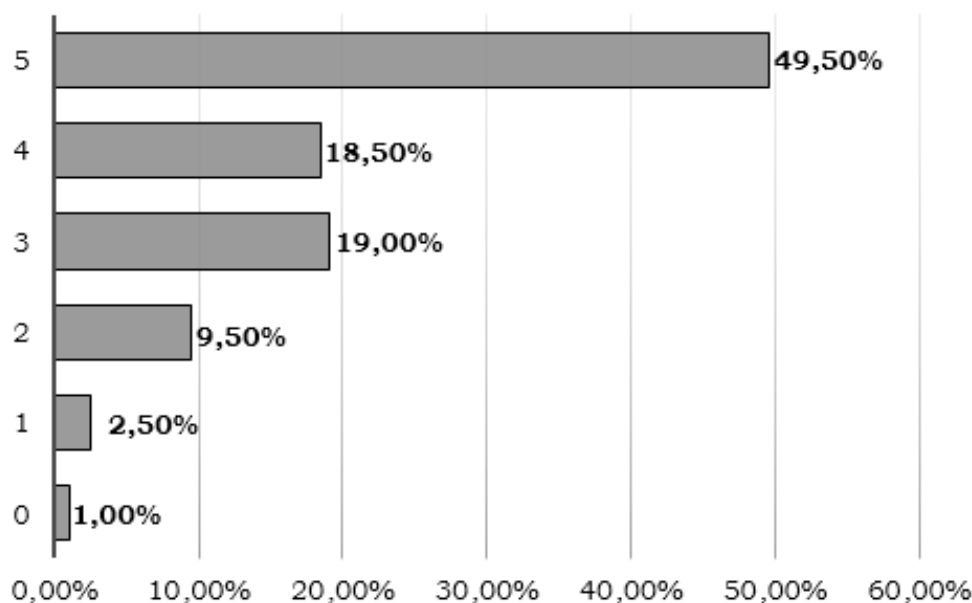

Рис. 3. Оценка отъезда местного населения

не решили определенно, когда они планируют покинуть регион. Наиболее популярным направлением миграции внутри Российской Федерации выглядит Краснодарский край (44%) и Санкт-Петербург (18%). Также фигурировали такие субъекты РФ, как Тюменская и Курганская область, Татарстан и Башкирия.

Среди выбравших миграцию за пределы страны наиболее предпочтительными странами выглядят Канада (26%), Германия (24%) и Чехия (22%). Основные причины при выборе выглядят так: высокий уровень жизни, благоприятный деловой климат, перспективы самореализации и др. В некоторых случаях Канаду и Чехию сравнивают с Россией в плане менталитета населения, языка, схожести природно-климатических условий для жизни.

Внешние миграции. Характеризуя отношение к внешним миграциям, мы остановимся на таких параметрах как отношение к мигрантам из различных стран, поддержка идеи об ограничении притока иностранцев, оценка эффектов, которые оказывают миграционные процессы на ситуации в регионе и указание основных траекторий притока населения из зарубежья.

Отношение к мигрантам из стран дальнего и ближнего зарубежья. Респондентам предлагалось выразить свое положительное, нейтральное или отрицательное отношение к мигрантам из следующих

стран: Китай, США, Германия, Украина, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, Армения, Грузия и Азербайджан.

Наиболее высокий уровень положительных оценок получен в отношении мигрантов из Белоруссии (32%), Германии (28%), Казахстана (28%), США (23%) и Украины (22%). При этом в отношении мигрантов из последних двух стран отрицательные ответы имели пропорции (16% и 20% соответственно). Ярко выражен отрицательный спектр восприятия мигрантов из Таджикистана (48%), Азербайджана (38%), также других республик Закавказья и Средней Азии (30-34%), Китая (29%). Этот факт тоже тревожен, в особенности с учетом того, что основной поток трудовых мигрантов в Челябинскую область сегодня составляют выходцы из Таджикистана.

Ограничение присутствия иностранцев на территории страны. Важным показателем уровня мигрантофобии становится уровень одобрения идеи об ограничении приезда иностранных граждан на территорию страны. Порядка 48% респондентов придерживаются позиции, что такие ограничения необходимы. Противоположное мнение разделяют около 36%. Еще 15% затруднились с выбором ответа.

Влияние миграции. Далее респондентам предлагалось оценить «положитель-

но», «нейтрально» или «отрицательно» влияние миграции на различные сферы жизни в Челябинской области. Наиболее отрицательные эффекты, по мнению южноуральцев, миграция оказывает на экономику (35%), уровень безработицы (44%), социальную инфраструктуру (31%), уровень преступности и образование (30%), демографическую ситуацию (28%), экологию и политический процесс (27%), стоимость жилья (23%) и цены на товары и услуги (21%).

Противоречивое соотношение положительных и отрицательных оценок мы наблюдаем относительно экономики и демографии. Приток мигрантов вносит ощутимый вклад в компенсацию убыли населения, насыщает рынок труда рабочей силой, способствует поддержанию экономического роста или, в крайнем случае, препятствует ощутимому спаду. Некоторые отрасли экономики областного центра и крупных городов во многом функционируют благодаря мигрантам, поскольку местные жители не проявляют стремления занимать непрестижные рабочие места (даже при условии равенства заработной платы или даже ее превышения над средними показателями по региону). Соотношение положительных и отрицательных оценок получилось следующим: экономика (22 против 35%), демография (25 против 28%). Заметна поляризация по вопросу «нужны ли мигранты для местной экономики и компенсации убыли населения». Разумеется, да. Только необходимо доносить этот тезис до общества: акцентировать внимание на положительных последствиях притока мигрантов, показывать позитивные информационные поводы.

Теперь осветим стороны, на которые, по мнению наших респондентов, миграция оказывает более благотворное влияние, нежели отрицательное. Это сельское хозяйство. В оценке эффектов притока мигрантов на эту отрасль положительные оценки превышают отрицательные (22% против 15%), чего мы не наблюдали в остальных случаях. Приток рабочих в аграрный сектор, несомненно, оценивается позитивно, поскольку очевиден от-

ток населения из сельской местности. С другой стороны представляется маловероятным, что большинство опрошенных имели какой-то опыт прямых контактов с мигрантами, работающими в сельском хозяйстве. Осознается временный характер их занятости, минимальные возможности повседневных коммуникаций. Вероятно, по этим причинам данный вариант миграции выглядит более приемлемым в глазах респондентов.

Векторы международных миграций. Далее респондентам предлагалось назвать основные страны, откуда в Челябинскую область прибывают мигранты. Это сделали 69% населения, т. е. большая часть опрошенных понимает основные траектории внешних миграций на территорию региона. По частоте упоминаний лидирует Таджикистан (47%). Центральное-азиатский вектор назван преобладающим. Следом идет Казахстан (28%). По-прежнему заметны для южноуральцев мигранты из Китая и Узбекистана (21% и 17% соответственно)³.

Примерно равное соотношение по частоте упоминаний стран Закавказья (Армения – 13,7% и Азербайджан – 10%). Очевидно, что этот вектор миграций приобретает по разным причинам второстепенный характер и присутствие мигрантов из этого региона ощущается уже не столь явно. Минимальна частота упоминаний таких стран, как Грузия (3,6%) и Украина (5,8%).

Обсуждение и выводы. Результаты проведенных социологических срезов наглядно продемонстрировали, что Челябинская область стремительно теряет привлекательность для жизни населения, в особенности молодежи. Одной из наиболее важных проблем, которая «выталкивает» население из региона является плохая экология. Очевидно, что от решения данной проблемы зависят перспективы развития Челябинской области, амбиции Челябинска как столицы «Южного Урала». Следующей важной проблемой, которая снижает качество жизни населения, а, следовательно, дает ощутимый импульс росту миграционных настроений – низкое качество управления, высокий уро-

³ Наиболее редким упоминанием стал Кыргызстан. Обработка анкетного материала и комментарии, сделанные респондентами в устной форме, показали, что они редко понимают различие между выходцами из Средней Азии.

вень коррупции. Третья болевая точка, которую диагностируют данные опросы – стагнация местной экономики. Ориентация на тяжелую промышленность и металлургию себя исчерпала и необходимы новые сферы, которые смогут перезапустить экономику. Они пока не найдены.

В итоге сочетание этих трех переменных приводит к тому, что Челябинскую область покидают талантливые выпускники школ, ежегодно уезжают из региона многие представители среднего класса. Только в 2018 г. этот отток составил 64 тыс. чел.

Важные позиции на рынке труда и заметное место в структуре постоянного населения занимают выходцы из Центральной Азии, главным образом, из Таджикистана. Очевидно, что с учетом сокращения численности трудоспособного населения этот вектор миграции будет основным на долгое время. Однако население демонстрирует настороженное отношение по отношению к мигрантам из Средней Азии в целом, из Таджикистана, в частности. Пока явных признаков межгрупповой враждебности нет, не складываются и пугающие южноуральцев мигрантские анклав, но, в перспективе мы можем прогнозировать определенные обострения в отношениях принимающей стороны и мигрантов. На наш взгляд, основные ее источники находятся в неверном понимании эффектов миграции и негативном освещении этого явления в российских и региональных медиа.

Руководству региона необходимо предпринимать срочные меры для улучшения экологической ситуации, повышения качества управления и развития экономики. Эти меры позволят снизить социальную напряженность, приведут к некоторой переоценке миграционных настроений.

Список литературы:

1. Авдашкин А. А. «Китайский» рынок в пространстве российского города (случай Челябинска) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. №

2 (49). С. 147–156.

2. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: «Оттиск», 2013

3. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Жизненный успех и шансы на его достижение в представлениях жителей российской провинции // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 61–71.

4. Рыбаковский А. А. Колонизация азиатской части России: особенности осуществления и геополитические последствия // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 38–47.

5. Рыбаковский А. А., Савинков В. И., Кожевникова Н. И. Демографическое развитие азиатской России в XX–XXI веках: оценка результатов // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 64–74.

6. Смирнова Т. Б., Степанов В. В., Авдашкин А. А. и др. Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год. Москва; Омск, 2020.

7. Степанов В. В., Старченко Р. А., Смирнова Т. Б., Авдашкин А. А. и др. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад по изучению общественного мнения в 2019 году. Москва; Омск, 2020.

8. Урри Д. Мобильности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 5 (111). С. 197–252.

9. Bennett Mia M. & Smith Laurence C. (2017) Using multitemporal night-time lights data to compare regional development in Russia and China, 1992–2012 // International Journal of Remote Sensing, 38:21, 5962–5991.

10. Faist, T. Diaspora and transnationalism : What kind of dance partners? // Diaspora and Transnationalism : Concepts, Theories and Methods / ed. by R. Baubek, T. Faist. Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2010. P. 9–34.

Библиографическое описание статьи

Авдашкин А. А. Внутренние и международные миграции: мнение южноуральцев // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 188–197. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-188-197

Andrey A. Avdashkin – Candidate of History, senior researcher, the South Ural State University (76, Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080). *E-mail: adrianmaricka@mail.ru*

Internal and international migrations: opinion of the South Urals

The presented article shows the results of implementation of the project «Ethno-demographic processes in the Asian Russia: the current situation, forecasts and risks» on the materials of the Chelyabinsk region. This region is one of the most densely populated, the regional center is a large Russian city with a million population. Significant industrial and scientific potential is concentrated on the territory of the South Urals, and the agro-industrial complex is highly developed. However, in recent years, there has been an intensive outflow of population from the region due to the deterioration of the environmental situation, as well as a tangible decline in the living standards. At the same time, immigrants from the Central Asia are playing more and more important positions in the regional labor market. Empirical basis of the study is the results of two sociological surveys (mass and student youth). Methodological framework of the article is the theory of mobility and transnationalism. These methods applied in combination have shown significant cognitive potential. They make it possible to understand the internal Russian and international migration as a complex scientific and practical problem interconnected with the dynamics of internal Russian migrations in general, and the functioning of the Eurasian migration system in particular. The results of sociological sections carried out clearly demonstrated that the Chelyabinsk region is losing its attractiveness for the life of population, which gives a tangible impetus to the growth of migration moods. This is especially true for the younger generation. At the same time, the population is increasingly showing a wary attitude towards migrants from the Central Asia in general, from Tajikistan in particular. Despite the fact that there are no obvious signs of intergroup hostility, there are certain aggravations in the relationship between the host and migrants

Keywords: migration, population mobility, interethnic relations, adaptation of migrants, the South Urals.

References:

1. Avdashkin A. A. "Chinese" market in the space of a Russian city (the case of Chelyabinsk) *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii* [Bulletin of archeology, anthropology and ethnography], 2020, no. 2, pp. 147–156. (In Russian).
2. Bennett M., Laurence C. Using multitemporal night-time lights data to compare regional development in Russia and China, 1992–2012 *International Journal of Remote Sensing*, 2017, vol. 38, is. 21, p. 5962–5991.
3. Faist, T. *Diaspora and transnationalism : What kind of dance partners? Diaspora and Transnationalism : Concepts, Theories and Methods / ed. by R. Baubeck, T. Faist.* Amsterdam : Amsterdam Univ. Press, 2010, pp. 9–34. (In English).
4. Stepanov V. V., Starchenko R. A., Smirnova T. B., Avdashkin A. A. et al. Interethnic relations and the migration situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report on the study of public opinion in 2019. Moscow; Omsk, 2020. (In Russian).
5. Smirnova T. B., Stepanov V. V., Avdashkin A. A. and others *Monitoring of interethnic relations and the religious situation in the regions of the Urals, Siberia and the Far East of Russia. Expert report for 2019.* Moscow; Omsk, 2020. (In Russian).
6. Migration Society of Asian Russia: Migration, Space, Community / Scientific. ed. IN AND. Dyatlov, K.V. Grigoriev. Irkutsk: "Imprint", 2013. (In Russian).
7. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Life success and chances of achieving it in the views of the inhabitants of the Russian province *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research], 2020, no. 6,

p. 61–71. (In Russian).

8. Rybakovsky L. L. Colonization of the Asian part of Russia: features of implementation and geopolitical consequences *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2018, no. 8, p. 38-47. (In Russian).

9. Rybakovsky L. L., Savinkov V. I., Ko-

zhevnikova N. I. Demographic development of Asian Russia in the XX-XXI centuries: evaluation of the results *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological research], 2018, no. 11, p. 64–74. (In Russian).

10. Urri D. Monitoring public opinion: economic and social changes, 2012, no. 5, (111), p. 197–252. (In Russian).

Reference to the article

Avdashkin A. A. Internal and international migrations: opinion of the South Urals // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 188–197. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-188-197

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-198-208
УДК 314.7(571.12)

В. П. Ключева
Ш. Ф. Фарахутдинов

Миграционные установки населения Тюменской области¹

В статье рассматриваются миграционные установки жителей Тюменской области, в частности, такие аспекты, как: актуальность миграционной темы в общественном сознании; межкультурные особенности отношения основного населения к мигрантам; миграционные стратегии жителей. Работа базируется на результатах опроса, реализованного осенью 2020 г. (среди основного населения и студентов). Показано, что проблема мигрантов для жителей региона не является актуализированной. Респонденты слабо информированы о структуре и характере миграционных потоков и влиянии приезжих на социально-экономическую ситуацию в регионе. В то же время, в общественном мнении присутствует понимание актуальности проблемы депопуляции сельских территорий. По отношению к внутренней миграции наиболее актуальной остаётся тема перемещения между соседними регионами, в том числе по причине, не теряющей актуальности: вахтового метода работы, характерного для северных регионов. Продемонстрировано, что значительная часть населения задумывается или не исключает возможности своего переезда из региона. В то же время, переезд в большей степени остаётся лишь в планах или находится в зоне отложенного принятия решения. Основные мотивы возможной мобильности связаны с выбором более удобного постоянного места жительства, возможностью более высокого заработка и карьерного роста.

Ключевые слова: миграция, социологическое исследование, опрос, межкультурная коммуникация, Тюменская область.

Актуальность. Человеческий капитал как один из наиболее ценных ресурсов в постиндустриальном обществе обладает довольно высокой подвижностью. Проблема сохранения человеческого капитала, возникшая в России начале 1990-х годов, на сегодняшний день не потеряла своей актуальности и лишь усиливается под влиянием экономических, демографических и политических факторов. Если сразу после распада СССР подавляющее большинство эмигрантов составля-

ли жители Москвы и Санкт-Петербурга, то уже к концу 90-х годов в этот процесс была вовлечена практически вся страна [Симомян, 2017. С. 317]. Также большое влияние на миграционные процессы оказывает развитие информационно-коммуникационных технологий: распространение интеллектуальных систем и сопутствующее ему сокращение рынка труда [Шестакова, 2018. С. 56]; возникновение цифровой среды, облегчающей процесс пространственного перемеще-

¹ Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг.

Вера Павловна Ключева – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник, Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86). *E-mail:* vormpk@gmail.com

Шамиль Фаритович Фарахутдинов – канд. социол. наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского 38). *E-mail:* farahutdinovsf@tyuiu.ru

ния людей (это, например, многочисленные глобальные сервисы поиска жилья, работы, билетов), и др. Миграция как элемент горизонтальной и вертикальной мобильности в наши дни становится одним из ключевых факторов социальных изменений на локальном, национальном и глобальном уровнях. В существующих условиях изучение миграционных установок населения, факторов притяжения и выталкивания, особенностей межкультурной коммуникации и интеграции мигрантов представляет собой важную научно-практическую задачу.

Методика исследования. В рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. авторами настоящей работы в период с 27 сентября по 21 октября 2020 г. был проведён опрос, направленный на выявление мнений и установок жителей Тюменской области относительно миграционной тематики. Опрос проводился в г. Тюмени с учётом того, что это самый крупный город в области, и он выступает логистическим центром для всего населения Тюменской области и округов (ЯНАО и ХМАО). Жители Тюмени имеют опыт общения с различными группами мигрантов – учебная миграция, трудовая и пр., а также частично сами являются мигрантами – переселенцами, приехавшими из других районов области и страны: на учебу, на работу, на постоянное местожительства по программе переселения.

Опрос был реализован в двух подвыборках – среди основного населения и студентов. Необходимость выделения студентов в качестве отдельного объекта исследования обусловлена потенциальной значимостью этой группы для будущего страны (образованность, креативность, активность и т. д.). Анкеты имели некоторые различия с учётом специфики объекта исследования. Так, в анкете для массового опроса отсутствовали вопросы, связанные с учебной деятельностью (название вуза, факультет, уровень и область образования) и выбором города

для обучения. Дополнительно в анкету студента были включены вопросы о вероятности трудоустройства в регионе по полученной специальности и котировке дипломов выпускников направления подготовки респондента. Ещё один вопрос, имевший место в анкете студента, но отсутствовавший в анкете массового опроса, был связан с изучением обстоятельств, которые могли бы заставить молодых людей остаться в родном регионе. Обработка и анализ данных опроса осуществлялись в статистическом пакете IBM SPSS Statistics 22.

В ходе организации и проведении опроса имели место сложности, связанные с эпидемиологической ситуацией 2020 г., по причине которой большинство респондентов отказывались от прямой коммуникации. В этих условиях доступ к респондентам осуществлялся через их детей и родственников, обучающихся в школах и вузах. Опрос студентов осуществлялся как в очном, так и удалённом форматах, поскольку практически все региональные вузы перешли на дистанционное обучение по причине ухудшения эпидемиологической ситуации, как раз в период проведения опроса. Всего было опрошено 400 человек: 200 студентов и 200 представителей основного населения.

Выборка массового опроса формировалась по квотному типу. В основу квотирования легли статистические данные о половозрастном составе населения Тюменской области. По результатам проведения полевых работ, респонденты распределились следующим образом: по половому составу 1 : 1 (100 мужчин и 100 женщин); по возрастному: 18-29 лет – 27,5%; 30-59 лет – 50%; 60 лет и старше – 22,5%. Таким образом опросом были охвачены различные возрастные категории населения.

Опрос студентов осуществлялся в трёх крупнейших вузах г. Тюмени: «классическом» – Тюменском государственном университете, техническом – Тюменском индустриальном университете и медицинском – Тюменском государственном медицинском университете. Здесь также было опрошено равное

количество респондентом мужского и женского пола. Выбор указанных вузов обусловлен тем, что в них представлен разнообразный спектр профессионального образования: общественные науки (право, экономика и др.) – 29,5%; гуманитарные науки (история, филология и др.) – 20,5%; технические науки (инженерные, энергетика, технологии и др.) – 34,5%, естественные науки (физика, химия, биология и др.) – 5,5%, IT-сфера и математика – 10%. Большинство из них бакалавры (108 чел., 54%), затем студенты специалитета (70 чел., 35%) и магистранты (22 чел., 11%). Учитывая разнообразие специальностей (направлений подготовки), на которых обучаются респонденты, можно сделать вывод о представленности самых различных взглядов на вопросы внутренних и международных миграций.

Завершая описание социально-демографических характеристик, отметим, что этнический состав обеих подвыборок коррелирует с данными официальной статистики, а уровень дохода респондентов релевантен экономической ситуации в регионе. Таким образом, мы можем говорить о соответствии структур выборочной и генеральной совокупностей.

Результаты исследования. В проведённом опросе можно выделить три условных блока, раскрывающих такие аспекты, как актуальность миграционной темы в общественном сознании, межкультурные особенности отношения населения к мигрантам, а также миграционные стратегии респондентов. Ниже приведём полученные нами результаты исследования и попытаемся очертить основные тенденции в каждой из подвыборок (среди основного населения и студентов).

Актуальность миграционной темы. Результаты исследования показали, что тема опроса оказалась актуализированной лишь для части населения. В массовом опросе 42,5% отметили, что ситуация, складывающаяся в регионе с миграциями, несомненно, важна. Однако среди остальных консенсуса по этому вопросу не наблюдается. Вариан-

ты ответов на вопрос «Считаете ли Вы проблему внутренних и международных миграций важной для региона, в котором сейчас живете?» распределились почти одинаково: «нет, тема миграций не актуальна для нашего региона» (12%), «внутренние миграции – да, внешние миграции – нет» (12,5%), «наоборот, внутренние – нет, внешние миграции – да» (13,5%). И почти пятая часть (19,5%) не имеет своего мнения на эту тему.

Для студентов эта тема оказалась менее востребованной – треть опрошенных студентов затруднились ответить на вопрос о важности миграции для развития региона (31 %). Хотя для другой трети (34,5 %) этот вопрос, несомненно, важен – они согласны с тем, что проблемы миграций (как внутренней, так и внешней) влияют на развитие региона. Другие ответившие имели собственное мнение, какое направление миграции более заметно – внешняя (3,5%) или внутренняя (8,5%). Однако оценить эти ответы затруднительно, т.к. есть вероятность, что к внутренней миграции были отнесены приезды из стран бывшего СССР. Иной взгляд на миграционную ситуацию был предложен в варианте «Другое»: «Ни то, ни другое не является проблемой, люди хотят жить там, где они могут чувствовать себя комфортно». Пятая часть респондентов (21%) не видят актуальности в обсуждении миграционной темы. Таким образом, несмотря на присутствие в регионе трудовых мигрантов и постоянного контакта с учебными мигрантами, для студентов этот вопрос не является важным.

Информированность о миграционных потоках в регионе среди респондентов можно охарактеризовать как низкую. Распределение ответов на вопрос «Из каких стран приезжает больше всего мигрантов в Ваш регион», показывает, что для тюменцев эта тема не очень хорошо знакома – 46,7% не смогли ответить на этот вопрос. Предложили свои варианты 40,7%, а считают, что в регионе нет устойчивых миграционных потоков 12,6%. Наиболее часто упоминались: Казахстан (несомненно, здесь свою роль играет и граница с Тюмен-

ской областью, и сложившиеся экономические связи), Таджикистан, Узбекистан и Азербайджан. Из стран дальнего зарубежья в представлении о мигрантах присутствуют Колумбия, Испания, Индия, Турция.

Студенты также знакомы с этой темой на «теоретическом» уровне, т. к. перечислить страны, откуда приезжают иностранные мигранты, смогли только 35%, затруднились с ответом больше половины (54%). Лишь десятая часть респондентов считает, что в регионе нет устойчивых миграционных потоков, хотя Тюменская область считается одним из наиболее мигрантоемких регионов страны. Наиболее популярной упомянутой страной оказался Казахстан. Республика была указана как отдельно, так и в числе прочих государств Центральной Азии (например, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан). Из стран дальнего зарубежья упоминался ответ «страны Африки». Это можно объяснить присутствием в тюменских вузах студентов из Мали, Ганы, Замбии, Йемена, Египта и Алжира.

Респонденты не смогли адекватно высказаться и на тему внутренней миграции. Данный вопрос вызвал затруднение у 60,4% участников массового опроса. Остальные варианты (перечисление конкретных регионов и мнения, что в регион почти никто не приезжает) набрали равное количество ответов – 19,8%. В качестве мест выезда чаще всего назывались ХМАО и ЯНАО, Курганская и Омская области.

С оценкой потока мигрантов из российских регионов у студентов также возникли сложности – на этот вопрос смогли ответить 28,5 %, затруднились с ответами 65%. Среди ответивших указали, что в Тюменскую область чаще всего приезжают из соседних регионов – Курганская, Свердловская, Омская области, а также ЯНАО и ХМАО. Здесь наблюдается адекватная оценка ситуации. Для северных округов юг Тюменской области является переселенческим регионом, куда приезжают по программе «Сотрудничество», также здесь учатся студенты из округов, а Омская и Курганская обла-

сти – источник вахтовой миграции из-за более низкого уровня жизни.

Внутрирегиональная миграция также не осталась в стороне от внимания респондентов. Убыль населения в сельской местности отмечают 57,8% респондентов массового опроса, и 4,5% считает отток населения из сел большой проблемой. Не считает это проблемой 18,1%; не имеет своего мнения по этому вопросу 19,6%. Студенческий опрос также показал, что респонденты имеют некоторое представление об этом. Согласны с наличием такой проблемы – 50,5%, и 5% считают ее значимой для региона. Для 15,5% эта проблема не существует, затруднились с ответом 28%.

Отсутствие актуализированного интереса к миграционной ситуации может быть объяснено стабильной экономической ситуацией в регионе. Хотя опрос поведился в неблагоприятное время, во время пандемии и экономического спада, но участники массового опроса оценили тюменскую социально-экономическую ситуацию как хорошую (42,2%) или среднюю (39,2%). Однако благополучной ее считает только 8%, и тяжелой – 8,5%. Интересен комментарий респондента, выбравшего открытый вариант: «Если ты работаешь на «дядю», да – не очень, включай голову и делай бизнес». Близко к этим результатам разделились ответы и опроса студентов: хорошей ситуацией считают 46,5%, средней – 31,5%, считающих ситуацию благополучной – выше (17%).

Особенности отношения постоянного населения к мигрантам. Результаты исследования демонстрируют, что респонденты-студенты не считают необходимым ограничивать въезд иностранцев в Россию, против этого высказалось 56,5 % опрошенных. В целом они показывают средний уровень толерантности к приезжим, 17,5% затруднились ответить и 25% выступают за закрытие границ. Респонденты из подвыборки основного населения не смогли высказать определенного мнения на этот счет. Процентное соотношение тех, кто считает, что нужно ограничить приезд, и тех, кто считает, что нельзя закрывать

Россию и регион от иностранцев, почти совпадают: 44,4% и 40,8% соответственно, а 14,8% – затруднились с ответом. Такая разница может объясняться поколенческими разрывами и различием жизненного опыта молодежи и людей более старших возрастов.

Вопрос анкеты «Как вы относитесь к мигрантам из следующих стран» (табл. 1), казалось бы, свидетельствует о толерантности населения Тюменской области. В обеих подвыборках заметное большинство составляет нейтральный вариант ответа. Но, как нам представляется, здесь присутствует так называемый «социально одобряемый ответ», когда плохое отношение к мигрантам считается проявлением нетерпимости. Можно отметить, что наибольший процент отрицательного отношения набрали страны, откуда в Тюменскую область приезжает наибольший процент трудовых мигрантов. Интересно, что, несмотря на неоднозначные политические отношения с Украиной, отношение к ней (гражданам страны) скорее нейтральное или положительное. Вероятно, здесь можно говорить о разном восприятии приезжих, в том числе отношении к одним как к трудовым мигрантам – гастарбайтерам, а к другим – как к высококвалифицированным специалистам.

Заметна разница во взглядах разных поколений. В целом молодежь относится к иностранцам более положительно, чем старшее поколение. Особенно ярко это проявляется в отношении Германии и США (среди студентов отрицательное отношение продемонстрировали лишь 1,5%, а среди респондентов массового опроса – 6,6% и 8,6%). Похожая ситуация и в отношении граждан таких стран, как Армения (6,5% и 18,8%) и Грузия (4,5% и 14,7%).

В научной литературе отмечается, что проблема преступности мигрантов является одной из наиболее мифологизированных, при этом мифы «способны, при известных обстоятельствах, различным образом воздействовать на обыденное сознание: навязывать определенные стандарты мышления и поведения...» [Пядухов, 2003]. Наше исследование подтвердило обоснованность подобной точки зрения. Так, приезд иностранных мигрантов беспокоит 67,2%; предполагаемый захват мигрантами некоторых сфер экономики – 54,5%. Вероятностного создания мигрантских анклавов опасаются 45,5% и, соответственно, роста преступности, под которой понимается в т. ч. «этническая» преступность – 43,8%. Таким образом, рассуждая об актуальности для Тюменского региона отдель-

Таблица 1

Отношение респондентов к мигрантам из различных стран

Страны	Положительно		Нейтрально		Отрицательно	
	Студенты	Массовый опрос	Студенты	Массовый опрос	Студенты	Массовый опрос
Азербайджан	27,5	24,0	58,5	53,6	12,5	22,4
Армения	33,0	26,9	59,0	54,3	6,5	18,8
Белоруссия	40,5	38,1	55,5	57,4	2,0	4,6
Германия	52,0	42,1	45,5	51,3	1,5	6,6
Грузия	35,5	25,4	59,0	59,9	4,5	14,7
Казахстан	38,5	34,0	54,5	58,9	5,0	7,1
Китай	33,0	27,4	59,0	58,9	6,5	13,7
Кыргызстан	25,0	21,3	59,5	56,3	14,0	22,3
США	49,0	40,6	48,0	50,8	1,5	8,6
Таджикистан	23,5	21,4	56,0	54,6	18,5	24,0
Узбекистан	31,5	21,8	53,5	57,9	13,5	20,3
Украина	38,0	27,9	54,5	55,8	6,0	16,2

Источники: рассчитано и составлено авторами.

ных аспектов миграционной ситуации, можно отметить наличие латентных антимигрантских настроений или, как минимум, настороженности в отношении мигрантов/чужих. В.А. Прохода отмечает, что в современной России неприятие коренным населением мигрантов связано с угрозой физической безопасности и уверенностью, что иммигранты способствуют увеличению уровня преступности в обществе. В меньшей степени на негативную оценку влияет угроза экономической безопасности, а именно, ощущение конкуренции с приезжими на рынке труда [Прохода, 2020. С. 78].

Темы, связанные с антимигрантскими фобиями, для студенческой молодежи менее актуальны: создание мигрантских анклавов неважно (от «неважно» до «скорее неважно, чем важно») для 28% респондентов; 10,5% считают, что такое явление отсутствует; 41,5% – не замечают роста преступных группировок. Рост ксенофобии и расизма не заметен для 29,5%, а 13% совсем не отмечают этого явления в обществе. Добавим, что столько же (28%) наоборот считают тему ксенофобии и расизма важной в общественной повестке.

Другим вопросом, выявляющим от-

ношение к трудовым мигрантам, стал вопрос об их влиянии на различные аспекты жизни региона. Результаты представлены в таблице 2.

Как видно из приведённых данных, тема безработицы и преступности волнует больше половины участников массового опроса (55,6% и 53,1%, соответственно). Представляется, что здесь воспроизводится негативный стереотип о захвате рабочих мест коренного, старожильческого населения.

Нам представляется, что эти ответы показывают более точную ситуацию в отношении мигрантов, чем политкорректные ответы о нейтральности отношения к мигрантам, и подтверждают уже ранее высказанное мнение о важности проблемы миграций для региона. В целом, по мнению респондентов, мигранты оказывают на регион отрицательное влияние. Более трети респондентов считает, что наличие мигрантов влияет на безработицу, преступность, экологию, образование, цены, социальную инфраструктуру и медицину. Отметим, что не видят никакого влияния присутствия мигрантов, прежде всего, в политике, сельском хозяйстве и стоимости жилья. Мнение по поводу образования и уров-

Таблица 2

Оценка респондентами влияния иностранных мигрантов на ситуацию в регионе

Сфера, на которую мигранты оказывают влияние	Положительное влияние		Отрицательное влияние		Нет влияния	
	Студенты	Массовый опрос	Студенты	Массовый опрос	Студенты	Массовый опрос
Безработица	17,9	15,8	49,0	55,6	33,2	28,6
Демография	45,9	42,3	20,9	26,0	33,2	31,6
Медицина	23,9	22,1	15,7	30,3	60,4	47,7
Образование	26,9	9,2	18,3	36,2	54,8	54,6
Политика	16,3	12,8	20,9	23,0	62,8	64,3
Преступность	10,7	11,5	44,7	53,1	44,7	35,4
Социальная инфраструктура	22,1	23,1	18,5	30,8	59,5	46,2
Стоимость жилья	11,7	12,8	23,4	29,7	65,0	57,4
Цены	12,6	9,2	18,2	36,2	69,2	54,6
Экология	11,7	9,4	33,0	39,1	55,3	51,6
Экономика	43,9	33,7	20,4	28,1	35,7	38,3

Источники: рассчитано и составлено авторами.

ня цен оказались идентичными: прежде всего, респонденты считают, что влияние отсутствует, а если и присутствует, то отрицательное. Опять же можно предположить, что здесь воспроизводится стереотип и опасения относительно снижения уровня образования из-за обучения детей мигрантов в городских школах. Однако такая проблема для Тюмени не является распространенной.

Студенты в большей степени не замечают присутствия мигрантов. Как видно из таблицы, положительное влияние от присутствия мигрантов заметно в демографии и экономике, отрицательное – в росте безработицы. Таким образом, в студенческой среде не распространены «националистические страшилки» о замещении старожильского населения приезжими, и одновременно с этим они повторяют стереотип о том, что мигранты занимают рабочие места. Хотя, в основном, эта тема для опрошенных не актуальна, что показывает выбор ответа «нет никакого влияния».

Полученный нами результат коррелирует с данными других отечественных исследователей. Так, К.С. Мокин по результатам изучения мнений саратовских студентов пришёл к выводу, что подавляющее большинство респондентов даёт нейтральные оценки о влиянии мигрантов на повседневную жизнь жителей региона [Мокин, 2020].

Отметим, что в отличие от респондентов массового опроса студенты отмечают положительное влияние приезжих на образование (26% и 9,2%). Такая разница, возможно, связана с тем, что студенты оценивают ситуацию в вузах, где они сами регулярно встречаются с учебными мигрантами или в некоторых случаях сами таковыми являются, а участники массового опроса ориентируются на школьное/среднее образование.

Миграционные стратегии. Ещё один блок вопросов был посвящён миграционным стратегиям респондентов. Особый интерес здесь представляет позиция студентов, поскольку именно эта категория населения наиболее адаптивна к переменам, а также имеет больше миграционных возможностей в силу созда-

ния вузами условий для академической мобильности [Осипова, 2015].

В своих жизненных стратегиях респонденты не отрицают возможность переезда из региона. Результаты массового опроса несколько отличаются от результатов студенческого опроса, в сторону меньшей номадности. Так, 38% «взрослых» не хотят и не собираются никуда уезжать, для студентов эта доля снижена более чем в два раза (таковых 17%). А вот количество тех, кто планирует и предпринимает активные действия, почти совпадает (8,5% массовый опрос и 9% студенческий). Но дальше мы наблюдаем разницу в стратегиях и действиях. Она может быть связана с возрастом и жизненными позициями, наличием работы и жилья. Хотели бы выехать на некоторое время – 10,0% респондентов массового опроса и 20,5% студентов. Доля тех, у кого переезд находится в долгосрочном планировании составляет 26,5% и 33,5% соответственно; тех, кто только иногда задумывается о переезде – 16,5% и 17,5%. Таким образом, рассуждения о переезде по большей части остаются теоретическими или находятся в зоне отложенного принятия решения.

Предложив выбрать до трех причин, из-за которых респонденты готовы уехать, был получен спектр мнений. И в массовом опросе, и среди студентов в качестве основной причины большинство участников опроса назвали низкую зарплату (35% и 43,6% соответственно). На втором месте по частоте упоминаний среди респондентов массового опроса является неблагоприятный климат (35%), а у студентов – отсутствие карьерных перспектив (37,4%). Климат же является фактором выталкивания только 24,5% студентов. Отметим, что тема климата постоянно появляется в качестве объяснительной модели оттока населения из российской Арктики и территорий, приравненных к ней. На третьей позиции оказывается одна и та же причина: отсутствие нормальной работы (30% и 36,2% соответственно).

Несмотря на то, что респонденты в массовом опросе отмечали высокие цены на жилье в регионе (по сравнению

с другими регионами), отсутствие доступного жилья не стало какой-то значимой причиной и набрало 13,3%. В отличие от территорий ХМАО и ЯНАО, откуда люди уезжают после выхода на пенсию, для юга Тюменской области это не характерно, что и подтвердил опрос: варианты «переезд к родственникам» и «выход на пенсию» оказались малопопулярными: (12,5% и 7,5%, соответственно). Для студенческой подвыборки эти причины оказались в процентном соотношении «перевернуты»: переезд к родственникам отметили 17,2%, а выход на пенсию – 6,7%.

При выборе основной цели мы наблюдаем разницу во взглядах и стратегиях респондентов. Для участников массового опроса наибольшей популярностью оказался выбор постоянного места жительства (20%). Затем указаны материальные причины – заработать больше денег (18,3%) и карьерный рост (15%); далее идут эмоциональные причины – посмотреть мир (13,3%) и отдых и путешествия (10%). Но развитие бизнеса не является определяющей причиной – только 3,3% указали её в качестве основной. Участники студенческого контингента в качестве основной цели переезда, прежде всего, указывали на материальные причины («Заработать больше денег», 25%) и поиски работы («Найти более привлекательную работу», 12%). Хотя тема карьеры оказалась не востребовавшей, из-за карьерного роста готовы уехать всего лишь 5%, а для развития бизнеса – 1%.

Выбор предполагаемого места проживания может осуществляться на основании различных факторов. Для кого-то важно личное знакомство с территорией, а кому-то достаточно косвенной информации. В целом мнения респондентов совпадают – готовы уехать в регион, где никогда не были, 42% и 43,0% (массовый опрос и студенческий, соответственно), более внимательное знакомство с регионом характерно для 46,2% и 28% (вариант ответа: «Был один/несколько раз»), часто бывают – 11,8% и 8,5% соответственно.

Источники сведений о потенциальном месте также идентичны. Это, прежде всего, Интернет и социальные сети (35,0% и

69,9%, массовый опрос и студенческий, соответственно), затем опыт уже живущих там знакомых (23,3% и 27,6%). Мнение родственников важно для 15 % и 13,5%. Хотя и не критический подход к переезду тоже присутствует: 12,2% массового опроса и 19,6% студенческого выбрали вариант «Это всем известно/езде об этом говорят».

При этом рассуждения о переезде для респондентов массового опроса во многом являются теоретическими, на что указывают сроки потенциального переезда. На вопрос «как скоро вы планируете уехать» 52,5% ответили, что еще не решили определенно, когда будут уезжать; в течение 3–5 лет уедет 28%, в ближайшее время (в течение года-двух) уедет всего 19,5%.

Для молодежи тема переезда также находится в зоне теоретических рассуждений. На тот же вопрос 45% ответили, что еще не решили определенно, когда будут уезжать; в течение 3–5 лет (скорее всего, после окончания вуза) уедет 29% и в ближайшее время (в течение года-двух) уедет всего лишь 7,5%. Студентам задавался дополнительный вопрос об их действиях, показывающих готовность к переезду. Больше половины заявивших о своих миграционных настроениях ничего не предпринимают и никак не готовятся к этому действию (53,4%). Следующим идет ответ «Собираю информацию обо всем» (30,7%) – его тоже можно расценивать только как заявление о намерениях, но не как серьезную подготовку. Но уже последующие два («Изучаю (совершенствую) язык» (28,8%) и «Собираю информацию о возможностях трудоустройства» (25,2%)) показывают решительность выполнения действия. Но резюме рассылает только 5,5% (9 человек), на этот показатель мы не можем опираться, т. к. большинство опрошенных еще учатся по программам бакалавриата и не могут заинтересовать работодателей.

Выбор между переездом в другой регион или страну для респондентов массового опроса был более определен. В другую страну готовы уехать 40,8%; в другой регион России – 44,2%. Среди студентов в другую страну готовы уехать

32%; в другой регион – 26%. Куда угодно готовы уехать равные доли опрошенных (6,7% и 7%).

Результат по выбору наиболее предпочтительных российских городов для переезда оказался предсказуемым. Наибольшей популярностью пользуются Москва и Московская область (в совокупности 43,1% и 37,8%) Санкт-Петербург и Ленинградская область (в совокупности 43,3% и 50,7%); Краснодар и Краснодарский край (26,6% и 19,2%). Из собственных вариантов респонденты называли города ХМАО и ЯНАО, а также Екатеринбург, Новосибирск и Приморье в целом. Привлекательность Санкт-Петербурга и Ленинградской области может объясняться разными причинами – столичный город, с более дешевыми жильем и ценами, чем в Москве, «культурная столица РФ», присутствие Газпрома и Транснефти и возможность получения работы по высокооплачиваемой специальности.

Рейтинг стран для переезда также во многом совпал: наиболее привлекательной страной была названа Канада (15,9% и 37,0%), затем США (13,5% и 37,7%) и Чехия (11,1% и 28,4%). В массовом опросе миграционная привлекательность Германии и Израиля оказалась невысокой (7,7% и 3,4% соответственно) в отличие от выбора студентов (27,8% и 6,2%). Из единичных вариантов были названы Норвегия, Япония, Швеция, Польша, Швейцария, Новая Зеландия. Студенты готовы уезжать также в Китай (6,2%), Таиланд (4,9%) и Казахстан (3,7%). Выбор последней страны объясняется, скорее всего, тем, что это этническая родина респондентов.

Объяснение выбора страны оказалось весьма разнообразным. Опрошенные представили весь спектр мотиваций: от политических до экономических, экзистенциальных и эмоциональных. Вот несколько вариантов ответов: «Высокий уровень жизни, равные возможности для развития для всех; реальная свобода слова и демократия; нет тенденций развития в сторону авторитарного режима, которые есть в России», «Высокий уровень правовых отношений и граждан-

ской ответственности», «Нравится менталитет этих граждан, высокий уровень жизни», «Нравится природа и культура страны», «Грузины красивые и семейные», «Самая доступная для эмиграции», «Там лучше, чем в России... да везде лучше, чем в России, если честно», «Хорошее здравоохранение и хоккей», «Там интеллигентный народ, на улицах чисто и благоприятно», «А почему бы и нет?», «Побывать в местах из любимых книг», «хочу увидеть мир», «лучше уровень жизни», «развитая экономика».

Несмотря на то, что студенты имеют возможность посмотреть мир по программе академической мобильности, для них это направление оказалось невостребованным. Готовы уехать на один-два семестра (3,5%), учиться на бакалавриате (3,0%), в магистратуре (10,0%) или аспирантуре (0,5%). Гораздо чаще студенты предпочитают трудовую мобильность: долговременную работу, более 1 года (23,0%) и кратковременную работу (9,5%), или переезд на постоянное место жительства (28,5%). В массовом опросе такой вопрос не задавался.

Заключение. Подводя итог представлению полученных результатов, отметим, что тема опроса представляет для респондентов несомненную важность, хотя однозначной позиции по отношению к необходимости ограничения внешней миграции среди респондентов не выявлено. Полученные данные позволяют говорить о настороженности в отношении мигрантов, о чём свидетельствует распространённое мнение об отрицательном влиянии мигрантов на регион в целом и различные аспекты жизни местного социума.

Отдельно отметим, что для современной молодежи проблема мигрантов не является актуализированной. Одна из причин этого видится в специфике текущей ситуации, протекающей на фоне карантинных мероприятий и существующих ограничений на международные перемещения. Респонденты слабо информированы о характере миграционных потоков и влиянии приезжих на социально-экономическую ситуацию в регионе. Отдельно стоит отметить, что мигранты из ближнего зарубежья

(стран СНГ) в целом воспринимаются студентами как «свои» и не вызывают острой неприязни.

Респонденты демонстрируют низкий уровень информированности о структуре и характере миграционных процессов, причём как внешней, так и внутренней, однако в общественном мнении присутствует понимание актуальности проблемы депопуляции сельских территорий. По отношению к внутренней миграции наиболее актуальной остаётся тема перемещения между соседними регионами, в том числе по причине, не теряющей актуальности, вахтового метода работы, характерного для северных регионов. Кроме того, для северных округов юг Тюменской области является переселенческим регионом, куда зачастую приезжают на пенсию жители из ХМАО и ЯНАО и студенты.

Рассматривая возможность потенциальной миграции, более трети респондентов не хотят и не собираются уезжать, остальные в той или иной мере задумываются или не исключают такую возможность. В то же время, переезд в большей степени остаётся лишь в планах или находится в зоне отложенного принятия решения. Основные мотивы возможной мобильности связаны с выбором более удобного постоянного места жительства, возможностью более высокого заработка и карьерного роста.

Список литературы:

1. Мокин К. С. Миграция и мигранты в оценках студентов (на примере саратовской области) // Вестник ПАГС. 2020. № 3. С. 32–40. DOI 10.22394/1682-2358-2020-3-32-40
2. Осипова О. С., Чилипенко Л. С. Исследование территориальной миграции молодежи (по данным RLMS – опрос 23 волны). Социально-экономические преобразования и проблемы. Сборник научных трудов. Вып. 5. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2015. С. 96–109.
3. Прохода В. А. Миграция как угроза безопасности принимающего сообщества: особенности восприятия коренным населением // Национальная безопасность / nota bene. 2020. № 2. С. 62–82 DOI: 10.7256/2454-0668.2020.2.32472
4. Пядухов Г. А. Этнические группы мигрантов: тенденции притока, стратегии поведения. Пенза: ПГАСА, 2003. 131 с.
5. Симонян Р. Х. Миграционные настроения российской молодежи: региональный аспект // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 6. С. 313–326. DOI: 10.14515/monitoring.2017.6.16.
6. Шестакова И. Г. Человеческий капитал в цифровую эпоху // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1. С. 56–63.

Библиографическое описание статьи

Клюева В. П., Фарахутдинов Ш. Ф. Миграционные установки населения Тюменской области // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 198–208. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-198-208

Vera P. Klyueva – Candidate of History, Leading Researcher, the Institute of the problems of northern development, the Tyumen Scientific Centre, the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (86, Malygin Str., Tyumen, 625026, Russia). *E-mail: vormpk@gmail.com*

Shamil F. Farakhutdinov – Candidate of Sociology, Associate Professor, the chair of marketing and municipal management, the Tyumen Industrial University (38, Volodarskiy Str., Tyumen, 625000, Russia). *E-mail: farahutdinovsf@tyuiu.ru*

Migration moods of population of the Tyumen region

The article examines migration moods of the residents of the Tyumen region, in particular, such aspects as: the relevance of migration in the public consciousness; intercultural features of moods of the general population towards migrants; migration strategies of the residents. The work is based on the results of a survey carried out in the fall of 2020 among the general population and students. It is shown that the problem of migrants for the inhabitants of the region is not actualized. The respondents are poorly informed about the structure and nature of migration flows and the impact of newcomers on the socio-economic situation in the region. At the same time, there is an understanding of urgency of the problem of depopulation of the rural areas in public opinion. In relation to internal migration, the most relevant topic is movement between the neighboring regions, including due to the continuing relevance of rotational work method, which is characteristic for the northern regions. It has been demonstrated that a significant part of population thinks or does not exclude the possibility of moving from the region. At the same time, moving to a greater extent remains only in plans or is in the zone of delayed decision-making. The main motives for possible mobility are associated with the choice of a more convenient permanent residence, the possibility of higher earnings and career growth.

Keywords: migration, sociological research, survey, intercultural communication, the Tyumen region.

References:

1. Mokin K. S. Migration and migrants in the assessments of students (on the example of the Saratov region) *Vestnik PAGES* [Bulletin of PAGES], 2020, no. 3, pp. 32–40. DOI 10.22394/1682-2358-2020-3-32-40 (In Russian).
2. Osipova O. S., Chilipenok L. S. Research of territorial migration of youth (according to RLMS data – survey of 23 waves). Socio-economic transformations and problems. Collection of scientific papers. Issue 5. N. Novgorod: NISOTS Publishing House, 2015, pp. 96–109. (In Russian).
3. Passage V. A. Migration as a threat to the security of the host community: peculiarities of perception by the indigenous population *Natsional'naya bezopasnost'* [National Security / nota bene], 2020, no. 2, pp. 62–82 DOI: 10.7256 / 2454-0668.2020.2.32472 (In Russian).
4. Pyadukhov G. A. Ethnic groups of migrants: trends in inflow, strategies of behavior. Penza: PGASA, 2003. 131 p.
5. Simonyan R. Kh. Migration attitudes of Russian youth: a regional aspect *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes], 2017, no. 6, pp. 313–326. DOI: 10.14515 / monitoring.2017.6.16. (In Russian).
6. Shestakova IG Human capital in the digital age *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Ser. Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment* [Scientific journal of NRU ITMO. Ser. Economics and Environmental Management], 2018, no. 1, pp. 56–63. ty: dis. ... Cand. polit. Sciences: 22.00.05. SPb., 1999. 189 p. (In Russian).

Reference to the article

Klyueva V. P., Farakhutdinov Sh. F. Migration moods of population of the Tyumen region // *Power and Administration in the East of Russia*. 2021. No. 1 (94). Pp. 198–208. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-198-208

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218
УДК 331.556(571.151)

С. П. Тюхтенева

Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г.¹

Всероссийская перепись населения, запланированная на 2020 г., официально перенесена на 2021 г. В статье, в связи с предстоящей переписью, рассматривается ситуация с трудовой миграцией населения из Республики Алтай. Предмет исследования – трудовая миграция из Республики Алтай. Целью статьи является постановка проблемы в связи с предстоящей переписью населения, по результатам которой, в том числе, будет формироваться бюджет социальной сферы. Следует особо отметить, что пространственная мобильность населения региона становится характерной, прежде всего, для сельского населения. Республика Алтай – единственный регион в Сибири с преобладающим сельским населением. Проблемы образования и здравоохранения на фоне известных ограничений, вызванных пандемией коронавируса нового типа COVID-19, затрагивают каждую российскую семью. Эти острые сегодня проблемы могут в следующий межпереписной период (2021–2030 гг.) усугубиться из-за ожидаемой малолюдности муниципальных образований Республики Алтай.

Ключевые слова: трудовая миграция, Республика Алтай, перепись населения.

Актуальность исследования. Внутривсероссийская трудовая миграция жителей Республики Алтай неуклонно растет из года в год. Всего в республике, по данным управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай, на 1 января 2020 г. проживало 220181 человек, из них 104566 мужчин и 115615 женщин².

Увеличение численности уезжающих «на севера»³ в поисках хорошо оплачиваемой работы стабильно растет с 2011 г. По данным Алтайстата, опубликованным на официальном портале ведомства, численность прибывших и выбывших за последние шестнадцать лет показана в таблице 1.

Численность лиц, прибывших и выбывших в/из Республики Алтай в 2011 г.,

увеличилась, по сравнению с данными за предыдущие годы (2005–2010 гг.) почти вдвое. Миграционный прирост имел положительные значения с 2005 по 2008 гг., в 2010, 2014 и в 2019 гг. Максимальное значение миграционного прироста населения региона было отмечено в 2006 г. (355 чел.), а минимальное – в 2014, 19 (чел.). Максимальное отрицательное значение (т. е. убыль населения), наблюдается в 2013 г. – минус 749 человек, минимальное – в 2020 (минус 26 чел.). Как следует из вышеприведенных данных, после 2011 г., когда был зафиксирован первый всплеск превышения числа выбывших над численностью прибывших (межрегиональная миграция: 3487 чел. выбывших против 2999 чел. прибывших), еже-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

² Численность населения Республики Алтай по полу и возрасту. На 01.01.2020. <https://akstat.gks.ru/folder/33349>

³ Под «северами» имеются в виду различные регионы России, в том числе и Сибирь, в которых развита добывающая отрасль, рыболовство, сфера услуг. Это выражение используется всеми жителями региона, когда речь заходит о пространственной миграции в поисках работы постоянного населения Республики Алтай. Вместе с тем, если речь заходит о человеке, работающем в Сочи или Москве, эти регионы «северами» не называются.

Светлана Петровна Тюхтенева – д-р ист. наук, независимый исследователь (649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр-т Коммунистический, 43). E-mail: kerel63@mail.ru

Таблица 1

Миграция населения Республики Алтай, чел.

Показатели	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019 01-08	2020 01-08
	Прибывшие															
Миграция – всего, из нее:	4900	4429	4513	4097	3772	4927	9972	9569	10130	12116	12913	13326	13034	12694	8920	7772
в пределах России, в том числе:	4706	4196	4339	3851	3521	4778	9743	9366	9909	11637	12577	12996	12768	12324	8568	7531
внутрирегиональная	2896	2408	2492	2111	2081	3001	6744	5833	6411	7753	8378	8618	8332	7938	5394	4710
межрегиональная	1810	1788	1847	1740	1440	1777	2999	3533	3498	3884	4199	4378	4436	4386	3174	2821
Международная	194	233	174	246	251	149	229	203	221	479	336	330	266	370	352	241
Выбывшие																
Миграция – всего	4647	4074	4270	3905	4028	4811	10267	9927	10879	12097	13133	13229	13315	13037	7885	7048
из нее:																
в пределах России, в том числе:	4597	4018	4224	3871	4002	4786	10231	9896	10838	12039	12980	13029	12986	12793	7707	6784
внутрирегиональная	2896	2408	2492	2111	2081	3001	6744	5833	6411	7753	8378	8618	8332	7938	5394	4710
межрегиональная	1701	1610	1732	1760	1921	1785	3487	4063	4427	4286	4602	4411	4654	4855	3174	2821
Международная	50	56	46	34	26	25	36	31	41	58	153	200	329	244	178	267
Миграционный прирост																
Миграция – всего	253	355	243	192	-256	116	-295	-358	-749	19	-220	97	-281	-343	+174	-26

С 2011 г. в статистический учет долгосрочной миграции включены лица, зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, а также лица, снятые с регистрационного учета по месту пребывания в связи с окончанием срока пребывания.

Источники: таблица представляет собой свод данных, опубликованных на сайте Росстата и Алтайстата. Данные о миграции населения с 2005 по 2018 гг. взяты с официального портала Алтайстата: <https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/Миграция%20населения%20Республики%20Алтай.htm>. Данные за январь-август месяцы 2019 и 2020 г. взяты из: <https://akstat.gks.ru/news/document/104260>. Раздел Новости Алтайкрайстата. Миграционные процессы в Республике Алтай в январе-августе 2020 года.

годный положительный миграционный прирост во все последующие годы имеет мизерные значения (несколько десятков человек) по сравнению с отрицательным приростом (несколько сотен человек).

Очевидно, что статистика за 2020 г. будет отличаться от предыдущих лет в связи с пандемией коронавируса: определенная часть трудовых мигрантов из Республики Алтай, особенно работающих вахтовым методом, могли остаться на родине из-за невозможности по разным причинам выехать на прежние места работы.

Результаты исследования. Данные, представленные в таблице 1, отражают весь спектр пространственных перемещений населения Республики Алтай по стране: переезд в связи с получением образования, в связи с изменением места работы (службы) одного из супругов, переезд на постоянное место жительства в другой регион, а также переезд в поисках работы. Очевидно, что в этой статистике могут быть учтены и медицинские кадры, переехавшие работать по контракту на пять лет, как правило, вместе с членами семей. Те же, кто едет искать работу без вызова от работодателя, не попадают в указанные выше данные. Не учитываются также вахтовики, работающие по два-три месяца и возвращающиеся домой по истечении срока рабочей вахты. Следовательно, реальный масштаб трудовой миграции из Горного Алтая эти данные не отражают.

Результаты проведенного автором опроса (интервью среди жителей г. Горно-Алтайска)⁴ показывают, что нет ни одного человека, не имеющего знакомых или родственников, работающих за пределами региона. Каждый из опрошенных лично знает от трех до двухсот человек, уехавших из республики в разные регионы России. География трудоустройства весьма обширна: от Калининграда до Анадыря и от Сочи до Тикси.

Говоря о профессиях уехавших специалистов, опрошенные отметили, что, помимо медиков и учителей, это водители, рабочие строительных специальностей,

инженеры, работники сферы культуры, в том числе актеры и хореографы, повара и другие специалисты сферы общественного питания, а также лица, работающие не по специальности (разнорабочие, на добыче рыбы, продавцы; лица, осуществляющие уход за больными). Как отметили респонденты, такие сферы занятости, как уход за больными и работа продавцом востребованы в Москве и Московской области; добыча рыбы – на Сахалине и Курилах; повара, помощники повара, пекари и кухонные рабочие – в ХМАО, ЯНАО, Сахалинской области, Красноярском крае, Якутии.

Еще один аспект, на который следует обратить внимание при изучении трудовой мобильности жителей Республики Алтай, это возраст. По словам опрошенных, не менее трети уехавших – лица предпенсионного и пенсионного возраста [Тюхтенева, 2019. С. 317–318; Маланина, Клемашева, 2019. С. 289–298]. Здесь следует иметь в виду, что не все люди старше 50 лет едут работать – часть мигрантов в возрасте 50+ уезжают вместе с семьями своих детей, чтобы осуществлять уход за внуками. В числе трудовых мигрантов старшей возрастной группы много женщин, предпочитающих работать не по профессии. Другая возрастная категория – молодежь [Боделукова, 2017. С. 161].

В условиях пандемии 2020 г. не может не обратить на себя внимание проблема трудовой миграции врачей и медицинских работников. Каждый респондент отметил, что знает о врачах или медицинских сестрах, уехавших «на севера». Обеспокоенность людей подтверждает официальная статистика (табл. 2).

Максимальное значение обеспеченности врачами в пятилетнем периоде на 10 тыс. чел. приходилось на 2017 г. – 1036 чел., средним медицинским персоналом на в 2015 г. – 2840 чел., минимальное значение обеспечения врачами отмечено в 2015 г. (962 чел.) и (2732 чел.) медицинскими сестрами и фельдшерами в 2018 г. В 2019 г. врачей в республике стало меньше на шесть и медицинских

⁴ Опрос проведен в форме интервью в процессе пилотажного исследования 13–14 октября 2020 г. устно и по телефону. Опрошено двенадцать человек, все жители г. Горно-Алтайска.

сестер больше на восемь человек. По данным сайта министерства здравоохранения республики, в 2019 г. в рамках проекта «Земский доктор» было привлечено в «районные больницы республики 26 врачей и семь фельдшеров. В текущем году (2020 – С.Т.) по программе в сельскую местность прибыли семь врачей и один фельдшер»⁵.

Как показывают статистические данные, даже возобновление программы «Земский доктор» и решение о предоставлении возможности принимать участие в проекте специалистам старше 50 лет не способствуют привлечению в здравоохранение республики необходимого количества специалистов. Сравнение с регионом-реципиентом (Сахалинская область) показывает, что обеспеченность врачами, средним медицинским персоналом в этом регионе выше, чем в Республике Алтай.

Процитирую «Российскую газету» от 21.10.2020 г., в которой опубликованы данные по Сахалинской области: «2019-й стал рекордным: штат островных больниц и поликлиник пополнили 300 врачей. Как сообщили в минздраве области, за минувший год планировалось довести укомплектованность медучреждений врачами до 85,9%, а работниками среднего звена – до 81,1. По факту же к декабрю удалось достичь планки 92,4% и 93% соответственно. В этом году с учетом ковидной ситуации и максимального вовлечения медиков в кампанию по предотвращению распространения опасной инфекции темпы привлечения специалистов снизились. Тем не менее, за 8 месяцев в сахалинские медучреждения пришли 143 врача, еще 24 ожидаются до конца года. К примеру, в южно-сахалинскую детскую поликлинику в 2020-м трудоустроилось 11 специалистов – педиатры, офтальмологи, ортопеды, гастроэнтеролог и психиатр» [Дмитракова, 2020].

Помимо этого, по словам губернатора Сахалинской области Валерия Лимаренко, значительно увеличились суммы подъемных: «Единовременную выплату на об-

устройство, так называемые подъемные, увеличили в два раза и даем от 1,45 до 2,6 млн руб. – в зависимости от района. Компенсируем расходы на аренду жилья – до 25 тыс. руб. в месяц. Кроме того, участник медицинской кадровой программы может рассчитывать на единовременную выплату на покупку жилья в размере до 60% от его стоимости, но не более трех миллионов рублей» [Дмитракова, 2020].

По нацпроекту «Здравоохранение» в Республике Алтай также предусмотрены выплаты при переселении в сельскую местность: «Согласно условиям программы, врачи и фельдшеры приезжают работать на село минимум на пять лет и получают разовую выплату в размере 1 млн руб. и 500 тыс. руб. соответственно. При этом в Республике Алтай единовременные компенсационные выплаты для врачей, прибывших на работу в сельские населенные пункты, отнесенные к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, составляют 2 млн руб. для врачей и 1 млн руб. для фельдшеров. Для врачей, прибывших на работу в сельские населенные пункты, расположенные в удаленных и труднодоступных территориях республики, размер выплат составит 1,5 млн руб., для фельдшеров – 750 тыс. руб.»⁵.

И все же, несмотря на привлекательные для молодых специалистов условия контракта, медики уезжают. Одна из очевидных причин – уровень заработной платы. По данным Новосибирскстата «Средняя зарплата в январе-мае 2020 года в Республике Алтай составила ... 34 415 руб. Например, в 2019 г., по данным того же Росстата, медианная зарплата в Республике Алтай составила 24 872 руб. в месяц до вычета налогов, в то время как средняя – 37 764 руб.⁶ Реальная заработная плата у подавляющего большинства работающих – чуть более 15 тыс. руб., в связи с чем исследователи все чаще пишут о «работающих бедных».

Вне всяких сомнений, что и в 2020 г., несмотря на множество проблем, в том числе связанных и с пандемией корона-

⁵ Программа «Земский доктор» работает в Республике Алтай. 27.07.2020 г. URL: https://altai-republic.ru/news_lent/news-archive/34335/

⁶ Средняя, медианная, модальная и маленькая: какие зарплаты получают в Республике Алтай. 12.08.2020 г. URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/116101>

Таблица 2

Численность медицинских работников [на конец года]

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019 [предварит. данные]
Численность врачей, чел., всего	962	979	1036	1002	986
на 10 000 человек населения	44,7	45,1	47,5	45,8	44,8
Численность среднего медицинского персонала, чел. всего	2840	2824	2816	2732	2740
на 10 000 чел. населения	132,0	130,1	129,1	124,8	124,4

Источники: Республика Алтай в цифрах. 2015–2019: крат. стат. сб. // Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. г. Горно-Алтайск, 2020. 198 с. С. 65. URL: [https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/1.37.4_2019g\[1\].pdf](https://akstat.gks.ru/storage/mediabank/1.37.4_2019g[1].pdf).

вируса, отток врачей и медицинских сестер из Республики Алтай продолжается. Между тем проблема с укомплектованностью медицинских учреждений необходимым медицинским персоналом сейчас стоит особенно остро.

Миграционный потенциал в регионе можно оценить, рассмотрев официальные данные о занятости и безработице. В докладе о социально-экономическом положении Республики Алтай, опубликованном Федеральной службой государственной статистики, указано, что «По итогам обследования в августе 2020 г. численность рабочей силы составила 100,3 тыс. чел. или 45,6% от численности постоянного населения республики на 01.01.2020 г. В их числе 86,7 тыс. чел. были заняты в экономике и 13,6 тыс. чел. не имели занятия, но активно его искали (в соответствии с методологией Международной организации труда (далее – МОТ) они классифицируются как безработные). В августе 2020 г. в общей численности занятого в экономике населения 38499 чел. или 44,4% составляли штатные (без учета совместителей) работники организаций, не относящихся к субъектам малого предпринимательства. На условиях совместительства и по договорам гражданско-правового характера для работы в этих организациях привлекалось еще 2235 человек. В августе 2020 г., по итогам выборочного обследования рабочей силы, 13,6 тыс. человек в возрасте 15 лет и старше

классифицировались как безработные (в соответствии с методологией МОТ). Уровень безработицы в августе составил 13,6%. На конец сентября 2020 г. численность не занятых трудовой деятельностью граждан, состоящих на регистрационном учете в государственных учреждениях службы занятости населения, составила 13239 человек, из них получили статус безработного 12599 человек, в том числе 11544 человека получали пособие по безработице. На конец сентября 2020 г. нагрузка ... на 100 заявленных вакансий составила 599 человек»⁷.

Следовательно, можно предположить, что на трудовую миграцию потенциально могут решиться еще 1695 человек из числа безработных, не получающих пособия. Сезонная занятость, характерная для республики (туристическая сфера, ореховый промысел, работа в строительстве жилья у частных лиц), актуальна лишь в теплое время года. С наступлением зимы перед людьми, не имеющими работы и перспектив ее найти, вновь остро встает проблема элементарного жизнеобеспечения.

Трудовые мигранты из Республики Алтай продолжают осваиваться в регионах миграции, организуя землячества, встречи с земляками и даже обучение алтайскому языку младших школьников. По словам одного из респондентов, на Сахалине и Курилах сейчас трудится не менее шести тысяч человек из республики,

⁷ Доклад о социально-экономическом положении Республики Алтай. URL: https://rosstat.gov.ru/region/doc1184/IssWWW.exe/Stg/2020/1.37.2_09/39.htm

причем многие из них, продав свои дома и квартиры в Республике Алтай, покупают в Сахалинской области земельные участки, строят дома и участвуют в федеральной программе «Дальневосточный гектар».⁸ К примеру, некоторые алтайцы стали разводить в Сахалинской области овец, свиней и другой скот, поскольку цены на мясо там вдвое выше, чем на Алтае, а спрос велик. Алтайцы, проживающие в г. Дудинке, на своей первой встрече в 2018 г. обсуждали вопрос обучения детей родному языку и основам своей культуры. В ноябре 2018 г. их там было двадцать пять взрослых, вместе с детьми – более пятидесяти. [Ыраактан ийген эзен. Газета Алтайдын Чолмоны. 27.11.2018 г.]. Судя по примерам такого рода, об их скором возвращении в Республику Алтай речь не идет.

Причины межрегиональной трудовой миграции из Республики Алтай вполне банальны и схожи с факторами, ведущими к глобальной миграции как в России, так и во всем мире: бедность, безработица, неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие перспектив на малой родине [Сергиенко, Анисимова, Иванова и др. 2014; Дементьев, Кротов, Исакова, 2018. С. 176–180; Дугаржапова, Цыбенков, 2018. С. 131–140; Калугина, 2020. С. 345–362; Сергиенко, 2013. С. 257–261; Цыренова, Хажеева, 2015. С. 18–114].

Локальная специфика, ведущая к трудовой миграции, состоит в том, что Республика Алтай – это узкоспециализированный аграрный регион, около восьмидесяти процентов территории которого занимают горы. В соответствии с горно-таежным ландшафтом скотоводство дает значительную долю сельскохозяйственного производства – 87% в общем объеме производства. Сельскохозяйственные угодья занимают 43,5% от общей площади земель сельскохозяйственного на-

значения или 12,3% земельного фонда, из которых: пашнями заняты 133,5 тыс. га; пастбища – 919,6 тыс. га; сенокосы – 93,7 тыс. га; многолетние насаждения – 0,5 тыс. га; залежь – 2,2 тыс. га. Растениеводство ориентировано на производство кормов для содержания поголовья сельскохозяйственных животных, в связи с чем большую часть посевных площадей (90%) занимают кормовые культуры.⁹ Кроме этого, 23% площади республики – это особо охраняемые природные территории федерального и регионального уровня, российского и международного (ЮНЭСКО) статуса. Всего площадь республики равна 92903 тыс. кв. км.

Таким образом, единственная отрасль экономики республики, способная обеспечивать жизнедеятельность сельского населения – это животноводство. Однако ограниченность земельных ресурсов в условиях горно-таежного ландшафта, диктующего отгонный характер скотоводства, не позволяет увеличивать численность и без того немалого (430 тыс. условных голов) поголовья скота.¹⁰

При наличии желания заниматься скотоводством молодые жители республики не имеют соответствующих ресурсов (земельных и финансовых). Поэтому, очевидно, они уезжают «на севера». Более того, жители республики едут работать и в зарубежные страны (опыт работы в Южной Корее одного информанта описывает Э. В. Енчинов [Енчинов, 2018. С. 56]).

В программах развития республики, разрабатываемых региональным правительством, одной из перспективных отраслей назван туризм. К примеру, в правительственном документе «О стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года» (далее – Стратегия) указаны в качестве целей «развитие всесезонного туризма; улучшение «узнаваемости» турпродуктов

⁸ *Землячество Горного Алтая*. URL: <http://altaysakhzem.shl.eis1.ru/>; *Пятилетие алтайского землячества отметили на Сахалине*. 6 ноября 2020 г. <https://www.gorno-altaisk.info/news/123823>; *Алтайцы на Таймыре: достижения, проблемы и перспективы*. 21 ноября 2018 г. URL: <https://www.gorno-altaisk.info/news/96573>

⁹ *Официальный портал правительства Республики Алтай*. АПК Республики Алтай. *Растениеводство*. URL: <https://altai-republic.ru/apk-respubliki-altay/rastenievodstvo.php>

¹⁰ *Официальный портал правительства Республики Алтай*. АПК Республики Алтай. *Животноводство*. URL: <https://altai-republic.ru/apk-respubliki-altay/zhivotnovodstvo.php>

¹¹ *О стратегии социально-экономического развития Республики Алтай на период до 2035 года*. URL: https://altai-republic.ru/economy_finances/strategy-of-social-economic/.

Республики Алтай; увеличение туристского потока до 3,4 млн человек»¹¹ и ни слова об экономическом эффекте, потенциально возможном от этой отрасли. Развивать туризм в Стратегии предполагается только за счет частных инвестиций. При достижении стратегической цели – 3 млн туристов в год – на каждого жителя региона будет приходиться почти 14 туристов. При этом плотность населения республики крайне неравномерна – от 1 человека на 1 кв. км в Кош-Агачском районе до 583 чел. на 1 кв. км в г. Горно-Алтайске (почти половина населения республики проживает в агломерации, куда входят единственный город Горно-Алтайск, районный центр с. Майма и пригородные села Алферово и Кызыл-Озек, наименее посещаемые туристами).

Одним словом, вышеназванная Стратегия носит скорее прожектерский, чем реально реализуемый характер. И хотя в ней есть упоминание о проблеме трудовой миграции, пути решения отсутствуют: «Основными направлениями повышения качества услуг в сфере содействия занятости являются: «стимулирование предпринимательского сообщества к созданию новых рабочих мест в сфере приоритетных направлений экономического развития региона».¹¹ Иными словами, в Стратегии не планируются мероприятия для удержания трудоспособного населения региона от миграции.

Заключение. Каков характер трудовой миграции населения Республики Алтай – временный или долгосрочный – сказать сложно в силу отсутствия специальных исследований. Результаты Всероссийской переписи населения 2021 года могут дать ответы на многие вопросы, в том числе и о параметрах пространственной мобильности трудовых мигрантов из Республики Алтай. Между тем, следует учитывать, что более 70% населения Республики Алтай – это сельские жители, при этом почти 100 тысяч проживает в агломерации (город и пригород), соответственно, большинство сел крайнего севера-запада и юго-востока региона – малолюдные. Следовательно, при действующем в стране нормативном подушевом финансировании в образовании и в здравоохранении по результатам переписи населения 2021 г. под угрозой

закрытия могут оказаться школы начального звена в маленьких деревнях, фельдшерско-акушерские пункты (далее – ФАП) и прочие объекты социального характера. Именно школа и ФАП приобрели в современной ситуации параметры градообразующих объектов за отсутствием иных предприятий. Из-за большого оттока населения Горного Алтая в отдаленные регионы России в поисках работы и удовлетворительной оплаты труда их малая родина рискует утратить минимально приемлемые условия для проживания.

З. И. Калугина, исследуя человеческий потенциал приграничных территорий Сибири, указывает, что «самыми низкими душевыми доходами располагали жители Тывы, Алтайского края, Республики Алтай. ... Другими словами, беднейшее население Сибири проживает на приграничных территориях» [Калугина, 2020. С. 353].

По мнению автора, жители Горного Алтая, действительно, располагая наименьшими в Сибири душевыми доходами, выживают за счет реципрокности как нормы взаимоотношений внутри больших семей: из города в село – яблоки, овощи и фрукты, из села в город – мясо, картофель и заготовки. Пандемия коронавируса вносит коррективы и в этот обмен, не прерывавшийся ни в благополучные 1980-е, ни в голодные 1990-е – начало 2000-х гг. Только наличие личного подсобного хозяйства, скота, садов и огородов позволяет многим жителям республики поддерживать жизнедеятельность.

Вполне возможно, что замещение населения, уехавшего искать работу за достойную оплату в другие регионы страны и за ее рубежи, потенциально может компенсировать убыль населения из Республики Алтай. Наиболее высока эта вероятность в ситуации пандемии. Но, как это уже происходило после распада Советского Союза, замещающее население может относиться к людям зрелого возраста, пенсионерам и инвалидам, и тогда под большим вопросом окажется естественный прирост населения.

Судя по ситуации в регионе в целом, трудовая миграция из Республики Алтай, начавшаяся в 2011 г., в 2021 г. не закончится.

Список литературы:

1. Боделукова А. А. Обоснование теоретического подхода к трудовой миграции молодежи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2017. № 5–1. С. 161–164.

2. Дементьев Е.Г., Кротов А.В., Исакова К.В. «Преодоление бедности» как ключевая задача социально-экономического развития Республики Алтай // Социально-экономическое развитие региона: тенденции, ведущие драйверы и угрозы. Тезисы докладов Всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции. Ответственный редактор Д. А. Дирин. 2018. С. 176–180.

3. Дмитракова Т. Здравый подход. Решение острых проблем здравоохранения находят там, где его ищут // Российская газета. Спецвыпуск № 237 (8291).

4. Дугаржапова Д. Б., Цыбенков Б. А. Анализ уровня и качества жизни населения сибирских регионов / Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 2 (30). С. 131–140.

5. Енчинов Э. В. Миграционные процессы: факторы и тенденции // Конструирование общероссийской, региональной и этнической идентичности в Республике Алтай (конец XX-начало XXI веков). Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова. Горно-Алтайск, 2018. С. 33–59.

6. Калугина З.И. Человеческий потенциал развития приграничных регионов Сибири // Континент Сибирь. Сборник статей. Под редакцией В.А. Крюкова. Новосибирск, 2020. С. 345–362.

7. Маланина В.А., Клемашева Е.И. Исследование неравенства старше-

го поколения в условиях цифровой трансформации экономики (на примере Сибирского федерального округа) // Цифровые технологии в экономике и промышленности (ЭКОПРОМ-2019). Сборник трудов национальной научно-практической конференции с международным участием. Под редакцией А.В. Бабкина. 2019. С. 289–298.

8. Сергиенко А. М. Бедность и различия по доходам населения в сибирских регионах аграрной специализации // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 2-2 (78). С. 257–261.

9. Сергиенко А. М., Анисимова М. М., Иванова О. А., Перекаренкова Ю. А., Рзаева С. В., Решетникова С. А., Родионова Л. В., Сергиенко Ю. В. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления. Под общей редакцией А.М. Сергиенко; Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Алтайская лаборатория экономических и социальных исследований ИЭОПП СО РАН, Центр социально-экономических исследований и региональной политики. Барнаул, 2014. 330 с.

10. Тюхтенева С.П. Женщина и мужчина в традиционной и современной культуре алтайцев // Личность в калейдоскопе культур: Коллективная монография под общ. ред. Н.Л. Жуковской. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 315–366.

11. Цыренова Е.Д., Хажеева М.А. Бедность как уровень благосостояния населения (на примере Сибирского федерального округа) / Вестник ВСГУТУ. 2015. № 2 (53). С. 18–114.

12. Ыраактан ийген эзен (Издалека отправленный привет). На алтайском языке. // Газета «Алтайдын Чолмоны», 27.11.2018 г.

Библиографическое описание статьи

Тюхтенева С. П. Трудовая миграция из Республики Алтай в преддверии переписи населения 2021 г. // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 209–218. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218

Svetlana P. Tyukhteneva – Doctor of History, independent researcher (43, Kommunisticheskiy Avenue, Gorno-Altaysk, 649000, Republic of Altai). E-mail: kerel63@mail.ru

Labor migration from the Altai Republic on the eve of the 2021st population census

The all-Russian population census, scheduled for 2020, has been officially postponed to 2021. The article, in connection with the upcoming census, examines the situation with labor migration of the population from the Altai Republic. The subject of research is labor migration from the Altai Republic. It should be especially noted that the spatial mobility of the region's population is becoming characteristic, first of all, of the rural population. The Altai Republic is the only region in Siberia with a predominantly rural population. The purpose of the article is to pose a problem in connection with the upcoming population census, the results of which, among other things, will form the budget of the social sphere. Education and health problems, amid the well-known restrictions caused by the novel coronavirus pandemic COVID-19, affect every Russian family. These acute problems today may worsen in the next inter-censal period (2021–2030) due to the expected low population of municipalities in the Altai Republic.

Keywords: labor migration, the Republic of Altai, population census.

References:

1. Bodelukova A. A. Substantiation of the theoretical approach to labor migration of youth *Sotsial'naya integratsiya i razvitiye etnokul'tur v yevraziyskom prostranstve* [Social integration and development of ethnocultures in the Eurasian space], 2017, no. 5–1, pp. 161–164. (In Russian).
2. Dementyev E. G., Krotov A. V., Isakova K. V. "Overcoming poverty" as a key task of socio-economic development of the Altai Republic. Socio-economic development of the region: trends, leading drivers and threats. Abstracts of the All-Russian Interdisciplinary Scientific and Practical Conference. Managing editor D. A. Dirin. 2018, pp. 176–180. (In Russian).
3. Dmitrakova T. Sane approach. The solution to acute health problems is found wherever they are looking *Rossiyskaya gazeta. Spetsvypusk* [Rossiyskaya Gazeta. Special issue], no. 237 (8291). (In Russian).
4. Dugarzhapova D. B., Tsybenov B. A. Analysis of the level and quality of life of the population of Siberian regions *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2018, no. 2 (30), pp. 131–140. (In Russian).
5. Enchinov E. V. Migration processes: factors and tendencies. Construction of the all-Russian, regional and ethnic identity in the Altai Republic (late XX-early XXI centuries). Research Institute of Altaistics named after S. S. Surazakova. Gorno-Altaysk, 2018, pp. 33–59. (In Russian).
6. Kalugina Z. I. Human potential of development of the border regions of Siberia. Continent Siberia. Digest of articles. Edited by V.A. Kryukov. Novosibirsk, 2020, pp. 345–362. (In Russian).
7. Malanina V. A., Klemasheva E. I. Investigation of the inequality of the older generation in the context of the digital transformation of the economy (on the example of the Siberian Federal District). Digital technologies in the economy and industry (EKOPROM-2019). Proceedings of the national scientific and practical conference with international participation. Edited by A.V. Babkin. 2019, pp. 289–298. (In Russian).
8. Sergienko A. M. Poverty and differences in income of the population in Siberian regions of agrarian specialization *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 2013, no. 2–2 (78), pp. 257–261. (In Russian).
9. Sergienko A. M., Anisimova M. M.,

Ivanova O. A., Perekarenkova Yu. A., Rzayeva S. V., Reshetnikova S. A., Rodionova L. V., Sergienko Yu. V. Poverty rural Russia in the context of economic modernization: processes and mechanisms of formation and overcoming. Under the general editorship of A.M. Sergienko; Institute of Economics and Organization of Industrial Production SB RAS, Altai Laboratory of Economic and Social Research IEIE SB RAS, Center for Socio-Economic Research and Regional Policy. Barnaul, 2014. 330 p. (In Russian).

10. Tyukhteneva S. P. Woman and man in the traditional and modern culture of

the Altaians. Personality in the kaleidoscope of cultures: Collective monograph under total. ed. N.L. Zhukovskaya. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019, pp. 315–366. (In Russian).

11. Tsyrenova E. D., Khazheeva M. A. Poverty as the level of well-being of the population (on the example of the Siberian Federal District) *Vestnik VSGUTU* [Vestnik VSGUTU], 2015, no. 2 (53), pp. 18–114. (In Russian).

12. Yraaktan iygen ezen (Greetings sent from afar). In the Altai language *Gazeta «Altaydyn Cholmony»* [Newspaper “Altaydyn Cholmony”], 27.11.2018.

Reference to the article

Tyukhteneva S. P. Labor migration from the Altai Republic on the eve of the 2021st population census // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 209–218. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-209-218

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-219-227
УДК 332.142.4(571.62)

С. Г. Панкратьева

Оценка экономической эффективности возобновляемых источников энергии Хабаровского края

В исследовании представлена краткая характеристика энергоснабжения Хабаровского края. Рассматриваются проблемы и перспективы развития возобновляемых источников энергии, в частности, в Хабаровском крае. Выделены три основных подхода, существующих в научном сообществе, по сравнению энергетических объектов. Первый подход основывается на сравнении технических показателей энергообъектов, второй – на расчете нормированной стоимости электроэнергии, а третий базируется на монетизации эколого-климатических последствий от энергетических объектов. В ходе исследования было выяснено, что данные подходы отличаются количеством показателей, включаемых в расчет стоимости электроэнергии. В соответствии с выделенными подходами проведена оценка экономической эффективности трех действующих электростанций Хабаровского края – угольной, дизельной и солнечной, даны монетизированные оценки полноценной стоимости трех альтернатив производства электроэнергии края, с учетом экологической составляющей. Проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что в существующих рыночных условиях возобновляемые источники энергии наиболее рентабельны в децентрализованных районах, а количественные оценки показали, что при введении платы за выбросы оксида углерода возобновляемые источники энергии становятся экономически эффективным способом организации энергоснабжения в крае, в том числе в районах с централизованным энергоснабжением.

Ключевые слова: электроэнергия, возобновляемые источники энергии, децентрализованные районы, экономический потенциал, монетизация эколого-климатических последствий, Хабаровский край.

Введение. Современное развитие энергетики в России характеризуется ростом стоимости производства энергии. Наибольший рост стоимости электроэнергии наблюдается в децентрализованных районах, где используются системы электроснабжения на базе дизельных электростанций, работающих на привозном топливе (районы Сибири, Дальнего Востока и др.). Затраты на электроснабжение конечных потребителей в данных регионах составляют до 50% валового регионального продукта (далее – ВРП) (для

Хабаровского края – до 15%), остальные затраты возмещаются за счет государственных субсидий. По оценкам аналитического центра при Правительстве РФ, на субсидирование тарифов на энергию в изолированных районах тратится свыше 70 млн руб.¹

Сегодня многие страны и регионы успешно решают проблемы энергообеспечения на основе развития возобновляемых источников энергии (далее – ВИЭ). Для развития ВИЭ в этих странах создают различные благоприятные условия: разра-

¹ Дальний Восток субсидировать или развивать. URL: [vugon_consulting_dfo_energy.pdf](https://vugon.consulting_dfo.energy.pdf) (дата обращения 25.12.2020).

Светлана Геннадьевна Панкратьева – аспирант, Институт экономических исследований ДВО РАН, старший преподаватель, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680042, Россия, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; 680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33). E-mail: pankrateva-sg@ranepa.ru

ботка и усовершенствование нормативных правовых актов в области ВИЭ, увеличение субсидий и инвестиций в данную область, установление льгот и т. п.

По некоторым параметрам ВИЭ уже сейчас становятся более привлекательными для получения энергии. По данным Ассоциации развития возобновляемой энергетики РФ (далее – АРВЭ), стоимость оборудования для солнечной электростанции (далее – СЭС) и ветряной электростанции (далее – ВЭС) за последние 10 лет снизилась на 60% и 40% соответственно, за счет стремительного развития технологий увеличивается коэффициент полезного действия (КПД) данных установок. Все это приводит к уменьшению стоимости электроэнергии из возобновляемых источников. На сегодняшний день усредненная стоимость электроэнергии из возобновляемых источников сопоставима с генерацией на базе ископаемого топлива, а к 2030 г., по данным специалистов АРВЭ, она может упасть еще в среднем на 41%.²

В 2020 г. на долю ВИЭ приходилось 35% энергетического баланса в странах ЕС, 27% – в Китае, 21% в – Индии и около 18% – в США, России и Японии. Доля ВИЭ в топливно-энергетическом балансе развитых и особенно развивающихся стран неуклонно растет и составляет огромную часть от всего баланса электроэнергии. Например, в Норвегии этот показатель достигает значения 97,6%, в Бразилии – 82,3%, в Новой Зеландии – 81,9%, в Венесуэле – 73,7% и т. д.³ По данным Международного агентства по возобновляемой энергетике IRENA, установленная мощность ВИЭ в мире увеличилась на 7,4% и составила 2537 ГВт. Наибольшую часть введенных мощностей (почти 90%) составили солнечные и ветровые электростанции.⁴

Однако, несмотря на все эти факты, эффективность использования ВИЭ будет

определяться в сравнении с традиционными источниками энергии.

Экономический потенциал ВИЭ на территории России составляет 270 млн т у.т. по видам энергоисточников: солнечная энергия – 12,5, ветровая – 10, геотермальная – 115, энергия биомассы – 35, энергия малых рек – 65, энергия низкопотенциальных источников тепла – 31,5 млн т у.т. Из них сосредоточено на Дальнем Востоке (млн т у.т.) /Хабаровском крае (тыс. т у.т.): солнечная энергия – 1,58/3470, ветровая – 6,7/600, геотермальная – 40/-, энергия биомассы – 2,2/607,5, энергия малых рек – 39,6/7800, энергия низкопотенциальных источников тепла – 6,4/73,38 [Лукутин, 2008; Панкратьева, 2019; Шафраник, 2010]. Как видно, Дальний Восток, в том числе Хабаровский край, обладает огромным потенциалом для развития ВИЭ. Наиболее перспективными направлениями являются развитие солнечной и ветровой электроэнергетики, а также использование биомассы и энергии рек.

Цель исследования состоит в оценке конкурентоспособности возобновляемых источников для энергоснабжения потребителей Хабаровского края.

Характеристика и проблемы энергоснабжения Хабаровского края. По состоянию на 2020 г. в Хабаровском крае функционирует девять крупных тепловых электростанций общей мощностью 2279,1 МВт. Все электростанции принадлежат АО «Дальневосточная энергетическая компания», которая является дочерней компанией ПАО «РусГидро». Энергосистема края вырабатывает более 97% электрической и около 70% тепловой энергии от всей потребности края. В 2019 г. энергоисточниками Хабаровской энергосистемы выработано 9,5 млрд кВт/ч электрической энергии и 11,5 млн Гкал тепловой энергии.⁵

Централизованным электроснабжением охвачены города и населенные пункты

² Зеленая энергетика в России вскоре может стать дешевле традиционной. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/05/26/831097-zelenaya-energiya-v-rossii-vskore-mozhet-stat-deshche-traditsionnoi> (дата обращения 25.12.2020).

³ Доля возобновляемых источников энергии в производстве электроэнергии. URL: <https://yearbook.enerdata.ru/renewables/renewable-in-electricity-production-share.html> (дата обращения 25.12.2020).

⁴ Установленная мощность ВИЭ в мире превысила 2500 ГВт по итогам 2019 г. – IRENA. URL: <https://in-power.ru/news/alternativnayaenergetika/29184-ustanovlennaja-moschnost-vie-v-mire-prevysila-2500-gvt-po-itogam-2019.html> (дата обращения 25.12.2020).

⁵ Министерство энергетики. URL: <https://minenergo.gov.ru> (дата обращения 25.12.2020).

края, в которых проживает около 95% населения. Только населенные пункты, расположенные в отдаленных северных районах, снабжаются электроэнергией от автономных дизельных и газопоршневых электростанций, которые являются здесь практически единственным способом построения децентрализованных систем электроснабжения.

Как показал анализ состояния автономных систем, в настоящее время наиболее актуальными проблемами в этой сфере являются:

высокий износ энергетического оборудования и связанные с этим перебои в доставке топливно-энергетических ресурсов. Усредненный износ электростанций Хабаровского края составляет порядка 62,8%;⁵

ограниченное использование местных топливно-энергетических ресурсов, в том числе нетрадиционных;

высокая себестоимость вырабатываемой электрической энергии. Средний тариф по России на электроэнергию составляет 3,4 руб. за 1 Квт/ч., однако на Дальнем Востоке – 8 руб. за 1 Квт/ч, а в децентрализованных регионах Хабаровского края тарифы варьируются от 23,07 до 89,52 руб.⁶ Таким ценам способствуют климатические условия данных районов, дорогая доставка топлива, дороговизна оборудования и его доставки и т. д., из-за этого бедные регионы не являются привлекательными для инвесторов;

– защита окружающей среды при использовании энергетического комплекса.

Барьеры на пути развития возобновляемых источников энергии. Производство электрической и тепловой энергии является одним из самых загрязняющих видов деятельности. По объемам выбросов вредных веществ в атмосферу ТЭЦ лидирует (30% от общего числа выбросов всех предприятий различных отраслей). Это более 6 млн тонн пыли, CO₂, азота, ванадия, альдегидов, золы и др. Выбросы приводят к парниковому эффекту, кислотным дождям, изменению

химического состава воды и т. д.

Экологические и экономические факторы вынуждают говорить об использовании альтернативных источников энергии, особенно в децентрализованных районах края.

Однако на пути внедрения и развития ВИЭ стоят различного рода барьеры.

Во-первых, отсутствуют или не работают законодательно утвержденные механизмы стимулирования строительства объектов ВИЭ в изолированных системах энергоснабжения, в частности, для микрогенерации на основе ВИЭ и поддержки выработки тепловой энергии на основе ВИЭ.

Во-вторых, падение финансирования развития ВИЭ. Программы по повышению энергоэффективности и развитию ВИЭ существуют, однако они либо не действуют, либо очень слабо финансируются. В 2019 г. бюджетные расходы на программы повышения энергоэффективности в Хабаровском крае снизились в 39 раз⁷.

В-третьих, нестабильность общеэкономической ситуации. Постоянные падения и повышения курса доллара и цен оказывают отрицательное влияние на экономическую эффективность инвестиций в развитие ВИЭ.

В-четвертых, в настоящее время наблюдается высокая волатильность цен на энергоносители, в последнее время в несколько раз снизились цены на уголь, нефть и газ, что ослабило позиции ВИЭ.

Также стоит учесть и некоторые особенности использования ВИЭ. В силу низкой энергетической плотности ВИЭ и их крайней изменчивости стоимость производимой электроэнергии с их использованием в настоящее время обычно превышает тариф на электроэнергию, полученную традиционными способами. Поэтому конкурентоспособной областью нетрадиционной энергетики является малая энергетика, особенно в децентрализованных системах электроснабжения потребителей, находящихся в отдаленных, труднодоступных местах.

⁵ Единый тариф для всех. Как изменится стоимость электроэнергии в России в 2020 году. URL: <https://kapital-rus.ru/articles/article/> (дата обращения 25.12.2020)

⁷ Об итогах исполнения бюджета Хабаровского края за 2019 год и о мерах по исполнению бюджета края в 2020 году. URL: <http://docs.cntd.ru/document/465368786> (дата обращения 25.12.2020)

Существующие подходы для сравнения источников электроэнергии.

В научном сообществе есть три основных подхода для сравнения энергетических альтернатив. Один подход основан на сравнении технических показателей (КПД, площадь станции, количество занятых и т. п.). К недостаткам этого подхода можно отнести учет при анализе только количественных показателей, во внимание не принимается, например, фактор времени. Данный подход в своих исследованиях использовали такие авторы, как Б. Г. Санеев, И. Ю. Иванова, Т. Ф. Тугузова, Н. А. Халгаева, А. Н. Симоненко [Иванова, 2010; Санеев, 2016]. Они проводили анализ факторов, влияющих на эффективность проектов строительства новых энергоисточников малой мощности, а также проводили расчеты величины тарифной надбавки для обеспечения окупаемости этих проектов, в том числе для ВИЭ. Ю. Н. Линник, А. П. Стороженко, Д. Н. Арифлулова [Арифлулова, 2018] исследовали действующие ВИЭ в изолированных территориях РФ и оценивали эффективность гибридных энергоустановок.

Другой подход основывается на расчете нормированной (приведенной) стоимости электроэнергии (Levelized Cost of Energy – LCOE), которая показывает капитальные и операционные издержки производства киловатт-часа в постоянных (реальных) ценах за весь срок службы электростанции. Этим подходом пользуются не только исследователи, но и крупные аналитические агентства, например, инвестиционный банк Lazard, Международное энергетическое агентство по возобновляемой энергетике (IRENA). В попытке оценить полную стоимость ветровой и солнечной электроэнергии они анализируют чувствительность ее приведенной стоимости к налоговым льготам, стоимости топлива, стоимости капитала и другим факторам.

Однако этот подход не учитывает такие показатели, как вред здоровью и окружающей среде, климату, который наносится при сжигании углеводорода. Также многие исследователи считают, что данный подход недооценивает стабильность угольных и газовых электростанций по сравнению с прерывистой

ВИЭ-генерацией.

Еще один подход базируется на монетизации эколого-климатических последствий от энергетических объектов. В настоящее время данный подход наиболее актуален. Его используют в своих работах такие исследователи, как И. А. Башмаков, Н. Г. Джурка, О. В. Демина, Н. В. Горбачева, Р. Фридрих, А. Восс. П. Линарес, А. Муньос, А. Рамос, Дж. Монте и т. д. [Башмаков, 2017; Горбачева, 2020; Демина, 2020; Friedrich, 2013; Linares, 2019]. В их работах проводится оценка экономических последствий сокращения выбросов парниковых газов в системе энергоснабжения регионов, делается попытка оценки полной стоимости электроэнергии с учетом экологических и даже социальных факторов.

По данным большинства исследовательских групп порядка 50% стоимостного эффекта электроэнергии составляют выбросы парниковых газов. Возьмем за основу данные исследования, оценим эффективность ВИЭ в условиях введения государством налога на выбросы оксида углерода.

Оценка экономической эффективности трех вариантов энергоснабжения потребителей Хабаровского края.

Для обоснования экономической эффективности внедрения ВИЭ в Хабаровском крае рассмотрим стоимостную оценку трех альтернатив выработки электроэнергии в крае. Эмпирическая база исследования сформирована на основе следующих данных: схема и программа развития электроэнергетики Хабаровского края 2020–2024 гг., официальный сайт Правительства Хабаровского края, официальный сайт Министерства энергетики РФ.

Базовые технико-экономические параметры работы трех типов электростанций представлены в таблице 1. Финансовые модели построены в текущих ценах и с использованием стандартной техники проектного анализа трех действующих в Хабаровском крае электростанций: угольной ТЭС (на примере Совгаванской ТЭЦ, п. Советская Гавань), ДЭС (на примере ДЭС, с. Оремиф) и СЭС (на примере СЭС, месторождение Светлое, Охотский район).

Таблица 1

**Технико-экономические характеристики трех электростанций
в Хабаровском крае**

Показатель	Угольная ТЭС	ДЭС	СЭС
Установленная мощность: электрическая МВт тепловая Гкал/ч	126 200	0,56	1
Капитальные затраты, млн руб.	33800	25,9	134,4
Себестоимость электроэнергии, руб./кВтч тепла, руб./Гкал*ч	3,5 1442,47 ⁸	37,3	9,5
Тариф на электроэнергию, руб./кВт*ч на тепло, руб./Гкал*ч	3,49 1488,71	3,86	3,86
Инвестиционный период, годы строительства	6	2	1
Эксплуатационный период, годы	36	15	25
Продукт	Электроэнергия и тепло	Электроэнергия	Электроэнергия
Удельные капитальные затраты, тыс. руб./кВт*ч	94,3	46,25	134,4
Производство электроэнергии, млн кВт*ч; тепла, тыс. Гкал	630 442,1 ⁹	0,9391	1,25 ¹⁰
Удельные расходы топлива, т у.т./кВт*ч	276 ¹¹	463,2	-
Объем потребляемого топлива, тыс. т/год	480 ¹²	0,3	-
Цена топлива, руб./т	2540,67 ¹³	64521,2	-
Ежегодные издержки (постоянная составляющая), млн руб./год	14235 ¹⁴	2,1	2,1 ¹⁵
Суммарные выбросы CO ₂ , т.	762300	826,408	35

⁸ Совгаванская ТЭЦ введена в эксплуатацию в сентябре 2020 года, поэтому актуальных данных по данной станции нет. Из отчета комитета по ценам и тарифам Хабаровского края взяты средние значения по тарифам на электрическую энергию, поставляемую ПАО «ДЭК» потребителям Хабаровского края. URL: <https://cit.khabkrai.ru/> (дата обращения 25.12.2020).

⁹ В силу комментария сноски выше, взяты прогнозные значения по количеству вырабатываемой энергии и тепла. URL: <https://rosteplo.ru> (дата обращения 25.12.2020).

¹⁰ В силу комментария сноски выше, значения взяты из прогнозов компании «Полиметалл». URL: https://nedradv.ru/nedradv/ru/page_news?obj=3f996b32bed4a8e81bee5f33f84278e5 (дата обращения 25.12.2020).

¹¹ В силу комментария сноски выше, показатель взят по аналогичной Ургальской ТЭЦ из расчетов авторов в [Воропай, 2011].

¹² В силу комментария сноски выше, показатель взят из прогнозных значений экспертов. URL: <https://iarex.ru/articles/59811.html> (дата обращения 25.12.2020).

¹³ В силу комментария сноски выше, показатель взят из отчета ДГК как среднее значение по аналогичным объектам. URL: <https://tenmon.ru/1/31705915789.html> (дата обращения 25.12.2020).

¹⁴ В силу комментария сноски выше, показатель взят по аналогичной Ургальской ТЭЦ из расчетов авторов в [Воропай, 2011].

¹⁵ Данная электростанция введена в эксплуатацию в 2018 г., актуальных данных в свободном доступе нет. Так как месторождение Светлое – это СЭС, функционирующая совместно с ДЭС, поэтому этот показатель взят по аналогии с рассматриваемой ДЭС с. Оремиф.

Окончание таблицы 1

Показатель	Угольная ТЭС	ДЭС	СЭС
Налог на выбросы CO ₂ , млн руб.	834,71	0,9	0,04
Субсидии, млн руб.	13,8	8,6	8,6

Источник: рассчитано автором на основе данных сайта Министерство энергетики. URL: <https://minenergo.gov.ru> (дата обращения 11.12.2020).

По представленным данным технических характеристик рассматриваемых электростанций уже можно сделать вывод об эффективности использования ВИЭ, особенно в децентрализованных районах. Несмотря на то, что СЭС самая дорогая по удельным капитальным затратам на 1 кВт вырабатываемой энергии, по ежегодным издержкам она уже конкурентоспособна с угольной ТЭЦ, а себестоимость электроэнергии, выработанной СЭС, почти в 4 раза ниже по сравнению с ДЭС.

Для выделенных объектов рассчитаем чистые выгоды по формулам:

$$NPV = \sum_T B'_t - C'_t \quad (1),$$

$$B'_t = \frac{B}{(1+r)^t}, \quad C'_t = \frac{C}{(1+r)^t}, \quad t = 1, \dots, N \quad (2),$$

где B'_t – выгоды (приток денежных средств) по энергообъекту; C'_t – затраты (отток денежных средств) по энергообъекту; r – ставка дисконтирования; B'_t – дисконтированные выгоды; C'_t – дисконтированные затраты; T – конечное число моментов времени (шагов расчета) реализации энергообъекта [Горбачева, 2020].

Далее для сопоставимости разновременных проектов используем технику эквивалентных выплат с помощью формулы аннуитета:

$$EANB = \frac{NPV}{a_r^T} \quad (3),$$

$$a_r^T = \frac{1-(1+r)^{-T}}{r} \quad (4),$$

где EANB – ежегодные равные чистые выгоды; a_r^T – фактор аннуитета

[Горбачева, 2020].

Экономический смысл показателя EANB состоит в том, что он отражает такую сумму ежегодных чистых выгод, получение которой равными долями в течение срока эксплуатации электростанции обеспечивает такие же совокупные выгоды, что и NPV энергетического проекта.

Ставка дисконтирования взята в размере 12,5% по данным сайта Дальневосточной генерирующей компании¹⁶.

Для расчета налога на выбросы CO₂ были использованы показатели по объему выбросов, указанные в работе [Горбачева, 2020]: угольные электростанции образуют 1210 г CO₂-экв на 1 кВтч (из них 50 г связаны с добычей угля); дизельные – 880 г (100); ВИЭ – 28 г, из-за применения энергоемкого оборудования.

Что касается ставки налога на 1 т выбросов CO₂, то здесь нет однозначности. По данным ОЭСР¹⁷ цены варьируются по всему миру от 1 до 55 евро за тонну. Здесь будем производить расчёт, исходя из предварительных оценок экспертов России о том, что налогообложение углерода на начальном этапе может составить 15 долларов за 1 тонну CO₂¹⁸.

Ежегодные равные чистые выгоды каждой станции соотнесены с ГДж произведенной энергии. Разделение всех издержек между двумя продуктами (электроэнергией и теплом) представляется весьма условным, поэтому для корректности вычислений полезный отпуск электростанций представлен в ГДж произведенной энергии (рис. 1).

¹⁶ Акционерное общество «Дальневосточная генерирующая компания». URL: <https://dvgk.ru> (дата обращения 25.12.2020).

¹⁷ Экономическая политика. Платы за выбросы парниковых газов по странам мира. URL: <https://icss.ru/ekonomicheskaya-politika/ekologiya/plata-za-vyibrosyi-parnikovuyix-gazov-po-stranam-mira> (дата обращения 25.12.2020).

¹⁸ Углеродный налог: нововведение может привести к росту тарифов ЖКХ. URL: <https://www.kp.ru/putevoditel/nauka/uglerodnyj-nalog/> (дата обращения 25.12.2020).

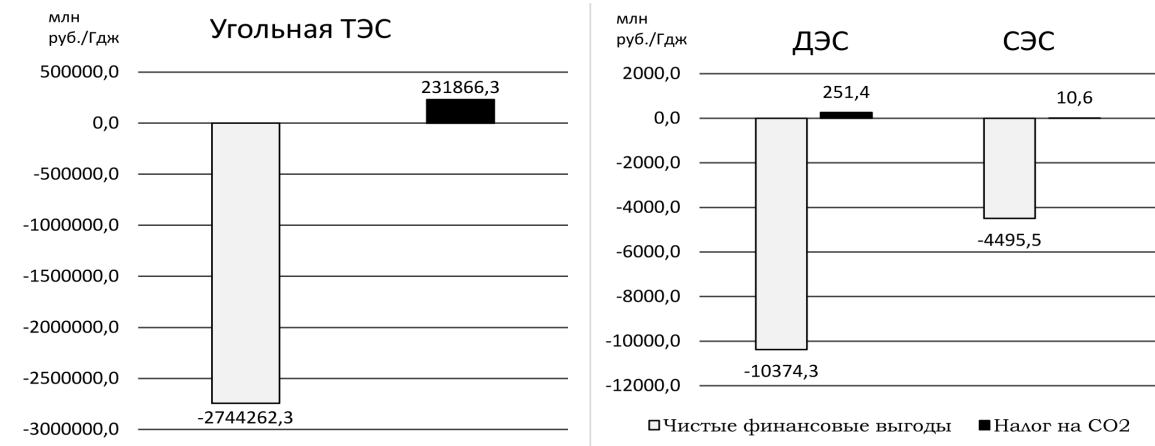

Рис. 1. Экономические выгоды и издержки производства электроэнергии на угольной, дизельной и солнечной электростанциях Хабаровского края

Видно, что в наблюдаемых рыночных условиях и при всех предполагаемых значениях для угольной и солнечной электростанций, все три электростанции нерентабельны, при этом самые высокие удельные финансовые выгоды оказались у СЭС: -4495,5 млн руб. на 1 ГДж выработанной электроэнергии. Самой экономически невыгодной оказалась угольная электростанция. А если учитывать еще и налог на выбросы CO₂, то по-прежнему наиболее экономически привлекательной остается СЭС, ее значение наиболее близко к зоне безубыточности. Если для СЭС удастся снизить капитальные затраты, то при низких операционных затратах СЭС станут еще более экономически выгодными. Таким образом, если учитывать в стоимости электроэнергии экологический фактор, то ВИЭ становятся не только конкурентоспособными с традиционными источниками в децентрализованных районах, но и более рентабельными.

Заключение. В настоящее время экономическая ситуация страны сложилась таким образом, что ВИЭ не могут конкурировать с традиционными источниками энергии, особенно в регионах с централизованным энергоснабжением. Однако экологические проблемы, ограниченность природных ископаемых, высокая стоимость электроэнергии особенно для децентрализованных районов, высокий износ оборудования, ограниченность финансирования диктуют необходимость поиска альтернативных источников энергии.

Неограниченный запас ресурсов, экологически чистые источники энергии, небольшой срок окупаемости, меньшие расходы на эксплуатацию оборудования, отсутствие расходов на привозное топливо – все это является неоспоримыми преимуществами возобновляемых источников энергии.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что ВИЭ наиболее рентабельны в существующих на данный момент рыночных условиях в децентрализованных районах. Количественные оценки показали, что при введении платы за выбросы оксида углерода ВИЭ становятся экономически эффективным способом организации энергоснабжения в Хабаровском крае, в том числе в районах с централизованным энергоснабжением.

Таким образом, если Россия будет следовать мировым трендам, а именно сокращению выбросов в окружающую среду вредных веществ, и будут монетизированы внешние эффекты, связанные прежде всего с экологией, то строительство энергообъектов, использующих электрооборудование на основе возобновляемых источников, станет рентабельным, не только для удаленных районов.

Список литературы:

1. Арифюлова Д. Н., Линник Ю. Н., Стороженко А. П. Экономическое обоснование развития солнечной генерации с использованием автономных гибридных энергоустановок в изолированных энергосистемах // Экономика: проблемы, реше-

ния и перспективы. Вестник университета. 2018. № 11. С. 97–102.

2. Башмаков И. А. Повышение эффективности энергоснабжения в северных регионах России // Энергоснабжение. 2017. № 3. С. 100–125.

3. Восточный вектор энергетической стратегии России: современное состояние, взгляд в будущее / Под ред. Н. И. Воропая, Б. Г. Санеева; Рос. Акад. Наук, Сиб. отд-ние, Ин-т систем энергетики им. Л. А. Мелентьева. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2011. 368 с.

4. Горбачева Н. В. Действительная стоимость электроэнергии в Сибири: анализ выгод и издержек // Экономический журнал ВШЭ. 2020. № 24 (3). С. 340–371.

5. Дёмина О. В., Джурка Н. Г. Оценка экономических последствий сокращения выбросов в системе энергоснабжения региона: опыт Дальнего Востока // Регионалистика. 2020. Т. 7. № 2. С. 5–23.

6. Иванова И. Ю., Тугузова Т. Ф., Халгаева Н. А., Симоненко А. Н. Факторы, препятствующие развитию малой энергетики на востоке России. Сборник статей «Энергетические связи между Россией и Восточной Азией: стратегии развития в XXI, Иркутск: ИСЭМ СО РАН, 2010, 6 с. Режим доступа: <http://www.sei.irk.ru/symp2010/papers.html>

7. Лукутин Б. В., Суржикова О. А.,

Шандарова Е. Б. Возобновляемая энергетика в децентрализованном электро-снабжении: монография. М.: Энергоатомиздат, 2008. 231 с.

8. Новая энергетическая политика России / Под общ. ред. Ю.К. Шафраника. М.: Энергоатомиздат, 2010. – 512 с.

9. Панкратьева С. Г. Современное состояние и перспективы развития энергетики Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 156–163.

10. Санеев Б. Г., Иванова И. Ю., Тугузова Т. Ф. Использование возобновляемых источников энергии как одно из приоритетных направлений совершенствования систем энергоснабжения труднодоступных территорий восточных регионов. Материалы Международного конгресса REENCON-XXI «Возобновляемая энергетика XXI век: Энергетическая и экономическая эффективность», Сколково. 2016. С. 136–142.

11. Linares P., Munoz L., Ramos A., Montes J. Internalization of Externalities into Energy Decision-Making: A Model for the Social Optimization of the Operation of Electricity Systems // Energetics. 2019. № 4. Pp. 12–20.

12. Friedrich R., Voss A. External Costs of Electricity Generation // Energy Policy. 2013. Vol. 21. № 2. Pp. 114–122.

Библиографическое описание статьи

Панкратьева С. Г. Оценка экономической эффективности возобновляемых источников энергии Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 219–227. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-219-227

Svetlana G. Pankratyeva – graduate student, the Institute of economic researches of FEB RAS, senior lecturer, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa (153, Tikhookeanskaya Str., Khabarovsk, 680042, Russia; 33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). E-mail: pankrateva-sg@ranepa.ru

Assessment of the economic efficiency of renewable energy sources in the Khabarovsk territory

The study presents a brief description and problems of power supply of the Khabarovsk territory. The problems and prospects of the development of renewable energy sources, in particular in the Khabarovsk territory, are considered. There are three main approaches that exist in the scientific community for comparing energy objects. The first approach is based on comparing the technical indicators of power facilities, the second on calculating the normalized cost of electricity, and the third is based on monetizing the environmental and climatic consequences of power facilities. During the study, it was found that these approaches differ in the number of indicators included in the calculation of the cost of electricity. In accordance with the selected approaches, evaluation of economic efficiency of

three operating power plants of the Khabarovsk territory – coal, diesel and solar – was carried out, monetized estimates of the full cost of three alternatives for the production of electricity in the region were given, taking into account the environmental component. The analysis made it possible to conclude that under the current market conditions, renewable energy sources are most profitable in decentralized areas, and quantitative evaluations have shown that with the introduction of payments for carbon monoxide emissions, renewable energy sources become an economically effective way of organizing energy supply in the region, including in the regions with centralized power supply.

Keywords: electricity, renewable energy sources, decentralized areas, economic potential of renewable energy sources, monetization of environmental and climatic consequences, the Khabarovsk Territory.

References:

1. Arifulova D. N., Linnik Yu. N., Storozhenko A. P. Economic substantiation of the development of solar generation with the use of autonomous hybrid power plants in isolated power systems *Ekonomika: problemy, resheniya i perspektivy Vestnik universiteta* [Economy: problems, solutions and prospects. University Bulletin], 2018, no. 11, pp. 97–102. (In Russian).
2. Bashmakov I. A. Increasing the efficiency of energy supply in the northern regions of Russia *Energosnabzheniye* [Power supply], 2017, no. 3, pp. 100–125. (In Russian).
3. Eastern vector of Russia's energy strategy: current state, look into the future / Ed. N. I. Voropaya, B. G. Saneeva; Grew up. Acad. Science, Sib. department, Institute of energy systems them. L.A. Melent'eva. Novosibirsk: Academic publishing house "Geo", 2011. 368 p. (In Russian).
4. Gorbacheva N. V. The real cost of electricity in Siberia: analysis of benefits and costs *Ekonomicheskij zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics], 2020, no. 24 (3), pp. 340–371. (In Russian).
5. Demina O. V., Dzhurka N. G. Assessing the economic consequences of reducing emissions in the power supply system of the region: the experience of the Far East *Regionalistika* [Regionalistics], 2020, vol. 7, no. 2, pp. 5–23. (In Russian).
6. Ivanova I. Yu., Tuguzova T. F., Khalgaeva N. A., Simonenko A. N. Factors hindering the development of small-scale energy in the east of Russia. Collection of articles "Energy ties between Russia and East Asia: development strategies in the XXI, Irkutsk: ISEM SO RAN, 2010, 6 pp. Access mode: <http://www.sei.irk.ru/symp2010/papers.html>
7. Lukutin B. V., Surzhikova O. A., Shandarova E. B. Renewable energy in decentralized power supply: monograph. M.: Energoatomizdat, 2008. 231 p. (In Russian).
8. New energy policy of Russia / Under total. ed. Yu.K. Shafranik. M.: Energoatomizdat, 2010. 512 p. (In Russian).
9. Pankratyeva S. G. Current state and development prospects of the energy sector of the Khabarovsk Territory *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], 2019, no. 3 (88), pp. 156–163. (In Russian).
10. Saneev B. G., Ivanova I. Yu., Tuguzova T. F. Use of renewable energy sources as one of the priority directions for improving energy supply systems for remote areas of the eastern regions. Materials of the International Congress REENCON-XXI "Renewable Energy XXI Century: Energy and Economic Efficiency", Skolkovo. 2016, pp. 136–142. (In Russian).
11. Linares P., Munoz L., Ramos A., Montes J. Internalization of Externalities into Energy Decision-Making: A Model for the Social Optimization of the Operation of Electricity Systems *Energetika* [Energetics], 2019, no. 4, pp. 12–20. (In Russian).
12. Friedrich R., Voss A. External Costs of Electricity Generation *Energeticheskaya politika* [Energy Policy], 2013, vol. 21, no. 2, pp. 114–122.

Reference to the article

Pankratyeva S. G. Assessment of the economic efficiency of renewable energy sources in the Khabarovsk territory // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 219–227. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-219-227

DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-228-236

УДК 338.45

А. В. Колокольцева

Современные подходы к оценке эффективности добычи полезных ископаемых

Россия и занимает одно из лидирующих мест на планете по запасам природных ресурсов, однако основная масса месторождений разведана в той или иной мере более четверти века тому назад, еще во времена СССР. В связи с изменениями источников финансирования воспроизводства минерально-сырьевых ресурсов и геологического изучения недр качественные и количественные показатели снижены на порядок, что приводит к большим рискам при освоении месторождений полезных ископаемых. Несмотря на большое количество научных трудов экономическая ситуация вынуждает вести поиск более современных и многопараметрических методов оценки эффективности добычи полезных ископаемых. В статье рассмотрены основные экономические методы оценки эффективности добычи полезных ископаемых, определена их суть и особенности применения. На основе проведенного анализа выявлены недостатки и преимущества использования исследуемых методов, дана авторская трактовка экономической оценки эффективности добычи полезных ресурсов.

Ключевые слова: полезные ископаемые, добыча, экономическая эффективность, потенциальные возможности, прибыль.

Введение. В современном мире полезные ископаемые – это основа конкурентоспособности любого государства. Именно минерально-сырьевой комплекс определяет, как реальные, так и потенциальные возможности страны, а также вектор развития всех сфер хозяйствования.

Целью статьи является анализ существующих современных методов и подходов к оценке эффективности добычи полезных ископаемых в условиях экономической нестабильности и изменчивости конъюнктуры рынка.

Степень изученности темы исследования. Фундаментальные основы теории и практики оценки эффективности добычи полезных ископаемых внесли такие выдающиеся ученые-академики как В. И. Вернадский, А. А. Докучаев, Л. В. Канторович, В. С. Немчинов, А. С. Ферсман [Вернадский, 2004; Докучаев, 1949; Канторович, 1982; Немчинов, 1961; Ферсман, 1955].

Разработкой методов и подходов к оптимизации добычи природных ресурсов занимались П. В. Бересневич, В. Д. Горлов, П. И. Томаков, Ю. В. Шувалов и др. [Бересневич, 1990; Горлов, 1991;

Томаков, 1994; Шувалов 2003]; изучением способов улучшения использования сырьевого комплекса, в том числе техногенных ресурсов – М. И. Агошков, И. П. Жаворонкова, М. Э. Кябби, А. В. Хохряков и др. [Агошков, 1980; Жаворонкова, 1973; Кябби, 1984; Хохряков, 1993].

Значительный вклад в разработку теоретических основ экономической оценки эффективности внесли А. М. Быбочкин, Т. А. Гатов, В. М. Крейтер, Л. П. Кобахидзе, Е. А. Соловьева, Н. Г. Фейтельман и др. [Быбочкин, 1983; Гатов, 1980; Каждан, 1985; Крейтер, 1961; Соловьева, 1980; Фейтельман, 1994].

В настоящее время изучением методологии оценки эффективности добычи полезных ископаемых занимаются такие ученые-исследователи, как О. В. Александров, Т. В. Александрова, Д. С. Богданов, С. М. Афанасьев, И. Ю. Ваславская, А. А. Герт, А. В. Давыдов, В. С. Дадыкин, К. Н. Кузьмина, Д. В. Миляев, А. Л. Дергачева, В. И. Лисов, Е. С. Мелехин, И. М. Потравный и др. [Александров, 2017; Александрова, 2015; Афанасьев, 2017; Богданов, 2016; Ваславская, 2016; Герт, 2015; Давыдов, 2019; Дадыкин, 2018; Дергачева, 2017;

Алла Владимировна Колокольцева – аспирант, Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, д. 33).
E-mail: kotaga10@mail.ru

Кузьмин, 2007; Лисов, 2015; Мелехин, 2017; Миляев, 2013; Потравный, 2017].

Однако, несмотря на достаточно большое количество научных трудов и разработок, современная экономическая ситуация вынуждает заниматься поиском новых, более современных методов оценки эффективности и целесообразности добычи природных ископаемых. Одним из главных и наиболее дискуссионных вопросов можно считать критерий экономической оценки, определяющий функционирование всей экономики государства.

Результаты исследования.

Минерально-сырьевой комплекс можно считать базовым фактором долгосрочного производства и воспроизводства капитала. Однако запасы природных ресурсов со временем истощаются, в связи с развитием научно-технического прогресса повышаются требования к их качеству, что приводит к необходимости поиска новых источников. Одним из главных вопросов в рамках вышесказанного становится не только целесообразность такого поиска, но и рациональность непосредственной добычи ископаемых. Для этого проводится оценка месторождений, включающая в себя оценку потенциала самого месторождения с экономической точки зрения. Иными словами, происходит прогнозирование возможного денежного потока, необходимых инвестиционных затрат, срока окупаемости и общей рентабельности данного процесса.

При проведении оценки в современных условиях необходимо учитывать ряд особенностей природных ресурсов: длительность воспроизводства, неопределенность и недостоверность геологической информации, невозобновляемость ископаемых, возможные дополнительные инвестиции в разработку и доразведку полезных ископаемых. Без учета данных факторов и оценки существующего риска можно прийти к ошибочным выводам и негативным результатам, что также может привести к искусственному обесцениванию запасов и иррациональному использованию недр.

Из этого следует, что для оценки эффективности добычи полезных ископаемых необходимо, прежде всего, использо-

вать экономические методы.

Экономическая оценка месторождений представляет собой принятие решений в условиях неопределенности, обусловленной как вероятностным характером исходной геологической информации, так и исходными экономическими показателями и изменениями внешней экономической среды.

Существует множество различных определений экономической оценки эффективности месторождений. В. М. Крейтер под ней понимает определение хозяйственной значимости месторождений и целесообразности капитальных вложений для его освоения [Крейтер, 1961]. В свою очередь Г. Г. Гудалин считает, что роль экономической оценки заключается в определении значения минерально-сырьевой базы для предприятия [Гудалин, 1967]. А. Б. Каждан и А. П. Кобахидзе считают, что главной целью экономической оценки эффективности является обоснование кондиций для подсчета их запасов и определение их народнохозяйственной значимости как источников минерального сырья для удовлетворения возрастающих потребностей страны [Каждан, 1985].

Таким образом, на основе мнений ведущих специалистов в данной сфере можно определить суть экономической оценки эффективности добычи полезных ресурсов как определение общественного, общенационального достояния для отдельных территорий страны, а также рациональность и оптимальность их использования в конкретных ситуациях.

Любое оценивание проводится с использованием совокупности действий, нацеленных на решение поставленной задачи или достижение определенной цели, то есть методов оценки, которые имеют конкретную сферу применения.

Министерством природных ресурсов и экологии РФ были разработаны методические рекомендации по обоснованию выбора участков недр для целей, не связанных с добычей полезных ископаемых¹, а также согласно Постановлению Правительства РФ «Об утверждении Положения о возмещении расходов государства на поиски и оценку полезных ископаемых при предоставлении права пользования участком

¹ *Протокол Минприроды России (Министерства природных ресурсов и экологии РФ: Методические рекомендации по обоснованию выбора участков недр для целей, не связанных с добычей полезных ископаемых «11-17/0044-нр03 апреля 2007 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200115498>.*

недр в целях разведки и добычи полезных ископаемых»² для того, чтобы комплексно оценить эффективность разработки, прежде всего, необходимо использовать *техничко-экономический метод*. С его помощью происходит оценка суммарных удельных затрат с учетом всех имеющихся технологических и технических параметров и показателей и выбор оптимального варианта. Главным недостатком метода являются временные единицы: цены на оборудование и услуги постоянно изменяются в зависимости от конъюнктуры рынка, что существенно затрудняет проведение такой оценки.

Также возможно использование *энергетического метода*, авторами которого являются академик И. Анистратов и доктор технических наук, профессор С. А. Конопелько³. Метод был разработан в 1969 г. и использовался как средство обоснования комплексной механизации различных технологических потоков при определенных условиях комплектования оборудования. Он позволяет учитывать количественные природные характеристики, технологию вскрытия и добычи, комплект оборудования и его технологическое использование. Таким образом, энергетический метод позволяет выбрать и обосновать эффективную комплексную механизацию путем определения энергопоглощения в технологических процессах. Основными недостатками данного метода являются непостоянство свойств горной породы из-за воздействий окружающей среды, например, связность горной породы, и значительное влияние вида технологических потоков (рудные, угольные) на критерии оценки.

Еще одним методом оценки можно считать *народнохозяйственный*, цель которого соблюдение общенациональных интересов. Среди них:

- максимальное обеспечение отечественных предприятий минеральным сырьем;
- комплексное использование всех полез-

ных компонентов месторождения;

оптимизация всех звеньев производственного процесса (разведка, добыча, обогащение, металлургический передел) с целью достижения максимального экономического эффекта.

По мнению Ю. А. Соколовского [Соколовский, 1989] при оценке эффективности добычи полезных ископаемых необходимо исходить из социальных принципов, что и будет определять методологию данной оценки. К данным принципам можно отнести:

принцип общественной потребности в минеральном сырье;

принцип полноты использования недр;

принцип рентабельности отработки месторождения в целом;

принцип безубыточности геологических блоков.

Рассматривая непосредственно экономическую оценку, согласно мнению С. Я. Кагановича, она имеет два вида: геолого-экономическую и стоимостную оценку [Каганович, 1991]. *Стоимостная оценка* подразумевает под собой денежное выражение таких категорий как значение месторождения для общественности, кадастровый учет полезных ископаемых, уровень национального богатства, планирование и проектирование деятельности предприятий соответствующей сферы, количество и эффективность использования новых технологий, размер ренты, санкций и экологических выплат, определение рациональных соотношений основных видов природопользования.

Стоимостная оценка дополняет *геолого-экономическую оценку*, главная роль которой определяется максимальным удовлетворением потребностей государства в природных ископаемых при минимальных затратах на получаемые из них конечные продукты. Основой геолого-экономической оценки является технико-экономическое обоснование временных кондиций, выполняемого в виде технико-

² Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2004 г. «873 «Об утверждении Положения о возмещении расходов государства на поиски и оценку полезных ископаемых при предоставлении права пользования участком недр в целях разведки и добычи полезных ископаемых в случае установления факта открытия месторождения полезных ископаемых пользователем недр, проводившим работы по геологическому изучению участка недр за счет собственных (в том числе привлеченных) средств». URL: http://geol.irk.ru/isr/plat_post_873.shtml

³ Анистратов Ю.А., Конопелько С.А. Метод оценки эффективности систем разработки месторождений полезных ископаемых / Горный журнал. URL: <https://mining-media.ru/ru/article/ogr/2059-metod-otsenki-effektivnosti-sistem-razrabotki-mestorozhdenij-poleznykh-iskopaemykh>.

экономического обоснования промышленного значения месторождения.

Следует отметить, что именно экономическая оценка получила наибольшее распространение в современных условиях. К такой оценке можно отнести затратный, доходный и сравнительный подходы, позволяющие комплексно провести анализ и оценить эффективность проектов.

Наиболее распространенным и востребованным подходом является *доходный метод*, что связано с тем, что он отражает основную цель деятельности предприятия – получение прибыли. Данный метод основан на определении перспективного денежного потока, используется для построения прогноза деятельности предприятия и позволяет оценить существующие риски, тем самым провести полную и комплексную технико-экономическую оценку. Расчет перспектив осуществляется двумя способами: методом капитализации и методом дисконтированных денежных потоков.

Метод капитализации используется на стабильно функционирующих предприятиях с устойчивыми финансовыми показателями. Как правило, при капитализации дохода учитываются абсолютно все показатели. Данный метод позволяет сохранить имеющиеся показатели в долгосрочном периоде: чистая прибыль без вычитания налогов в дальнейшем переходит в стоимость за счет деления на ставку капитализации.

Необходимо отметить, что из-за высокودинамичности развития добывающих предприятий, которые работают в условиях нестабильности и постоянной изменчивости условий функционирования (зависит от этапа и сложности добычи сырья), данный метод, с учетом волатильности цен на производимую продукцию, не всегда рационален в применении, так как предприятия зачастую предусматривают динамику развития, включая изменение объемов добычи, включение в отработку новых участков и т. д.

В подобной ситуации целесообразно использование *метода дисконтированных денежных потоков*. Он позволяет осуществить построение долгосрочных моделей денежных потоков, которые основываются на производственных планах компании. Метод учитывает различные изменения показателей на всех производствен-

ных фазах и на основе этого прогнозирует возможную динамику цен на продукцию. При оценке эффективности добычи в качестве ставки дисконтирования обычно используется WACC (средневзвешенная стоимость капитала) с учетом специфических рисков, характеризующих данный проект.

Необходимо отметить, что прогнозная модель строится как в реальных (текущих) ставках, так и в номинальных. Последняя учитывает перспективную инфляцию, а также инфляционный рост цен на материалы, электроэнергию и другие базовые параметры, влияющие на экономическую оценку.

Номинальная модель более объективна и оценивает будущие изменения в разрезе реального времени, что позволяет оценить ожидания от разработки месторождения. Однако неоднозначность прогноза изменения цен может привести к искажению конечного результата за счет неточных цен.

Данный метод достаточно трудоемкий и требует комплексного анализа всех существующих показателей. Как правило, метод дисконтированных денежных потоков является основным индикативом, позволяющим учесть экономический потенциал разрабатываемых месторождений.

Применение того или иного подхода при построении модели денежных потоков зависит от целей оценки эффективности добычи, а также от предпочтений исполнителя и заказчика. В реальности предприятия используют реальные ставки с целью снижения недостоверной информации и упрощения анализа влияния показателей проекта на его эффективность на различных этапах реализации.

Главным недостатком доходного подхода является то, что в процессе прогнозирования устанавливаются различные ограничения, носящие условный характер, а также долгосрочное прогнозирование носит маловероятностный характер в силу недостаточной стабильности экономики.

Затратный подход основывается на возможности полного возмещения убытков и всех затрат, которые были понесены в процессе создания и ввода в эксплуатацию месторождения и является наиболее достоверным. По своей структуре затратный метод включает ряд методов:

метод накопления чистых активов позволяет определить стоимость планируемых проектных мероприятий по разработке и добыче месторождения путем вычитания из рыночной стоимости всех активов стоимости и обязательств. Данный метод используется для развивающихся компаний;

метод скорректированной балансовой стоимости используется для проведения анализа и последующей (при необходимости) корректировке баланса по состоянию с целью дальнейшего суммирования всех активов за вычетом задолженностей и обязательств. Его актуальность и востребованность исходит от постоянно изменяющейся рыночной конъюнктуры;

метод замещения определяет расходы, полезность и необходимость в оборудовании на основе сопоставления с аналогичными показателями действующих предприятий. При реализации данного метода вносятся поправки на физический, функциональный и моральный износ, а также учитывается специфика объекта;

метод ликвидационной стоимости предприятия – метод, с помощью которого проводится оценка разницы между дисконтированной выручкой от продажи активов и дисконтированными затратами на ликвидацию предприятия, а также величиной всех обязательств на дату оценки. Как правило, затраты, связанные с ликвидацией предприятия, включают в себя административные издержки, в том числе выходные пособия.

К недостаткам затратного подхода можно отнести то, что не учитывается возможная перспектива доходности осуществления деятельности, а также несоответствие затрат рыночной стоимости объекта.

Сравнительный подход к оценке бизнеса предполагает при расчетах использовать сведения о компаниях, которые похожи на ту, что оценивается. Цена бизнеса определяется в зависимости от того, за какую сумму на рынке продаются похожие компании. Поэтому здесь важна достоверность информации о компаниях-конкурентах. Компаний-близнецов на рынке очень мало, поэтому сравнительный подход к оценке бизнеса эксперты применяют достаточно редко. Но если принимается такое решение, актуальны

следующие методы.

В сравнительном подходе выделяют следующие основные методы:

метод рынка капитала характеризуется применением котировок акций на биржах и рынках. Оценка происходит через рыночные мультипликаторы – коэффициенты, показывающие соотношение между рыночной ценой предприятия или ценой одной акции и финансовыми показателями;

метод сделок применяется для оценки контрольных пакетов акций аналогичных компаний. Необходимо учитывать завышенность или заниженность цен на подобные предприятия вследствие давления крупных холдингов или государства с целью обеспечения независимым источником сырья;

метод отраслевых коэффициентов (метод мультипликаторов) базируется на соотношении между ценой, финансовыми и технико-экономическими показателями и определяет эффективность добычи путем приведения аналога через корректирующие коэффициенты к сопоставимости со сравниваемым бизнесом. В качестве таких показателей может использоваться себестоимость, рентабельность, прибыль и выручка. Метод довольно сложный и затратный из-за широкой базы параметров, влияющей на объективность сопоставления, и необходимости специальных знаний для полноценного их использования.

Сравнительный метод в современных экономических условиях получил развитие в виде *стохастического метода и метода опционов*. Данные методы совмещают элементы сравнительных и доходных подходов.

В основе первого лежит прогноз технико-экономических показателей, на базе которого происходит построение модели денежных потоков исходя из производственных показателей проектов-аналогов. Здесь формируются различные сценарии развития компании с определением наиболее вероятного и оптимального.

Метод опционов позволяет смоделировать прогноз экономической деятельности на основе подхода, предполагающего гибкость поведения собственника при меняющихся внешнеэкономических условиях.

При проведении оценки эффективности в добывающей промышленности ис-

пользуются затратный и доходный подходы, применение сравнительного подхода затруднительно в связи с уникальностью каждого месторождения как с геологической, технологической, природной, так и с ресурсной позиции.

Вывод. Таким образом, подводя итог можно отметить, что существует множество различных методов оценки эффективности добычи полезных ископаемых. Как правило, выбор того или иного метода зависит от цели добывающего предприятия, наличия информации и условий функционирования.

Однако в условиях современной экономической нестабильности особое внимание должно уделяться экономическим методам, позволяющим не только оценить возможную эффективность добычи, но и спрогнозировать прибыль, выявить риски и тенденции развития.

Список литературы:

1. Агошков М. И. Экономическая оценка эффективности геологоразведочных работ. М.: Недра, 1980, 519 с.
2. Александров О. В., Добролюбова Е. И., Старостина А. Н. О развитии минерально-сырьевой базы общераспространенных полезных ископаемых в субъектах российской федерации // Разведка и охрана недр. № 4, 2017. С. 39–42.
3. Александрова Т. В. О методах оценки эффективности инновационных проектов. Стратегическое и проектное управление. М.: Альфа., 2015, С. 5–10.
4. Афанасьев С. М. Территории традиционного природопользования: ограничения развития или факторы экономического роста? Арктика: экология и экономика. М.: Сибирь, № 2 (26), 2017. С. 4–16.
5. Бересневич П. В. Аэрология карьеров. М.: Недра, 1990, 280 с.
6. Богданов Д. С. Стоимостная оценка запасов полезных ископаемых в составе системы национальных счетов // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. № 3. 2016. С. 30–35.
7. Быбочкин А. М., Калюжный С. В. Теоретические и методические основы кондиций // Разведка и охрана недр. № 10. 1983. С. 32–41.
8. Ваславская И. Ю. Методы оценки эффективности проектов государственного партнерства российская практика // Науковедение. Том 8. № 2. 2016. С. 45–55.
9. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2004. 576 с.
10. Гатов Т. А. Рациональное использование месторождений цветных металлов. М.: Недра, 1980. 311 с.
11. Герт А. А. Методика геолого-экономической оценки ресурсов и ее применение для углеводородного сырья Восточной Сибири // Минеральные ресурсы России: Экономика и управление. № 2. 2015. С. 31–41.
12. Горлов В. Д. Рекультивация земель на карьерах. М.: Недра, 1991. 262 с.
13. Гудалин Г. Г. Предпроектная оценка экономической оценки добычи полезных ископаемых. М.: Недра, 1967. 258 с.
14. Давыдов А. В. Методический подход к геолого-экономической оценке сложно извлекаемых запасов газа на примере месторождений ПАО «Газпром» в западной Сибири // Минеральные ресурсы России: Экономика и управление. № 2. 2019. С. 53–58.
15. Дадыкин В. С. Геолого-экономическая оценка месторождений твердых полезных ископаемых Брянской области: автореф. дисс. на соискание ученой степени д-ра экон. наук. Якутск, 2018, 49 с.
16. Дергачева А. Л. Финансово-экономическая оценка минеральных месторождений. М.: МГУ, 2017, 114 с.
17. Докучаев В. В. Избранные труды. Москва: Изд-во: Акад. наук СССР., 1949. 321 с.
18. Жаворонкова И. П. Экономические вопросы улучшения использования минерально-сырьевых ресурсов. М.: Наука, 1973, 765 с.
19. Каганович С. Я. Воспроизводство минерально-сырьевой базы. М.: Недра, 1991, 345 с.
20. Каждан А. Б., Кобахидзе Л. П. Геолого-экономическая оценка месторождений полезных ископаемых. М.: Недра, 1985. 411 с.
21. Канторович Л. В. Математическое оптимальное программирование в экономике. М.: Знание, 1982. 95 с.
22. Крейтер В. М. Поиски и разведка месторождений полезных ископаемых.

Том 2. Издание 2. М.: 1961. 390 с.

23. Кузьмин Е. В., Хайрутдинов М. М., Зенько Д. К. Основы горного дела, М.: ООО «АртПРИНТ+», 2007, 472 с.

24. Кябби М. Э. Экономический механизм комплексного освоения недр. М.: Недра, 1984, 489 с.

25. Лисов В. И. Показатели добавленной стоимости для экономической оценки освоения месторождений полезных ископаемых. Известия высших учебных заведений // Геология и разведка. № 6. 2015. С. 90–96.

26. Мелехин Е. С. К вопросу использования геолого-экономических оценок при обосновании процессов геологического изучения недр // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. № 2. 2017. С. 68–72.

27. Миляев Д. В. Аналоговые измерительные устройства: учеб. пособие. Томск: Изд-во ТПУ, 2-е изд., 2013. 251 с.

28. Немчинов В. С. Теоретические вопросы рационального размещения производительных сил // Вопросы

экономики. 1961. № 6. С. 67–71.

29. Потравный И. М. Оптимизация использования ресурсов техногенных месторождений с учетом факторов неопределенности // Экономика региона. Том 13. 2017. С. 1280–1290.

30. Соколовский Ю. А. Экономика разведки, добычи и оценки недр. М.: Недра, 1989. 501 с.

31. Соловьева Е. А. Экономическая эффективность использования недр. М.: Недра, 1980. 290 с.

32. Томаков П. И. Технология, механизация и организация открытых горных работ. М.: МГИ, 1994. 462 с.

33. Фейтельман Н. Г. Экологическое оздоровление экономики. М.: Наука, 1994. 356 с.

34. Ферсман А. Е. Избранные труды. М.: Изд-во АН СССР. Т. 3, 1955. 798 с.

35. Хохряков А. В. Рациональное землепользование в цветной металлургии // Горный журнал. № 6. 1993. С. 117–125.

36. Шувалов Ю. В., Азимов Р. А. Горное дело, окружающая среда и человечество. СПб.: СПГИ (ТУ), 2003. 160 с.

Библиографическое описание статьи

Колокольцева А. В. Современные подходы к оценке эффективности добычи полезных ископаемых // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 1 (94). С. 227–235. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-228-236

Alla V. Kolokoltseva – post-graduate student, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА (33, Str. Muravyev-Amurskiy, Khabarovsk, 680000, Russia). E-mail: komaga10@mail.ru

Modern approaches to evaluating the efficiency of mining

Russia is the largest country in the world and occupies one of the leading places on the planet in terms of natural resources, but the bulk of deposits were explored to some extent more than a quarter of a century ago, back in the Soviet era. Due to the changes in the sources of financing for the reproduction of mineral resources and geological exploration of the subsurface, qualitative and quantitative indicators are reduced by an order of magnitude, which leads to greater risks in the development of mineral deposits. Even despite the large number of scientific papers, the economic situation forces us to search for more modern and multi-parametric methods for evaluating the efficiency of mining. The article considers the main economic methods for evaluating the efficiency of mining, determines their essence and application features. On the basis of conducted analysis, disadvantages and advantages of using the studied methods were identified, and the author's interpretation of the economic assessment of efficiency of mining resources was given.

Keywords: minerals, production, economic efficiency, potential opportunities, profit.

References:

1. Agoshkov M. I. Economic assessment of the effectiveness of geological exploration works. Moscow: Nedra, 1980, 519 p. (In Russian).
2. Aleksandrov O. V., Dobrolyubova E. I., Starostina A. N. On the development of the mineral resource base of common minerals in the constituent entities of the Russian Federation *Razvedka i okhrana nedr* [Exploration and conservation of mineral resources], no. 4, 2017, pp. 39–42. (In Russian).
3. Aleksandrova T. V. On methods of assessing the effectiveness of innovative projects. Strategic and project management. M.: Alpha., 2015, pp. 5–10. (In Russian).
4. Afanasyev S. M. Territories of traditional nature management: development restrictions or factors of economic growth? Arctic: ecology and economics. Moscow: Siberia, no. 2 (26), 2017, pp. 4–16. (In Russian).
5. Beresnevich P. V. Aerology of quarries. Moscow: Nedra, 1990, 280 p. (In Russian).
6. Bogdanov DS Cost assessment of mineral resources in the system of national accounts *Mineral'nyye resursy Rossii. Ekonomika i upravleniye* [Mineral resources of Russia. Economics and Management], no. 3, 2016, pp. 30–35. (In Russian).
7. Bybochkin A. M., Kalyuzhny S. V. Theoretical and methodological foundations of conditions *Razvedka i okhrana nedr* [Exploration and conservation of mineral resources], no. 10, 1983, pp. 32–41. (In Russian).
8. Vaslavskaya I. Yu. Methods for evaluating the effectiveness of public-private partnership projects, Russian practice *Naukovedeniye* [Science of Science], vol. 8, no. 2, 2016, pp. 45–55. (In Russian).
9. Vernadsky V. I. Biosphere and no-osphere. M.: Ayris-press, 2004. 576 p. (In Russian).
10. Gatov T. A. Rational use of non-ferrous metal deposits. Moscow: Nedra, 1980. 311 p. (In Russian).
11. Gert A. A. Methods of geological and economic assessment of resources and its application for hydrocarbon raw materials in Eastern Siberia *Mineral'nyye resursy Rossii: Ekonomika i upravleniye* [Mineral resources of Russia: Economics and management], no. 2, 2015, pp. 31–41. (In Russian).
12. Gorlov V. D. Reclamation of lands in quarries. Moscow: Nedra, 1991. 262 p. (In Russian).
13. Gudalin G. G. Pre-design assessment of the economic assessment of mining. Moscow: Nedra, 1967. 258 p. (In Russian).
14. Davydov A. V. Methodical approach to geological and economic assessment of difficult-to-recover gas reserves on the example of PJSC Gazprom fields in western Siberia *Mineral'nyye resursy Rossii: Ekonomika i upravleniye* [Mineral resources of Russia: Economics and management], no. 2., 2019, pp. 53–58. (In Russian).
15. Dadykin VS Geological and economic assessment of solid mineral deposits in the Bryansk region: author. diss. for the degree of Doctor of Economics. sciences. Yakutsk, 2018, 49 p. (In Russian).
16. Dergacheva A. L. Financial and economic assessment of mineral deposits. M.: MGU, 2017, 114 p. (In Russian).
17. Dokuchaev V. V. Selected works. Moscow: Publishing house: Acad. Sciences of the USSR., 1949. 321 p. (In Russian).
18. Zhavoronkova I. P. Economic issues of improving the use of mineral resources. Moscow: Nauka, 1973, 765 p. (In Russian).
19. Kaganovich S. Ya. Reproduction of the mineral resource base. M.: Nedra, 1991, 345 p. (In Russian).
20. Kazhdan A. B., Kobakhidze L. P. Geological and economic assessment of mineral deposits. Moscow: Nedra, 1985. 411 p. (In Russian).
21. Kantorovich L. V. Mathematical optimal programming in economics. Moscow: Knowledge, 1982. 95 p. (In Russian).
22. Crater V. M. Search and exploration of mineral deposits, vol. 2. Edition 2. M.: 1961. 390 p. (In Russian).
23. Kuzmin E. V., Khairutdinov M. M., Zenko D. K. Fundamentals of mining, Moscow: OOO ArtPRINT +, 2007, 472 p. (In Russian).
24. Kyabbi M. E. Economic mechanism of complex development of mineral resources. Moscow: Nedra, 1984, 489 p. (In Russian).
25. Lisov V. I. Indicators of value added

for the economic assessment of the development of mineral deposits. Proceedings of higher educational institutions *Geologiya i razvedka* [Geology and exploration], no. 6. 2015, pp. 90–96. (In Russian).

26. Melekhin E. S. On the use of geological and economic assessments in the substantiation of the processes of geological study of mineral resources *Mineral'nyye resursy Rossii. Ekonomika i upravleniye* [Mineral resources of Russia. Economics and Management], no. 2, 2017, pp. 68–72. (In Russian).

27. Milyaev D. V. Analog measuring devices: textbook. allowance. Tomsk: TPU Publishing House, 2nd ed., 2013. 251 p. (In Russian).

28. Nemchinov V. S. Theoretical questions of the rational distribution of productive forces *Voprosy ekonomiki* [Problems of Economics], 1961, no. 6, pp. 67–71. (In Russian).

29. Potravny I. M. Optimization of the use of resources of technogenic deposits taking into account uncertainty factors //

Economy of the region. Volume 13.2017, pp. 1280–1290. (In Russian).

30. Sokolovsky Yu. A. Economics of exploration, production and evaluation of mineral resources. Moscow: Nedra, 1989.501 p. (In Russian).

31. Solovyova E. A. Economic efficiency of the use of mineral resources. Moscow: Nedra, 1980.290 p. (In Russian).

32. Tomakov PI Technology, mechanization and organization of open pit mining. Moscow: MGI, 1994.462 p. (In Russian).

33. Feitelman NG Ecological improvement of the economy. Moscow: Nauka, 1994. 356 p. (In Russian).

34. Fersman AE Selected Works. M : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, vol. 3, 1955, 798 p.

35. Khokhryakov A. V. Rational land use in nonferrous metallurgy *Gornyy zhurnal* [Mining journal], no. 6, 1993, pp. 117–125. (In Russian).

36. Shuvalov Yu. V., Azimov RA Mining, environment and humanity. SPb.: SPGGI (TU), 2003.160 p. (In Russian).

Reference to the article

Kolokoltseva A. V. Modern approaches to evaluating the efficiency of mining // Power and Administration in the East of Russia. 2021. No. 1 (94). Pp. 228–236. DOI 10.22394/1818-4049-2021-94-1-228-236

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2021 г. № 1 (94)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 30.03.2021 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 13,5

Учетн.-изд. л. – 16,1

Тираж – 500 экз.

Заказ № 6

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33.
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
